

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРИОКСКИЕ ЗВЕРИ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2012

**ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:**

**Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)**

**Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии**

**Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии**

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ
В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ
2012 — 4(29)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

О новой дискуссии и «мелочах» литературной жизни..... 3
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РУССКОГО СОВЕТСКОГО ПОЭТА

Ярослав Смеляков. Стихотворения..... 9
Николай Боев. Державный поэт. Ярослав Смеляков в Новомосковске..... 15
Игорь Карлов. «Все мы стоим того, что мы стоим...»..... 55
Наталья Валентинова. Слово о Ярославе Смелякове..... 63

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Эдуард Георгиевский. Литература и жизнь..... 65
Павел Басинский. Сегодня серьезному писателю очень трудно выйти к читателю..... 69

ПЬЕСА

Рагим Мусаев. Курица..... 77

ПОВЕСТЬ

Наталья Квасникова. Горизонт за карнизом..... 86

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Елена Хисамова. Химера..... 132
Яков Шафран, Андрей Каретников. Главы из нового романа «Круг замкнулся»..... 135
Алексей Яшин. Первый после боцмана (Морская быль)..... 143
Олег Корниенко. Рассказы..... 147
Иван Павлов. Беседы о Достоевском..... 157
Геннадий Маркин. Заплеванная старость и невоспитанные дети..... 164
Наталья Кожемяко. Раскаяние..... 167

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валентин Киреев. Добытчики..... 170
Александр Хадарцев. Опять..... 182
Владимир Резцов. Песня о Гришке Отрепьеве (Отрывок из исторической поэмы)..... 187
Игорь Мельников. Ребенок..... 192
Вера Абакумова. Ирина..... 196

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер. Промеж двух капитанов..... 199

Ирина Стругова-Неверова. Берегите себя.....	201
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ	
Александр Захарченко. Март — начало вёсен.....	205
Зинаида Кузнецова. Чай вдвоем.....	208
Михаил Тарковский. Вековечно.....	213
ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»	
Елена Перепелкина. Рассказы.....	217
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Валерий Маслов. Гений мировой литературы.....	224
Николай Макаров. Записки батальонного врача.....	229
Людмила Авдеева. Живут во мне воспоминания.....	237
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ	
Материалы всероссийской и международной дискуссии «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики (аналоговое и цифровое мышление).....	243
Ярослав Брагин. Душа, любовь и боль (О стихах Сергея Лебедева).....	264
Валерий Богушев. Книга о великом идеалисте.....	268
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	270

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы не принимаются.

Вниманию читателей: журнал распространяется бесплатно по библиотечной сети.
 Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: *priok.zori@mail.ru*, (4872)35-06-73

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Первый зам. главного редактора Виктор ПАХОМОВ (Тула)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Вячеслав БОТЬ (Тула)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Валерий ГАНИЧЕВ (Москва), председатель
 Правления Союза писателей России
 Виктор ГРЕКОВ (Белев)
 Наталья КВАСНИКОВА (Москва) — зав.
 отделом публицистики и литературоведения
 Ирина КЕДРОВА (Москва) — зав. отделом
 критики
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом
 литературы Поволжья
 Геннадий МАРКИН (Щекино) — отв. секретарь
 Игорь НЕХАМЕС (Москва)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Наталия ПАРЫГИНА (Тула)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав.
 отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Калининград) — зав. отделом
 поэзии
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Валентин СОРОКИН (Москва) — проректор
 Литинститута им. А. М. Горького по ВЛК
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва), вице-президент
 Академии российской литературы

Зав. редакцией Яков ШАФРАН (Тула)
 Секретарь редакции Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Технический редактор Олеся ЯНГОЛ (Латвия)

Информационная поддержка:

— *Литературное агентство «Московский Парнас»*
 — журнал «Подъем» (Воронеж)
 — «Литературная газета»
 — газета «Российский писатель»
 — газета «Щекинский вестник»
 — газета «Слобода» (Тула)
 — газета «Тульская правда»
 — газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульской писательской организации Союза писателей России.

Учредитель: ООО Издательство «Неография». Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 71-00079 от 05.03.2009 Управления ФС по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций по Тульской области

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: www.medtsu.tula.ru (в PDF формате)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

О НОВОЙ ДИСКУССИИ И «МЕЛОЧАХ» ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Читатель, наверное, уже привык к тому, что за последние полтора-два года мы посвящаем рубрику «Колонка главного редактора» одной определенной теме чисто литературного характера. Однако в завершающем год номере мы сочли целесообразным поговорить несколько в более общем плане, полифонично, раскрыть некоторые накопившиеся вопросы.

В настоящем номере мы публикуем материалы по новой дискуссии, объявленной «Приокскими зорями» в № 2/2012: «Что написано пером... «Бумажная» и «компьютерная» литература в свете психолингвистики».

В отличие от материалов по предыдущей дискуссии по «Манифесту нового русского критического реализма» (см. «ПЗ» № 4/2011) мы решили не комментировать присланные отклики, ограничиваясь кратким представлением авторов отзывов и откликов.

Причина следующая. Некоторые наши авторы и читатели заметили нам, что, комментируя материалы дискуссии, мы как бы «укладываем» авторов откликов в прокрустово ложе литературной идеологии «Приокских зорь». Ни много, ни мало...

Может они в чем-то и правы, хотя ретиво исполнять (малочисленные) рекомендации этих читателей — значит уподобиться одному из персонажей мудреца Ходжи Насреддина. Вспоминается мое северное детство. В доме имелся патефон и кипа пластинок, преимущественно с фольклорными записями. Очень мы, малые ребята, любили слушать песню о старике, его внуке и молодом ослике. Передадим ее содержание в прозе.

В базарный день дед с внуком пошли из своего кишлака в соседний город продавать урюк, мешки с которым навьючили на молодого ослика.

Удачно расторговавшись, двинулись в обратный путь, который лежал через три кишлака. В первый из них дед въехал верхом на ослике, а мальчик шел рядом, собирая букет из маков — не для наркоты, но для подарка матери... В кишлаке, как принято в Азии, все жители толпились на улице, напившись от пуза в чайхане кок-чаю, и живо обсуждали все, что вокруг них происходило. Далее припев: «Вот и смеется, хохочет народ: старый едет, а малый идет!»

Перепуганный мнением азиатского электората, при въезде в следующий кишлак дед усадил на ослика внука, а сам двинул

пехотурой. Припев: «Вот и смеется, хохочет народ: малый едет, а старый идет!»

Совсем потерялся дед, и при въезде в третий кишлак взгромоздил ослика себе на спину. Припев: «Вот и смеется, хохочет народ: старый осел молодого везет!»

...Вообще говоря, с осликами (как и с котами) шутить опасно. Вот и в последней президентской кампании наш уважаемый постоянный автор Владимир Вольфович Жириновский потерял некоторое число голосов из-за того, что ввел в телевизионный агитационный материал ослика из своей дачной конюшни. Сердобольным от природы женщинам не понравилось невежливое обращение с этим замечательным и полезным в хозяйстве животным. Мужики же, смотрящие телевизор по вечерам «между первой и второй промежуток небольшой», просто не поняли смысл заложенного в видеоролике. Увы, авторы этого агитматериала слишком переоценили самодостаточность мышления современного российского электората.

...Мы осликов не трогаем, но все же приводим в этом номере материалы дискуссии без комментариев. Однако, чтобы *point sur les «i»* в дискуссии, попросим нового члена редколлегии «Приокских зорь», зав. отделом публицистики и литературоведения Наталью Валентиновну Квасникову (г. Москва) подготовить для «ПЗ» № 1/2013 обзор-резюме по материалам дискуссии.

Что-то на этот раз скажут дехкане из кишлаков Ходжи Насреддина?

Кстати, публикацию материалов дискуссии мы уже начали в предыдущем номере «Приокских зорь» — свое мнение высказал в интервью нашему журналу Владимир Вольфович. И мы здесь скажем несколько слов на эту тему; так сказать, въедем в первый кишлак...

К сожалению, большинство авторов откликов слишком прямолинейно поняли исходный материал для дискуссии, не обратив внимания на то, что слова «бумажная» и «компьютерная» (литература) не случайно поставлены в заголовок в кавычках. ...Или не особо вчитывались в содержание нашего материала. И вовсе не обратили внимание на подзаголовок: «В свете психолингвистики».

...То есть большинство поняли определяющие слова «бумажная» и «компьютерная» буквально (без кавычек): бумажная — значит напечатанная на бумаге, компьютерная — значит записанная на электронном носителе.

Очень жаль, что в таком толковании исчезает сам предмет дискуссии. Совсем не удивительно, что так считают авторы откликов из дальнего Зарубежья: они давно живут в глубоко глобализованном мире, где неординарно мыслить просто неприлично: за всех думают СМИ — рупор предельной глобализации; см. знаменитый роман Джорджа Оруэлла «1984» и еще более знаменитую — прямо в контексте дискуссии вещь Рея Бредбери «451 градус по Фаренгейту»...

* Поставить точку над «i» (фр.).

...Пусть не обижаются наши зарубежные авторы, но из песни слов не выкинешь, тем более — «плоды холодных размышлений». Не их личная вина в этом, но ничем не остановимый процесс ноосферного (постбиологического) этапа эволюции человека.

Более «обидные» слова мы могли бы сказать о наших соотечественниках, ибо Россию только-только начала затягивать петля глобализации. Ведь две трети нынешних жителей России получили лучшее в мире советское образование и приобрели навыки объективного мышления. Кстати говоря, «партийные молитвы» в СССР 60—80-х годов были здесь не помехой, но некоей условностью. Да и сама КПСС к этому времени выродилась, но оставался стержень нашей жизни — советская власть — гениальная форма народовластия, разработанная и претворенная в реальность Лениным и Сталиным. Какие бы сказки о полезном не сочиняли нынешние потомки разгромленных им троцкистов и просто малоумные люди...

...И вот наши авторы, сплошь из этих двух третей населения, не захотели вникнуть в суть содержания «Что написано пером...». Вдвойне, тройне жаль!

Ведь речь-то в нашем очерке шла вовсе не о том, на каком материальном носителе пишется и читается литературное произведение: на глиняных табличках царя Хаммурапи, на пергаменте, на финской бумаге, на экране монитора...— Все в соответствии с достижениями неостановимого прогресса. Речь шла о том феномене современного общения людей, в частности, в форме художественной литературы, который можно назвать как все ускоряющийся переход *homo sapiens* от аналогового мышления к цифровому, то есть компьютерному. Вот где «скульпс зарыт»!

Мы поначалу так и хотели обозначить название материала, но поопасались отпугнуть читателя подобными «технизмами». Может и зря поопасались...

Переход от аналогового к компьютерному мышлению есть феномен глобального характера, отображающий смену этапов эволюции человечества. Последнее семимильными шагами отходит от биологического, биосферного этапа и вступает в постбиологический, ноосферный этап. В политике и экономике это же соответствует мировой глобализации.

Все остальное о кардинальном различии аналогового и компьютерного мышления, соответственно о различии соответствующего им литературного творчества, подробно рассмотрено в «Что написано пером...». Питаем надежду, что, прочитав приведенное выше уточнение-пояснение, наш уважаемый читатель более адекватно воспримет и материалы дискуссии. Этим пока и ограничимся.

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения (26.XII.1912 по ст. стилю) выдающегося советского поэта Ярослава Смелякова, чья жизнь и творчество связаны с тульской землей — со строительством центра тульской большой химии — города Сталиногорска, ныне Новомосковска, и его химиче-

ского комбината, ныне работающего на «Проктор энд гэмбл»... В настоящем номере помещен обширный материал, посвященный поэту. Мне, как лауреату литературной премии имени Ярослава Смелякова, особенно приятно сообщить об этом разделе «Приокские зори».

Полагаем, что читатель обратил уже внимание: в третьем и четвертом номерах журнала отсутствуют материалы к 200-летию Бородинского сражения. Прокомментируем этот момент.

Во-первых, о Бородинском сражении и Отечественной войне 1812-го года в русской литературе все уже сказано: от лихого гусара — поэта Дениса Давыдова до «Войны и мира» Льва Толстого. А пересказывать всем известное — дело малоблагодарное...

Во-вторых, похоже наши СМИ собираются сделать из годовщины битвы парад-алле-официоз. Наш журнал никогда не следовал в фарватере СМИ...

В-третьих и в-основных: при всех своих достоинствах советское образование — школьное и высшее — давало тенденциозное понимание истории, ибо этот предмет и наука со времен комиссии Луначарского - Крупской были причислены к лику партийных, политических. Поясним этот тезис.

Сейчас принята формула: три ратных поля России — Куликово, Бородинское и Прохоровское. Не все составляющие этой формулы равнозначны. Действительно, Куликовская битва и танковое сражение под Прохоровкой — в рамках Курской битвы — имели далеко идущие, общегосударственные, в определенном смысле и мировые последствия.

С победы на Куликовом поле началось формирование Второй Руси — Московской. Опять же, корректируя официальную историю, не следует забывать: до Мамаева побоища шанс стать Второй Русью одинаково имели Московское княжество и княжество Литовское, то есть Белая Русь. Но в одночасье на Куликовом поле это не решилось. Дмитрий Донской разгромил не Золотую Орду, а ее противника — сепаратиста Мамаю. Как и в Ледовом побоище Александра Невского, хан Золотой Орды послал на помощь Дмитрию Донскому, как князю союзного государства Улус Джучиев, татарскую конницу.

Но когда Москва, воодушевленная разгромом Мамаю, потребовала прекратить выплату дани, то есть налога в общегосударственный союзный бюджет, хан Тохтамыш тотчас послал в Улус Джучиев татарскую конную налоговую полицию, которая и сожгла Москву...

И еще сто лет Московская Русь оставалась в составе Золотой Орды — до противостояния на Угре в 1480 году.

Вообще говоря, каждый может исправить огрехи школьного образования в части золотоордынского периода истории Руси, читая труды Льва Николаевича Гумилева, «Память» Чивилихина и «Аз и Я» Олжаса Сулейменова... до сих пор не могу вычислить: кто «зачитал» у меня эту книгу с дарственной надписью автора.

Прохоровское танковое сражение решило исход Курской битвы и далее по цепочке: победу Советского Союза в Великой Отечественной войне и весь исход Второй мировой войны, а в итоге — создание Сталиным сверхдержавы СССР.

...А вот с Бородинским сражением намного сложнее. Несомненно только исключительный героизм русской армии. Впрочем, и армии Наполеона тоже. Но существует военная доктрина: победившей в сражении армией считается та, которая не отступила с поля боя. А с этого поля ушла-то русская армия!

...Кстати, перечитав в свое время массу источников по войне 1812-го года, так и не смог составить для себя представление: чем занималась русская армия в период времени от Бородинского сражения до арьергардных боев на Березине? И Лев Толстой в «Войте и мире» как-то обошел этот момент.

А из (замечательных) советских фильмов об Отечественной войне 1812-го года следует, что все это время лихие гусары гостевали по усадьбам провинциальных помещиков, пили шампанское, пели под гитару и радостно приветствовали иззябших французских офицеров, приводимых мужиками с вилами.

И в Париж в 1814-м году русская армия вошла как составная часть австро-прусско-русской коалиции. Добивали же Наполеона под Ватерлоо — без участия русской армии — английская пехота с шотландской конницей Веллингтона и пруссаки Блюхера.

Здесь многое упирается в фигуру Александра Первого — отцеубийцы и одного из самых бездарных русских царей.

Именно он, меняя главнокомандующих русской армией, допустил французов до Москвы, «подставив» Кутузова — выдающегося ученика генералиссимуса Суворова.

Но война с Наполеоном в России есть всего лишь эпизод в общей политике этого царя, которая в европейском масштабе вся была направлена против интересов России.

Совершенно правильно охарактеризовал царя Пушкин в наброске главы, не вошедшей в «Евгения Онегина»: «Властитель слабый и лукавый над нами царствовал тогда... Плешивый щеголь, враг труда».

Никто из самодостаточно мыслящих людей сейчас не сомневается, что Великая Французская революция 1789-го года, а также двадцатилетние наполеоновские войны были следствием выхода на мировую арену доселе тайного мирового масонства. В определенном смысле это было началом нынешней глобализации под руководством Тайного мирового правительства.

Задачей тогдашнего масонства была ликвидация монархического строя в Европе. Поскольку монархия во Франции была уничтожена в революцию, то Наполеону было «поручено» в революционных войнах уничтожить монархию в Австрии и Пруссии, а также организовать блокаду острова-крепости Англии.

Россию Наполеону предлагалось не затрагивать пока, ибо масоны, как люди очень умные, понимали, что Наполеон в России увязнет. С российским самодержавием предполагалось покончить позже и другим путем. Первой такой попыткой было неудачное восстание декабристов, сплошь масонов. Однако царь Александр намного менее умный, чем Наполеон, этого не понял и почти пятнадцать лет воевал с Наполеоном за интересы совершенно чуждой ему Австрии.

Наполеон делал вид, что он особо не замечает русские армии. Таким образом, и кампания 1799-го года, альпийский поход Суворова и все сражения на полях Европы русской армии в 1800-е годы были войной русской армии за интересы Австрии. Наполеону это надоело все-таки, и он сделал грозное предупреждение царю Александру. В то же время проводя в отношении России политику кнута и пряника. Очень умным шагом Наполеона явился Тильзитский мир с Россией, который почему-то в тогдашней России полагался позорным. Однако этот мир, в принципе, был для России очень полезным. Наполеон отказывался от всяких притязаний на Россию в обмен на нейтралитет последней: отказ от военной помощи Австрии и присоединение к континентальной блокаде Англии. А пряником же для России было присоединение к ней Финляндии, которую Наполеон приказал шведам отдать России.

...Опять же школьные наши учебники здесь все пишут неверно, почему-то приписывая присоединение Финляндии к России только решению Венского конгресса.

Александр не понял всей выгоды для России Тильзитского мира и периодически нарушал его условия. И Наполеон потерял терпение, решив наказать Россию. Так началась Отечественная война 1812-го года — только благодаря глупости Александра I.

Еще большая глупость этого неудачного царя проявилась после Венского конгресса, когда был образован Союз европейских монархий, в котором России отводилась неприглядная роль жандарма Европы. Здесь Россия нажила себе массовых исторических врагов, опять же сражаясь за интересы Австрии. В частности, жестоко подавив Венгерское восстание. С тех пор венгры — самые непримиримые наши враги. Помните, как у Горького старуха Изергиль говорит русскому собеседнику: «зачем вы, русские, так жестоко побили венгров?»

Подавление Венгерского восстания по заказу австрияков аукнулось нам в Великую Отечественную войну, когда Венгрия стала самым ярким союзником Германии. Вторая Венгерская армия активно участвовала в войне против СССР и почти два года сдерживала Красную Армию под Воронежем. Правда, вся она там и полегла.

Таким образом, в отличие от Куликовской битвы и танкового сражения под Прохоровкой, Бородинская битва выявила высочайший героизм русских солдат и офицеров, но в целом не имела никаких серьезных политических успехов для России.

...Как говорится, пусть не обижаются на нас ветераны вой-

ны 1812-го года.

В заключение «Колонки» скажем несколько грустных слов. Предыдущая Тульская администрация шесть лет отказывала нам в финансировании журнала. Теперь вожаки прежней администрации кто — на отсидке, кто — под домашним арестом, а прежний губернатор Дудка, с которым мы некогда работали в Конструкторском бюро приборостроения, он — старшим военпредом, я — начальником патентной службы, недавно был назван в СМИ одним из трех самых «неуспешных» губернаторов России, заняв почетное 2-е место между бывшим воронежским губернатором и курским губернатором Руцким...

Мы питали большие надежды на новую, нынешнюю тульскую администрацию. Но — увы... Если прежняя администрация хотя бы четко отвечала на наши письма, указывая, что денег для журнала нет и не будет, то нынешняя администрация даже не отвечает на наши письма.

Это мы так, о своем, о девичьем. Мы же поздравляем наших авторов и читателей с наступающим Новым годом!

...Просим обратить внимание на изменения в составе редколлегии журнала.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО СОВЕТСКОГО ПОЭТА ЯРОСЛАВА ВАСИЛЬЕВИЧА СМЕЛЯКОВА

От главного редактора. Сейчас, когда в СМИ уже двадцать лет из всех русских и советских поэтов упоминают — и то к случаю — только троих: Ахматову, Цветаеву и Мандельштама, иногда добавляя Бродского или Пастернака, имя выдающегося советского поэта Ярослава Смелякова уже совсем незнакомо молодым поколениям. Только выпускники советских школ помнят его замечательные стихи.

Вспомним их на страницах «Приокских зорь», дополнив материалами наших постоянных авторов к Юбилею поэта.

*Алексей Яшин,
лауреат литературной премии им. Ярослава Смелякова*

Ярослав Смеляков

СТИХОТВОРЕНИЯ

1 ЯНВАРЯ 1941 ГОДА

Так повелось, что в сентябре метели,
в глухой тиши декабрьских вечеров,
оставив лес, идут степенно ели
к далеким окнам шумных городов.

И, веселясь, торгуют горожане
для украшения жительниц лесных
базарных нитей тонкое сиянье
и грубый блеск игрушек расписных.

Откроем дверь: пусть в комнаты сегодня
в своих расшитых валенках войдет,
осыпан хвоей елки новогодней,
звоня шарами, сорок первый год.

Мы все готовы к долгожданной встрече:
в торжественной минутной тишине
покоем дышат пламенные печи,

в ладонях елок пламенеют свечи,
и пляшет пламень в искристом вине.

В преддверье сорок первого, вначале
мы оценить прошедшее должны.
Мои товарищи сороковой встречали
не за столом, не в освещенном зале —
в жестоком дыме северной войны.

Стихали орудийные ракеты,
и слушал затемненный Ленинград,
как чокались гранаты о гранату,
штыки о штык, приклады о приклад.

Мы не забудем и не забывали,
что батальоны наши наступали,
неудержимо двигаясь вперед,
как наступает легкий час рассвета,
как после вьюги наступает лето,
как наступает сорок первый год.

Прославлен день тот самым громким словом,
когда, разбив тюремные оковы,
к нам сыновья Прибалтики пришли.
Мы рядом шли на празднестве осеннем,
и я увидел в этом единенье
прообраз единения земли.

Еще за то добром помянем старый,
что он засыпал длинные амбары
шумящим хлебом осени своей
и отковал своей рукою спорой
для красной авиации — моторы,
орудия — для красных батарей.

Мы ждем гостей — пожалуйста учиться!
Но если новью воющая птица
с подарком прилетит пороховым —
сотрем врага. И это так же верно,
как то, что мы вступили в сорок первый
и предыдущий был сороковым.

ЗЕМЛЯ

Тихо прожил я жизнь человечью:
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю

эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее ничего не жалея,
я лишался покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей,
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как терн, и железным
даже окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что по лбу и по щекам прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

МАМА

Добрая моя мать. Добра, сердечна.
Приди к ней — увенчанный и увечный —
делиться удачей, печаль скрывать —
чайник согреет, обед поставит,
выслушает, ночевать оставит:
сама — на сундук, а гостям — кровать.

Старенькая. Ведь видала виды,
знала обманы, хулу, обиды.
Но не пошло ей ученье впрок.
Окна погасли. Фонарь погашен.
Только до позднего в комнате нашей
теплится радостный огонек.

Это она над письмом склонилась.
Не позабыла, не поленилась —
пишет ответы во все края:
кого — пожалеет, кого — поздравит,
кого — подбодрит, а кого — поправит.
Совесь людская. Мама моя.

Долго сидит она над тетрадкой,
отодвигая седую прядку
(дельная — рано ей на покой),
глаз утомленных не закрывая,
ближних и дальних обогревая
своею лучистою добротой.

Всех бы приветила, всех сдружила,
всех бы знакомых переженила.
Всех бы людей за столом собрать,
а самой оказаться — как будто! — лишней,
сесть в уголок и оттуда неслышно
за шумным праздником наблюдать.

Мне бы с тобою все время ладить,
все бы морщины твои разгладить.
Может, затем и стихи пишу,
что, сознавая мужскую силу,
так, как у сердца меня носила,
в сердце своем я тебя ношу.

* * *

Мальчики, пришедшие в апреле
в шумный мир журналов и газет,
здорово мы все же постарели
за каких-то три десятка лет.

Где оно, прекрасное волненье,
острое, как потаенный нож,
в день, когда свое стихотворенье
ты теперь в редакцию несешь?

Ах, куда там! Мы ведь нынче сами,
важно въехав в загородный дом,
стали вроде бы учителями
и советы мальчикам даем.

От меня дорожкой зеленой,
источая ненависть и свет,
каждый день уходит вознесенный
или уничтоженный поэт.

Он ушел, а мне не стало лучше.
На столе — раскрытая тетрадь.
Кто придет и кто меня научит,
как мне жить и как стихи писать?

ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.

Ее золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пыльюю веснушек
засыпал ей утром постель.

Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.

В оконном стекле отражаясь,
по миру, идет не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем она хороша?

Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида»,—
в отчаяньи он написал.

Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверное, любил.

Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету:
смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.

На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

(Подборка Марины Баланюк)

Николай Боев
(г. Узловая)

ДЕРЖАВНЫЙ ПОЭТ

Николай Боев родился в с. Щукавка Воронежской области. После сельской семилетки учился в ремесленном училище, в вечерней школе, техникуме, окончил МГУ им. М. Ломоносова и Высшую партийную школу.

15 лет отработал на узловском машиностроительном заводе, пройдя путь от слесаря-сборщика до заместителя начальника крупного цеха. Был журналистом газеты и радио, работал социологом НИИ, преподавателем и зам. директора техникума. 18 лет преподавал гуманитарные науки на вечернем отделении Тульского политехнического института. Работал лесорубом в Сибири, строителем на Севере и в Средней полосе России. Он автор многочисленных книг поэзии и прозы, лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова и многих других.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ В НОВОМОСКОВСКЕ (журнальный вариант)

С 16 лет имя поэта Я. В. Смелякова становится известно москвичам.

С 18 лет он издает первую книгу и о юном поэте узнает вся Россия.

В 20 лет его слава приближается к славе гениальных Сергея Есенина, Павла Васильева, Бориса Корнилова. Но «вихри враждебные», носившиеся над страной, закрутили и юного поэта. Следуют аресты за арестами. Три судимости, почти двадцать лет забвения. Но его стихи помнила страна, они из рук в руки передавались в зачитанных списках.

После войны опальный поэт волею рока и судьбы оказался в Новомосковске. О судьбе поэта, о его влиянии на литературную жизнь Мосбасса эта книга.

Когда Павел Васильев в 1929 году появился в Москве, с ним вскоре познакомился совсем юный Ярослав Смеляков и обжегся его жарким пламенем.

Ярослав Васильевич не любил рассказывать о себе. Возможно, ему не хотелось ворошить тяжелые годы, страшные изломы своей судьбы. Вот почему в одном из стихотворений он, то ли с грустью, то ли иронически написал: «Тихо прожил я жизнь человечью...» Тихо...

В двухтомнике «Избранное» (Издательство «Художественная литература», М., 1970) во втором томе есть раздел «Литературные заметки». Их открывают редкие для поэта автобиографические сведения о литературном пути, названные им просто и ясно — «Несколько слов о себе». Он пишет, что родился в Москве в 1913 году. Начал «...писать, или, вернее, сочинять, стихи, как и очень многие люди, в самом раннем детстве. Учился в московской семилетке...»

В 1930 году биржа труда подростков дала ему направление в полиграфическую фабрично-заводскую школу. Помещал стихи в стенгазете, читал на различных митингах и стал поэтом, известным не только в стенах учебного заведения. С упоением читал русских классиков.

Очень странное утверждение Ярослава Васильевича о том, что он родился в Москве. Не исключено сокрытие им какой-то тайны. В его жизни и творчестве хватает загадок и нераскрытых тайн...

Когда с Я. В. Смелякова сняли все судимости и полностью его реабилитировали, о нем вновь заговорили критики, как о выдающемся советском поэте. Начали искать истоки его творчества, пытаясь понять притягательную силу поэзии мастера слова. Наиболее полно ответить на сложный вопрос удалось известному критику Валерию Дементьеву. В книге «Ярослав Смеляков. Сильный как терн» (Издательство «Советская Россия» Москва — 1967) он, по цензурным соображениям, вскользь упоминает о трагических изломах биографии поэта. Но что интересно, именно ему Ярослав Васильевич рассказал: «Родился я в Луцке. Отец, Смеляков Василий Е. (?) был весовщиком железнодорожной станции, мать, Ольга Васильевна подымала троих детей, вела домашнее хозяйство. Вскоре после моего рождения началась мировая война, и мы вынуждены были выехать вначале в деревню, к родным матери, а затем в Воронеж, где и прожили до начала 20-х годов».

Любопытно, что о раннем детстве он почти ничего не написал в своем творчестве. Пожалуй единственным воспоминанием является стихотворение «Возвращенной родине». Он написал его в день вступления Красной армии в Луцк 17 сентября 1939 года:

*Мне голос детства памятен и слышен.
Хранится смутно в памяти моей
гуденье липы и цветенье вишен,
торговцев крик и ржанье лошадей.
Мне помнится вечерние затоны,
вельможные брюхатые пань,
сияющие крылья фазтонов
и офицеров красные штаны.
Здесь я и рос...*

Правильно заметил В. В. Дементьев: «Два-три красочных пятна в переданном стихотворении,— вот, пожалуй, и все воспоминания первых детских лет. Отдаленно вспоминается Смеляковым глухая, засыпанная снегами деревенька, где в первые он стал сочинять какое-то подобие стихов и где он узнал красоту деревенской природы и радость деревенских забав: поездки в ночное, набег на соседские сады, походы в лес за ягодами и грибами».

Его приобщение к поэзии можно понять из пронзительной исповеди в статье «Михаил Лермонтов», написанной в 1964 году.

«Больше сорока лет прошло с тех пор, как я при зыбком и узком свете копилки времен гражданской войны впервые читал Лермонтова. Мне тогда было лет девять или десять, но я и сейчас помню, каким недетским ужасом и восхищением пронзили меня «Песня о купце Калашникове», «Мцыри».

И вот Лермонтов опять у меня на столе.

Я перечитываю — в который раз — его стихотворения с тем, чтобы написать что-то вроде статьи или хотя бы просто заметок. Я пытаюсь сосредоточиться, анализировать, делать выписки, какие мне пригодятся,— и не могу.

Опять стихия его литературы несет мое послушное суденышко по своим океанским волнам. Какие тут, к черту, исследования и анализ! Тут самому бы не задохнуться этим плотным мокрым ветром, самому бы устоять на склизкой дощатой палубе.

Снова я чувствую тогдашним девятилетним мальчиком. Разве что прибавилось ума и опыта, но ведь не настолько, чтобы спокойно и рассудительно, как это делают иные люди, рассматривать и разьяснять Лермонтова.

Он был гением. Кто-то дал такое определение гения: талант плюс труд. К сожалению это неверно. Гений — это гений плюс работа»...

Семья Смеляковых жила в Воронеже. Ярославу было одиннадцать лет, когда умер отец. Он уезжает в Москву к старшим брату и сестре, студентам университета. Здесь он продолжил учебу в семилетней школе. Вскоре к ним переехала мать и стала жить на Большой Молчановке. Ярослав Васильевич привык к столичной жизни и стал считать Москву своим родным городом.

Страна еще не залечила раны, нанесенные ей гражданской войной. Не ликвидирована и безработица. Для помощи по трудоустройству безработных существовала биржа труда. В нее и обратился Ярослав Васильевич после окончания семилетки. В поисках заработка он не чурался никакой работы, выполняя то обязанности дворника, то истопника.

В 1930 году биржа труда подростков дала ему направление в полиграфическую фабрично-заводскую школу. В предисловии к книге «Стихи» в 1961 году Ярослав Васильевич с большой любовью вспоминает:

«В стенах этой школы, помещавшейся в Сокольниках, все мы с упоением дышали комсомольской атмосферой начала пятилеток. Верстатки и реалы, субботники, митинги, лыжные вылазки, стенные газеты, агитбригады — вот что целиком наполняло нашу жизнь».

В школе он окончательно и бесповоротно окунулся с головой в мир поэзии. Пишет много. Помещает свои стихи в стенгазетах, читает их на многочисленных собраниях и митингах. Молодой поэт становится известным не только в стенах родного учебного заведения.

Понимая несовершенство своего творчества, он осознает необходимость учебы, в первую очередь, у великих русских классиков. Его очаровали Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин. Он регулярно ездил через всю Москву на занятия литературного кружка при газете «Комсомольская правда». С друзьями доставали билеты на все вечера поэзии, он много раз видел и слышал живого гениального В. В. Маяковского и влюбился в его творчество, боготворил его. Со временем Ярослав Васильевич посвятит поэту два прекрасных стихотворения, прямо или косвенно расскажет о нем еще в некоторых стихах и поэмах, во многих статьях.

Товарищ, в последствии известный журналист Всеволод Иорданский, уговорил отнести стихи в молодежный журнал «Рост». Его редакция помещалась под одной крышей и на одном этаже с журналом «Октябрь». Они перепутали двери и попали во взрослый журнал к Михаилу Светлову.

«К нашему восторгу и удивлению,— пишет Ярослав Васильевич,— он принял это стихотворение для «Октября» и только в порядке назидательности велел переделать две последние строчки... Две эти последние строчки я никак не мог переделать и, несмотря на свою влюбленность в литературу, решился на хитрость: будь что будет! Я опять пришел в Светлову и принес ему прежний листок. Конечно же, он забыл о своем замечании и, доброжелательно улыбаясь, сказал: «Ну теперь все в порядке».

В эти дни группу наборщиков досрочно выпустили из школы и Я. Смеляков попал на самостоятельную работу в 14 типографию, где и печатался «Октябрь».

«Я был прямо-таки ошеломлен, когда на второй или третий день мастер дал мне, совершенно случайно, набирать страницы «Октября», среди которых находилось и мое стихотворение. Кстати, позднее в этой же типографии я целиком набрал свою книжку стихов «Работа и любовь».

Одновременно Ярослав Васильевич занимался и в литературном объединении

при журнале «Огонек», которое возглавлял заместитель редактора, известный писатель Ефим Зозуля.

«ОГОНЕК»

*Зимой или в начале мая
я в жажде стихотворных строк
спешил с работы на трамвае
туда, в заветный «Огонек».*

*Там двери — все — не запирались,
там в час, когда сгущалась мгла,
на праздник песни собирались
мальчишки круглого стола.*

*Мы все друг дружку уважали
за наши сладкие грехи,
и голоса у всех дрожали,
читая новые стихи.*

*Там, плечи жирные сутуля,
нерукотворно, как во сне,
руководил Ефим Зозуля
в своем внимательном пенсне.*

*Там, в кольцах дыма голубого,
все понимая наперед,
вitalа молча тень Кольцова,
благославляя наш народ.*

*Мы были очень молодые,
хоть эта малая вина.
Теперь едва не всей России
известны наши имена.*

*Еженедельник тонколицый,
нам отдавал свои страницы
и нас наружу выпускал.*

*Мы бурно вырвались на волю,
раздвинув ширь своих орбит.
В могилах братских в чистом поле
немало тех ребят лежит.*

*Я был влюблен, как те поэты,
в дымящем трубами краю
не в Дездемону, не в Джульетту —
в страну прекрасную свою.*

*Еще пока хватает силы,
могу открыть любую дверь,—
любовь нисколько не остыла,
лишь стала сдержанней теперь.*

Здесь Ярослав Васильевич и познакомился с будущими известными литераторами: Сергеем Михалковым, Львом Ошаниным, Сергеем Васильевым, Маргаритой Алигер, Александром Коваленковым.

Ярослав Васильевич пишет: «Тема молодежи, тема рабочего класса остается до сих пор главной, преобладающей темой моей работы». И больше, по сути дела, из своей биографии ничего не приводит. Вроде бы жил спокойно, работал да писал стихи. «Тихо прожил я жизнь человечью». Как бы не так! Безжалостный век наиболее тяжело проутюжил и его. Он остался жив..., но прежде...

Книга «Работа и любовь» вывела восемнадцатилетнего поэта в ряд наиболее талантливых молодых литераторов.

Многие стихи этой книги, такие как «Смерть бригадира», «Любовь», «Вор», «Любка» и другие стали очень популярны среди молодежи: их переписывали в заветную тетрадь, они ходили по рукам в списках, читались со сцены в сельских клубах и городских домах культуры. Он стал кумиром молодежи...

После реабилитации поэта Государственное издательство художественной литературы выпустило его значительную книгу «Избранные стихи». Мне посчастливилось приобрести ее. Раскрыл обложку. В уголке уже поблекшая надпись: «Книжный магазин г. Узловая. 6/VI-1957». Я жил в рабочем общежитии, читал запоем классиков и современных поэтов. Стихи Ярослава Васильевича буквально ошеломили меня своей непридуманностью, искренними чувствами и естественностью жизни рабочего класса, молодежи. Мои друзья — товарищи по общежитию также с большим интересом читали и перечитывали книгу...

Много лет спустя неоднократно заходил у нас с Н. К. Старшиновым разговор о поэте. Когда я ему рассказал о приобщении к творчеству Я. В. Смелякова, он задумчиво произнес: «Ярослав Васильевич — классик советской поэзии. В литературном объединении перед войной мы тоже передавали друг другу книги и списки его стихов. В то время поэт находился в заключении и творчество его считалось враждебным».

В начале тридцатых годов XX века одним из самых значительных поэтов являлся Н. Клюев. Летом 1932 года он перебрался из подвальной комнатки Ленинграда в полуподвальную комнатку Москвы, признанный учитель притягивал к себе молодых литераторов. У него часто встречались Ольга Бергольц, Борис Корнилов, Николай Заболоцкий, Александр Прокофьев, Семен Липкин, Ярослав Смеляков. Последний здесь близко сошелся с П. Васильевым, Б. Корниловым, О. Мандельштамом, С. Клычковым. Сошелся, чтобы, как и они, нести свой тяжкий Крест...

В 1932 году Павел Васильев второй раз подвергся аресту. Растерянный, измученный бесконечными допросами, длившимися бессонными сутками, поэт «изливает» свою душу следователю: реальность густо перемешана с вымыслом — он великий фантазер! Следователь поощряет его сказки и раздувает целый заговор «сибирской бригады». На заметку берутся и многие москвичи, в том числе и друг Павла Васильева Ярослав Смеляков. Фантазерство молодого поэта обернется непоправимой трагедией для многих литераторов. В их число попадет Ярослав Васильевич. И на этот раз П. Васильев «за свои заслуги на следствии» отделается испугом — его освободят из-под ареста...

После возвращения на родину М. Горький пытается взять на себя роль литературного вождя. За границей верный ленинец вступил в масоны. Он пытается привить молодежи революционную идеологию, объединить под своим крылом все группы и группки литераторов. Намечается их съезд и организация Союза писателей. Цель ясна: передовой отряд вольнолюбивой творческой интеллигенции ввести в рамки задач партии и политико-идеологической цензуры. Съезд готовится основательно.

14 июня 1934 года в «Правде» публикуется «знаменитая» статья М. Горького «Литературные забавы». Всей тяжестью своего авторитета он обрушивается на молодых поэтов, ведущих богемный образ жизни. Начинается она строгим учительским тоном:

«Считаю нужным поговорить о литературных нравах. Думаю, что это вполне уместно накануне съезда писателей и в дни организации Союза их.

Нравы у нас, мягко говоря, плохие. Плоховатость их объясняется прежде всего тем, что все еще не изжиты настроения групповые, что литераторы делятся на «наших» и «не наших», а это создает людей, которые сообразно дряненьким выгодам своим служат и «нашим» и «вашим»...

Дальше карающий меч классика поднимается все выше и выше для нанесения разящего удара.

«Условия, в создании которых я не считаю себя виноватым, на меня возложили роль мешка, в который суют и сыпают свои устные и письменные жалобы люди, обиженные или встревоженные некоторыми постыдными явлениями в литературной жизни. Не могу сказать, что роль эта нравится мне, но, разумеется, обилие жалоб тревожит меня.

Жалуются, что Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время как одни порицают хулигана, другие восхищаются его даровитостью, «широтой натуры», его «кондовой кулацкой силищей» и так далее. Но порицающие ничего не делают для того, чтобы обеззаразить свою среду от присутствующего в ней хулигана, хотя ясно, что, если он действительно является заразным началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтобы перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те и другие социально пассивны, и те и другие, по существу своему, равнодушно «взирают» на порчу литературных нравов, на отравление молодежи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа».

Недавно один из литераторов передал мне письмо к нему партийца, ознакомившегося с писательской ячейкой комсомола.

...Несомнены чуждые влияния на самую талантливую часть литературной молодежи. Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова все более и более отражаются личные качества Павла Васильева. Нет ничего грязнее этого оскала буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Васильева) — это враг. Мне известно, что со Смеляковым, Долматовским и некоторыми другими молодыми поэтами Васильев дружен, и мне понятно, почему от Смелякова редко не пахнет водкой, и в тоне Смелякова начинают доминировать нотки анархоиндивидуалистической самовлюбленности, и поведение Смелякова все менее и менее становится комсомольским...»

Донос составлен в форме приговора. Осталось приговор привести в исполнение...

Справедливости ради надо сказать широкому читателю, что почти все творческие люди отличаются неординарным поведением, импульсивностью, неукротимым нравом — начиная с великого А. С. Пушкина и его тридцати двух дуэлей. С годами менялась «мода». В XX веке спутниками подавляющего большинства не только талантливых, но и гениальных людей становятся наркотические вещества — алкоголь и табак. Алкоголизму были подвержены А. Блок (в конце жизни), С. Есенин, П. Васильев, Я. Смеляков, А. Твардовский, А. Фадеев и многие-многие другие известные литераторы. Из более молодых поколений трезвенников среди творческих людей найти трудно..., если талантливы. Периодически они запивают...

Не лучше обстоят дела и среди других творческих профессий. Постоянное нервное напряжение, преодоление себя, без чего невозможно серьезное творчество, приводит к стрессам. Эффективного лекарства от них, кроме упомянутых, нет. И за это не стоит судить таланты. Как известно, они и так многое теряют в жизни. Но судьбу не выбирают.

После очередного «заскока», в процессе которого нервная система получает передышку, наступает светлая полоса. Измученный организм, преодолев стресс, вызывает небывалый прилив творческих сил, балансируя на грани жизни и смерти. Перед стрессами и после них иногда рождаются шедевры. Истинная поэзия создается на грани жизни и смерти...

После горьковского (горького) доноса уже послушная печать обрушилась всей тяжестью «революционной бдительности» на гениального П. Васильева, попутно придавливая его друзей и, в частности, Я. Смелякова.

С. С. Куняев точно подметил:

«...Время неумолимо поворачивало свой ход, и Васильев оставался, пожалуй, последним яростным певцом-романтиком переделки мира по «новому штату» (достоевские мальчики!), искренне и ярко воспевающим этот передел, в чьих стихах разрушительный пафос органически соединялся с пафосом столь же яростной скорби по миру уходящему, в строчках которого ликующий крик органически соединился со звериным стоном прощания и плача по безвозвратно утерянному.

Этим он кардинально отличался от молодых, так же, как и он, вкусивших первые плоды славы, поэтов тех лет, ставших его близкими друзьями — Бориса Корнилова и Ярослава Смелякова.

*Мы шли втроем с рогатиной на слово
и вместе слезли с тройки удалой —
три мальчика,
три козыря бубновых,
три витязя бильярда и пивной.*

*Был первый точно беркут на рассвете,
летающий за трепещущей лисой.
Второй был неожиданным,
а третий —
угрюмый, бледнолицый и худой.*

*Я был тогда сутулым и угрюмым,
хоть мне в игре
пока еще — везло,
уже тогда предчувствия и думы
избороздили юное чело.*

*А был вторым поэт Борис Корнилов —
я и в стихах и в прозе написал,
что он тогда у общего кормила,
недвижно скособочившись стоял.*

*А первым был поэт Васильев Пашка,
латоволосый хищник ножевой —
не маргариткой вышита рубашка,
а крестиком — почти за упокой.*

*Мы вместе жили, словно бы артельно,
но вроде бы, пожалуй что,
не так —
стихи писали разное и отдельно,
а гонорар несли в один кабак.*

Такие стихи написал уже в 1967 году прошедший все круги ада, битый жизнью Ярослав Смеляков. А тогда он, выпускник фабрично-заводской школы, только что издавший первую книгу стихов «Работа и любовь», с открытым ртом и горящими от восхищения глазами слушал васильевские стихи, был его неизменным спутником, верным другом и, что греха таить, собутыльником. Корнилов жил в Ленинграде и появлялся в Москве периодически, тогда как Васильев и Смеляков встречались чуть ли не ежедневно, читали друг другу новые стихи, бродили по редакциям журналов, по книжным

магазинам, неизменно поднимая руку в знак приветствия, когда проходили мимо памятника первопечатнику Ивану Федорову. И «гонорар несли в один кабак»...

Припомнят им все и кабаки. На долгие годы фамилии трех самых значительных поэтов России попытаются вычеркнуть из русской литературы. Но они были талантливы до гениальности — их «рукописи не горят».

В статье «Борис Корнилов» Я. В. Смеляков напишет:

«Государственное издательство художественной литературы выпустило в 1963 году небольшую книжку стихотворений и поэм Бориса Корнилова, погибшего в конце 30-х годов.

И моя жизнь, и мое творчество тех, уже далеких лет очень близко связаны с жизнью и работой Бориса Корнилова. Вряд ли мне удалось бы, если бы я даже этого захотел, спокойно и объективно отрецензировать сборник своего друга.

Он был несколько старше меня. А мне было только восемнадцать или девятнадцать лет, когда мы познакомились. Он жил в Ленинграде, я — в Москве, и, следовательно, встречались мы не часто. Но во время его приездов в Москву и в дни нескольких моих поездок в Ленинград мы почти не расставались.

Он был меня старше не только по возрасту, а и по мастерству, по знанию языка, по призванию: его уже три года шумно принимали слушатели переполненных аудиторий, высоко ставили знатоки литературы. Я ходил и ездил вместе с ним как младший брат, и не однажды мое мальчишеское сердце сжималось от бескорыстной зависти, когда я слушал на литературном вечере или за дружеским столом его стихи или когда разворачивал страницы газет и журналов, где были напечатаны строки Корнилова.

И теперь, спустя три десятилетия, я с братской гордостью перечитываю лучшие стихотворения и поэмы, вошедшие в гослитовский сборник. Оказывается, мы, молодые и в то время уже много умели и много могли!

Вот поэма «Триполье». Помню, как, довольный удавшейся работой, Борис Корнилов привез ее в Москву; кажется, это было весной. Во всяком случае, и сейчас я вижу его большое счастливое лицо, залитое солнцем: он вернулся из ЦК ВЛКСМ, где под председательством Косарева проводилось обсуждение «Триполья» и было решено издать поэму в «Молодой гвардии»...

...Моя рецензия была бы неполной, если бы я не упомянул о песенке Корнилова «Не спи, вставай, кудрявая!». Ее не могли заглушить. Она, сопровождаемая музыкой Шостаковича, вырвалась на такие просторы, что чиновники тех времен не смогли ухватить ее за хвост и вернуть в небытие. Не такая уж беда, что автор долгое время был неизвестен,— гораздо большая радость, что его слова долгое время после его смерти и сейчас звучат над нашей землей...

...В своем предисловии к сборнику Ольга Бергольц пишет:

«Если бы не бессмысленная гибель, настигшая Бориса Корнилова в то время, когда он начал по-настоящему набирать высоту, вероятно, он стал бы очень крупным поэтом».

Мы целиком согласны с этим. Как согласны и с тем, что Бергольц говорит дальше:

«Но будем благодарны ему и за то, что он успел сделать...», 1963.

И «гонорар несли в один кабак», и вместе сидели на жестких скамейках милицеских отделений за те или иные провинности.

Так однажды, после очередного «выяснения отношений» в литературном кругу, Васильев и Смеляков, а с ними еще двое стихотворцев, всю ночь читали в милиции все недавно написанное, а Ярослав покорила стражей порядком исполнением своей знаменитой на всю Москву «Любки Фейгельман».

*Посредине лета
высыхают губы.
Отойдем в сторонку,
сядем на диван.*

*Вспомним, погорюем,
сядем, моя Люба.
Сядем посмеемся
Любка Фейгельман!*

*Гражданин Вертинский
вертится. Спокойно
девочки танцуют
английский фокстрот.
Я не понимаю,
что это такое,
как это такое
за сердце берет?*
.....

*Только мне обидно
за своих поэтов.
Я своих поэтов
знаю наизусть.
Как же это вышло,
что июньским летом
слушают ребята
импортную грусть?*
.....

*Я еще не видел,
чтоб ты так ходила —
в кенгуровой шляпе,
в кофте голубой.
Чтоб ты провалилась,
если все забыла,
если ты смеешься
нынче надо мной.*

Рано утром на пороге отделения появилась та самая Любка Фейгельман — спасти своего любимого и его друзей. Все в тот раз и кончилось сравнительно благополучно» — (Л. Фейгельман — из дзержинцев — Н. Б.). Друзья-товарищи еще неоднажды попадут в поле зрения правоохранительных органов. Судьбу не выбирают.

Первый съезд писателей Советского Союза начал свою работу 17 августа 1934 года. Основным докладчиком первоначально планировался друг В. Маяковского — Николай Асеев. М. Горький предложил, а Сталин одобрил заменить поэта на видного партийного деятеля — Николая Бухарина. И в докладе «любимица партии», и в выступлениях подголосков по полной программе досталось Павлу Васильеву (на съезд его не пригласили). Не обошли «доброжелатели» своим вниманием и кумира рабочей молодежи Ярослава Смелякова, присутствующего на всех заседаниях.

Очень правильные партийные мысли излагали ораторы с трибуны. Но вот в кулуарах агенты секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР фиксировали прямо противоположные взгляды на текущий литературный процесс.

«М. М. Пришвин: Все думаю, как бы поскорее уехать,— скука невыносимая, но

отъезд осложняется: становлюсь на виду,— дал портрет в «Вечерке», берут интервью, находятся десятки поклонников,— Динамов, Ставский.

Ставский даже настойчиво просил выступить: «Надо,— говорит,— Михаил Михайлович, немножко встряхнуть съезд». Я ему ответил на это: «Надо-то надо, да обидно, что в числе 52 писателей для меня не нашлось все-таки места в президиуме».

Все время чувствую от этого какую-то нехорошую горечь.

А. Новиков-Прибой: Сижу и слушаю с болью: по речам и докладам — все хорошо, а для того, кто, как я, знает теперешнюю литературную обстановку,— настоящий тупик. Наступает период окончательной бюрократизации литературы. На днях я был, например, в новом издательстве «Советский писатель» и ушел оттуда с самым горьким чувством. Пробовал заступиться за рассыпанные книги Правдухина и Зингера и в ответ получил: «У меня есть приказ, что нужно печатать лучшее из лучших». В числе же этого «лучшего» печатается книга Шилькредта, которого печатают только за то, что он «оттуда». Приказы в литературе — последнее дело».

Бабель: Мы должны демонстрировать миру единодушие литературных сил Союза. А так как все это делается искусственно, из-под палки, то съезд проходит мертво, как царский парад, и этому параду, конечно, никто за границей не верит... Посмотрите на Горького и Демьяна Бедного. Они ненавидят друг друга, а на съезде сидят рядом, как голубки. Я воображаю, с каким наслаждением они повели бы в бой на этом съезде каждый свою группу.

Смеляков: Собственно говоря, здесь устроили банкет затем, чтобы поэты могли договориться о месте «Николаю угоднику Бухарину».

Агенты «карающего меча» зафиксировали критические замечания, высказанные в перерывах съезда, многих литераторов. На допросах потом им припомнят все...

Три молодых сокола встали на крыло, но парить им оставалось всего немного. Они даже не успели набрать высоту: раздался залп. Для двоих он оказался смертельным, а третьему жестоко обожгло крылья, обуглило сердце.

«Тихо прожил я жизнь человечью...»

Что это, самоирония? Признание правоты эпохи? Он очень любил родину, русскую землю, жизнь и принимал ее такой, какой она есть.

К 1934 году Ярослав Васильевич издал пять книг стихотворений. Помимо этого «Работа и любовь» выдержала еще несколько переизданий. Комсомольский поэт достиг небывалой популярности. Также популярен и Борис Корнилов. Их даже не могла заслонить тень могучего таланта Павла Васильева. В то же время всем троим приговорен Русский Крест. Арестован Павел Васильев. Сгущаются тучи над Борисом Корниловым. В каких только грехах их не обвиняют! Так профессиональный литературный эксперт Лубянки Н. Лесючевский, загубивший своим «профессионализмом» не одного русского поэта, выносит приговор всему творчеству Б. Корнилова:

«...Корнилов старательно придает стихотворению неопределенность, расплывчатость..., пытается замаскировать подлинный контрреволюционный смысл своих произведений...».

Все трое вышли из деревень. Недругам это явится дополнительным стимулом для сгущения красок. Их обвиняют не только в «есенинщине», но и припишут звания «певцов-подкулачников». А контрреволюционная деятельность — клеймо всех честных россиян, кроме сионистов, 30-х годов.

Попавших в беду поэтов, как мог, защищал Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев. Но и ему уже отлита пуля...

Ярослава Васильевича арестовали в декабре 1934 года. Как бригадира краснознаменной бригады, его освободят через три года досрочно. В 1938 году его начинают публиковать в газетах и журналах. Отмечают стихи, написанные «не только сердцем, но и умом».

Только через четырнадцать лет выйдет новая книга Я. В. Смелякова «Кремлевские ели». Она явилась лучшей книгой из всех изданных, стала литературным явлением страны и вновь «открыла» всесоюзному читателю большого русского поэта. Ярослав Васильевич встал в ряд самых значительных поэтов своего времени, получил широкую известность.

Но это произойдет потом, а пока над миром грянула война...

В мае 1941 года рядовой Я. В. Смеляков был призван в армию. История войны на финляндском направлении, по словам В. В. Дементьева, говорит: «Вторая легкострелковая бригада была направлена в Карелию. Там, на Петрозаводском направлении, фронтовая обстановка сложилась крайне тяжелой. Под давлением превосходящих сил противника наши части отступали. Таяли людские резервы. Не хватало боеприпасов и техники. Уже явственно обозначились очертания гигантского огненного кольца, охватившего дальние и ближние подступы к Ленинграду. В эти трудные для всего Карельского фронта дни осенью 1941 года Вторая легкострелковая бригада, в которой служил Я. Смеляков, вела кровопролитные бои под Медвежьей горой. Но силы были неравными: бригада несла большие потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести. В одной из схваток под Медвежьей горой прямо в окопах, полузасыпанный, оглушенный артиллерийским обстрелом, Смеляков оказался в плену противника.

Плен есть плен — со своим бытом без быта, с постоянным унижением человеческого достоинства, с непроходящим изнуряющим чувством голода.

... На занятиях литературного объединения С. Я. Поздняков часто рассказывал о творческом пути друга, но всего несколько раз скупно отвечал на наши неизменные вопросы о трагической судьбе поэта. Да и время откровений еще не наступило, а до «гласности» наших дней, ее безумия и нам не всем довелось дожить. Но постепенно у нас проявилась скрытая часть биографии поэта. Вот как отложилась она у А. М. Меситова:

«Отогревшись у Степана Позднякова в его коммуналке, он иногда рассказывал своим глуховатым голосом, изредка делая глубокие затяжки (курил он тогда папиросы).

Их, пленных, конвоировали немцы с лютыми черными овчарками. Смеляков шел крайним в четверке и время от времени отрывал взгляд от дороги, от своих ног и угрюмо, тяжело смотрел на конвоира. Тот сразу же подскочил к Ярославу и несколько раз тыльником автомата с размаху ударил его по зубам. Смеляков утирал кровь с разбитых губ и через минуту снова поднимал взор на фашиста. Тот тут же снова принимался лупить тяжелым железным прикладом. И так несколько раз. Пока сосед Смелякова с жаром и отчаяньем не зашептал. «Да не гляди ты так на него, Христа ради, ведь забудет же насмерть...».

Представьте себе, что это был за взгляд, за который вышибли половину зубов и чуть не убили.

А вот Солженицын пишет, что у него в такой же ситуации конвоир вел себя иначе, даже чемоданчик с вещами помог донести. То ли фашисты были разными, то ли два писателя на врага разным взглядом смотрели.

Да, он был державным поэтом. Вспомните его строки:

*Сутулый, худой, бритолицый,
Уже не боюсь ни черта,
По улицам зимней столицы
Иду, как Иван Калита.*

Очевидцы свидетельствовали, что в плену Ярослав Васильевич вел себя достойно — «...я унижаться не умею...». Он смело вступал в переговоры с администрацией

лагеря, когда создавалась конфликтная ситуация. Не однажды вставал на защиту человеческого достоинства своих товарищей по несчастью. Хлебнул лиха поэт за три долгих года неволи...

Неудержимая Советская Армия сломала хребет фашистской армаде, включавшей в себя, по сути дела, все силы Европы, в том числе и Финляндию. Когда уже четко обозначился крах зарвавшегося захватчика, многие страны стали выходить из повиновения гитлеровской Германии. Перед угрозой быть окончательно разгромленной, Финляндия запросила мира. Глубокой осенью 1944 года высокие договаривающиеся стороны произвели обмен военнопленных.

Много позже В. В. Дементьев в рассказе о Я. В. Смелякове поведаёт о том времени и местах, где находился в неволе поэт:

«Как-то мы работали возле небольшой железнодорожной станции. Название я не помню: оно было длинным и труднопроизносимым. «Что это?» — спросил я через переводчика у финского офицера, как и я, сапера-подрывника. Он хмуро посмотрел на ряды невысоких кольшков с фанерными дощечками и какими-то цифрами, потом, отведя глаза в сторону, ответил: «Это могилы... Здесь был лагерь военнопленных: русских военнопленных», — помедлив, добавил он и, неохотно козырнув, ушел.

Сколько их, безымянных, пронумерованных, лежало в этой сумрачной земле? Откуда они родом — эти без вести пропавшие? Где ждут их жены? Плачут их матери?

Ни звука, ни дуновения ветерка, ни привычного шума сосен, — ничего: тишина.

Днем позже я увидел на станции длинный эшелон, идущий с той, с финской стороны. Иссиня-бледные, изможденные лица смотрели в окна теплушек. Не слышалось ни песен, ни звука гармошек, сопровождающих в ту пору каждый воинский состав, ни радостных возгласов, ни вскриков. Одни глаза, — то вопрошающие, то смертельно усталые, то сияющие предчувствием близкого освобождения. Они смотрели на нас, мы — на них. По наскоро восстановленному полотну поезд шел медленно. Мерно постукивали колеса. Лязгали буфера. А солдаты, которые сопровождали взглядом этот безмолвный состав, стояли, опершись на щупы, словно путники, которым так далеко идти и которые рады этой передышке, этой безмолвной, краткой встрече в пути».

Таков этап трагического излома судьбы поэта. Но это — только один этап. Впереди его, «без пересадки», ожидал другой этап, тоже с овчарками и автоматчиками, но, увы, уже горячо любимой Родины — великой державы...

НОВОМОСКОВСК В СУДЬБЕ ПОЭТА

Второй этап Ярослава Васильевича оказался не дальним. Его ожидала провинция столицы — Подмосковский угольный бассейн — Мосбасс...

Есть истина, проверенная веками: счастливый человек не может быть хорошим поэтом. Именно в соответствии с данной истиной судьба распоряжается поэтом так, что в его биографии неизбежно образуются «черные дыры» — жизненный путь извилист и тернист, где покорение труднодоступных вершин чередуется с неожиданными падениями в пропасти. Именно так — взлеты и падения позволяют увидеть мир в разных измерениях, как бы в разрезе. Но самое удивительное состоит в том, что поэты заранее предчувствуют и предсказывают свой трагизм: они своими обнаженными нервами видят преследующий их черный рок. «Я умру в крещенские морозы», — вполне спокойно, без истерики и драматизма произнес Николай Рубцов. Он погиб морозной ночью на Крещение 19 февраля 1972 года.

Василий Белов, с душевной болью подметил: «Талант поэтический не совпадает с искусством безбедно жить. Николаю Рубцову и Анатолию Передреву надо было не просто жить, надо было суметь выжить».

Именно суметь выжить истинному поэту — его тяжкий земной Крест. К Яросла-

ву Васильевичу это применимо в первую очередь. Черный рок и вызывает пророчества поэта, предугадывание своей судьбы. Откуда же тогда Молодой Ярослав Смеляков за пятнадцать лет до своей драматической встречи с Мосбассом выдохнул:

*Вечером в комнате
Снова встают предо мной
Стройки Челябинска
Бобрики и Днепрострой.*

Когда 18-летний поэт сам набирал строки своей первой книги, началось строительство гиганта большой химии — Бобриковского химкомбината. Тогда же и поспешил сюда будущий друг Ярослава Васильевича — его одноклассник и поэт Степан Поздняков. Перед войной они познакомились на одном из литературных вечеров в Москве. Им суждено было выжить в крошечном аду Великой Отечественной войны, встретиться в необычной ситуации и подружиться на всю жизнь.

За годы первых предвоенных пятилеток Мосбасс превратился в мощную промышленную базу СССР: химия, электроэнергия, машиностроение, уголь, гипс, строительные материалы, легкая промышленность, сельское хозяйство — далеко не полный перечень деятельности этого важного региона. Мосбасс входил в состав Московской области. Он охватывал Богородицк, Венев, Донской, Кимовск, Киреевск, Узловую, Новомосковск (Сталиногорск), являвшийся его столицей, а также десятки крупных шахтерских поселков. Население края бурно росло. Разрушенной войной стране, как воздух, нужен был уголь — хлеб промышленности. Сразу после освобождения Мосбасса от оккупации в декабре 1941 года началось восстановление объектов промышленности. Тысячи и тысячи репрессированных, бывших военнопленных гнали сюда. Еще больше людей, спасаясь от голода, приезжали добровольно. Быстро восстанавливались шахты, широко развернулось строительство новых. По тому суровому времени страна щедро снабжала химиков и шахтеров. За сахаром, крупами, мукой туляки ехали к нам.

Мосбасс по праву считался «республикой в республике» в РСФСР. Он пользовался определенной самостоятельностью, самоуправлением: возглавлял работу обком партии Новомосковска (Сталиногорска), выходила на правах областной — газета «Московская кочегарка». В нем шло не только бурное строительство различных объектов промышленности, но и культурных центров, учебных заведений, жилья.

Но не в город прибыл этап бывших красноармейцев, а на шахту № 13. Вроде бы и город недалеко и в тоже время недосыгаем: у заключенных под стражу не было выхода из зоны. Вот здесь тот счастливый случай, а может, Божий промысел и свет Ярослава Васильевича с восемнадцатилетним красноармейцем и начинающим поэтом Павлом Поддубным. Он охранял заключенных. Каково же было его изумление, когда в одном из них — сутулом, угрюмом, с изможденным лицом, одетым в видавшую виды телогрейку и немислимо потертую шапку, он узнал знаменитого поэта. Общение солдат с заключенными строго-настрога запрещалось. Но при первом же увольнении в город Павел побежал в редакцию газеты, куда ходил на занятия литературного объединения к Степану Позднякову, и рассказал ему о невероятной встрече. Закончив срочный материал для очередного номера газеты, Степан ночью отправился в шахту. Встретились два фронтовика как старые добрые знакомые. Знакомство переросло в дружбу. Степан Яковлевич стал снабжать своего друга-зека книжными новинками, свежими газетами, бумагой, папиросами. Неоднажды он вспомнил, как Ярослав Васильевич говорил ему: «Крылья обязательно должны размахнуться шире, чем прежде. Надо только перетерпеть, подождать. Обязательно размахнутся крылья! Таков уж закон природы: испытания и переживания делают творчество горячее, напряженней». Это же он сказал и В. Дементьеву, ему же он рассказал, что московские

друзья-поэты не забывали его. П. Антокольский написал на отдельном издании «Сын»: «Дорогому Ярославу с горячей любовью, с надеждой на близкую встречу. Павел». Маргарита Алигер прислала сборник стихотворений, на котором стояла памятная надпись: «Я о тебе очень много и часто думала все эти годы». Таким же ободряющим было посвящение, сделанное Павлом Шубиным: «Ярославу в знак тихой и нежной дружбы, в память трудных дорог, которые, надеюсь, не повторятся».

Ярослав Васильевич очень любил мать. Он переживал за те страдания, которые причинял ей своей поэтической судьбой. Не выдержав мук друга, Степан Яковлевич поехал к ней в Москву. Он передал ей письмо от сына и новые стихи, написанные уже в поселке Донском на шахте № 13. Стремясь укрепить дух родного человека, он не без иронии писал ей: «Я теперь — страшно подумать! — пом. зав. банно-прачечного комбината». Но больше всего поэта волнует его предназначенье на земле — поэзия. Вот что пишет об этом письме критик и литературовед В. В. Дементьев: «Это письмо — волнующий человеческий документ, в котором все отдано и посвящено поэзии. Смеляков делился с матерью опасениями, — а не стал ли он писать стихи хуже? И тут же он поправлял себя: «Но ведь дело не в том, что в данных условиях, при полном отсутствии живых впечатлений, необходимых для творчества, всякое стихотворение — акт большого значения. И я даже иногда удивляюсь, что я все-таки работаю и у меня хоть что-нибудь да получается».

Нельзя не привести еще одного отрывка из этого письма, которое выходит за рамки личной переписки и добавляет на мой взгляд любопытные подробности к биографии Я. Смелякова.

«Если я скоро выйду, — писал Ярослав Васильевич матери, — стихи напечатаются сами собой, а если нет — напечатание уже ничему не поможет. А впрочем я затрудняюсь сказать что-либо определенное. Бог его знает. Мне было только очень приятно узнать отзыв Светлова — его мнение я ценю: он поэт настоящий». В своем творчестве немало строк поэт посвятил матери. Вот один из отрывков стихотворения «Мама» 1938 года.

*Всех бы приветила, всех сдружила,
Всех бы знакомых переженила.
Всех бы людей за столом собрать,
А самой оказаться — как будто лишней,
Сесть в уголок и оттуда не слышно
За шумным праздником наблюдать.*

*Мне бы с тобою все время ладить,
Все бы морщинки твои разгладить.
Может, затем и стихи пишу,
Что, сознавая мужскую силу,
Так как у сердца меня носила,
В сердце своем я тебя ношу.*

Но известный поэт в трудные дни не был отдан воле злого Рока. Московские друзья и новомосковцы помогали поэту, чем могли — время было трудное, голодное, катастрофически не хватало даже мелочей быта. Из поселка шахты № 13 Ярослава Васильевича, по настоянию друзей, переводят в Новомосковск. Шел октябрь 1945 года...

В Новомосковске Ярослава Васильевича приютили и обогрели два человека: редактор газеты Константин Иванович Разин, принявший поэта на работу ответственным секретарем городской газеты. А время-то какое было! Но он пошел к секретарю обкома партии и всю ответственность взял на себя. Решился вопрос и с жильем. Его взял к себе С. Я. Поздняков, живший в комнатухе с матерью. Вскоре Степан Яковлевич женился, но от этого им не станет теснее. Правда К. И. Разин, преодолев все преграды, сможет добиться комнаты для поэта-изгоя. И забурлила в Новомосковске

литературная жизнь, обогретая талантом и волей Ярослава Васильевича. Со всего Мосбасса съезжались на занятия литературного объединения начинающие авторы. Часто проводились литературные вечера и встречи. О них извещали красочные аршинные афиши. В газете стало правилом регулярно публиковать литературные страницы со стихами и рассказами местных литераторов.

С. Я. Поздняков неоднократно повторял: «Новомосковск — Болдинская осень» Ярослава Смелякова». Исследователь творчества поэта Валерий Дементьев вторит ему: «Новомосковский период в творческой биографии Я. Смелякова поразительно плодотворен и кипуч». Новомосковск столица Мосбасса, «республика в республике». Он пользовался определенной самостоятельностью в управлении производственной сферой и социальной жизнью. Являлся важнейшим центром угольной отрасли страны. В то время уголь нужен был стране, как хлеб. Здесь выходило две газеты «Сталиногорская правда» и «Московская кочегарка», газета шахтерского края, входившего в состав Московской области.

Для опального поэта, ставшего работать в городской газете в октябре 1945 года ответственным секретарем, открылось относительно хорошее поле творческой деятельности и выхода к читателю, прорыва в центральные журналы и газеты. «Болдинская осень» Я. В. Смелякова предстала во всей своей красе.

В опубликованной статье в «Новомосковской правде» (22 января 1963 г.) Степан Яковлевич отмечал, что за очень короткий срок здесь создаются стихотворения: «Это кто-то придумал счастливо», «Портрет», «Вот опять ты мне вспомнилась, мама», «Песня», «Судья», «Глядя на небо», «Пряха», «Кладбище паровозов», «Памятник», «Наш герб», «Здравствуй, Пушкин!», «Платье королевы», «Тихо прожил я жизнь человечью», поэма «Лампа шахтера», пьеса «Друзья Михаила Югова», большой цикл сатирических стихотворений, рецензии на спектакли местного театра, зарисовки о горняках, репортажи и очерки».

Я. В. Смеляков вместе с С. Я. Поздняковым в «Московской кочегарке» заводят рубрику «Ведет разговор Егор Капров». Рубрика подавалась читателю в форме рашеника и пользовалась успехом в среде шахтеров, химиков, гипсовиков и строителей.

Валерий Друзин справедливо замечает: «Многое из написанного в те годы Я. Смеляковым сыграло роль злободневного отклика и осталось навсегда на газетной полосе. Не получилась у него и поэма «Лампа шахтера». Лад шахтерского сказа, к которому решил прибегнуть поэт,— не был ему свойственен, не отвечал характеру его дарования. Поэма распалась на куски и в таком виде изредка публикуется теперь в сборниках Смелякова. Не получила известности его пьеса о шахтерах, она прошла только в одном театре в Махачкале. Однако жизнь и работа в Новомосковске дала Смелякову многое как лирическому поэту. Он оказался в рабочей среде, к которой привык с детства. Он часто бывал на дальних и ближних шахтах, ездил в колхозы как рядовой репортер. Он гордился бедновато и грубо одетыми людьми, которые вместе с ним шли ежедневно к шахтному стволу, подымались на строительные леса, выполняли в мороз и летнюю жару сменные задания. Где бы не был поэт, повсюду он примечал одну и ту же картину:

*Меж тесной грязи рельсы молча лезут,
Клубится пар, несетя сильный ток.
Здесь торжествует уголь и железо,
Диктаторствует бур и молоток.
Здесь жизнь и время меряют на тонны.
Здесь лозунги орут и говорят.
Весь день стучат товарные вагоны.
И паровозы свищут и трубят.*

Среди появившихся в газетном листе стихотворений можно найти у Я. Смелякова примечательные вещи. Такой примечательной вещью я считаю стихи «У насыпи братской могилы». Они опубликованы 13 ноября 1945 года в «Сталинградской правде», через несколько дней после открытия памятника воинам, павшим при освобождении Подмосковья. Наконец-то в 1947 году Ярославу Васильевичу разрешили вернуться в Москву. Но это был еще не последний круг ада... В третий раз прославленный поэт оказался под арестом в 1951 году. Чего только не приписали ему в актив «вражеской деятельности»: разведывательная работа в пользу Финляндии, антисоветская пропаганда и прочую крамолу. Приговор оказался суровым: 25 лет заключения.

Н. К. Старшинов в своих воспоминаниях посвятил Ярославу Васильевичу очень теплые слова. В частности он пишет о годах заключения, хотя и без прямой ссылки на них, поскольку он не хотел капитулировать. На это, написаны его прекрасные стихи «Земля»:

*Чтоб ее не кручинились кручи
И глядела она веселей,
Я возил ее в тачке скрипучей
Так, как женщины возят детей...
...Человек с голубыми глазами,
Не стыжусь и не радуюсь я,
Что осталась земля под ногтями
И под сердцем осталась земля...*

У Я. Смелякова нет жалоб на свою судьбу. Не любил он вспоминать ни о годах, проведенных в заключении, ни о плене. За все время знакомства с ним я не услышал от него об этом ни слова. И стихи на эту тему у него редкость. «Я унижаться не умею»,— сказал он в стихотворном послании своему «крестному» следователю Павловскому, опубликованном «Новым миром» уже после смерти поэта. И разговор с ним он вел не озлобленный, а иронический достойный.

*Послание Павловскому
В какой обители московской,
В довольстве сытом иль нужде
Сейчас живешь ты, мой Павловский,
Мой крестный из НКВД?
Ты вспомнишь ли мой вздох короткий,
Мой юный жар, мой юный пыл,
когда меня крестом решетки
Ты на Лубянке окрестил?
И помнишь ли, как птицы пели,
как день апрельский ликовал,
когда меня в своей купели
Ты хладнокровно искупал?
Не вспоминается ли дома,
когда смежаешь ты глаза,
Как комсомольцу молодому
Влепил бубнового туза?
Не от безделья, не от скуки
Хочу поведать не спеша,
Что у меня остались руки
И та же детская душа.*

*И что, пройдя сквозь эти строки,
Еще не слабнет голос мой,
Не меркнет ум, уже жестокий
Не уничтоженный тобой.*

*Как хорошо бы на покое,—
Твою некстати вспомнить мать,
За чашкой чая нам с тобою
О прожитом потолковать*

*Я унижаться не умею
И глаз от глаз не отведу,
Зайди по дружески скорее.
Зайди, а то я сам приду.*

Великолепные стихи! — умные мысли умно написаны. Не случайно в статье «Молодая русская поэзия» опубликованной в 1961 году Я. В. Смеляков, в частности говорит: «Еще Генрих Гейне писал, что если мир даст трещину, то трещина пройдет через сердце поэта. Лермонтов говорил, что поэт — это вечевого колокол, который должен звучать во дни торжества и бед народных. Неплохо было бы об этом почаще вспоминать, а вернее — никогда не забывать нашим молодым поэтам.

Наряду с сердцем в поэзии должен присутствовать ум. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Блок, Маяковский были не только сердечными, отзывчивыми, нежными людьми, они были одними из самых выдающихся умов своего времени. Так давайте же не сбрасывать ум, не сбрасывать общественное сознание со счетов, когда мы говорим о самой сути нашей поэзии».

Творческая интеллигенция, литераторы и не только, первой трети XX столетия представляют собой парадоксально-трагическое явление всех созданных произведений. В них легко обнаруживается образец двойственности исследуемых проблем.

На наш взгляд, двойственность творчества, в частности, Павла Васильева, Бориса Корнилова, Ярослава Смелякова была объективной и неизбежной. «Я унижаться не умею...»

Гениальные учителя «Золотого века» подарили талантливым потомкам и наследникам своего творчества — «Серебряному веку» опыт художественного изображения ПРАВДЫ ЖИЗНИ — подлинного реализма. А эпоха революционных бурь пыталась набросить на их неукротимых Пегасов железный намордник «социалистического реализма» с его многочисленными табу и зоркой цензурой. Ностальгия по уходящим поэтическим образам рушившегося мира и романтика революционных бурь с верой в светлое будущее — правда отражаемой действительности. Отсюда и герои произведений: честные и верные присяге мужественные белогвардейцы, несгибаемые железные кулаки, симпатичные воры и преступники, с одной стороны. А с другой стороны — стальные комиссары, передовые рабочие и первые колхозники, коммунисты и романтики-комсомольцы.

Молодые поэты представляли одновременно певцами старого «враждебного мира» и нового побеждающего, рвущегося в царство рая. Им легко было приклеить ярлыки «подкулачников» и «контрреволюционеров». Для дотошных и агрессивных следователей Лубянки творчество поэтов являло образец прогрессивных и многообещающих «дел» для разработки любых домыслов и вымыслов. Так и случилось...

В «Литературной России» весной 1989 года Ст. Лесневский опубликовал «литературную экспертизу» творчества Б. Корнилова, документ пространственный и все же он заслуживает хотя бы отрывка из него.

«Корнилов не скрывает своей горячей симпатии к /.../ «гонимому» кулаку. Он прямо говорит:

*И, что его касаемо,
Мне жалко старика...*

Корнилов эпически спокойно дает слово злодею — убийце С. М. Кирова, злодей Николаев восклицает:

*Мы подходим к решенью
Смелее,
Смелей,—
Киров будет мишенью
Для пули моей...*

Корнилов считает нужным передать состояние злодея. И как он его передает!

*Лихорадка и злоба,
Потом торжество...*

Ни слова о том, кем был гнусный убийца Николаев. Ни звука о том, кто является организатором этого подлого убийства. Ни намек на контрреволюционную террористическую «работу» троцкистско-зиновьевских вырождаков. Вместо этого — невнятица о бабе-яге и о каких-то трутнях. И концовка стихотворения — приспособленчески заздравная, полная ячества, пошлая.

Таким образом, я прихожу к следующему заключению.

В творчестве Б. Корнилова имеется ряд антисоветских, контрреволюционных стихотворений, клеветующих на советскую действительность, выражающих активное сочувствие оголтелым врагам народа, стихотворений, пытающихся вызвать протест против существующего в СССР строя.

В творчестве Б. Корнилова имеется ряд стихотворений с откровенно кулацким, враждебным социализму содержанием.

Эти стихотворения не случайны. Однозвучные с ними мотивы прорываются во многих других стихотворениях Б. Корнилова. Это говорит об устойчивости антисоветских настроений у Корнилова.

Корнилов пытается замаскировать подлинный контрреволюционный смысл своих произведений, прибегая к методу «двух смыслов» поверхностного — для обмана и внутреннего, глубокого — подлинного. Он по сути дела применяет двурушнические методы в поэзии.

Н. Лесючевский, 13 мая 1937 г.»

Отзыв-приговор писал профессионал и он точно подметил за поверхностным, заздравным слоем лирики поэта состояние души: ужас, сочувствие гонимым, бессилие.. иначе не могло и быть. Истинный поэт Борис Корнилов передавал читателям всю правду жизни. Эксперт слукавил — ошибся в одном: поэт не маскировал своих чувств, он отображал все так, как есть. В противоречиях эпохи он пытался найти «золотую середину» примирить непримиримое. Цена — жизнь.

Установил примерную дату гибели поэта: 21 ноября 1938 года. Эксперт Н. Лесючевский благополучно дожил до семидесяти лет и умер в 1978 году на посту руководителя крупнейшего издательства СССР «Советский писатель». Он дожил до полной реабилитации всех литераторов, видел их книги и издавал сам. Но вряд ли чувствовал угрызение совести, полагая, что время было такое.

«Я унижаться не умею...»

Правда жизни и творчества...

П. Васильев, Б. Корнилов и Я. Смеляков — три друга явились в литературу истинными поэтами и не могли изменить ПРАВДЕ ПОЭЗИИ. В этом одна из главных причин трагедии литераторов 20—30 годов прошлого столетия.

Таким же противоречивым можно представить творчество А. Пушкина и М. Лермонтова, Ф. Достоевского и Л. Толстого. В произведениях этих гениев гимны дворянам и помещикам, сочувствие к угнетенным крестьянам и рабочим, пророчества неизбежных социальных перемен — призыв к бунту толпы. Правда жизни и творчества...»

Но правда и то, что самых умных, талантливых на грани гениальности друзей растоптали и уничтожили. Вряд ли Я. В. Смеляков после стольких лет унижений и забвений смог подняться на ту высоту полета, для которой явился, а может был ниспослан на землю. Большинство же остались живыми и невредимыми.

Выбрали наиболее талантливых и перспективных русских? Кошунственно, но неизбежно напрашивается вопрос: Ягода, Ежов, Берия превращали в пыль (любимое изречение Берии) — делали это осознанно, по подсказке или по указанию свыше? Трудно найти ответ! Но...

Накануне войны состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Они прошли по уже отработанному сценарию — «триумфально». Для узкого круга своих приближенных Сталин устроил торжественный банкет. На нем он «нечаянно» обронил откровенную фразу: «Главная победа на выборах заключается в том, что теперь русские признали нас своим правительством...» В руководстве партией и страной по-прежнему русских насчитывалось буквально единицы...

На свободе Ярослав Васильевич окажется только после массовой амнистии «холодного лета пятьдесят третьего года...».

В конце пятидесятих годов прошлого века костяк Узловского литературного объединения — Л. Кальянов, А. Кудрявцев, В. Мишин и автор этих строк не пропустили ни одного занятия и литературных встреч в Новомосковске. Вскоре к нам присоединился М. Крышко. Дело Я. В. Смелякова продолжил неутомимый и талантливый организатор литературного движения Мосбасса — поэт С. Я. Поздняков. Он многое перенял у своего маститого учителя — даже черты характера: был строг, прямолинеен, но достаточно корректен и объективен в своих суждениях о том или ином произведении.

Однажды один из начинающих авторов прочитал стихи, посвященные С. Есенину. Они начинались словами: «Спи спокойно, Серега!» кошунственность фразы по отношению к поэту очевидна. Степан Яковлевич дал возможность автору полностью прочитать свое творение. Но по окончании «действия» вскочил со стула и обрушил на чтеца град разогретой критики: «Кто вы есть? Кто мы все здесь сидящие, чтобы так запанибратски обращаться к памяти великого национального поэта! Мы — пыль! Мы — ничто по сравнению с гением. А значит и наши корявые строки не должны тревожить его прах. Научимся писать по-настоящему — пожалуйста — посвящая теплые строки хоть самому богу поэзии Александру Сергеевичу Пушкину!»

Мы — безотцовщина, почти у всех они погибли на войне, любили Степана Яковлевича как отца, как наставника, как живого друга большого русского поэта. У него сохранилась значительная часть архива Я. В. Смелякова. Многое он приносил на занятия: книги, газеты, афиши тех лет, извещавшие о литературном вечере, черновики стихов поэта, созданные в годы жизни в Новомосковске. Показывая испещренный черновик, он говорил: «Вот как надо работать над стихами!»

Степан Яковлевич часто рассказывал об истории создания тех или иных стихов: «Наш герб», «Кладбище паровозов», увиденное поэтом на станции «Урванка», «Памятник» и других.

В теплом лирическом очерке «Ярослав Смеляков» (У истоков Дона, ч. 1 РИФ ИНФРА, Тула, 2001) Александр Меситов пишет об истории одной фотографии и в частности, о создании им в Новомосковске стихов «Памятник».

«В архиве Позднякова есть редкий снимок. Встреча Нового 1946 года. Снимок сделали в квартире у Степана Яковлевича. За спиной у сидящих — огромный фикус. За столом Поздняков, его сосед-баянист с сынишкой и Ярослав Васильевич. А на

столе: початая бутылка «Московской», чугунная сковородка, и, кажется, еще две тарелки, с капустой и солеными огурцами. Бедность ужасающая, но все сияют, улыбаются, а он думает о своем, смотрит в пространство».

Все правильно, но требует продолжения со слов Степана Яковлевича. И решили они первый послевоенный новый год встретить по-настоящему. Главная сложность — достать спиртное. Водку выдавали только по спецталонам. С большим трудом приобрели бутылку «Московской». Мама Степана Яковлевича посчитала, что одной бутылки на трех мужчин для широкого праздничного застолья маловато. И по совету соседей-специалистов, она постаралась придать водке крепость — настоять на самосаде. Действительно, хмель забрал всех. Но вот последствия оказались тяжкими: слишком болели головы, гудели как чугуны. Проснувшись под утро, Ярослав Васильевич с чугунной головой пошел курить на кухню. Ему явились строки «Памятника», которые он и записал, подсвечивая спичками, на папиросной коробке.

*Приснилось мне, что я чугуном стал.
Мне двигаться мешает пьедестал.
Рука моя трудна мне и темна,
И сердце у меня из чугуна.
В сознании, как в ящике, подряд
Чугунные метафоры лежат.
И я слежу за чередой дней
Из-под чугунных сдвинутых бровей.
Вокруг меня деревья все пусты,
На них еще не выросли листья.
У ног моих на корточках с утра
Самозабвенно лазит детвора,
А вечером, придя под монумент,
Толкует о бессмертии студент.
Когда взойдет над городом звезда,
Однажды ночью ты придешь сюда.
Все тот же лоб, все тот же синий взгляд,
Все тот же рот, что много лет назад.
Как поздний свет из темного окна,
Я на тебя гляжу из чугуна.
Недаром ведь торжественный металл
Мое лицо и руки повторял.
Недаром скульптор в статую вложил
Все, что я значил и зачем я жил.
И я сойду с блестящей высоты
На землю ту, где обитаешь ты.
Приблизусь прямо к счастью своему,
Рукой чугунной тихо обниму.
На выпуклые грозные глаза
Вдруг набежит чугунная слеза.
И ты услышишь в парке под Москвой
Чугунный голос, нежный голос мой.*

Все сходится с рассказом Степана Яковлевича. В глазах видится картина: талантливый, известный поэт — недавний кумир молодежи измордован страшными перехлестами своей тяжелой судьбы. С мрачными думами один на один сидит в тесной каморке захолустного городка, каким был в то время Новомосковск. Он курит одну папиросу за другой. Не дают покоя чугунные мысли, теснятся в чугунной голове.

Недалеко праздничная столица великой державы, одолевшей могучего врага. Где-то там любимая женщина, немногие, уцелевшие в лихолетьях друзья, иная жизнь. Но они отгорожены от него прочной стеной суровых законов того труднообъяснимого времени. Гудит чугунная голова, да и тело — чугунное. Сами собой приходят строки. А глаза застит «чугунная слеза»...

Очередное злосудное заключение Я. В. Смелякова, забросившее его в Новомосковск, обернулось счастьем для города, его литераторов, особенно молодых. Степан Яковлевич поддерживал с ним связь до самых последних дней. Он часто навещал поэта в Москве и всегда неизменно возил ему газеты с нашими стихами и рассказами, держал в курсе всей жизни местных авторов. Мастер помогал новомосковцам советом и делом. Наиболее талантливых он продвигал в большую литературу. С его легкой руки в московских журналах публиковались стихи П. Поддубного и С. Ткачева. Ему приглянулось творчество молодого поэта Анатолия Брагина и он способствовал ему в нелегком деле — поступлении в литературный институт имени М. Горького. Не однажды упоминал его имя в статьях о молодых литераторах, цитировал короткое стихотворение «Россия»

*Вековыми лесами поросшая
И травую бескрайних степей,
Мало в прошлом ты знала хорошего,
Но великого много в тебе.
Как не бились захватчики рьяные,—
Отстояли мы каждую пядь.
Не сломали тебя деревянную,
А стальную — попробуй сломать!*

В 1957 году Ярослав Васильевич поможет молодому новомосковцу опубликовать подборку стихов в «Литературной газете». Подборку открывает слово Мастера:

«СТИХИ АНАТОЛИЯ БРАГИНА»
(предисловие к поэтическому циклу)

Недавно ко мне пришел неизвестный молодой человек и, конечно же, принес пачку стихов.

Он очень робко сел на краешек стула, а я стал читать его рукопись. Первое же стихотворение обрадовало меня. Обращаясь к России, поэт говорит:

*Не сломали тебя деревянную,
А стальную — попробуй сломать!*

«Ого! — подумал я.— Да он просто молодец! Сказано, точно, широко и кратко. Жаль, если это только случайная удача». Но вот и на следующей страничке вспыхнула, на мой взгляд, отличная строфа:

*Машина мчалась быстрым бегом.
Длинна дорога и крива.
С боков ее просторы снега
Вращались, словно жернова.*

А вот еще внезапная находка. А вот интересное стихотворение. Нет, он, безусловно, талантлив! Правда, рядом с хорошими строфами частенько стоят неважные, а то и совсем неуклюжие; правда, в этой его пачечке есть стихи явно неудавшиеся. Не хватает еще мастерства, не выработан вкус. Но ведь это все дело наживное. Было бы дарование, была бы истинная любовь к Родине, а все остальное и потом приложится.

Этого поэта зовут Анатолий Брагин. Еще совсем мальчиком, он, сын организато-

ра первого в их районе колхоза, стал работать на пашне, потом закончил горнотехническое училище и работал в Мосбассе горным мастером. Он приехал в Москву и поступил в Литературный институт. Я был рад рекомендовать его туда и рад представить его читателям. Доброго ему пути».

Получить литературное образование Ярослав Васильевич помог также Валентину Матисову, Алексею Логунову, Виктору Соломину и другим новомосковцам и тулякам.

Упорно Степан Яковлевич подталкивал и меня к живому классику: «Поезжай, поезжай к нему. Ему нравятся твои стихи. Неоднократно упоминал он и о том, что Ярославу Васильевичу приглянулось творчество В. Мишина, М. Крышко, В. Пахомова. Он вообще хорошо относится к молодым авторам». Действительно о Викторе Пахомове Ярослав Васильевич вспомнит еще и не однажды...

Наиболее теплое воспоминание о Я. В. Смелякове написал, конечно же, Н. К. Старшинов.

Попутно надо сказать о его отношении к молодым. Оно было при всей суровости его оценок чутким и доброжелательным, он сам прекрасно сформулировал его:

*Я сделал сам не так уж мало,
И мне, как дядьке иль отцу,
И улаживать их не пристало,
И унижать их не к лицу.*

И еще в этом стихотворении:

*...Я ни сколько не таюсь,
Что с раздраженной добротой
Сам к этим мальчикам тянусь.*

В этом я лишний раз убедился, когда в 1959 году мы вместе руководили поэтическим семинаром на совещании молодых в Ярославле. Тогда мы написали для молодежной газеты заметку, в которой особенно выделили Александра Романова и Василия Белова (да, да, Белов начинал со стихов). Смеляков даже дал им рекомендации в Союз писателей.

Помню и другое. В том же году я уже работал в журнале «Юность», дал Ярославу стихи тогда еще совсем юного Владимира Кострова с просьбой — написать предисловие к его подборке. Конечно, если она придется ему по душе. И он откликнулся целой статьей, поскольку ему понравилось «в стихотворениях Кострова ненарочитое соединение мыслей и чувств технически образованного человека нашего времени и крестьянского парнишки...».

Помню я и еще случай, когда он проявлял интерес к молодому поэту. Как-то я принес ему стихи туляка Виктора Пахомова, которого долго не печатали в области. Смеляков высоко их оценил, попросил меня сделать врезку к ним и не только опубликовал их в журнале, но и добился того, что молодому поэту журнал присудил премию за лучшие стихи года.

Речь идет об одном из самых авторитетных журналов Советского Союза — «Дружба народов».

После доброго благословения Мастера, перед талантливым Виктором Пахомовым, загнанным жизнью в медвежий угол провинции, приоткрыли двери другие московские журналы, издательства столицы и Тулы...

ПОСЛЕДНИЙ ВЫДОХ ДУШИ

Многие талантливые русские поэты, рожденные в начале XX века, сгорели в пламени революционных лет, вдохнув вольный воздух свободы. Освежающий ветер закружил их в черном смерче. А. Блок... Н. Гумилев... С. Есенин... В. Маяковский... П. Васильев... Н. Клюев... Б. Корнилов... Десятки других поэтов, не успевших раскрыть полностью свои дарования, Я. Смеляков уцелел. Но ему довелось испытать всю горькую чашу «нового рая». Очень точно охарактеризовал время революционной перестройки поэт и публицист Ю. Кублановский:

«Самая хаотичная, неровная, буйная жизнь Есенина — русская вольница в частной сфере. Да и время на первых порах способствовало житейской анархии: победу большевистской деспотии многие — отнюдь не только Есенин — приняли тогда за верное проявление народной стихии. Когда же вдосталь воспользовавшись «русским бунтом» Третий Интернационал (читай: Древний Интернационал! — Н. Б.) надел на страну железный намордник, есенинская «вольница» сделалась не просто не нужна, а самим своим существом вызывающе указывала на инородность укрепившегося режима. Мятельный Есенин, неуправляемый, гениальный, стал бельмом на глазу у новых властей предрежащих. Насильственность его смерти — очень вероятна, и я не до конца понимаю тех, кто с излишней горячностью почему-то пытается теперь ее отрицать, тем самым выгораживая чекистов..»

Есенин «чужак» в культурной плеяде поэтов нашего века: замороженный народ, покалеченная Россия — это его стихия. А он — их неумная исстрадавшаяся душа.

«Они любить умеют только мертвых...», — выдохнул А. С. Пушкин, и, как всегда, пророк оказался прав.

Все испытал на себе Ярослав Васильевич. Он очень любил Россию, ее народ и был терпелив, как Христос. Но в конце жизни из глубин его сущности все-таки вырвался пронизанный непроходящей болью, выдох смертельно издерганной и уставшей души.

В январе — марте 1973 года я учился в Москве: проходил очередные, традиционные для тех лет курсы повышения квалификации руководящих работников. Естественно, звонил Н. К. Старшинову, заходил к нему неоднократно. На скучных занятиях я вел записи некоторых встреч с Учителем. 20 марта мы просидели с ним за чаем целых три часа. Он отдыхал после напряженной работы над очередным номером альманаха «Поэзия».

Николай Константинович помнил, что у меня растут две дочки. Иногда, после приветствия, интересовался их житьем-бытьем. И на этот раз, вводя разговор в непринужденное русло, спросил:

— Как твои «милые красавицы России»?

— Как в стихах Ярослава Васильевича, — пытался отшутиться я, в тоже время бравируя перед ним знаниями творчества недавно умершего большого поэта.

— В каком классе уже и как учится старшая?

— В третьем, отличница.

— Очень хорошо. А младшая?

— Завтра еду домой. 22 марта ей будет три года. У них разница в возрасте — почти десять лет.

— Похожи друг на друга?

— Естественно, фирма-то одна. Хотя не очень. Старшая — на маму, а младшая, вроде бы на меня. Уловив в моем голосе нотки любви к дочкам, он одобрительно и мягко улыбнулся.

— Это очень хорошо! Закурив, мы помолчали. Вы — новомосковцы хорошо знакомы с творчеством Ярослава Смелякова, его тяжелой судьбой. Я же бываю у

Глеба Паншина и знаю, что Степан Поздняков боготворит Ярослава — у него культ поэта.

— Есть кого боготворить и у кого учиться. Он и нас приобщает к этому культу: возил ему наши опусы, подталкивал на знакомство с ним.

— Я знаю это. Петр Сальников в свое время рассказывал, что Ярослав Васильевич еще в начале шестидесятых годов отметил ряд твоих стихотворений. А позже он вообще вывел Виктора Пахомова на дорогу большой литературы.

— С вашей помощью.

— Да, но Смеляков — величина в поэзии, его слово было законом.

— Но вот я не рискнул обратиться к нему. Степан Яковлевич даже обижался, что не слушаю его советов.

— Почему же ты не встретился с Ярославом, ведь в Москве часто бываешь?

— Во-первых, с чем обращаться? Я всегда реально оценивал свои возможности. Наверно, можно было бы показать три-пять стихотворений, за которые не стыдно. Но этого, я был убежден, недостаточно.

Во-вторых, Петр Георгиевич Сальников убедил меня, что лучше сесть на шею Старшинову — он терпеливее. Николай Константинович улыбнулся.

— Не тужишь?

— А что тужить? С вашей помощью вышла книжка. Следом издательство расщедрилось на стотысячный тираж книжки для детей. Кое-что еще есть за душой. Но вот прорыва в себя я никак не постигну. А дополнительно вам хлопот придавать, надоедать — неудобно.

— Ты-то как раз мне и не надоедаешь. Ты моя связь с Тульской землей, с Глебом. Я же наполовину тульский, мама из ваших краев. Он замолчал. Мы вновь закурили. А Ярослав Смеляков по праву считается одним из крупнейших поэтов современности. Жаль, что рано умер.

— Все-таки сказались тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю.

— Незадолго перед смертью, прошлой осенью, с поэтом Вадимом Кузнецовым были у него на даче в Переделкино. Он уже себя плохо чувствовал. Мы попросили у него новые стихи для альманаха. Ярослав Васильевич сказал, что ничего путного не написал. Разрешил использовать стихи, оставшиеся от новой книги. Среди них есть стихи о Маяковском.

— Но это старые, хорошо известные стихи:

*Из поэтовой мастерской,
Не теряясь в толпе московской,
Шел по улице по Тверской
С толстой палкой Маяковский.*

Поспешил я снова блеснуть своей памятью.

— Коля,— перебил меня Николай Константинович,— речь идет о совершенно новых, сенсационных стихах Ярослава Васильевича. Из вороха бумаг он извлек несколько листков. И, почти не заглядывая в них, прочел:

*Ты себя под Лениным чистил,
Душу, память и голосище,
И в поэзии нашей нету
До сих пор человека чище.*

*Ты б гудел, как трехтрубный крейсер,
В нашем
общем многоголосье,*

*но они тебя доканали,
эти лили и эти оси.*

*Не задрипанный фининспектор,
Не враги из чужого стана,
А жужжавшие в самом ухе
Проститутки с осиным станом.*

*Эти душечки-хохотушечки,
Эти кошечки полусвета,
Словно вермут ночной, сосали
Золотистую кровь поэта.*

*Ты в боях бы ее истратил,
А не пролил бы по дешевке,
Чтоб записками торговали
Эти траурные торговки.*

*Для того ль ты ходил, как туча,
Медногорлый и солнцеликий,
чтобы шли за саженым гробом
вероники и брехобрики?!*

*Как ты выстрелил прямо в сердце,
Как ты слабости их поддался,
Тот, которого даже Горький
После смерти твоей боялся?*

*Мы глядим сейчас с уваженьем,
Руки выпростав из карманов,
На вершинную эту ссору
Двух рассерженных великанов.*

*Ты себя под Лениным чистил,
Чтобы плыть в революцию дальше,
Мы простили тебе посмертно
Револьверную ноту фальши.*

— Ну как?

— Потрясающе! Потрясающе,— повторил я,— как убийственно точно, посмеяковски:

*Эти душечки-хохотушечки,
Эти кошечки полусвета,
Словно вермут ночной сосали
Золотистую кровь поэта.*

В каком-то полугипнозе от услышанного прошептал я. Константиныч со своей доброй, с легкой грустью, улыбкой смотрел внимательно мне в глаза.

— Как и все великие люди, Маяковский в делах житейских во многом оставался беспомощным, плыл по руслу «осей и бриков». Ярослав Васильевич это хорошо знал — поэт был его кумиром. Не следуя за его творчеством формально, он, в тоже время, как и Маяковский, стремился к высокой гражданственности в своем творчестве. Ждите десятый номер альманаха и не прозевайте, его раскупят мгновенно, ибо в нем идут и эти стихи Смелякова.

Я сидел с полукрытым ртом и немим вопросом.

— Удивляешься?

— Очень уж смело с вашей стороны. У вас сейчас высокий авторитет и единомышленников много. Но «марсиане» вам не простят данной публикации. Они любят наносить удары в темноте и из-за угла.

— Какие «марсиане»?

— В университете так мы звали всех «богоизбранных». «Богоизбранные», значит, небожители, «марсиане».

— Точная характеристика.

— Куда уж точнее. А вы вторгаетесь в запретный мир. Зашебуршатся они. Не любят, когда хоть толика правды о них выплывет на свет.

— Ничего, как-нибудь перетерпят. Вот Ярослав Васильевич не выдержал и сказал правду. А зачем же мне скрывать его хорошие стихи. В крайнем случае полагают, полагают, да и упокоятся.

— Дай-то бог.

— А что тебе известно об этих 2 лилиях и осях»?

— Еще в сельской школе я полюбил творчество Маяковского. В ранней юности в рабочем общежитии я начал собирать библиотеку. В 1955 году стало издаваться самое полное собрание сочинений классика. Я приобрел все тринадцать томов, которые целы до сих пор. Естественно, что в них можно кое-что вычитать о Бриках.

В годы учебы в университете нам разрешили читать в библиотеке все периодические издания — дореволюционные и послереволюционные. В то время, до 1935 года, издавалось много бесцензурных газет и журналов. В них публиковались сплетни интеллигентской богемы. Почти все студенты интересовались судьбой Есенина, Маяковского, других поэтов.

— Я, конечно, кое-что слышал от старших товарищей. Писали, что Лилия Брик была неотразимой красавицей.

— Николай Константинович, я действительно много читал газетной правды того времени. Вы же знаете, что первое посвящение Лиле Брик Маяковский сделал на поэме «Облако в штанах»: «Мир огромив мощью голоса, иду — красивый, двадцатидвухлетний». Значит, познакомился он с Лилей в 1915 году, так как родился в 1893 или в 1894 годах — точный год рождения он сам не знал. Лилия была людоедкой и «марсианкой». Очень сексапильная, она просто гипнотизировала мужчин своей поразительной сексуальностью. И хотя была замужем, но мимо мужчин не проходила. Да и брак Бриков являлся прикрытием. Брик абсолютно не реагировал на куртизанскую жизнь жены. Что у «марсиан» бывает нередко. Вот и выстроился «французский треугольник». В Маяковском Брики заимели дойную корову. Он был плодовит, популярен, его охотно печатали все издания. А гонорары в то время были приличные. Все поэтические дела устраивал Брик. Он же распоряжался гонораром. Он, по сути дела, отдал им свою квартиру, оставаясь сам в коммунальной комнате. «Французский треугольник» и доконал поэта. Добавились неудачи в творчестве, постоянная травля «желтой прессы», провальная юбилейная выставка его работ. Импульсивный, взрывной характер и толкнул его к роковому шагу. А вы знаете как он озаглавил свое предсмертное письмо?

— Если честно, то что-то знал, но сейчас не помню.

— «Всем». А в нем есть такие слова: «В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил».

— Откуда ты знаешь о содержании письма?

— У Петра Георгиевича Сальникова есть увеличенная фотокопия.

— Смеляков мне кое-что рассказывал о судьбе Маяковского. Его травлили, как ты знаешь, и другие «марсиане». В частности, популярный комсомольский поэт Семен Кирсанов в газете «Комсомольская правда» опубликовал подлое стихотворение.

«Цена руки». Написанное «под Маяковского» — лесенкой, в нем прямо не называлось имя поэта. Но каждому читателю было ясно, о ком идет речь. В стихотворении дан грязный рефрен: «Я руки такому не подам».

Вскоре состоялась премьера «Бани». Из помойного ушата выплеснули очередной грязный поток разгромных, унижающих и издевательских статей. Кольцо вражеского окружения сжалось до предела. Раздался роковой выстрел. А вот после его смерти все произведения, собрания сочинений выходили под редакцией Лилии Брик. Она же переворошила и архив поэта. На многих стихах оказались посвящения ей. Теперь уже никто не разберется где правда, а где надуманность.

Смеляков — живой свидетель трагедии своего кумира. Сам переживший не меньше, если не больше, он и написал эти пронзительные стихи.

— В них он, как раз, и припомнил «марсианам», что и ему досталось от «богоизбранных».

— Не только от них. А время-то какое было?

— А я думаю, что и Ярослава Васильевича достали «марсиане» — очень уж между строк стихов высвечиваются их повадки и скрытые ловушки.

— Нет, Коля, скорее всего здесь он ведет речь о мещанстве, подлости околотитурной среды обывателей, мелочности жизни — суеты сует.

— Вот-вот, так и действуют «марсиане»: тихо и изнутри. Он в самом конце своего земного пути зримей понял их роль в гибели Маяковского, да и в трагических изломах собственной судьбы.

— Смеляков-интернационалист в самом лучшем смысле данного слова. Какие стихи он посвятил Павлу Антокольскому! Знаешь?

— Разумеется, кто же не знает изумительно-восхитительный эпитет:

*Здравствуй, Павел Григорьевич
Древнерусский еврей.*

— Чувствуешь, сколько уважения и любви вложил поэт в сочетание слов «древнерусский еврей»?

— Коля,— Конечно же, я знаю кое-что об этом, но в тонкости не вникал. Да и наши писатели, в некоторой степени, группируются, поддерживают друг друга по национальному признаку.

— Вот одна из группировок наверняка набросится на вас.

— Я не исключаю такой реакции, например, от Константина Симонова.

— А ты где-нибудь высказываешь свои знания идеологических теорий?

— Горком партии мне поручил преподавать весь гуманитарный цикл предметов студентам вечернего филиала Тульского политехнического института. Я им свободно излагаю то, что конспективно высказал сейчас.

— В определенных кругах твои взгляды могут быть непонятными.

— Знаю.

— Будь осторожен, иначе тебя проглотят, не разжевывая.

— Вот видите, а сами такие крамольные стихи Смелякова публикуете. Вам тоже могут кое-что припомнить мои любимые «марсиане».

— А разве память о большом поэте не стоит возмущения недовольных?

Потом он расскажет: «После выхода в альманахе «Поэзия» стихотворение это не было ни разу опубликовано ни в одном издании. А с самим этим номером альманаха произошла непонятная история. Он мгновенно исчез с полок книжных магазинов. Поэт и прозаик Виталий Коржиков рассказал мне даже такое:

— Подошел я несколько дней назад к книжному магазину, который находится поблизости от моего дома. Смотрю, подъезжает к нему легковая машина. Из нее вышли молодые люди. Они по-быстрому забежали в магазин, вынесли из него с десяток

пачек каких-то книг. Я услышал их разговор: «Сейчас отъедем за город и сожжем...» Я зашел в магазин и поинтересовался у продавца, что это за книги вынесли сейчас эти молодые ребята? А он мне: «Да это последний номер альманаха «Поэзия»».

На этом история с ним не заканчивается.

Вскоре многие члены его редколлегии получили письмо Константина Симонова, секретаря правления Союза писателей. В нем утверждалось, что стихи «Ты себя под Лениным чистил...» написаны Ярославом Смеляковым якобы в невменяемом состоянии, что он потом был категорически против их публикации, но они были похищены из его рукописи и вопреки его воле напечатаны.

Далее Константин Михайлович в ультимативной форме требовал, чтобы каждый член редколлегии альманаха ответил на два вопроса: был ли он ознакомлен с этими стихами до их публикации и одобряет ли он или осуждает их публикацию?

По форме это уже походило на допрос.

Некоторые члены редколлегии (М. Львов, Р. Казаков) уклонились от ответа, не прислали его Симонову.

Остальные сообщили ему, что до публикации этих стихов не видели, а саму публикацию считают недостойной и осуждают ее.

Только Василий Федоров прислал ответ, в котором заявил, что он был ознакомлен с этими стихами до их выхода в свет (хотя на самом деле их не видел), что одобряет эту публикацию. И кроме того, просит, чтобы после его смерти все его стихи были напечатаны, независимо от воли его наследников, поскольку он сам отвечает за все, что им написано.

Думается, что Ярослав Смеляков тоже отвечал...»

Мне кажется, что соплеменники К. М. Симонова мстили Николаю Константиновичу. В 70—80 годах у него выходило много книг, но о них критика писала меньше, чем они того заслуживали. В критиках подвизалась, как правило, целая армия «симоновцев», всегда деливших литераторов на своих и чужих. Николай Константинович оказался за чертой «своих». Однажды я ему так прямо и сказал. Он подумал немного и ответил: «А разве стихи Смелякова не стоило публиковать?»

Воистину поэт Николай Глазков трижды прав, когда написал:

*Слава — шкура барабана:
Каждый колоти в нее.
А история покажет,
Кто дегенеративнее...*

А все-таки десятый номер альманаха «Поэзия» дошел до провинции. Два поступивших экземпляра я выкупил и подарил Степану Яковлевичу, не сумевшему достать номер со стихами своего друга.

В «Литературной газете» Я. В. Смеляков помог С. Я. Позднякову опубликовать значительную подборку стихов, написав к ним теплое предисловие. У Степана Яковлевича начали выходить книги. Когда он обратился к Ярославу Васильевичу за рекомендацией для вступления в Союз писателей, тот ответил категорически: «Нет».

Слишком высокую планку истинной поэзии держал Мастер...

В прекрасных стихах Я. В. Смелякова, написанных в 1941 году «Если я заболею...» и ставших по сути дела народной песней, прекрасна и концовка:

*От морей и от гор
Так и веет веками,
Как помотришь-почувствуешь:
Вечно живем
Не облаками белыми*

*Путь мой усеян, а облаками.
Не больничным от вас ухожу коридором,
А млечным путем.*

Он знал себе цену. Знал, что на его творчестве секретам поэзии учатся, и будут учиться живущие и грядущие поколения людей, причастных к тайне Слова.

Жизнь и ее продолжение после смерти, естественно, зависят от судьбы человека, ведущей его по путям-дорогам. Слишком перепутались они у Ярослава Васильевича: звездные взлеты до самого Млечного Пути чередовались с черной полосой жутких падений в глубокие пропасти не до конца разгаданных тайн ушедшего века — все вместило в себя не такое уж и долгое существование поэта. И нечего удивляться, что даже серьезные энциклопедии перепутали годы земной жизни Я. В. Смелякова, отталкиваясь от них А. Меситов пишет: «Он не дожил месяца до своего шестидесятилетия». Вроде бы все правильно...

Я посмотрел многие энциклопедические словари, в том числе и наиболее «свежие» — «Советский Энциклопедический словарь» /Москва. Советская энциклопедия, 1990/, в котором годы жизни Я. В. Смелякова указаны — 1912/13—1972, а в «Тулском библиографическом словаре» в 2-х томах более решительно: 26.12.1912—27.11.1972.

Тогда почему сам поэт в уже указанном двухтомнике «Избранное», пишет, что родился он в 1913 году. Ошибиться он не мог. Опечатка также не могла закрасться в его автобиографическое изложение. В то время корректуру давали на подпись авторам и все они добросовестно вычитывали ее. А вот В. В. Друзин написал: «Ярослав Васильевич Смеляков родился в Луцке 8 января 1913 года». Писал он со слов поэта.

Степан Яковлевич неоднократно упоминал, что они одногодки с Ярославом Васильевичем. А он знал дату рождения друга...

Многое в истории России запутал XX век...

После смерти Я. В. Смелякова — одного из крупнейших поэтов Советского Союза в Новомосковск зачастили столичные журналисты, пытаясь проникнуть в архив поэта, добыть скрытую сенсацию. Но Степан Яковлевич ни с кем не захотел встретиться, поделиться своими воспоминаниями, содержанием материалов поэта. В 1973 году в передаче всесоюзного радио одна журналистка жаловалась на холодный и безрезультатный прием ее С. Я. Поздняковым.

Я слушал эту передачу и при очередной встрече рассказал Степану Яковлевичу о ней. Он как всегда решительно махнул рукой: «Нечего ворошить прошлое!»

Как руководитель самых крупных литературных объединений области — Новомосковска и Узловой, начиная с шестидесятых годов, мы часто встречались с ним. Намечали совместные занятия, проведение литературных вечеров и дней поэзии, готовились к областным семинарам. Я периодически бывал у него в квартире на Березовой улице — в доме перед березовой рощей, воспетой в стихах Степаном Яковлевичем. Архив Я. В. Смелякова он хранил бережно.

У нас установились дружеские доверительные отношения. Нередко возникал разговор и о Ярославе Васильевиче. Со святым благоговением он относился к нему. Показывал различные документы архива, зачитывал выдержки из писем, вспоминал эпизоды совместной жизни и работы. Умолчал он только об одном, очень неприятном эпизоде: однажды между ними пробежала черная кошка. Не будем ворошить и мы неприятную историю. Живые свидетели тех дней уходят один за другим. Их уже осталось только двое...

Нам посчастливилось осознанно жить четверть века, когда широко разносилась слава Я. В. Смелякова. Он много писал и публиковался, и каждая публикация его становилась событием в литературной жизни Советского Союза.

Довелось нам близко общаться и с живыми знакомыми Ярослава Васильевича: Василием Кулятовым, Павлом Поддубным, Сергеем Ткачевым, другими поэтами и прозаиками. На занятия заглядывали и К. И. Разин, первым протянувший руку помощи изгнаннику, когда он снова попал в круговерть эпохи. Живые свидетели — они поведали нам правду о земном аде, через которой прошел известный поэт, о его подвиге — оставаться всегда Человеком. Они передали нам частицу его мощной благотворной энергетики. Именно ее импульсы, пульсирующие в строках истиной поэзии, помогли нам на трудном пути постижения Слова.

Несколько десятков воспитанников литературных объединений Мосбасса стали профессиональными литераторами. Говорю с полной убежденностью в правоте вывода: подобного явления не произошло, если бы трагическая судьба Ярослава Васильевича не завела его в тихий город у истоков Дона.

Мы помним и чтим большого русского мастера Слова, его сподвижников, увы, уже ушедших от нас. С благодарностью и благоговением говорим: «Низкий им все поклон, пусть будет пухом родная земля, а вечную память мы сбережем и передадим потомкам».

В годы расцвета творчества Ярослава Васильевича, его всенародного признания, за ним закрепилось высокое звание **ДЕРЖАВНОГО ПОЭТА**. Он писал о великой державе, ее прекрасных просторах, «милых красавицах России», мужественных людях, их созидательном труде на одной шестой части земного шара. Судьба его гнула и ломала, но он шел по жизни прямо и честно делал дело, для которого и был ниспослан на землю. Именно поэтому он и заслужил славу большого поэта великой державы — державного поэта.

СИРЕНЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Лирическое отступление, навеянное стихами Ярослава Смелякова

1

Чаще всего люди влюбляются весной. Мелькают годы, десятилетия, приходит новая любовь, увы!, и такое случается, но самая первая навсегда поселяется в сердце, выбрав в нем собственный потаенный уголок. Гони ее не гони, вытравливай, отвергай, ан нет — из дальних лет страницей воспоминаний замаячит чистая, трепетная, волнующая, до мучительности памятная. И та весна памятная — особенно памятная весна. Не думаю, что приписываю тайну явления любви весне, но весной влюбился сам, весной влюблялись мои друзья и знакомые.

Весна...

Небо прочищено до запредельной глубины, освобождено от зашторенности зимних облаков. Вот они необычайно ласкающие теплые лучи солнца — веселого и доброго. От избытка щедрости рассыпались они на окна домов, на потемневшие сугробы во дворах, на первые лужицы, где в каждой на донышке присело по солнцу, искрясь и улыбаясь. И ты переполняешься светом, и, кажется, сам начинаешь сиять и светиться.

Иду по улице, радуюсь своей юности, избытку сил, обновлению природы, суматошным воробьям и голубям, что устроили птичий базар на асфальтовой проталине двора. Они охвачены неудержимым порывом своего утверждения на земле. Их оперение на солнце переливается всеми цветами и соцветьями известных и неизвестных драгоценностей — играют и сверкают перья и перышки. Энергия продолжения рода угадывается в птичьем чириканье и ворковании. В карусели неразберихи просматриваются, однако, затейливые танцы женихов вокруг своих избранниц под разноголорье бесхитростных песен. Птичьи свадьбы во дворах длятся с рассвета до заката и, похоже, перерыв на обед у них не предусмотрен.

В этот двор я заглянул и на следующий день. Залюбовавшись птичьим торжеством, я в начале и не заметил, что напротив меня в подъезде дома стоит белокурая девочка с портфелем в руке и тоже смотрит на птиц. Она почувствовала, что я смотрю на нее, взглянула мне в лицо. Наши взгляды встретились, и она не отвела глаз. Я шагнул к подъезду. Так пришла ко мне любовь.

Набегали и убегали годы. Они приносили и уносили радости и огорчения. Жизнь меня гнула и ломала. Генетически в меня заложены откровенность и прямота, поэтому с годами наживал все больше синяков и шишек. Наверно, я становился мудрее, ибо без зонта уже не выхожу в дождь. Но всегда весной я люблюсь неугомонными воробьями и более степенными голубями. Они наши вечные спутники и без них было бы скучнее.

Этой весной я вновь восторгался птичьей суетой, чириканьем и воркованьем. Два воробья затеяли драку, видимо, не поделили подругу. Один из них взлетел на ветку куста остролистника и, подброшенный ей, спикировал на соперника. Да так неожиданно и удачно, что тот перевернулся вверх лапками. Я перевел взгляд на подрагивающую ветку, а потом на кустарник, окружавший наш двор. И впервые мне подумалось, что они тоже извечные спутники человека. Они, молчаливые и незаметные, тоже необходимы нам — ягодные и декоративные. Человек полюбил их за целебность, неповторимость аромата, ажурность листвы и переплетение веток.

Весной, вслед за неприхотливыми птицами, первыми просыпаются кустарники, стряхнув со своих веток снежную навесь. А вскоре весеннее пламя листвы охватывает их. Они же первыми и зацветают. А потом на протяжении всего лета радуют нас годами всех цветов и оттенков — от миткальной белизны до жаркого рубина, от успокаивающей прозрачности янтаря до холода угольной черноты.

А какие живописные полотна они дарят нам осенью! Даже в дождливую сыкотную пору от них исходит жизнеутверждение солнца, загадочность свечения звезд и запредельных созвездий. Если спокойно на душе, посмотришь на влажную аллею невысоких кустов, в высверках хрустальных капель, готовых сорваться с листьев и приходит успокоение от оттенков и тонов ягод, вобравших в себя летние зори. И так до самых устойчивых морозов. Но и тогда они не скудеют в своей щедрости. Красная и черноплодная рябины, невысокие декоративные кусты — открытые столовые для всех птиц и пичужек.

Задумался я, и вдруг в память ворвались далекие годы. И вспомнились мне заросли сирени. Не той, что опять же весной, вспениваясь, буйствует в своей кипени соцветий и радует нас на улицах городов и селений, в садах и лесопосадках. А вошла в глаза мне другая сирень — сирень моего детства. Но в рассказе о сирени не обойтись мне без добрых слов о селе Щукавка Воронежской области, об овраге моего села и о саде, который убивали на моих глазах.

2

Детская память, что губка. Она вбирает в себя казалось бы незначительные события стремительно бегущей жизни. Но вот на склоне лет, из дальних потаенных уголков, она неожиданно высвечивает вроде бы давно забытое, зашторенное делами и заботами повседневности бытия. И когда-то промелькнувшие события, случаи раскрываются по иному всей полнотой своих и чужих ошибок, трагизма последовавшего за ними. И тогда издерганное сердце сначала сдавливает, а потом пронзает острая боль непоправимости горьких страничек жизни, невозможности переписать их набело, согласно законов Божьей благодати.

Прошло полвека, как голод и нищета, постоянная тень клеветы, витавшая над «семьей врага народа», выгнала меня из родного села раздольных степных просто-

ров. Тогда в годы войны и после долгожданной Победы оно мне казалось огромным, прекрасным и единственным в мире. Впрочем, вечным и единственным оно и есть... для меня и всех родившихся в нем.

В часы раздумий или грусти, среди постоянной кутерьмы дел и забот, стоит мне прикрыть глаза, как сразу же вижу четкую панораму безлесных окрестностей и само село. Картина села особенно хорошо представляла с Марьинского бугра при возвращении из районного центра городка Эртиль, что раскинулся в долине речки Эртилец за восемнадцать километров от Щукавки. В те времена подобное расстояние не считалось большим. Сельчане ходили в район обыденкой — утром выходили и возвращались к вечеру. Туда их водила нужда. На рынке можно было обменять что-нибудь на зерно. Его дробили на ручной мельнице в крупу. А из нее, экономя, варили жидкий, но все же питательный суп. Мама брала с собой чаще всего меня. Особенно, когда мы водили сдавать «на поставку налога» теленка или возили на тачке кур, кроликов, барашка. Что-то из живности удавалось сэкономить от налога и тогда ее обменивали опять же на зерно...

Что-то взгрустнулось. Сижу, прикрыв глаза. И выплывает из летнего марева, медленно разрастается как на экране мое родное село. Вижу четыре улицы, длинных и нешироких. Они сходятся друг к другу под прямым углом, образуя квадрат. С юга на север, на невысокое взгорье поднимаются, разделяя село на четыре равных части, три переулка. А их, словно гигантской рогатиной, охватил глубокий и сырой овраг. С ним тоже прочно связано мое детство, детство моих многочисленных друзей.

Летом овраг зарастал буйными кустами лозняка, густой болотной травой и осокой. Под крутыми берегами оврага били — пульсировали многочисленные родники, вода которых в жару притягивала к себе прозрачной голубизной, необыкновенным вкусом и легкостью, холодком, ломящим зубы. Некоторые родники заботливо расчищены — образованы криницы. К ним протоптаны тропинки, с удобными ступенями, вырытыми в глинистом склоне оврага. Прохожие и жители ближайших домов пользовались целительной силой родниковой воды. Всматриваюсь в память и вижу, как от каждого родника, змеясь, струится ручеек, давно утвердивший себе путь между кустов и зарослей травы. Уверенно сбегает он на самое дно оврага, где другие ручейки уже образовали стремительный ручей, бегущий за село к реке Эртилец. Ручей местами отвоевал у оврага пространство под небольшие плесы.

В них в изобилии резвятся серебристая уклейка, а в траве под бережком плеса любят дремать жирные и верткие гольцы. Здесь же можно было встретить пучеглазого, усатого рака.

В мрачных и сырых зарослях оврага весной и в начале лета буйствовали соловьи. Их неподражаемые рулады и коленца наполняли окрестность утром и вечером, днем и ночью. Они не знали усталости в любовном порыве, улаживая своих подруг в яйценосную пору и тогда, когда те высиживали птенцов. Песни соловьев обрывались вместе с появлением потомства: некогда веселиться, надо неустанно кормить деток, аппетит которых возрастает с каждым днем...

Зимой мы любили кататься с крутых, склонов оврага на самодельных лыжах и санках. Лихо спускаешься по накатанным следам. Забывается все — ты во власти снежного вихря, посвиста ветра и скорости. «А какой же русский не любит быстрой езды?» Лето приносило в овраг другие игры: война, партизаны, разведчики. Фашистами и предателями не хотел быть никто. Мы выбирали друг друга по очереди — тогда не так обидно. Впрочем, весной, летом и осенью на игры времени у нас почти не оставалось: мы помогали взрослым в домашнем хозяйстве и на колхозных полях.

Левый рукав оврага заканчивался луговой низиной, к которой подходил наш огород. Под прямым углом низину пересекала дорога. Ее от нашего огорода и сада отгораживали заросли сирени. Когда-то в старину вдоль дороги проходил широкий ров, а

на его валу росла сирень. Время почти заровняло ров, а вот сирень продолжала расти, расплзаясь по валу и впадине рва. Сирень подходила к лугу, а луг служил началом оврага.

Я вспомнил о сирени, о сирени моего детства. Но оказалось, что сирень не отделима от сада и оврага.

Сад...

3

Я прикрыл глаза и увидел, что стою на тропинке, ведущей от избы к саду. Вот справа от меня растет огромный куст зари. Так в нашем селе называли любисток. Именно на заре от этого чудесного целебного растения исходит особенно пьянящий аромат. За ним полнеба загородила развесистая антоновка. Ее четыре толстых ответвления отходят от основного ствола на метровой высоте. По ним мы легко взбирались до самых вершин, пытаясь дотянуться за самыми крупными и зрелыми яблоками.

За антоновкой — анис, а за ним — грушовка. Слева в гордом одиночестве, чуть уступая антоновке в размахе ветвей, красовался белый налив. Дальше за яблонями росли сливы и вишни. А за ними разостлан небольшой луг. От этого луга и начинался рукав оврага. Он хорошо виден от сада...

Вот оно мое родное село опять стоит в глазах. А по улицам и переулкам, невидимой волной ползет тревога, леденящая и наши детские душонки. От избы к избе степенно поторапливаются старики, семянят старухи. Они встречаются, по деревенскому обычаю громко разговаривают. Старухи чаще всего тараторят, суетливо жестикулируя руками. Солидно, неторопливо бясят старики. Многие при этом дымят самокрутками отчаянно крепкого табака собственного посада. Клубы едкого дыма беспощадно окутывают старух, но они не сегуют — не принято.

Тревога угомонила и нас — детвору. Друзья-товарищи не собираются вместе, а кучами с братьями и сестрами почти у каждой избы ожидают что-то пока непонятное, но явно неприятное. До нас доносятся часто повторяемые слова «указ» и «налог». Это слово я знаю: мне порой доверяли носить и сдавать налог, чем я гордился. Принимал его кладовщик Ефремыч, вернувшийся с фронта на деревянной ноге. Ходил он в военной форме, а на груди его сверкали две медали. При каждом шаге они мелодично позванивали друг о друга. Принесенный налог он бережно раскладывал по ларям. Слюнявя карандаш, Ефремыч записывал в амбарную книгу и негромко повторял вслух: «Десяток яиц, полтора килограмма масла топленого».

Бабушка перетапливала масло в глиняной чашке. Когда оно остывало, бабушка вынимала застывший круг — пахучий и поблескивающий. Она бережно обертывала его чистой тряпичей. Налог уводил со двора теленка, овечек и настриженную с них шерсть. Он же забирал у нас почти все молоко. Его по утрам мы сдавали деду Матвею. Он разезжал на мохнатой старой кобыле, впряженной в телегу, заставленную бидонами. Слово «налог» я ощущал, как голод, постоянно живущий в животе. Но даже малые дети понимали, что налог необходим и терпели голод, правда, с большим трудом. Бабушка часто успокаивала: «Терпите, терпите, ребятки. Может наше маслице попадет к Илюхе (отцу) и Жоре (старшему брату). Поди с голодухи им ярманца не осилить».

Но вот сегодня меня беспокоило незнакомое, пугающее слово «указ». В конце концов, все прояснилось. По селу прополз слух, что ожидается указ правительства по обложению садов налогом. Придется платить за каждое дерево. Он предполагается большим, платить нечем и, пока не поздно, надо вырубать сады.

Вечером, управившись с делами по хозяйству, мы ждали, когда бабушка скажет нам долгожданное: «Ну, слава Богу, убрались. Теперь можете погонять», — так она называла наши игры с соседними ребятами. Сегодня она неожиданно произнесла:

— Пойду к Кузмичу, посоветуюсь. Мужик он толковый и грамотный. Опять же власть. Ему видней.

— Бабушка, возьми меня с собой,— попросился я.

— Пойдем, коли хочешь.

Кузмич — наш сосед — маленький горбун. Наверно поэтому голова его казалась неестественно большой. Он работал председателем сельсовета. В селе его называли «власть», и побаивались все, даже наша бабушка. Он любил ребятишек. Жили они вдвоем с тетей Наташей. Их единственный сын Санька ушел на войну вместе с нашим старшим братом Жорой. Вскоре на Саньку пришла похоронка. Может быть поэтому Кузмич привечал ребятишек. Мы часто вечером собирались у его дома, окружали тесным кольцом. Неторопливым ровным голосом он рассказывал нам о войне, о Гитлере, о зверствах фашистов. В селе не было ни электричества, ни радио перестали привозить кинофильмы. Кузмич заменял нам все. Слушая его, каждый из нас, как и я, думал об отце, старшем брате, сражавшихся со злыми и жадными фашистами.

Мы подошли к дому. Кузмич сидел на завалинке с газетой, но читать уже становилось темно. Бабушка поздоровалась с поклоном. За ней и я поспешил со своим «здравствуйте».

— Здравствуйте, соседи,— густым басом приветствовал нас он.— Что за нужда привела вас?

— Кузмич, голубчик! Поясни ты нам неграмотным, что люди толкуют об указе и налоге на сад?

— Зря толкуют. Указа никакого нет.

— А все говорят скоро будет.

— Таких указаний пока нет. Ничего не говорится и в «Правде»,— он зашелестел газетой, как будто подтверждая, что в ней действительно нет указа о налоге на сады. Но если говорить о дополнительном налоге, то ведь война. Жгут, разоряют нас фашисты. Сейчас стране много средств требуется. Придется нам еще помогать. У меня-то сада нет.

— А как же наша орава? Одно утешение для них — вишни, сливы, яблоки. Правда, сад чуть ли не половину огорода занимает. А картошки до нового урожая — в натяжку. Наверно придется порешить сад, пока налог не пришел, тихо говорила бабушка, как бы сама с собой.

— Не знаю, не знаю. Я в таких делах не советчик.

Мы попрощались и пошли домой.

«Наверно Кузмичу пока нет указаний рассказать о налоге на сад». Вот он и скрывает. Власть на то и власть, чтобы всю правду сразу не говорить народу»,— тихо говорила бабушка то ли мне, то ли себе. Я поспешал с ней рядом.

У старших братьев и сестер все мы рано учились читать и писать. Была у нас и небольшая библиотека, где имелись и книги для детей со стихами и сказками. Долгими зимними вечерами, прижавшись друг к другу на теплой печи, кто-нибудь у коптилки читал вслух чаще всего Пушкина, Лермонтова, Некрасова, других русских поэтов. Из прозы в такие вечера мы любили слушать Толстого, Горького, Чехова, Тургенева, рассказы о войне. Больше всего удивился, когда узнал, что Кольцов и Никитин наши — воронежские. Мне почему-то казалось, что все писатели живут обязательно в Москве и Ленинграде.

Любая новость по селу во все времена разносится мгновенно. Утром разговоры о садах возобновились.

— Ничего, ребята, не страдайте. На месте сада мы посадим еще картошки, огурчиков, помидорчиков. Авось и не умрем с голоду,— смиренно говорила нам бабушка.— На все воля Божья.

— Как люди, так и мы,— поддержала ее старшая сестра Зина, работавшая почтальоном.

Разговоры о саде разбудили во мне стихи Некрасова:

*Плакала Саша, так лес вырубали,
Ей и теперь его жалко до слез.*

Представил я плачущую Сашу, похожую на мою подружку Дусю в слезах, увидел падающие деревья — они умирали, печально опуская к земле ветви. Мне стало грустно-грустно. Вторая дверь, из наших сеней выходила в сад. Я открыл ее. Было свежо — к нам подходила осень. Листья на деревьях желтели, и уже опадали. Деревья стояли задумчивые и усталые. Они отдачили нас ароматными плодами и теперь отдыхали. А вот их скоро начнут убивать, срубая под корень. Из глаз потекли слезы. Я побежал за плетень двора, где пока еще на теплом солнце грелся наш преданный и ласковый дворняга Орел.

На следующий день с утра по селу застучали топоры, зашипели пилы, яростно вгрызаясь в тело груш и яблонь.

«Ду-у-чик! Ду-у-чик!»,— злобно лаяли топоры.

«Ши-и-ир-шир! Ши-и-ир-шир!»,— хищно шипели пилы.

Дробясь о берега оврага и о стены домов, множилось многократно и устремлялось за село:

«Ду-у-чик! Ду-у-чик!»

«Ши-и-ир-шир! Ши-и-ир-шир!»,— забивало все звуки села, звучало в ушах до озноба в теле.

«О-хо-хо! О-хо-хо! Грехи наши тяжкие»,— вздыхала бабушка Фекла Федоровна. И в свои преклонные годы она оставалась рослой, прямой, красивой и гордой.

«Наша порода на всю округу была известна. От женихов никогда отбоя не знали. А парни могли выбирать любую девку, не опасаясь отказа. За сто верст приезжали сваты»,— не раз с особой важностью рассказывала она.

Знали мы и другой ее рассказ: «Я родилась в большой и богатой семье, дружной и работающей. Все богатство нажили своим трудом. Батраков никогда не держали. Любое дело для себя сам всегда лучше делаешь».

С нами бабушка держалась строго, требовательно относилась к выполнению поручений, но мы чувствовали справедливость, поэтому ее любили, уважали, но и побаивались.

«О-хо-хо! О-хо-хо!»,— время от времени продолжала протяжно стонать она. — «Господи! Помилуй нас грешных! Спаси и сохрани нас, Господи!» При этом она степенно осеняла себя крестом.

Справившись с утренними заботами по хозяйству, мы позавтракали.

— Что же нам делать с садом? Одним никак не свалить яблони,— рассуждала бабушка.

— Бабушка, свалим сами! — перебивая друг друга закричали мы. Нам и впрямь казалось, что мы сумеем справиться с вырубкой сада. Сестра Юля и брат Иван уже ходили в школу, и мы считали их взрослыми. — Вон сколько папиных инструментов: и топоры, и пилы есть.

— Нет, ребятушки, не справимся мы. Дело опасное — придавить нас может деревом. Тут мужицкий опыт и хватка требуется. Бабушка двумя руками поправила на голове платок в синий горошек и скорбно поджала губы. Завтра поговорю с Лексеичем.

Утром для подмоги пришел дальний родственник со странной для села кличкой Рабин. По переулкам уже неслась пугающе-тревожная переключка топоров и пил.

Дед в штопаных фуфайке и брюках. Он высок, сутул, широк в кости. Лицо зарос-

ло серо-сизыми клоками волос, напоминающих шерсть нашего Орла. Синеватый нос утопал в желтых прокуренных усах. А между клоками волос посверкивали красноватые, слезящиеся глазки. Сегодня его голову вершил обвисший, полуоблезлый треух. «Матерого волка я прижучил в овчарне» — рассказывал дед о своей шапке. Он работал ночным сторожем.

Явился он с лучковой пилой и хищно поблескивающим направленным топором. Прежде всего бабушка налила ему полкружки свекольного самогона и покормила. Насытившись, дед подобрел, даже без треуха вышел на улицу.

Он пригладил редкие волосенки на голове. Доставая из бездонного кармана коротких брюк неопределенного цвета кисет, дед присел на заваленку.

Свернув солидную самокрутку, он разжег трут из ваты с помощью «катюши» — кресалом ударяя по кремню. Получалось у него все неторопливо, но ловко.

Осень стояла сухая и, солнечная. Уже на пожухлой траве-мураве мы вчетвером расположились напротив деда в ожидании его команды. Покуривая, дед посматривал на нас и философствовал:

«Все нам дается свыше. На все воля Божья, Бог даст, Бог и возьмет. Куда не кинь — без налога государству не обойтись,— дед почесал кончик носа и поправил усы.— И понятно, что нужны государству масло, мясо, яйца, шерсть. Раненых на него надо ставить? Конечно надо! Нельзя же им дать погибнуть. Меня-то в первую ярманскую войну в грудь ранили, газом травили. Но выходили, ничего, вот, живу. И кладовщика Ефремыча поправили. Пусть на деревяшке, но живой и колхозу уже пообяжет. Нет, без налога не обойтись. А сад жалко, хорошие яблоки у вас. Мы ведь родня и Федриха завсегда меня угощает, когда случается мимо проходить».

Из избы вышла бабушка и присела рядом с дедом.

— Не горюй, Федриха, мы скоро управимся, смотри, какие, гвардейцы у тебя! Помогут.

— Помочь-то помогут. Но им же без сада худо будет. Он у нас всегда был, сколько я себя помню. А яблони мой папая обновил. Нет, жаль сад!

— А налог чем платить? За каждое деревце учетчик насчитает сколько? Вот и думай,— успокаивал он бабушку.

— Конечно, конечно,— бабушка согласно кивала головой. И все война проклятая! Разорила нас подчистую.

— Ярманец, ярманец виноватый,— желтым прокуренным пальцем дед тыкал в сторону запада, как бы стреляя из пистолета.— У меня вот к непогоде всегда раны жуют и жуют. Не сплю ночами. Хорошо, что сторожу: то с собаками поговорю, то овечек посмотрю — у них окот постоянно. Вот и примешь ягненокка, а где требуется, то и пособишь. На мне такая ответственность наложена. А там глядишь и доярки пришли. Выпью кружку молока — оно овечье дюже полезительное. В район раненым да больным увозят.

Мы, прижавшись друг к другу, слушаем разговор старших, не вмешиваемся — не положено.

Огромным солдатским ботинком дед раздавил окурок, на ощупь двумя руками подкрутил усы:

«Ну, гвардия, в атаку!»

Мы вошли в тихий и задумчивый сад, шурша опавшей листвой.

— По первой, Федриха, давай снесем вишни и сливы. Ребята стащат их, за огород на луг. Простору будет больше.

— Как скажешь, как скажешь покорно отзывалась бабушка. Тебе, Лексеич, видней, ты мужик опытный. Дрожащими руками она поправляла волосы, выбивавшиеся из-под платка.

Дед быстро вошел в рабочий азарт, да и сила в нем еще чувствовалась. Сноровисто, у самой земли двумя-тремя ударами крушил он подряд вишни и сливы. На каждом замахе дед выпрямлялся, топор взлетая, поблескивал жалом на солнце:

«Га-а-ах»,— слышалось кряхтенье. И тут же следовал звук топора:

«Ду-у-чик»,— вливаясь в переключку топоров и пил села.

Повсеместно крушили сады.

«Га-а-ах!»,— дед резко вонзал топор в очередное дерево.

«Ду-у-чик!»,— послушно и хищно отзывался топор.

Растерянные и присмирившие без привычного шума-визга по двое-трое мы брались за только что загубленное дерево, вытаскивали их на луг. Щадя нас, дед обрубал большие суки, облегчая дерево.

Бабушка прощалась с садом, как с живым. Она переходила от дерева к дереву, гладила шершавые стволы такими же шершавыми ладонями. Слезы текли по ее лицу, изрезанному множеством мелких морщин.

«Прости нас, Господи! Спаси и сохрани! Батюшки мои, батюшки мои! — причитала она. Анис, анис! Он у нас из всего села — крупный, медовый! Батюшки мои, батюшки мои! Прости нас, Господи! Спаси и сохрани!» Фартуком она вытирала мокрое лицо и крестилась, и крестилась, вымаливая прощения всемогущего Бога, призывая его защитить всех нас грешных.

Под натиском пилы и топора из яблонь первым рухнул белый налив. Дед удобно примостился между двумя суками, достал кисет. Рассевшись на суках, как воробьи, мы тоже отдыхали. Подошла бабушка, стала перед дедом.

— О-хо-хо! Поди притомился, Лексеич?

— Годы, Федриха, годы. Затянувшись и выпустив очередной клуб дыма, дед левой рукой огладил клоки своей бороды:

— Еще одну свалю и шабаш — мочи нет. Завтра с утра я эту раскряжю на швырок, а ребята во двор стащат. Потом остальные свалю.

— Спасибо тебе, Лексеич! Слава Богу! О-хо-хо! О-хо-хо!,— снова застонала бабушка.

— Ты, Федриха, не скули, душу не выматывай. Опять же дров-то сколько! На несколько зим хватит кизяк разжигать. Не скули, не скули, а благодари Господа, что дрова твои налогом не обложили. Время придет, разведем новые сады. Разведем, разведем — без садов нельзя человеку, детям,— успокаивал бабушку дед, потягивая свою «козью ножку».

— Какие новые сады? — всплеснула руками бабушка. Мне-то уж до них не дожить.

— Дает Бог, еще как доживешь,— почесал дед затылок.— Вот я-то не доживу точно. А пока и без садов поживем. Господь не дает погибнуть нам грешным. Помогает же он России ярманца гнать. Факт, только он и помогает. Дед снял шапку и впервые за этот день перекрестился.

Но бабушка уже не слушала деда. Растерянная и поникшая она подходила к новой обреченной яблоне:

«Антоновка... Сколько себя помню, она всегда была у нас. Обновляли. А какая рожалась — в два кулака! Бабушка вытянула руки и сложила два кулака вместе, показывая то ли себе, то ли деду, величину антоновки.— До Рождества лежала в соломе,— причитала бабушка, вновь повернувшись к яблони и поглаживая ствол ладонями.— Достанешь бывало, надкусишь — янтарь-янтарем, хрусталь-хрусталем и дух, дух по всей избе расплывается! — она смахнула слезы тыльной стороной ладони! — А в капусте, ох и вкусна была! А капуста от нее духовитая-духовитая! Батюшки мои, батюшки мои! Прости нас грешных, Господи, прости и сохрани!»

Мне было грустно-грустно и очень жаль бабушку, жаль и сада. Теперь у нас не

будет вишень и слив. Не забраться нам больше на яблони, не выбрать самое-самое красивое яблоко. Оно всегда оказывалось и самым вкусным...

С южной стороны сада стеной стояла разросшаяся сирень. В селе я не видел ни у кого такого обилия сирени. Она не подлежала обложению налогом.

«Господи, Господи! — стонала-причитала бабушка. Сирень-то осиротела. Пусть она хотя бы останется и то слава Богу».

4

После вырубки сада неуютна, пустынна стала наша усадьба. Пни мы не осилили выкорчевать и они стояли скорбными надгробиями саду.

Сиротливо взирала на пни сирень, отгородив наш огород от проезжей дороги. Каждую весну она оживала и вспыхивала веселой кипенью густых соцветий. Тихими вечерами далеко-далеко окрест уплывал ее неповторимый аромат, присущий только сирени. В пору цветения на окнах избы у нас стояли пышные букеты сирени, а я всегда с грустью вспоминал о загубленном саде.

К любой ране, к любому нарыву мы непременно прикладывали прохладные, успокаивающие листья сирени и болячка заживала быстрее.

Осенью обильная листва сирени опадала, образуя между кустами мягкую теплую подстилку. Я любил забираться в самую гущу зарослей, прилечь на пружинящую, шуршащую листву и мечтать о будущем, о том, когда я стану взрослым. Я всегда учился на отлично и мне очень хотелось учиться дальше. Я еще не осознавал на кого мне надо выучиться: то ли на учителя, как старший брат Жора, то ли на агронома, чтобы выращивать богатые урожаи, не позволяющие людям голодать. Иногда мне хотелось стать военным, защищать страну и нашу Щукавку, если враги вновь нападут на нее. Тогда вспоминался отец, где-то затерявшийся в жестоких боях.

В мае между кустами сирени и во рву, мешая друг другу, из-под полусгнившей листвы неудержимо начинали вылезать бело-маговые тарелки шампиньонов. После дождя они были особенно крупными и мясистыми. И так до самой глубокой осени. Я любил собирать их, аккуратно срезая шляпки. От грибов исходил особенный, только им присущий запах. Я рассматривал нежные, ломкие розово-сиреневые пластинки и мне почему-то казалось, что этот приятный цвет у них от того, что они растут в сирени.

В голодные военные и послевоенные годы грибы частенько выручали нас: бабушка тушила картофель с грибами. Но и когда наступили более благополучные годы, мы не забывали о грибах.

Уехав из села, я многие годы в отпуск спешил неизменно в Щукавку, к маме, к друзьям детства. И всегда любовался сиренью, вспоминал и сад. Мне часто везло, и я набирал целое ведро душистых шампиньонов. И непременно говорил: «Спасибо тебе, сирень, сирень моего детства!»

Закрутила, завертела меня судьбина-бездорожица, а может моя беспутная натура. И бросало с севера на юг, с запада на восток. Неладное творилось и в стране: то все главное руководство министерство рыбного хозяйства за миллионные махинации расстреляют, то самый высший милиционер СССР застрелится, оказавшись хапугой и взяточником. Ими же, выяснилось позже, были и самые-самые «верные ленинцы». А тут еще Мишка Меченый из болотца вынырнул.

«Боже мой! — думал я.— Откуда подобные хищники и твари берутся, еще и за русских себя выдают. Действительно, только из болот и подворотен подобные индивидуумы могут выползть». Где-то за пределами сознания я уже слышал дыхание грядущего Антихриста.

Предчувствие, Высший Разум или Высокий Космос, что одно и то же впервые заставили меня задуматься о своей бесшабашной жизни: не пора ли остановиться-

притормозить? Уже много лет неведомая сила, бросала меня из одного края «союза нерушимого» в другой. Работа на стройках по договорам — шашка измучила меня физически и морально. За горизонтом уже маячила неизбежная старость. И потянуло меня неудержимо на жизнь оседлую, захотелось быть поближе к земле-матушке — иметь собственный сад.

Закончив очередную стройку, я распустил бригаду, вернулся в родной город и осел дома. Приближался мой юбилей и задумал я хотя бы раз в жизни преподнести сам себе приятный подарок. Не советуясь с женой (восстанет против!), я на «излишние» деньги купил дачу с садом-огородом. В один из свободных дней приехал к себе на дачу хорошенько все осмотреть, подумать о перепланировке по своему разумению и желанию. При ближайшем знакомстве я увидел густые поросли вишен и слив, запущенную грушу и яблони. Долго бродил, размышляя, что предстоит сделать. Не хватало памятных мне антоновки и белого налива. Их я привью на растущие яблони. Но меня чем-то еще не устраивал сад. Я присел на полусгнившее бревно, закурил и в раздумье прикрыл глаза. Тут же передо мной возникла картина моего детства: мы вырубали сад, бабушка плачет, ходит от яблони к яблоне, прощаясь с ними, как с живыми. А по краю огорода тянутся заросли сирени, осиротевшие после вырубки деревьев. Я услышал хищный лязг топора, разрывающее душу безжалостное шипение пилы и встревожено открыл глаза. Покалывало в груди, я отчетливо слышал учащенные удары сердца. Сирень! На участке не хватает сирени, сирени моего детства.

Из нашей большой, дружной и трудолюбивой семьи уже давно никто не живет в Щукавке. Из семерых братьев и сестер нас осталось, как поется в песне, только трое. Тонкой ниточкой с родимым краем связывает вдова старшего брата Надежда Кузьминична, мой молочный брат-директор средней школы деревни Марьянка, что в пяти километрах от Щукавки, Виктор Васильевич и его-наша старенькая мама-тетя Даша, спасшая меня своим молоком в лихолетье 1937 года.

У брата я бывал часто, но он умер еще в 1985 году. Война все же достала командира пулеметного расчета на шестидесятом году жизни. Тяжело болела и его жена — годы брали свое. Помню я их еще молодыми. Она-белокудрая учительница прекрасно пела под свою старенькую гитару. А брат прошел всю войны — с сентября 1941 года — по май 1945-го. Вернулся, увенчанный наградами. А победителю только исполнился двадцать один год. Он тоже работал в школе, где и встретился с Надеждой Кузьминичной. Их прекрасные сыновья Гена и Толя в июне 2000 года заехали за сестрой Юлей и мной, навестить больную Надежду Кузьминичну. Ребята из Москвы и Петербурга регулярно навещают родные места. Воспользовавшись случаем, я попросил Гену съездить в родную мне Щукавку. По пути мы взяли с собой и Виктора Васильевича в качестве штурмана.

И вот она вновь, как в частых воспоминаниях, прекрасно видна с Марьянского взгорья незабвенная малая родина — Щукавка. Защемило, пойманной птицей, затрепыхало изношенное сердце. О потрясших меня встречах, болях и радостях, если окажется интересно для других, я расскажу, когда успокоится душа от волнений и нахлынувших воспоминаний, вызванных свиданием с отчими местами, с друзьями далекого детства. А вот об одном я уже не могу молчать...

...Американец «Форд» с трудом осиливал русские дороги переулков Щукавки. И не мудрено — все вокруг заросло чертополохом! Гена отчаянно терзал руль, помогая американцу. И если бы не штурман Виктор Васильевич, значительно позже покинувший село и регулярно по делам бывающий здесь, мы бы наверняка застряли основательно. Я шепнул штурману, он улыбнулся мне понимающе и незаметно вывел Гену прямо к моему переулку — к сирени моего детства!

Ни следа не осталось от избы за полвека. Бузина да бурьян бушевали на месте нашего сада-огорода. Но вот сирень достойно отстояла свое право на продолжение

жизни! Я попросил Гену остановиться. Неделей раньше прошли теплые затяжные дожди и земля продолжала парить. Не обращая внимания на свой адидасовский костюм, я ринулся в заросли сирени.

— Матушки мои! Батюшки мои! — закричал я, напугав своих спутников. Они выскочили из машины.

— Что случилось?

— Ребятюшки, грибы! — Мои шампиньоны! — не мог сдержать своего возбуждения. Сорвав первый же ближний гриб, я разломил его. На меня пахнуло таким близким, таким памятным запахом! Это был запах моего детства!

Втроем набрали мы чуть ли не полный багажник. На обратном пути я рассказывал им о саде, о сирени моего детства, обо всем, что и поведал бумаге...

...Когда я приезжаю на свой дачный участок и открываю калитку, то всегда прежде всего смотрю налево. Здесь вольно себя чувствует куст сирени.

Но шампиньоны под ним не растут...

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

«ВСЕ МЫ СТОИМ ТОГО, ЧТО МЫ СТОИМ...»

О поэзии Ярослава Смелякова

Кандидат педагогических наук Игорь Викторович Карлов — наш постоянный автор. В настоящее время работает учителем русского языка и литературы в школе при Посольстве Российской Федерации в Республике Мозамбик, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Пожалуй, пика славы Ярослав Васильевич Смеляков достиг незадолго до своей кончины. Тогда, в шестидесятых, окрашенная энтузиазмом двадцатых-тридцатых годов прошлого века поэзия пришлась ко двору романтикам, гревшимся в неярких лучах «оттепели». Самые известные стихотворения Смелякова — «Если я заболею...» и «Хорошая девочка Лида», оба написанные в 1940 году, приобрели особую популярность, причем одно из них стало песней, которую распевала страна чуть не хором (в нем, впрочем, были различимы и отдельные мощные голоса, например, Визбора, Высоцкого). Больше того: эти стихи использованы кинематографистами в обожаемых народом комедиях, а это то же самое, что стать героем анекдотов, то есть высшая степень признания, на уровне фольклора. «Ушла в народ» и блестящая стилизация Я. Смелякова из раннего (1931 год) стихотворения «Слепцы поют быт», пародия на песню незрячего шарманщика, которая запоминается с первого же прочтения и прочно оседает в памяти (думаю, что о «злодее-муже» дворовые да железнодорожные сказители-выпивохы повествовали многократно, даже не представляя имени автора, не догадываясь о карикатурном характере произведения). А в годы «перестройки», когда мы открывали «запретную главу» отечественной литературы, до нас дошло из 1967 смеляковское «Послание Павловскому», скорбное и гордое обращение к «крестному из НКВД», заканчивавшееся сдержанным обещанием встретиться со следователем, настолько сдержанным, что становилось тревожно...

Даже несколькими стихотворениями остаться в русской лирике — честь великая. Смеляков такую честь заслужил. Но сегодня, встречая вековой юбилей поэта, пора по-новому взглянуть на его искусство, пора ввести в читательский «оборот» и другие его стихи, пора с позиций нынешнего дня осознать суть его творчества.

А заключена она в изживании романтики. В этом процессе нет предательства идеалов молодости, нет утраты нравственных ценностей. Это взросление. Прощание с романтизмом — «многих славный путь», пожалуй, путь всей поэзии, завещанный самим Пушкиным своим последователям, вплоть до последнего оставшегося в мире пиита. Тот, кто не был романтиком в двадцать лет, подлец; тот, кого в шестьдесят не вдохновляет суровый реализм, глупец.

Ярослав Васильевич Смеляков ни подлецом, ни глупцом не был. Он был революционному романтичен в юности, рвался участвовать в «справедливых боях» и готов был жертвовать собой ради высшей правды, какой он тогда ее себе представлял. Сам поэт в автобиографии о тех годах писал: «...все мы с упоением дышали ком-

сомольской атмосферой начала пятилеток...» * Этого комсомольского задора хватило бы на все человечество, включая девочку Лиду, проживавшую на улице Южной, и влюбленного в нее мальчишку. Романтика была лекарством Смелякова от всего несовершенного и неидеального, поэтому он советовал врачевать «жарким ветром пустынь, серебром водопада». Больничный коридор в двадцать восемь лет мало кому знаком, поэтому его можно представить себе даже млечным путем — такое же далекое и неведомое пространство.

А через пять лет после создания вдохновенных строк о беззаветной любви и дружбе, уже изведавший горечь несправедливых приговоров и тяжесть подневольного труда, поломанный и покалеченный жизнью, Смеляков нашагался по этим коридорам до тошноты, умоляя фельдшерицу Валу достать для него ключ от безнадежно запертых дверей («Я ж на всю святую Русь...», 1945). Так происходит прощание с романтикой. Так ощущается, как «дышат почва и судьба».

Судьба занесла Смелякова после войны в Подмосковский угольный бассейн, в город Сталиногорск (ныне Новомосковск Тульской области). Он явился в редакцию районной газеты и предложил свои услуги. Известного поэта, но неблагонадежного человека, лишённого права жить в столицах и крупных городах, рискнули принять на работу. Кто-то из сотрудников газеты приютил нового коллегу в своей «коммуналке»... Думается, отсюда, из города на редкость красивых женщин (по уверениям местных жителей, еще царь Петр, согнавший сюда несметные тысячи строителей заброшенного впоследствии канала, провел определенную «селекцию» подмосковных прелестниц), привез Смеляков мимолетную радость от встречи с девушкой, обладавшей глазами, напоминавшими ему по цвету антрацит («Дочь начальника шахты», 1946), и восхищение «Милыми красавицами России» (стихотворение 1945 года).

Сама же «горняков и шахтеров земля» с тех пор воспринималась поэтом в духе «строгой любви»:

*Не найдешь в ней цветов избилъя,
не найдешь и садов неземных —
дымный ветер, замешенный пылью,
да огни терриконов ночных.
Только тем, кто подружится с нею,
станет близкой ее красота.*

(«Уголь», 1957)

Здесь, где плещутся воды легендарного Иван-Озера, где порастают быльем величественные Епифанские шлюзы, где берет начало Дон (а редакция газеты, в которой служил Смеляков, расположена буквально в двух шагах от истока великой реки), впервые задумался поэт об истоках России, о смысле пути своего народа, о цене, которую приходится платить за романтику революционных преобразований.

Отношение к петровским реформам, к личности первого русского императора уже несколько веков являются водоразделом для отечественной интеллигенции. Смеляков в стихотворении «Петр и Алексей» (1949) тоже подходит к разработке этой проблемы. Поэт нашел зерно образа Петра в факте предания пыткам и казни наследника. Раскрывая драматичные отношения в августейшем семействе, Смеляков одновременно и обращается к традиции русского искусства, и остается созвучен своей эпохе: тот же мотив звучит в «Восковой персоне» Тынянова и в пьесе Алексея Толстого «На дыбе», первый вариант которой заканчивался горьким сетованием царя на то, что он замучил сына. Толстой стремился показать трагизм исторической лично-

* Смеляков Я.В. Стихотворения и поэмы. Л.: «Советский писатель», 1979. С. 52

сти, но товарищ Сталин, который, вестимо, великий ученый, поправил «красного графа»: не трагическая то фигура, а героическая. Ну, так тому и быть! И вот уже новая редакция пьесы триумфально шествует по сценам советских театров, вот уже выходит на экраны страны кинофильм о самодержце-революционере, вот уже публикуется роман «Петр Первый». И Смеляков в своем стихотворении, вслед за населением всего СССР, умиляется мужицкими руками монарха, который «день — в чертогах, а год — дорогах». Противостоит венценосному государственнику безвольный, «слабостный» царевич, по сути — враг народа, «до отчаяния» ненавидящий «все, чем нынче страна живет». К тому же Алексей «тайным мыслям подвержен слишком». Это, пожалуй, самый страшный грех. Враг, одним словом, из врагов враг. Ну а ежели враг, то и жалеть его нечего. Петру нужны «бомбардиры и трубачи», а не «начетчики и кликуши». Если же сын его оказался истеричным и малодушным — тем хуже для сына. С позиций конца сороковых годов тут и возразить нечего: не вписался в эпоху — в расход тебя! Такова логика борьбы. Смеляков эту логику не оспаривает, выдавая банальную строчку: «Ох, нелегкое это дело — Самодержцем российским быть!..» Конечно, вождам завсегда тяжелее, чем ведомым! О каждом из подданных думает батюшка Петр Алексеевич в своем дворце, его недреманное окошечко одно светится во всем Петербурге с вечера и до утра, его назвал Сенат отцом Отечества, лучшим другом физкультурников, величайшим языковедом и генералиссимусом. Все здесь понятно, все «в ценах» 1949 года. И вот лирический герой Смелякова уважительно склоняется перед памятником Петру: державу создал, значит — прав. Победителей не судят. А все-таки жалко становится и Алексея: «тусклый венчик его мучений» не затмевается императорским венцом отца. Вот это поворотный момент для последующего творчества Смелякова. Под грузом выпавших на его долю незаслуженных гонений у писателя возникает не вписывающееся в классовую парадигму сомнение: может быть, и с победителей следует спросить о цене их победы?

И далее почти двадцать лет в стихах Смелякова борются две тенденции: безотчетно романтическая и осмысленно гуманистическая. То стихотворец восторгается тем, что во время одной из встреч с детской аудиторией ему на грудь повязали красный галстук («Пионерский галстук», 1945), то восхищается «Рязанскими Маратами» (стихотворение 1961 года) и «Командармами гражданской войны» (стихотворение 1966 года), то радуется возвращению в обиход боевого клича красных конников («Даешь», 1957). В этом смысле Смеляков в полной мере соответствовал тому типу, который принято связывать со словосочетанием «советский поэт»: он и коммунистической символикой любителю («Наш герб», 1948), и стихи к празднику пишет («Стихи, написанные 1 Мая», 1953). А уж обращение к «Товарищу комсомолу» (стихотворение 1958 года) стало для Я. Смелякова общим местом. Поэтому составители сборника, выпущенного в академичной серии «Библиотека поэта» уже после смерти автора, в 1979 году, без обиняков называют лауреата государственной премии «выдающимся советским поэтом».

Но рядом с этим жила другая тенденция, которую явственно ощущала официальная советская критика. Анализируя произведения Смелякова, литературовед Б. И. Соловьев в конце семидесятых писал: «...утверждая пафос и романтику великих творческих преобразований, Я. Смеляков вместе с тем по временам слишком решительно подчеркивал суровость, резкость, даже «грубость» эпохи»*. Двойственность смеляковского творческого кредо подметил и Е. А. Евтушенко, сказав так: «Я не встречал ни одного человека более советского и в то же время более антисоветского, чем Смеляков».

Разумеется, никакой антисоветчины в поэзии Смеляков не было, а были серьез-

* Соловьев Б.И. Ярослав Смеляков. Стихотворения и поэмы. Л.: «Советский писатель», 1979. С. 20.

ные раздумья «о времени и о себе». Под влиянием этих раздумий обретает объем образ «комиссарки гражданской войны», пришедшей в почтовое отделение за денежным переводом, который причитался незаконно репрессированным лицам после реабилитации («Жидовка», 1963). И невольно задумываешься: эта пламенная революционерка не приходится ли матерью Любке Фейгельман, горько разочаровавшей влюбленного в нее лирического героя стихотворения 1938 года «Любка»? В начале шестидесятых он, уже многое переживший и переосмысливший, чуть иронично и вместе с тем заинтересованно разглядывает свою несостоявшуюся тещу...

Через глубокое сопереживание судьбе человека своего поколения («Мое поколение», 1946, «Вы не исчезли», 1946, «Ты все молодисься, все хочешь...» 1953) и др. поэт приходит к обобщению, на которое способны лишь благородные сердца:

*За подвиги свои и прегрешенья,
за все, что сделал, в сущности, народ,
без отговорок наше поколение
лишь на себя ответственность берет.*

(«Мне говорят и шепотом, и громко...», 1972)

А от такой постановки вопроса всего лишь шаг до ощущения сопричастности отдельного человека исторической судьбе народа. Все чаще обращается автор «Хорошей девочки Лиды» к культурному и историческому наследию России: интересно заявлена у Смелякова пушкинская тема, он пишет о Л. Н. Толстом, о М. Ю. Лермонтове, адресуется к своим старшим современникам, к тем, кого мы сегодня называем поэтами «серебряного века» — Маяковскому и Ахматовой. Фигура Дениса Васильевича Давыдова становится в этом плане точкой пересечения сфер искусства и истории, и вот предстают перед нами Суворов, Меншиков, протопоп Аввакум, Иван Калита... Даже форма лирических произведений поэта с годами меняется и приобретает черты традиционных жанров. Среди заглавий мы встретим у Смелякова «Классическое стихотворение», «Элегическое стихотворение», баллады и оды; найдем и стансы, и эпиграфию, которые, казалось бы, навсегда остались на пыльных страницах хрестоматий.

В середине пятидесятых, вспоминая юность, Смеляков создает повесть в стихах «Строгая любовь». Ее герои готовы пригвоздить к позорному столбу свою ровесницу, показавшуюся им «мещанкой», поскольку выяснилось, что та порой занимается женским рукоделием. Придирчивые и аскетичные комсомольцы кипят негодованием по этому поводу, но их «праведный» гнев разбивается о спокойную уверенность в себе Зинки, наследницы поколений работников, мастеровых, создавших нерушимый уклад жизни, где роль женщины понятна и почетна. Один лишь взгляд девушки удерживает горячающихся товарищей от скоропалительных «оргвыводов». И тогда молодые люди впервые усомнились в непогрешимости внушенного им системой мировоззрения, начали осознавать, что лозунговое мышление никогда не даст здоровых, жизнеспособных всходов. Среди безоглядных романтиков, оторопевших от столкновения с неведомой им дотоле глубинной правдой жизни, находится и лирический герой поэмы, вдруг по-новому увидевший свою подругу, которая «...что-то лучше нас / сквозь все условности видала». Этот свежий взгляд постепенно, но основательно утверждался в творчестве Смелякова. Апофеозом такого укоренения следует считать стихотворение 1966 года «Сосед». В нем речь идет о «гражданине преклонных лет», прошедшем войну и ныне мирно копающемся на своих «четыре грядках» перед домом. Какие идеологические громы в свое время обрушивались на головы владельцев пресловутых «шести соток»! Но в глазах Смелякова заклеянный пропагандой как чуждый советскому строю элемент «Персонаж для шелкоперов, / Мосэст-

рады анекдот» превращается в хранителя родной земли (по крайней мере, той крохотной ее части, которую власть позволила ему считать *своей, собственной*). Поэт, смело вступая в полемику с официальной точкой зрения, не стесняется для намеренно лишённого патетики образа соседа подбирать самые великодушные дефиниции:

*...жизни главная опора,
человечества оплот...
Не ваятель, не стяжатель,
не какой-то сукин сын —
мой приятель, обыватель,
неприметный гражданин.*

И слово «обыватель» здесь не сатирически-ругательное определение, а исконная, от «бытия» образованная лексическая единица, да и понятие «гражданин» звучит возвышенно, отзывается некрасовским эхом, а не бытовым «Гражданин, дай спичку!» Гражданин — хозяин земли, которая под его руками «не пропадает, а шевелится». Гражданин тот, кто обустроивает Россию «для житейской пользы дела / и еще для красоты». Декларируя такой взгляд на мир, восторженный певец первых пятилеток окончательно уступает место «новому Пимену», летописцу родной истории. Следовательно, мы вправе утверждать: поэзия Смелякова — живой пример того, как Россия «переваривала коммунизм».

Во второй половине шестидесятых Смеляков судит о прошлом уже зрело и самостоятельно. Какая радость открытия величия родного народа, какая надежда на него отразилась в стихотворении «История» (1966):

*И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущение
Шагов Истории самой.*

*Она своею тьмой и светом
меня омыла и ожгла.
Все явственней ее приметы,
понятней мысли и дела.*

*Мне этой радости доньше
не выпадало отродясь.
И с каждым днем нерасторжимей
вся та преемственная связь.*

*Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.*

В том же году появляется «Надпись на «Истории России» Соловьева». Сейчас внимательно: советский поэт Смеляков изучает не «краткий курс», а вполне академический труд дореволюционного историка, т.е. ученого из царского времени, т.е. идеологически заведомо чуждого. За это комсомольцы тридцатых своему товарищу такое бы устроили, только держись! Но романтика кавалерийского наскока уже уступила место вдумчивому осознанию того, что произошло со страной и народом, с самим поэтом. В его судьбе тоже отразилась История:

*Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить бездумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

А что еще лечит от легковесного романтизма? Родной язык. Стихотворение 1966 года «Русский язык» следовало бы включить в школьную программу наравне со знаменитым произведением Тургенева. У Смелякова язык является взору творящимся, еще не обретшим классические формы великого и могучего. Поэт показывает, в какой будничной простоте, в каких страданиях выковывается величие и могущество. Изначально наш язык струился из пор минувшего далеко не возвышенно: колыбель его бедна, как всякая крестьянская колыбель, он созидался не только материнскими устами, но и бормотаньем пьяного ямщика или прачки, говором мельника. И воплями сжигающих себя старообрядцев, и гордым молчанием пленников в фашистских застенках создавалась родная речь. Русский язык включил в свою лексику занесенные к нам неумолимым ветром истории татарские и немецкие слова, а в фонетику — чавканье по грязи разбитых лошадиных копыт и свиристенье сверчка за печкой в избе. Даже запах старой овчины и острого кваса впитал в себя русский язык. И лишь потом отлился в классические формы, которые сделали возможной как мечтательную поэзию Кольцова, так и чеканную публицистику Курбского. Ведь язык наш

*писался и черной лучиной,
и белым лебяжьим пером.*

Размышляя об этом, Смеляков приходит к новому пониманию сути поэтического творчества. Если в стихотворении 1938 года «Точка зрения» автор видит задачу искусства в том, чтобы рассказывать «про весны пятилетки, про необычайную работу, про мою веселую страну» (хотя уже и в этом юношеском опусе отмечает необходимость овладения искусством как ремеслом), то в 1945 году приходит время сомнений: «Кто придет и кто меня научит, как мне жить и как стихи писать?» («Мальчики, пришедшие в апреле...»)

Ответ Смеляков ищет у близких ему по возрасту и духу поэтов, имена которых щедро рассыпаны на страницах его стихотворных сборников: Алексей Фатьянов, Борис Корнилов, Павел Васильев, Павел Шубин, Василий Казин... Невостребованность этого поколения ярче всего отразилась в судьбе их ровесницы, чье столетие отмечалось в начале 2012 года, Ксении Некрасовой, умершей в 46 лет от разрыва сердца. В стихах, посвященных памяти поэтессы, Смеляков как бы создает образ своей музы: терпевшая «пренебреженье, насмешечки, даже хулу», «вечно без денег, она всухомятку жила»; продиктованные детским наитием наивные «до прелести» строки редко появляются в журналах. И, тем не менее (печальная и точная метафора!), свое бедное платье подвально-чердачного покроя она стремилась «украсить матерчатым мятым цветком». Чувство ответственности окружающих за раннюю смерть Некрасовой составляет пафос стихотворения и многозначительно расширяет рамки его содержания.

Раздумья о судьбах сверстников подвигли Смелякова на создание произведения, равного которому по состраданию к собратьям по цеху не сыскать в нашей литературе. В 1946 выходят из-под его пера «Поэты». Кто же они, настоящие поэты, по мнению автора? По принципу «от обратного» Смеляков славит не знаменитых, вошедших в антологии стихотворцев, заслуженно составивших гордость отечественной культуры, и даже не своих «полузаметных» современников, встречавшихся с читателем хотя бы на газетных полосах. Автор поднимает голос в защиту «нерасслышанных имен». Это те, кто испытывает неутоляемую жажду творчества, но вместе с тем

страдает от столь же непреодолимого «затора косноязычья»; это те, кто не снискал известности, чей удел не тиражи новых книг, а усмешки сослуживцев и родни, ироничное отношение окружающих. Каким же актуальным оказалось это стихотворение Смелякова сегодня! Энтузиасты и невольники музы, вызывающие одновременно и жалость, и умиление, заполняют аудитории, где спорят о литературе, осаждают редакторов и издателей. Хорошо, что нынче приходит им на помощь интернет, в котором даже (простите за каламбур) неискusstvenное искусство находит определенный отклик, хорошо, что встречаются печатные издания, предоставляющие площадку для выступления начинающим и не имеющим возможности пробиться к читателю авторам (и как здесь добрым словом не помянуть журнал «Приокские зори!»). Вслед за Смеляковым, который, пожалуй, единственный так проникновенно написал о тех, кого принято именовать графоманами, который напомнил нам, что муза Данте, Пушкина и Блока приходит не только к талантам ахматовского размаха, но и к безвестным поэтическим камикадзе, бросающим свою жизнь в топку вдохновения без какой-либо надежды увидеть напечатанной хотя бы букву из того, что они написали, следует отдать дань уважения подвижничеству этих людей. По серьезности отношения к творчеству это самые настоящие поэты, у которых есть чему поучиться номинантам многочисленных литературно-тусовочных премий и «модным авторам». Именно подвижники, если угодно, юродивые от литературы в страшные для культуры годы сохраняют искусство, как умеют, теплят прометеев огонь; именно они создают питательную среду, без которой погибли бы окончательно и читатели, и писатели; именно на их плечах вырастают великие художники. Да и наше ли это дело — раздавать эпитеты? Время рассудит, кто станет для потомков великим, а кому суждено забвение. Смеляков и заметил, и оценил, и восславил бескорыстное служение вечности. За то и ему самому честь и хвала!

Требовательно относившийся к своему творчеству, Я. В. Смеляков причислял себя к когорте рядовых русского искусства. Об этом — в его стихотворении «Разговор о поэзии» (1958). Разговор ведется с «небрежным и суровым» коллегой, гордящимся своим даром и плодовитостью. Беседуя с ним, лирический герой Смелякова принимает упрек в скромности собственного таланта, «не без душевной боли» соглашается, что разменял его на «разные гражданские поделки». Но здесь же без всякой наигранности утверждает, что есть стихам и такое нелегкое предназначение: отзываться на «великие и малые события/ Чужих земель и собственной земли». Удивительно прозорливое стихотворение! Мало кто смог так точно определить свое место в поэзии:

*Не так-то много написал я строк,
не все они удачны и заметны,
радиостудий рядовой пророк,
ремесленник журнальный и газетный.*

Высокая взыскательность по отношению к себе (может быть, даже мучительные сомнения в праве братья за перо, бесспорно украшающие любого литератора) не оставляла Смелякова с первых его публикаций и до последнего года жизни, когда он смиренно констатировал: «Что делать? Я не гениален, /нет у меня избытка сил...» В одном только не угадал автор «Разговора о поэзии»: и его строки, так же как строки заносчивого собеседника, можно было найти в девичьих альбомах или услышать, положенными на музыку.

Смеляков всегда был рядом со своим народом, мажорно приветствуя участие художника в соборном бытии, видя в этом залог бессмертия творца:

*Мне в общей жизни, в общем, повезло,
я знал ее и крупно и подробно.
И рад тому, что это ремесло
созданию истории подобно.*

В современной литературе остро не хватает авторов, знающих реальную жизнь, предвидящих конечные пункты тех путей, по которым она развивается. Не хватает беллетристов, стремящихся к вершинам мастерства, не отделяющих собственных биографий от коллективной истории. Не везет нам сегодня на таких писателей. Но и им без серьезных и требовательных читателей, без нелicenseмных критиков, без осознания общественной значимости творчества живется тоже несладко. Кто из нынешних версификаторов, играющих в поэзию, сможет вслед за гонимым, материально и бытово неустроенным Смеляковым искренне повторить: мне по большому счету повезло? Кто из них, казалось бы, успешных и благополучных, может быть уверенным, что через век его имя назовут потомки?

А Ярослава Смелякова мы вспоминаем сегодня и без колебаний включаем в теперешнюю роевую нашу жизнь. Оценки звучат разные: иные считают, что при общей значимости сделанного Смеляковым, творчество его «далеко не всегда отличалось изяществом слога и изысканностью речи», «отзывало «овчиной»^{*}; кто-то объявляет его великим русским поэтом лишь на том основании, что для заглавия одного из произведений выбрано слово «жидовка». Но это крайности, изживать которые следует учиться у самого Смелякова, никогда не имевшего в душе ни пренебрежительного по отношению к людям снобизма, ни слепой ненависти. Мы же впадать в крайности не будем. Нам, встречая юбилей Я. В. Смелякова, следует воздать должное его высокому ремеслу, осознать благородную значимость становления художника-патриота, пропускающего все происходящее со страной через свое сердце.

Сто лет со дня рождения Я. В. Смелякова... Нынешними читателями, постоянно спешащими куда-то с гаджетами наперевес, он воспринимается уже только как далекий предок, старик. А сам он в 1966 году в стихотворении «Не семена и не вразвалку...» почтительно описывает другого старика. Мысль поэта ясна и справедлива:

*Приостановится движенье
и просто худо будет нам,
когда исчезнет уваженье
к таким, как эти, старикам.*

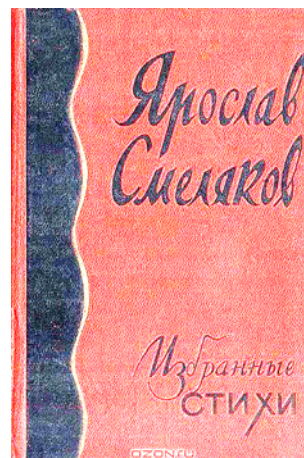
В новом веке по-новому прочитывая лирику Смелякова, эти строки хочется донести до каждого. И еще хочется процитировать из того же стихотворения: «... должны быть все-таки святыни / в любой значительной стране». Да, должны быть! И если мы собираемся ощутить значительность своей Родины и трудную славу ее истории, если мы стремимся постичь многомерность внутреннего мира своих сограждан, то снова откроем томик стихов Смелякова.

^{*} Соловьев Б. И. Ярослав Смеляков. Стихотворения и поэмы. Л.: «Советский писатель», 1979, 768 стр. С. 46

Наталья Валентинова
(г. Москва)

СЛОВО О ЯРОСЛАВЕ СМЕЛЯКОВЕ

В прекрасный летний день занесло меня на форум поэта в Интернете. Вердикт большинства участников звучал приблизительно так: «Не люблю стихов Смелякова, в том числе «Хорошую девочку Лиду», как типично советскую литературу». Задумалась: во-первых, в чем «советская типичность» бедной Лиды, а, во-вторых, не само ли прилагательное *советский* является таким устойчивым пугалом для некоторых немилосердно замороченных людей нашего времени??

Вооружившись воображаемой лупой, начала изучать упомянутое стихотворение в поисках, очевидно, пропущенных мною, при прошлых прочтениях, *родимых пятен социалистического реализма*. Возможно, это:

*Вдоль маленьких домиков белых
Акация душно цветет.*

Вы тут ничего не видите? Акация, будь она неладна, по сей день позволяет себе цвести, невзирая на все государственные переустройства,— разумеется, в тех районах, где еще сохранились не успевшие сгореть древоподобные насаждения. А следующие строки?

*Хорошая девочка Лида
На улице Южной живет...*

Чуете? — уже пробивается советский душок! Не «чувиха» или «телка», заметьте! Даже сопливые мальчишки младшего подросткового возраста сегодня частенько именно так титулуют своих одноклассниц, впрочем, те не особо и возражают. Кстати, название улицы, вероятно, намекает на прежний наш интернационализм, — не в честь ли южных народов названа пресловутая географическая единица?

Следом агитационно подмигивает «рыжий пройдоха апрель» — можно разглядеть явный намек на день рождения Ленина, а заодно и на триумфальный для СССР полет Юрия Гагарина. Зрим далее:

*Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.*

Несомненно, типично советская пропагандистская строфа! Как говорится,— не намек, а сказано прямо, что народ в те времена уважительно относился к общему

образованию, которое для нормального человека XXI столетия должно оставаться нудно-комичной обязанностью, именуемой в соответствующей ученической среде *отсидкой* или *бредом*.

Однако, даже это — еще не конец! Юный герой стихотворения обещает читателю, — мол, «на всех перекрестках планеты напишет он имя ее».

*На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами,
и пеной морской — на морях.*

Не мировой ли революцией грозит автор с помощью данной, пугающе завуалированной фразы, беззащитному западному миру?..

Проанализировав таким образом произведение, полное света и естественной человеческой чистоты, можно вывести формулу извращения природы немаленькой группы людей нашего времени, которые, вздрогнув при звуке слова *советский*, становятся неспособны воспринимать литературу, а за ней и другие виды искусства целого периода нашей истории — точно также, как и иные достижения той далеко неоднозначной эпохи. К примеру, в считанные годы тогда ликвидировали неграмотность и детскую беспризорность, — а нынче, в сроки, не менее рекордные, все это восстановили. Во время Олимпиад, чему я живой очевидец, — золото рекой текло на наших чемпионов, во многих видах спорта нам просто не было соперников — и не только в какой-нибудь борьбе, а в фигурном катании, лыжах, легкой атлетике и т.д. Теперь же по теле и радио слышатся неуверенно-наигранно-бодрые оправдания дикторов и комментаторов, что «бронза — тоже неплохо, все-таки медали...». Может быть, лучше быть объективными, высказывая то или иное мнение и не пользоваться единственным нелепым аргументом, — если *советское*, то огульно плохое?

Известно, что линия жизни Ярослава Смелякова оказалась ломаной, но судьба любого заметного человека, при самых разных общественных формациях, практически никогда не вытягивалась в прямолинейную траекторию. Разве Пушкин и Лермонтов сильно обласканы монархией? И всегда восторг власти и толпы сопутствовал Сирано де Бержераку? А как был почти *вознесен* веселый поэт Франсуа Вийон?

Нет сомнения, что Ярослав Смеляков принадлежит к названной когорте личностей, он — яркий автограф своего времени. Взгляните, и не судите, — да не хулимы будете:

*У бедной твоей колыбели,
еще еле слышно сперва,
рязанские женичины пели,
роняя, как жемчуг, слова... («Русский язык»)*

Или, в том же стихотворении, с бесконечной любовью:

*Вы, прадеды наши, в недоле,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.*

Это к тому, что имеющий уши — услышит...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Эдуард Георгиевский
(г. Тула)

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В этом году члену Союза писателей России, поэту и прозаику Георгиевскому Эдуарду Павловичу исполнилось 75 лет. Он автор 6 книг поэзии и прозы, среди которых повесть «Акулина» и сборник стихов «Страна Солотча» вызвали огромный отклик читателей. Песни на его стихи можно услышать в Белоусовском парке; исполнялись они как в областной филармонии, так и в Центральном доме композиторов (Москва). Песни и стихи Эдуарда Георгиевского звучали по Тульскому радио в программе «Гость в студии», а тележурналист Тульского телевидения Галина Цой, в телепередаче «Встречи», подготовила и показала сюжет, посвященный жизни и творчеству Эдуарда Павловича.

За большой вклад в дело сохранения и развития тульской культуры и литературы Эдуард Георгиевский награжден многочисленными почетными грамотами писательской организации, управления культуры города, благодарственным письмом Тульской областной Думы. Он лауреат юбилейной медали «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». Является основателем проекта «На крыльях «Пегаса», его главным редактором и составителем. Эдуард Георгиевский в течение 35 лет работал в Тульской областной больнице, является заслуженным врачом РФ. О проблемах современной литературы, о значении в тульской литературной жизни литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса» и о творческих планах писателя мы и беседуем с юбиляром.

— Эдуард Павлович, во-первых, разрешите поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов. Скажите, пожалуйста, как и когда врач Георгиевский решил стать писателем?

— Я, наверное, так природой сконструирован, что мне всегда было интересно заглянуть вовнутрь человека — его тело и душу. На врача я учился в первом московском медицинском институте, а на писателя не учился нигде. Это как-то проявилось само по себе, но, откровенно скажу, в довольно зрелом возрасте. Правда, где-то в классе 7—8-м я написал небольшую повесть о шпионах. А через 2—3 месяца она мне не понравилась, и я сжег ее в печке. Были какие-то спонтанные поползновения в студенческие годы, но окончательно меня потянуло к перу и бумаге в 1990 году. С тех

пор я занимаюсь эпистолярным жанром. У меня в разных издательствах вышли в свет шесть сборников стихов и прозы. Вышел сборник песен на мои стихи с нотами, написанных калужским композитором Валентиной Дроцевич, тульскими авторами — Изольдой Агибаловой и Татьяной Мишурой. Вышел диск с тринадцатью песнями на мои стихи. Судя по отзывам читателей, мне кажется, что мое творчество востребовано.

— Вересаев, Чехов, Булгаков, Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и многие другие были врачами и писателями. Скажите, а что же на Ваш взгляд труднее врачевать тело человеческое или душу?

— На мой взгляд, учитывая многолетний врачебный опыт, в настоящее время лечить тело, с учетом достижений современной медицинской техники, стало легче. Для примера скажу, что совсем недавно одним из грозных диагнозов был «инфаркт миокарда». Смертность от него была высокой. А сейчас люди могут перенести два и даже три инфаркта и остаться живыми. А вот с врачеванием души труднее. Единственное оружие для врачевания души — слово. Вспомните: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». В наше время слова льются как из рога изобилия. Радио, телевидение, Интернет, прилавночное чтение, устное и печатное слово, наконец, выбор жизненных приоритетов, — все это создает трудности для врачевания души. Понятие «душа» — категория морально-нравственная. Это — точка приложения врачующего. Государство не уделяет этому должного внимания. Единственные борцы за сохранение духовности — церковь и честные писатели.

— К сожалению, сегодня духовно честные писатели не в чести, да и сама отечественная литература из серьезного просветительского дела превратилась в развлечения, или как Вы ее только что назвали: «прилавночное чтение». Почему, на Ваш взгляд, сегодня, в эпоху гласности, когда писателю можно говорить обо всем, что его волнует, о чем болит его душа, не рождаются литературные шедевры, способные позитивно воздействовать на наше общество? Почему нет новых Достоевских, Шолоховых, Распутиных?

— Какое время, такие и песни. В свое время мы строили социализм, затем — коммунизм, — светлое будущее нашей страны. В это время появился Павлик Корчагин Николая Островского, герои Михаила Шолохова и так далее. Несколько десятков лет мы чего-то строили, а потом решили, что надо жить так, как на «загнивающем» Западе. И строим мы сейчас не что иное, как общество потребления. Поменялись приоритеты. Главная цель — богатство любой ценой. О какой духовности мы говорим, если на каждом шагу слышится шелест купюр. Есть много денег — ты человек. Вот и зарабатывают себе на жизнь разные писатели, в том числе и талантливые. Но им почему-то не везет. Везет тем, кто выпускает по десять — двенадцать книг в год. Вот такие сейчас на слуху. Мое глубокое убеждение, что недалеко то время, когда люди будут страдать от накопленного богатства. Быть богатым станет не модным. И тогда на первое место опять выйдет духовное развитие личности. Сейчас духовность отеснена. Думаю: временно. Она опять восторжествует. Вот тогда и появятся новые отечественные гиганты мысли и слова.

— Вы поэт и прозаик. Автор многих стихов и песен, а также автор рассказов и повестей. Скажите, что писать труднее: стихи или прозу?

— Не берусь судить за всех, но, на мой взгляд, писать либо одни стихи, либо одну прозу, но писать хорошо, всегда трудно. Вспомните того же Маяковского, который «единого слова ради» изводил «тысячи тонн словесной руды». Но однако считаю, что тот, кто хорошо пишет стихи, у того и проза получается под стать стихам. Если в хороших стихах звучит музыка, то к такому тексту легко подбирается мелодия. О таких стихах говорят, что они музыкальные. Если проза написана хорошо, то в

ней звучит музыка, и такой текст читается легко, на одном дыхании. О такой прозе говорят, что произведение написано легким слогом. Легко только тем, кто не умеет работать над текстом. Написал, скажем, стихотворение. Получилось более-менее складно, да еще и в рифму, и на этом остановился, считая, что раз написано, значит, так оно и должно быть. Я думаю, что надо себя обязательно «истязать», чтобы получить хороший «продукт».

— *А кроме истязания, что еще главное для писателя, что может послужить той основной составляющей, тем тестом или закваской, которая и станет тем основным ингредиентом, без которого хорошего литературного продукта просто-напросто не получится?*

— Самое главное для писателя — не отрываться от жизни, не замыкаться в себе. Мне непонятны те авторы, которые с гордостью говорят, что они пишут для себя. А где же читатель? Для него и пишем, но пишем правдиво, честно и обязательно в художественной форме! А еще, не менее важным, считаю трудолюбие и творческий рост. Без этих качеств писатель может не состояться.

— *Ваши рассказы и повести в какой-то мере автобиографичны?*

— В какой-то мере да. Это относится и к рассказам «Сосновый бор», «Аргонавты». В полной мере автобиографична повесть «Своя стезя». А вот повесть «Акулина» была написана со слов моей тети Ершовой Любви Ивановны.

— *Эдуард Павлович, Вы главный редактор и составитель литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса» и заместитель руководителя литературного объединения «Пегас». Расскажите, пожалуйста, как и когда пришла идея создать литературный альманах, с какими трудностями сталкивались при его создании, что Вы ожидали от альманаха, и оправдались ли Ваши надежды? Сколько в нем печатается авторов, и много ли среди них молодежи?*

— Я являюсь членом литературного объединения «Пегас» с 1990 года. Нас тогда по списку было много, но каждый раз приходило восемь — десять любителей поэзии и прозы. Кто-то уходил, приходили новые люди. В то время я не помышлял ни о каком коллективном сборнике. В 2003 году мне случайно попал в руки тоненький коллективный сборник одного из районных литературных объединений. Я стал размышлять. Раз наше объединение областного значения, то негоже быть без своего сборника. Сделал анализ. Оказалось, что за последние примерно пятьдесят лет никакого сборника литературное объединение не имело. Вот я и загорелся идеей создать коллективный сборник. Два года ушло на бесполезные поиски спонсора. Все говорили, что понимают меня, но помочь ничем не могут. Я вспомнил свои студенческие годы. Тогда была популярной фраза: «Сам себе не сделаешь праздник — никто тебе его не сделает». Я решился на отчаянный шаг. Пошел в сберкасса и снял с книжки двадцать пять тысяч рублей. Оставил на всякий случай только пятьсот рублей. Так в 2005 году вышел в свет коллективный сборник тульского областного литературного объединения «Пегас» под названием «На крыльях «Пегаса». Многим мой поступок мог показаться безрассудным: мол зачем, что тебе — больше всех надо? Многие так рассуждают, хотят, чтобы кто-то другой за них сделал. Я спрашиваю себя: «Что такое подвижничество? Кто они, подвижники?» По логике вещей выходило, что это люди, которые «подвигли», то есть «сдвинули» с мертвой точки нужное дело. По прошествии времени я несколько не жалею о своем поступке. Мало того, сейчас есть возможность нашим членам реализоваться через коллективный сборник. Но вот что удивительно и приятно! С выходом альманаха значительно прибавилось новых членов объединения и вот уже который год подряд (мы выпустили уже девять номеров — по одному в год) число приходящих на занятия меньше двадцати не бывает, в среднем двадцать пять человек. Мои надежды оправдались. К нам пришло много талантливых

литераторов. В нашем альманахе печатают свои произведения не только литераторы из Тулы, но и из районов области. В предисловии к юбилейному, пятому номеру альманаха руководитель тульской писательской организации Виктор Федорович Пахомов выразил уверенность в том, что «недалеко то время, когда печататься в альманахе будет престижным». А такие известные поэты и прозаики, как Валерий Савостьянов и Валерий Маслов, стали постоянными соавторами нашего альманаха. Изъявил желание представить свои стихи в альманахе известный тульский поэт Валерий Ходулин. Но мы пошли дальше. В основном альманахе был раздел «Детская страничка», со временем ему стало тесно, и он преобразовался в самостоятельный детский сборник под названием «Пегасик» (стихи, рассказы для детей и их родителей) как приложение к основному альманаху. Выпущено уже два номера, сейчас готовится третий номер. Выход каждого номера альманаха — это всегда событие в литературной жизни города и области. Кстати говоря, наш альманах можно найти в Германии, Израиле и даже на атомном подводном крейсере «Новомосковск». Одним словом, наш альманах стал востребованным. Количество авторов давно перевалило за цифру сорок пять. Так в восьмом номере было напечатано пятьдесят два автора. Среди них молодые литераторы, например, Наталья Кожемяко из города Щекино и начинающий поэт Галина Макарова из Тулы. В нашем регионе действуют еще восемь литературных объединений, но самое большое количество молодых авторов в литобъединении «Муза». В нашем же объединении в основном люди от тридцати до восьмидесяти лет.

— *Возможно, мой вопрос покажется Вам бестактным, и многие писатели не любят на него отвечать, но, тем не менее, я спрошу: расскажите, пожалуйста, о Ваших творческих планах?*

— Секретов нет. У меня имеется план на каждый год. В 2012 году выпущу две книги — повесть и рассказы. Причем повесть выйдет первой книгой, а вторая книга повести выйдет в 2013 году. В плане также — альбом «От сердца к сердцу — 2» (пятнадцать песен на мои стихи с нотами), а также выпуск второго диска песен.

— *Что бы Вы пожелали поклонникам Вашего таланта, авторам литературно-художественного альманаха «На крыльях «Пегаса», а также всем жителям города Тулы?*

— Я желаю всем доброго здоровья, трудолюбия и упорства в выбранном деле, а всем жителям города-героя Тулы пожелаю любви к родному городу. Такого второго города нигде нет!

*Беседовал Геннадий Маркин;
фото из личного архива юбиляра*

Павел Басинский
(г. Москва)

СЕГОДНЯ СЕРЬЕЗНОМУ ПИСАТЕЛЮ ОЧЕНЬ ТРУДНО ВЫЙТИ К ЧИТАТЕЛЮ

Российский литературовед и литературный критик. Автор книг: «Страсти по Максиму. Горький: девять дней после смерти», «Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина», «Лев Толстой: Бегство из рая» и других. Лауреат Национальной литературной премии «Большая книга».

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Горький и Ницше». С 1981 года печатается как критик в «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Наши современники». Академик Академии русской современной словесности. Редактор отдела культуры «Российской газеты».

Член Союза Российских писателей.

О жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого, о ЕГЭ и школьной реформе, и, конечно же, о современной отечественной литературе побеседовал с именитым писателем ответственный секретарь нашего журнала Геннадий Маркин

— Павел Валерьевич, Ваша книга «Лев Толстой: Бегство из рая» вызвала огромный интерес у исследователей жизни и творчества Льва Толстого, а также среди литературной общественности, а вы, как автор, стали лауреатом Национальной литературной премии «Большая книга». Казалось бы, что можно нового рассказать о Толстом? Наверное, уже изучен каждый его шаг, каждый жест. За последние столетия проанализирован каждый его жизненный день, исследован чуть ли не каждый час, и вдруг — новая книга о Толстом. Скажите, пожалуйста, как пришла идея написания книги, и что Вы хотели нового, неисследованного ранее, донести до читателя?

— О Толстом, действительно, написано очень много — сотни книг. Но как это ни странно про уход Толстого, а это последнее и главное событие в его жизни, написано не так уж и много. В России об уходе Толстого была написана всего одна книга, она так и называлась «Уход Толстого», и ее выход был приурочен к пятидесятилетию ухода Льва Николаевича. Эта книга была добротной и хорошей, но это была советская книга, и естественно, тогда много нельзя было говорить, и в книге чувствовались цензурные условия. И собственно все. Больше книг об уходе Толстого не было, хотя, на мой взгляд, про уход Толстого в России должно выйти сто книг, мы же должны осмыслить это событие. Толстой — это наш национальный гений, и мы должны до конца осмыслить этот странный поступок в конце его жизни. А о написании книги «Толстой: бегство из рая» я задумался еще два года тому назад и хотел приурочить эту книгу к столетнему уходу Льва Николаевича. Задумался потому, что меня это его

жизненное обстоятельство всегда волновало. Я часто приезжаю в Ясную Поляну, я очень люблю это место и приезжая всегда задавался вопросом: почему Лев Николаевич похоронен на краю оврага, а вся его семья лежит на замечательном кочаковском кладбище под крестами. Там же на кочаковском кладбище имеется склеп, где похоронена его мать, похоронен его отец, похоронен его брат Дмитрий. Наконец, на том кладбище похоронена Софья Андреевна и их с Львом Николаевичем дети. А почему же он похоронен в другом месте? Многие туристы, посещая могилу Толстого восхищаются: «Ах, какое прекрасное место! Ах, как прекрасен здесь лес! Ах, как прекрасна здесь тишина!». Я никогда не считал и не считаю прекрасным то, что великий писатель похоронен в каком-то лесу, на краю какого-то оврага. Я всегда считал, что это проблема, и связана она с уходом Толстого, и я решил в этой истории разобраться. Я начал целенаправленно заниматься уходом Толстого и писать эту книгу. Первоначально я планировал написать в книге десять глав, в которых рассказать о десяти последних днях его жизни. Каждая глава — это один прожитый Толстым день. Но, работая над книгой, я понял, что ничего невозможно объяснить, если не уходить в биографию Толстого начиная с его детства, с его рождения. И тогда эта книга как-то так странно выстроилась, что в ней каждая глава начинается с хроники ухода, а потом идет биография Льва Николаевича, которая, как мне кажется, только и может объяснить, почему это произошло.

— *Адам и Ева из Божьего рая были изгнаны за совершение греха, а Лев Толстой из своего яснополянского рая сбежал сам. Как Вы считаете, кем же на самом деле был Лев Николаевич: великим грешником, не сумевшим дальше находиться в раю, или святым, увидевшим, что его рай для него превратился в ад?*

— Лев Николаевич, конечно, святым не был. Да он и не считал себя святым, он считал себя очень грешным человеком. В своих дневниках он все время кается, все время себя казнит. И не только в дневниках, но и в творчестве. В повести «Дьявол» Толстой описал свою связь с яснополянской крестьянкой Аксиной Базыкиной, которая родила от него сына, но эта связь была у него до женитьбы на Софье Андреевне, что, в принципе своем, было с точки зрения бар того времени, аристократов того времени, делом нормальным. Кстати говоря, у отца Толстого, Николая Ильича, тоже был незаконнорожденный сын, и они, его дети, знали о нем, видели его, общались с ним. Повторюсь, это было обычным делом. Но Лев Николаевич себя невероятно казнил за это. Он был немного другим человеком. Он был не просто нравственным, он был супернравственным. Он себя казнил за каждое свое прегрешение, которых у него на самом деле было не очень-то и много. Иногда, разговаривая с людьми культурными, которые в разговорах говорят: «Ну конечно, Лев Николаевич жил с Софьей Андреевной, а у него там и крестьянки были, и куча внебрачных детей бегала». Это чушь полнейшая. Лев Николаевич ни разу не изменил своей жене, а прожил он с ней пятьдесят лет. Измена с его точки зрения была невозможна. Он не был святым, но он был человеком очень нравственным. Больше того, вся система его жизни для него была важна не тем, о чем он пишет, а как он подает себя. Чтобы понять Толстого, нужно читать его дневник, а не «Войну и мир» или «Анну Каренину». Эти романы — ранние его вещи. Они написаны до его духовного переворота, который с ним случился в начале восьмидесятых годов. С этого времени начинается совершенно другой Толстой, и главным его произведением становится дневник, где он отслеживает каждый свой поступок, каждый свой помысел, каждое свое душевное движение. Потому, что он хочет создать из себя того человека, который может прийти к Богу чистым. Это удивительная вещь — он хочет прийти к Богу чистым. Но это трудно. Потому что семья, дети, проблема с гонорарами, от которых он отказался, но Софья Андреевна не может отказаться, Ясная Поляна, мужики, которые на них работают. Он все время

ощущает, что он греховен, а он хочет прийти к Богу чистым. Чистым, как он родился, таким, каким он от него ушел. В 1902 году Толстой заболел и с Софьей Андреевной приехал в Крым на дачу графини Паниной. Они считали, что Крым поможет Льву Николаевичу, но в Крыму ему стало еще хуже. Он переболел воспалением легких и брюшным тифом. В его возрасте это было смертельно, и он фактически умирал. В этот момент Софья Андреевна спрашивала у него: «Левочка, может быть, ты все-таки примиришься с церковью?», на что он ей ответил: «Ты пойми, я от Бога пришел и к Богу пойду. От отца пришел, к отцу и возвращусь. Мне не нужна церковь». Толстой считал, раз его в этот мир Бог пустил чистым, значит, чистым он к нему должен и вернуться. И он этим занимался всю свою вторую половину жизни. Он себя строил, он себя создавал для встречи с Богом. Мы этого немного не понимаем. Мы привыкли видеть Толстого, который написал «Войну и мир» или «Анну Каренину». Но этот Толстой — писатель. А был еще и другой Толстой, — человек, который всю жизнь непрерывно готовил себя к встрече с Богом.

— *Прошла уже вечность с момента ухода Льва Толстого из Ясной, но до сих пор идут споры о том, куда собирался бежать Толстой. В своей книге Вы ссылаетесь на воспоминания Маковицкого, Александры Львовны и на самого Толстого в его письме к Черткову, которые высказывались о крымском или кавказском направлении. Но ведь газета «Русское слово» за № 83 от 10 апреля 1912 года приводит слова сестры Толстого монахини Марии Николаевны, в которых она рассказывает о том, что уезжающие от нее Толстой, Маковицкий и Александра Львовна со своей подругой, сказали, что они едут к духоборам. Да и билет они взяли до Ростова, где в те времена, так же, как и на Кавказе, имелись общины духоборов. Выходит дело, зря «копья ломались» по этому вопросу, и место бегства Толстого не более чем «секрет полишинеля»?*

— Место бегства Толстого — это секрет. Непонятно, куда он ехал. На мой взгляд, он сам не знал, куда ехал. По-моему мнению, он хотел найти себе место для уединения. В принципе, Льву Николаевичу нужно было стать монахом. По его настроению, по его отношению к миру, который он в конце жизни уже не любил, он хотел от него уйти. И не важно, в каком монастыре он жил бы — в Буддийском или каком другом. И ведь не случайно, что он поехал именно в Оптину. Почему-то, все думают, что он поехал в Оптину каяться. Нет, он не каяться туда поехал, он поехал туда, потому что старцы Оптиные жили той жизнью, которой он хотел бы жить. Далеко от мира, один в размышлениях, в разговоре с Богом. Но в Оптиной встретиться со старцами ему не удалось, и тогда он поехал к сестре в Шамордино, где ему очень нравилось быть. Все монахини Шамординского монастыря, включая настоятельницу игуменью, обожали Льва Николаевича, несмотря на то, что он был отлучен. В селе рядом с Шамордино Толстой договорился с вдовой крестьянкой, чтобы снять у нее дом за три рубля в месяц, тогда это были деньги большие. Он хотел жить далеко от людей, на отшибе, размышлять и готовиться к встрече с Богом. Но не получилось, потому что приехала Александра Львовна и сказала, что приедет Софья Андреевна. Это напугало Толстого, он не хотел встречи с ней, потому что очень сильно против нее погрешил. Он написал завещание, в котором она никак не фигурировала. И это было жестоко по отношению к жене, и он это понимал. Это произошло, потому что в деле написания завещания участвовал Чертков, участвовала его младшая дочь Александра Львовна. Первое желание Толстого было сбежать за границу, в Болгарию. Он думал, что за границей его не будут доставать, к нему не будут приходить журналисты. Но он не понимал, что в Болгарии количество его поклонников насчитывалось сотнями, и там уже есть толстовцы. Несомненно, по приезду в Болгарию, его окружили бы сторонники, создали бы вокруг него отдельный монастырь, и достали бы его не мень-

ше, чем в России. Это было безрассудным бегством. Он бежал от самого себя, он бежал от своей славы, он хотел жить совсем обычно, но это было уже невозможно.

— *Вы коснулись личности Черткова. Известно, что Софья Андреевна его не любила, а незадолго до начала Первой мировой войны и Александра Львовна разорвала свои отношения с Чертковым, распознав в нем, как пишет в своей статье «Путь тернистый и мужественный» С. Розанов, много вероломного и эгоистического. Если бы на тот момент был жив Лев Николаевич, чью бы сторону он занял? Как Вы считаете?*

— У меня очень сложное отношение к Черткову. О том, что он был человеком очень неприятным, отмечали все, кто с ним общался. Чертков вначале умел обаять человека, но затем все, кто с ним общался, от него отшатывались. Он умер уже при советской власти в тридцатые годы в полном одиночестве. Александра Львовна, которая была невероятной его поклонницей, находилась под его влиянием даже больше, чем под влиянием своего отца, тоже от него отшатнулась. Булгаков, последний секретарь Толстого, который был Чертковым просто заслан в дом Толстого, тоже порвал с ним все отношения. Гусев, написавший материалы к биографии Толстого, которые и являются на сегодняшний день реальной биографией Толстого, умерший при советской власти в пятидесятых годах, тоже еще при жизни Черткова отшатнулся от него. Но когда начинают ругать Черткова, я всегда останавливаю тех людей и задаю вопрос: хорошо, возможно, он был плохим человеком, он поссорил Льва Николаевича с Софьей Андреевной, хотя Лев Николаевич и сам в большей степени рассорился с женой, а Чертков только вклинился туда. Но есть один факт — это Академический девяностотомник Толстого, который является детищем Черткова. Вы поймите, эти девяносто томов издавались в двадцатых и тридцатых годах, и затем после войны, когда Черткова уже не было. Если Вы возьмете тома, которые выходили после войны, и тома, которые выходили при Черткове — это разные книги. В последних — колоссальный комментарий, огромный справочный аппарат. Пробыть это в двадцатых годах, когда у СССР были огромные проблемы — только закончилась гражданская война, брезжила следующая война, страна была голодная, страна была разрушена, — было тяжело, но Чертков пробил эти тома. Пробил благодаря своим связям, благодаря своему знакомству с Бонч-Бруевичем, выходом чуть ли не на Ленина. И у нас нет другого академического собрания ни у одного нашего классика: ни у Пушкина, ни у Гоголя, ни у Достоевского по-настоящему. Чертков был, конечно, несчастным человеком, он себя полностью положил к стопам Льва Николаевича, а ведь многие не знают о том, что Чертков был князем. Его мать была княгиней. Она была подругой двух царей — Александра Второго и Александра Третьего. Они к ней в дом приезжали просто, что называется, — без охраны. Чертков мог быть очень богатым человеком. Когда умирал его отец, а он был генерал-адъютантом при Александре Втором и был очень богат — его воронежское имение с тысячами крепостных было просто несопоставимо с Ясной Поляной — и Чертков это все мог получить, потому что был единственным сыном. Двое его братьев умерли, но отец, зная, что он связался с Толстым, ничего ему не дал, а все отдал своей жене; и мать Черткова пересылала сыну, которого она обожала, 40 тысяч рублей в год. Это были очень большие деньги. Но Чертков ради Толстого от всего отказался. Представьте себе ситуацию: после духовного переворота Толстого, когда он стал писать эти свои странные религиозные сочинения, которые не принимались ни кем, — Тургенев говорил, что это чушь, Фет говорил, что это бред, ближайший друг Толстого, Страхов, говорил, что ему это все не нравится. И был момент, когда Толстого просто хотели объявить сумасшедшим, как Чаадаева. И вдруг приходит к Толстому князь и говорит: «Лев Николаевич, я с Вами. Я все Вам отдаю, я отдаю Вам свою жизнь». И он отдал ему свою

жизнь. Поэтому к Черткову нужно относиться более тонко, нельзя его осуждать, этот человек сделал очень много. Государственный музей Толстого в Москве, рукописи Толстого, которые хранятся в негорючих шкафах — это дело Черткова. Он эти рукописи собирал и собрал их в одном месте, и доказал, что их нужно хранить. Так что у меня очень сложное отношение к Черткову. По-человечески он мне не нравится, но для Толстого он сделал много. Давайте все-таки это ценить и уважать.

— *Павел Валерьевич, в 1900 году Лев Николаевич Толстой говорил: «Литературу поглотили газеты. Но и газеты, и журналы перестали быть литературным делом, а сделались азартной игрой. Вопрос уже не в том: как издавать? Чему служить? Что проповедовать? А в том, как выиграть приз, обогатиться». Прошло свыше ста лет, и мы вновь наблюдаем, как литературу вытесняют газеты, журналы и телевидение. Как вернуть родное, доброе литературное слово, чтобы оно вновь стало укрепляющим средством духовного здоровья нации?*

— Я никогда не буду ругать газеты, потому что я всю жизнь живу в газете. Первый раз, когда еще жил в Волгограде и был учеником восьмого класса, публиковался в Волгоградской комсомольской газете «Молодая гвардия». Затем, уже в зрелом возрасте я работал в «Литературной газете», а сейчас — в «Российской газете». На мой взгляд, газеты ругать не надо. Да, Лев Николаевич поругивал газеты, но взгляните на всех его современников, живших в девятнадцатом, начале двадцатого веков: Чехов, Бунин, Горький, Куприн, Леонид Андреев, — они все начинали с газет. Они все вначале шли в газету, потому что там платили гонорары, там можно было печатать статьи. Кстати, величайшее произведение Чехова «Драма на охоте» впервые было напечатано в «желтой» газете «Новости дня». Ее там печатали фрагментами, и Чехов даже не получил гонорары за публикацию в газете не было денег, но они ему выдали новые штаны, а Чехов в то время нуждался в новых штанах, ему тогда было двадцать четыре года. Лев Николаевич Толстой мог, конечно, позволить себе поругивать газеты, потому что был небожителем. Он был Зевс русской литературы, но интересная вещь, если вы посмотрите третий роман Толстого «Воскресенье», то увидите, что этот роман написан короткими главами. Два предыдущих романа: «Война и мир» и «Анна Каренина» написаны длинными главами, а роман — «Воскресенье» очень короткими. Почему так произошло? Потому что роман «Воскресенье» был изначально продан Марксу. Не в газету, но в еженедельный журнал «Нива». Это был самый массовый, самый популярный журнал конца девятнадцатого века. И Толстой понимал, что он пишет в еженедельный журнал, где его роман будут печатать кусками, маленькими фрагментами. И он написал так. То есть, Лев Николаевич, с одной стороны, ругал газеты, ругал прессу, а с другой — очень к ним присматривался. Толстой иногда говорил одно, а поступал по-другому. Но это не было лукавством, это была просто такая старческая мудрость. Толстой, кстати говоря, хотел работать для кинематографа, он уже знал, что возник кинематограф, который имел огромное влияние на массы. Это потом уже Ленин скажет, что кино наше главнейшее из искусств, а Толстой это чувствовал еще раньше, он предвидел, что кинематограф очень сильно подвинет литературу, а потому хотел для кинематографа работать, но не получилось.

— *Бытует мнение, что писатели перестали быть инженерами человеческих душ, пишут в лучшем случае для своего писательского сообщества, не вызывая своими произведениями интереса среди широкой общественности. Скажите, пожалуйста, это связано с тем, что обмельчал русский писатель, или народу сегодня не до чтения? Кто сегодня больше нуждается друг в друге: читатель в писателе, или писатель в читателе?*

— Слова о том, что писатели являются инженерами человеческих душ, принадлежат Горькому. Алексей Максимович эту фразу произнес. Конечно же, писатель

никакой не инженер человеческих душ. Мне кажется, что сегодня у писателей проблемы немного другие. Есть писатели очень успешные, которые издаются миллионными тиражами, вроде Акунина, Марининой, которые пишут жанровые вещи. Они знают, то, что они пишут — это нужно, это будут читать. Любовные романы, детективные романы,— все это будут читать. А серьезные писатели думают, что читатель должен прибежать к ним и воскликнуть: «Ах, какой ты умный! Какой ты гениальный! Какой ты интересный!». А вот этого-то как раз сейчас нет, потому что сегодня серьезному писателю очень трудно выйти к читателю, очень трудно доказать, что он ему нужен, чтобы он захотел его читать. Серьезные писатели о читателях не думают, а они должны о них думать. Писатель должен работать на читателя. К сожалению, сегодня серьезные писатели этого не понимают. Они думают, что читатель должен понять то, о чем они пишут. Нет, наоборот, это писатель должен понять того человека, который будет его читать, должен понять его сегодняшние проблемы и для него писать, и для него работать. Так же как работает архитектор, так же как работает строитель. Архитектор и строитель не должны говорить человеку, что они ему построят дом такой-то или такой-то. Они должны построить такой дом, который нужен этому человеку, потому что ему в нем жить. Так и у писателей. И это, к сожалению, современный русский писатель не совсем понимает. Ему сегодня как никогда нужно думать о читателе, нужно знать, что хочет читатель, и от этого уже писать, от этого работать.

— *К сожалению, сегодня часто сталкиваешься с писателями, пишущими какую-нибудь порнуху или чернуху, нередко сопровождая свои тексты матерными выражениями. Как Вы, литературный критик, считаете, нужно ли бороться с литературным бескультурьем, или пусть все останется так как есть?*

— У меня жесткий взгляд на этот вопрос, я бы мат запретил, потому что мат — это лексика запретная. Сейчас мат звучит сплошь и рядом: и на телевидении, и в кино, и в романах современных писателей. Проходит везде абсолютно свободно. Но если на телевидении звучит шипение или писк, заглушающий мат, и мы только догадываемся, что человек матерится, то в романах он звучит открыто. Я против этого и считаю, что мат необходимо запретить. Точно так же, как у нас запрещено хулиганство. Я бы издал федеральный закон, запрещающий мат в публикациях, в кино, на телевидении и на радио. Человек, который работает для общества, будь то писатель или режиссер, должен понимать, что он что-то не может, ему что-то нельзя. Сегодня у нас, после советских времен, сложилось такое понятие, что нельзя запрещать. Но это понятие ошибочно. Запрещать можно, нужно и очень многое. Любое государство, любое общество, если оно цивилизованное, и состоит из запретов. Цивилизация — это система запретов. Если нет запретов, если всем все можно, например, бегать по полям и друг с другом совокупляться на глазах у всех, то это уже не цивилизация, это уже первобытная жизнь. Система запретов не должна оскорблять людей, не должна их душировать, но сама система запретов должна быть.

— *Кстати, с 1 сентября вступил в силу закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Закон, конечно, нужный, возможно, он действительно защитит не только детей, но и сам русский язык?*

— Это как раз то, о чем я Вам говорил, о системе запретов. Эта система должна быть очень продумана, хорошо разработана законодателем. Эта система не должна быть грубой, она должна быть тонкой, умной и цивилизованной. Самое удивительное, что этот закон, о котором Вы говорите, был предложен два года тому назад, и все эти два года в него вносились поправки, смягчающие этот закон. И вдруг, когда его приняли в окончательном варианте, деятели культуры, которые словно проснулись, воскликнули: «Ах, как же так? Что же нам делать? Мы же теперь и «Анну Ка-

ренину» не сможем показать», потому что там происходят постельные сцены?» Так и хочется воскликнуть им в ответ: «Дорогие мои, а где же вы раньше-то были? Почему молчали? Почему не участвовали в разработке этого закона?». Но, тем не менее, они отчасти правы. Этот закон не очень удачен, с ним нужно было бы еще поработать. Например, как быть с сигаретами на экране? Ведь в фильмах шестидесятых годов почти все герои курят. Тогда это было модным. А теперь-то что делать? Фильмы не показывать? Не продумали, потому что мы вначале принимаем закон, а потом смотрим, как он работает. Мы вначале делаем школьную реформу, а потом смотрим, как эта реформа разрушает школьную систему.

— *Вы затронули еще один очень сложный момент,— это школьная реформа. В отличие от закона о защите детей, против принятия в нашей стране Единого государственного экзамена выступили не только учителя и родители учащихся, но и деятели культуры. Хотелось бы услышать Ваше мнение по этому вопросу.*

— Мне кажется, что ЕГЭ это плохо. Зря разрушили ту советскую систему обучения, которая существовала. Она, безусловно, была лучше сегодняшней системы. Посудите сами, сколько выпускников советских школ стали замечательными учеными, физиками или гуманитариями. Выпускники советских школ и сегодня востребованы не только у нас в стране, но и за границей. Мои два одноклассника, не буду называть их фамилии, замечательные физики с мировым именем, ведущие специалисты в своей отрасли сегодня работают за границей: один в Америке, а другой в Японии. Их там очень уважают и ценят за профессионализм, за те знания, которые они получили именно в советской школе. Значит, их учили неплохо, значит, система советского обучения и школьная программа были хорошими, а сами школы выполняли возложенные на них задачи. Возникает вопрос: зачем нужно было ломать готовую, сложившуюся, во всем мире значимую школьную систему обучения? Мне кажется школьная реформа — это ошибка, которая хуже преступления.

— *Школьная реформа коснулась и преподавания уроков литературы. Как Вы считаете, что сегодня важнее и необходимее изучать детям в школах «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына или, например, произведения Аркадия Гайдара?*

— Что касается школьных уроков литературы, мне говорить трудно, я не учитель. Когда я учился в Волгоградской школе, у нас директором школы был Борис Вениаминович Бриккер, он вел уроки литературы, поставил мне методологию понимания литературы. Он был прекрасным учителем и хорошим директором. На мой взгляд, в школе можно преподавать и Гайдара, и Солженицына, а можно кого-то из них одного, но преподавать так, чтобы ученик знал и о том другом писателе, которого нет в учебниках. Но такое может сделать только настоящий учитель литературы, преподаватель, любящий свое дело. Нет такого-то автора в учебнике, но ученик все равно о нем будет знать благодаря мастерству учителя. Все зависит от учителя, как он сможет рассказать ученикам о литературе, о писателях, как он сможет донести знания до ученика.

— *Павел Валерьевич, раз мы с Вами коснулись такой личности, как Солженицын, хотелось бы спросить Вас, как члена жюри премии, названной его именем, и литературного критика, хорошо изучившего творчество этого писателя, вот о чем. Польская писательница Кристина Живульская в своей книге «Я пережила Освенцим» показывает лагерных надзирателей разносторонне и объективно, а рассказывает о них беззлобно. Читая «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, я чувствовал озлобленность автора на надзирателей, на лагерное начальство, на власть в целом. Я Александра Исаевича по-человечески понимаю и представляю себе, что ему пришлось пережить в лагере! Но имеет ли право писатель, если он настоящий писатель и взялся за написание литературного произ-*

ведения, ненавидеть своих литературных героев, можно ли раскрыть их образы, показывая читателю их однобоко?

— «Архипелаг ГУЛАГ» не нужно рассматривать как только роман и все. У нас к этому произведению неправильное отношение. Это же роман документальный. Он основан на рассказах свидетелей, на рассказах очевидцев. «Архипелаг ГУЛАГ» — это первая вещь Александра Исаевича, в которой он не задумывался о характерах. Ему очень важно было выкрикнуть то, что он видел, что пережил. Ему важно было сказать, что этот архипелаг был, были миллионы людей и эти люди были рабами. Сталинская система заключалась в том, что огромное количество людей работало бесплатно. Им не нужно было платить зарплату, им не нужно было строить дома, не нужно было заботиться о их семьях, потому что эти люди в заключении находились без своих семей. Они просто работали. И среди этих людей был и Солженицын, который просто рассказывал о том, что видел, не задумываясь ни о каких литературных принципах. Он говорил о миллионах рабов, говорил, чтобы его услышали. И ведь слышали же. Еще как слышали. Вот в чем заключалась его задача, когда он писал «Архипелаг ГУЛАГ», и он эту задачу выполнил. А дальше уже можно разбираться, что он написал не так с литературной точки зрения или с документальной — неточности в каких-то цифрах. Столько-то миллионов людей погибло в лагерях или меньше? Один миллион или два? Меня всегда удивляет и поражает этот спор, об этой солженицынской статистике! «Архипелаг ГУЛАГ» — это крик души! И вопрос не в том: хорошо ли он написан или плохо? Вопрос в том: принимаем мы его или нет? Могут ли люди работать как рабы или нет? Рабство — это нормально, это хорошо или плохо? Вот о чем нам всем сегодня нужно думать.

— *Спасибо Вам, Павел Валерьевич, за интервью, удачи Вам во всех житейских делах и творческих успехах.*

ПЬЕСА

Рагим Мусаев
(г. Тула)

КУРИЦА
(фантазия на темы «Декамерона» и «Гептамерона»)

Родился 6 ноября 1977 года в городе Богородицке Тульской области. Получил два высших образования в области юриспруденции и государственного и муниципального управления. Подполковник юстиции, служит в Следственном управлении УМВД России по Тульской области, одновременно преподает в ВУЗе. Автор более десятка научных публикаций и научно-практических пособий, в том числе монографии по проблемам квалификации актуальных составов преступлений. Женат. Живет и работает в Туле.

Член литературного союза «Полоцкая ветвь». Публиковался в газетах «Владивосток», «Калужский перекресток», «Край Дорогобужский», «Богородицкие вести», литературном альманахе «Край городов», а также в литературных альманахах сети Интернет.

В 2010 году издана книга «Окно в театр». В 2011 году книга «Спасибо, что он был. Семейное расследование» заняла 1 место на Всероссийском ежегодном конкурсе на лучшее произведение о работе следователя в номинации «Журналистика и литературная публицистика».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лизетта, возлюбленная Архангела Гавриила

Гвидо, ее муж

Дионео, кум Гвидо, влюбленный в Лизетту

Отец Альберто, он же Архангел Гавриил

Картина 1.

Базилика Святой Урсулы. Входят Гвидо и Лизетта

Лизетта: Ну, воробушек, сколько можно повторять?! Да, я виновата (Гвидо пытается открыть рот и что-то сказать, но Лизетта опережает его). Но лишь в том, что протянула руку помощи убогому страннику, постучавшемуся в нашу дверь (Гвидо снова пытается выказать свое возмущение, но Лизетта вновь оказывается быстрее).

Да, я пустила его на постой. Но лишь для того, чтобы он залечил раны и смог продолжить свой путь к святым местам (Гвидо открывает рот). А в беседке мы читали Библию (Гвидо открывает рот). В моей спальне тоже! О, его бедная израненная душа! И кто знал, что ночью он взберется на дерево, полезет по веткам к моему окну и разобьется! Воробушек, ты знал? Вот! Если даже ты, такой умный, и не знал, что он полезет в мое окно, то откуда это знать мне? К тому же, с чего ты взял, что он лез ко мне? И не надо на меня так смотреть. Ведь рядом с моим окном находится твое. Он, кстати, очень о тебе расспрашивал. В беседке (Гвидо открывает рот). И в спальне тоже! А что здесь странного, ведь все наши деньги ты прячешь в своей комнате. Только бы он не умер (Гвидо открывает рот). А умрет, скажем, что от чумы, не подкапашься. Или у тебя есть предложение получше?

Гвидо: Нет. Теперь я спокоен.

Лизетта: Вот видишь. Да не волнуйся, я об этом никому, это будет наш секрет. Тихо, я слышу шаги. Иди скорее, пока нас не застали за этим разговором. Как ты нерасторопен!

Гвидо уходит

Появляется Святой отец

Лизетта: Святой отец, исповедуйте.

Святой отец: Опустись на колени, дочь моя, и говори. Ты из нашего прихода? Раньше я тебя не видел.

Лизетта: Нет, отец мой, я из прихода храма Санта Мария Новелла, но настоятель наш, отец Марино, на днях скончался от чумы, и я пришла сюда. Остались без духовника. Ни исповедаться, ни причаститься.

Святой отец: Но наш храм так далеко. Сходила бы в соседний храм к отцу Орландо.

Лизетта: К отцу Орландо? Ну нет, он стар и некрасив. Уж лучше дома с мужем помолиться.

Святой отец: Похвально, дочь моя. Но так ли ты богобоязненна, как кажется? Я вас, венецианок, знаю! Все вы ветреницы. Покайся, нет ли у тебя любовника?

Лизетта: Что вы, отец мой, разве такая добропорядочная женщина, как я способна впасть в такой страшный грех? Нет, отец мой, тело мое и душа чисты, я верна мужу и во всем покорна небесам.

Святой отец: Настолько покорна, что выполнишь любую волю небес?

Лизетта: О да, отец мой, почту за счастье выполнить любой приказ Господа нашего и его служителей.

Святой отец: (делает вид, что у него видения) А! Что это за свет?! Глаза! Кто ты, о юноша дивной красоты? За что ты бьешь меня? (кричит и бежит по сцене, обороняясь от невидимого противника) За что? Но кто ты? О, господин! Молно, прости! Да, я исполню все! (приходит в себя).

Лизетта: Что с вами? Святой отец, вам плохо?

Святой отец: Дочь моя, ради Бога простите меня за то, что я Вам сказал. Только что мне было видение Архангела Гавриила.

Лизетта: И что же сказал Архангел?

Святой отец: Я расскажу вам все, но заклинаю, бойтесь кому бы то ни было проговориться. Иначе вы все испортите.

Лизетта: Ну же!

Святой отец: Мне Архангел рассказал, что давно тайно влюблен в вас и мечтает с вами встретиться.

Лизетта: А я его тоже давно уже люблю и всегда перед его образом ставлю большущую свечку.

Святой отец: Архангел интересуется, когда и в каком обличье ему лучше явиться. Ведь если он явится в образе ангельском, то вы не сможете к нему прикоснуться.

Лизетта: Все равно, только чтоб не страшно. Скажите ему, что если он и вправду любит, то ради девы Марии, пусть не бросает. А я и раньше, даже не подозревая о его любви, везде, где бы его ни увидела, становилась перед ним на колени.

Святой отец: Не волнуйтесь, я все устрою! Только и вы помогите мне. Изъявите желание, чтобы он явился к вам в моей плоти. Он вынет душу из моего тела и пошлет ее в рай, а сам войдет в меня. И пока он будет с вами, моя душа будет в раю.

Лизетта: Я согласна. Пусть это будет вам уроком.

Святой отец: Только проследите, чтобы дверь вашего дома ночью была открыта. Если он явится в человеческом обличье, то иначе, чем через дверь, ему не пройти.

Лизетта: Отец мой, но как я смогу его узнать?

Святой отец: По перстню, дочь моя! У Архангела Гавриила на указующем персте будет перстень с камнем.

Картина 2.

Улица перед домом Гвидо и Лизетты

Входят Гвидо и Лизетта.

Гвидо: Моя птичка, как бы я хотел не расставаться с тобой ни днем, ни ночью.

Лизетта: Тебе пора на службу, госпожа ждет.

Гвидо: Моя птичка будет скучать по своему воробушку?

Лизетта: А как же. Если ты, конечно, уйдешь. А если не уйдешь, не буду.

Гвидо: Но мне так не хочется улетать из нашего гнездышка.

Лизетта: И мне не хочется, но надо! Лучше скажи, когда вернешься?

Гвидо: Как только госпожа Розина отпустит, птичка моя.

Лизетта: Но не раньше вечера?

Гвидо: Какое там!

Лизетта: Как ужасно, что ты снова должен меня покинуть!

Гвидо: Но, птичка моя, кто-то должен зарабатывать для того, чтобы ты могла красиво одеваться и вести достойный образ жизни.

Лизетта: Какое несчастье! Без тебя я буду скучать и страдать в одиночестве, мой воробушек! Как грустно быть одной.

Супружеский поцелуй. Гвидо уходит на работу, Лизетта в дом.

Входит Святой отец, одетый Архангелом Гавриилом, и стучит в дверь.

Лизетта: Кто там?

Святой отец: Архангел Гавриил, дитя мое.

Лизетта: А перстень, он при вас?

Святой отец: А где же он! Он при мне, дитя мое.

Лизетта: А вас никто на улице не видел?

Святой отец: Ну кто меня может видеть?! А? Или ты думаешь, нам, архангелам, нечего делать, кроме как являться всем подряд?

Лизетта: Тогда входите.

Святой отец входит в дом.

Возвращается Гвидо и стучит в дверь

Гвидо: Птичка моя, это я. Я это, вернулся. Лизетта, открывай, это я, твой воробушек! Эй, ты откроешь или нет?

Лизетта: Кто там?

Гвидо: Это я, твой муж! Открывай, курица!

Лизетта: Госпожа тебя уже отпустила?

Гвидо: Да. То есть, нет. Я забыл ключ. Ну да открывай же, ворона!

Лизетта: Я поскучала-поскучала и уже легла спать. Ты же говорил, что вернешься не раньше вечера...

Гвидо: Так проснись ипусти меня! Куропатка недожаренная.

Лизетта: Подожди немного, я должна одеться!

Гвидо: Да чего я там своими глазами не видел, перепелка общипанная!

Лизетта: (открывает дверь и выходит) А знаешь, воробушек, мне снился сон, будто твой второй глаз прозрел, я так радовалась! А ты меня разбудил! Ну-ка давай проверим, может, ты и вправду прозрел? (закрывает здоровый глаз) Ты меня видишь, мой воробушек?

Гвидо: Ничего я не вижу! Куда ты меня тащишь, я домой пришел!

Лизетта: Нет, ты посмотри, а вдруг увидишь?

Гвидо (растопыривает руки и хватает за палец святого отца, пытающегося в этот момент выскользнуть из дома): Это чья рука?

Лизетта: Моя, чья еще?

Гвидо: А что на ней за перстень?

Лизетта: Тот, что ты мне подарил.

Гвидо: А чья рука закрывает мне глаз?

Лизетта: Моя, что за глупости?

Гвидо: А чья рука меня обнимает?

Лизетта: Тоже моя!

Гвидо: Сколько же у тебя рук? Кто здесь?!

Святой отец вырывается и убегает, оставив в руках Гвидо перстень.

Гвидо: Стой, негодяй! А! Так вот как ты скучаешь, птичка!? Пока меня нет, в твоё гнездо слетаются чужие голуби! Кто это был, отвечай?!

Лизетта: Отвечать правду?

Гвидо: Издеваешься!

Лизетта: Здесь был Архангел Гавриил, плененный моей красотой.

Гвидо: Ты за идиота меня держишь?! Станет сам Архангел Гавриил ради тебя спускаться на землю! К тому же я всегда кланяюсь ему, где бы ни видел. Он не мог так поступить со мной.

Лизетта: Это правда, правда, правда!

Гвидо: Запомни, птичка, я тебе не дятел!

Лизетта: Это правда!

Гвидо: Ты думаешь, я спятил? Я все видел своими глазами! Домой!

Лизетта: Помоги ему, Архангел Гавриил!

Гвидо: Она еще вешает мне на клюв лапшу! Помоги мне, Архангел Гавриил! Пошли сюда того голубя, который упорхнул из моих рук. Судя по перстню, этот индюк совсем не беден. Пусть только прилетит этот гусь, уж я его нафарширую! Моя птичка решила стать перелетной и завести гнездо на стороне. Ну-ну.

Входит Дионео.

Дионео: Кум, ты что так страшно кричишь?

Гвидо: Спасибо тебе, Архангел Гавриил! С этого момента в мое отсутствие мою супругу и мою же честь я охранять поставлю своего кума. Следи, кум, чтобы, пока меня не будет, в дом не проникла ни одна душа. Чтобы жена моя сидела за работой и ожидала с нетерпением мужа. И чтоб она не допускала мысли о других мужчинах!

Дионео: Не беспокойся, кум, я буду сторожем надежным для жены твоей и чести.

Гвидо: Прекрасно, теперь я спокоен. Оставайся в доме, а я пойду, поговорю о всем об этом с отцом Альберто. Он мне поможет (уходит).

*Картина 3.
Базилика Святой Урсулы. Святой отец и Гвидо*

Святой отец: Вот болван! Мало того, что украл перстень, он еще и свернул мне палец. Как он горел на солнце! Перстень. Теперь горит палец. Эх.

Входит Гвидо.

Святой отец поначалу пугается и прячется, но затем принимает должный вид.

Гвидо: Отец мой, я пришел за советом. Мне нужна ваша помощь.

Святой отец: А! Это ты, Гвидо! В чем дело, рассказывай.

Гвидо: Вчера я застал у своей жены кого-то.

Святой отец: Вот в чем дело. Увы, твоя жена, как и прочие живущие на земле, грешна. А кого ты у нее застал?

Гвидо: Не знаю.

Святой отец: Он тебе не знаком? Он приезжий?

Гвидо: Я не видел его.

Святой отец: Ты уверен, что твоя супруга согрешила?

Гвидо: Да, я поймал этого кого-то за палец, когда он выбежал из дверей! И даже снял с него перстень!

Святой отец: Перстень? Он при тебе? Дай его мне. По нему я попробую узнать, кому он принадлежит.

Гвидо: Да нет, этот кто-то вернулся за ним и обманом забрал его у меня.

Святой отец: Ты врешь. Этот кто-то за ним не возвращался!

Гвидо: Вот вам крест!

Святой отец: Не богохульствуй!

Гвидо: Клянусь Святым Лаврентием!

Святой отец: Ты меня за идиота держишь!? Я все помню!!! (спохватившись) Так ты говоришь перстень...

Гвидо: Да, перстень был дорогой!

Святой отец: Еще какой! Целое состояние.

Гвидо: А жена моя твердит, что этот кто-то не кто иной, как Архангел Гавриил. Это надо придумать!

Святой отец: И на нем был перстень?

Гвидо: Ну да.

Святой отец: О, благодарю тебя, Отец небесный! Перстень на персте указующем — верный знак Архангела Гавриила! Ты счастливый человек, Гвидо, ибо жена твоя избрана небесами для второго непорочного зачатия!

Гвидо: Для чего?

Святой отец: В свое время Архангел Гавриил слетел в жилище девы Марии, жены Иосифа из Назарета, дабы возвестить ей благовест. Теперь же сам Архангел посетил твой дом. Гвидо! Ты можешь стать святым!

Гвидо: Я?

Святой отец: Если не помешаешь Архангелу.

Гвидо: Да я его убить грозился.

Святой отец: Ты с ума сошел! Но небеса простят тебя, ибо сделал ты это по недоразумению. А для того, чтобы ускорить прощение, каждый день с того момента, как стемнеет, и до полуночи, ты будешь приносить молитву Архангелу Гавриилу! У парадного входа своего дома. Ты меня понял? Не перепутай! Не у черного, а у парадного.

Гвидо: Я все понял.

Святой отец: Иди с миром, сын мой. Да, а не мог этот кто-то обронить перстень где-нибудь у твоего дома?

Гвидо: Такие чудеса творятся, что все может быть. Ведь я скоро стану святым, как Иосиф! И все благодаря милости Архангела Гавриила!

Святой отец: Сын мой, не стоит пока рассказывать всем об этом, ведь знамения еще не было. А пока иди с миром.

Уходят.

Картина 4.

Перед домом Гвидо и Лизетты. Лизетта и Дионео.

Лизетта входит, проходит несколько шагов. Останавливается. Кум повторяет все за ней. Она шаг влево — он тоже, она шаг вправо — и он. Она садится, он за ней. Она встает, подходит к двери и собирается выйти.

Дионео: Куда?

Лизетта: Кум, вы так и будете следить за каждым моим шагом?

Дионео: Я обещал куму следить за каждым вашим шагом.

Лизетта: Но я все-таки не птица, чтобы улететь в окно. Куда я денусь из запертого дома?

Дионео: Вы, женщины, когда захотите, можете все.

Лизетта: И теперь вы будете следить за каждым моим шагом?

Дионео: Да.

Лизетта: Все время?

Дионео: Да.

Лизетта: Без исключений?

Дионео: Да.

Лизетта: Кум, но ведь иногда женщине бывает нужно побыть одной.

Дионео: Да? Зачем это?

Лизетта: Для... молитвы.

Дионео: Молитва, произнесенная вдвоем, быстрее дойдет до адресата. Я буду рядом все время, пока кума нет дома.

Лизетта: А если муж уедет по делам и не успеет пожелать мне доброй ночи, целовать перед сном вы меня будете?

Дионео: А почему бы и нет? Я делаю это несколько не хуже кума (целует куму).

Лизетта: Что Вы делаете? Разве кумовья такими делами занимаются?

Дионео: Сударыня, я кум только внешне, а внутренне я такой же точно мужчина, как и все (целует куму).

Лизетта: А если муж уедет по делам надолго и не будет ночевать дома, вы и ночевать со мной будете?

Дионео: Я же должен беречь вашу честь (целует куму).

Лизетта: Но вы мой кум, а с кумом разве можно? Ведь это грех!

Дионео: Грех, но раскаявшемуся Господь и не такие грехи прощает (хочет поцеловать куму, но та вырывается). Посудите сами, кто роднее вашему сыну: я, его крестный отец, или же ваш муж, который его породил?

Лизетта: Мой муж.

Дионео: Правильно. А разве Ваш муж не живет с вами?

Лизетта: Живет.

Дионео: Вот видите! Но ведь я гораздо более дальняя родня вашему сыну, чем ваш супруг! Стало быть, и я имею право жить с вами (целует куму).

Лизетта: Я уже ничего не понимаю.

Дионео: А здесь и понимать нечего. Сегодня в полночь я приду.

Лизетта: Так муж сегодня дома ночует.

Дионео: Но ведь ты же что-нибудь придумаешь.
Лизетта: Я?
Дионео: А за это я перестану следить за тобой до самого вечера.
Лизетта: Не до вечера, а до конца дня.
Дионео: Но в полночь я приду.
Лизетта: Если не боишься.
Дионео: Я ничего не боюсь.
Лизетта: Посмотрим.
Дионео уходит.
Появляется Святой отец в накидке, скрывающей его лицо. Он сосредоточенно что-то ищет.
Святой отец (к залу): Тсс! Вы здесь ничего не находили? Ну, такое маленькое некрасивое колечко с камушком. Оно ничего не стоит, просто дорого мне как память. Кто сказал «целое состояние»? Вы его видели? Где?!
Лизетта: Архангел Гавриил, это вы?
Святой отец: Я, кто же еще, дочь моя.
Лизетта: Почему вы так одеты?
Святой отец: Я здесь с тайной миссией, дочь моя.
Лизетта: О! Что же вы делаете там?
Святой отец: Ищу то, ради чего пришел, дочь моя.
Лизетта: Почему же вы ищете это там, где его нет?
Святой отец: А где оно? Вы знаете?
Лизетта: Я думаю, вы тоже знаете.
Святой отец: Если бы я знал, то не топтался бы на месте.
Лизетта: Так пойдете в дом, тем более, что оно, то есть она, перед вами.
Святой отец: Я перстень потерял.
Лизетта: Я согласна и без перстня.
Святой отец: Ах, дочь моя, сейчас не до тебя. Куда же он делся? Отойди-ка в сторону. Ты на нем не стоишь? Нет. (к залу) Вы здесь ничего не находили? Точно? Вернусь вечером, когда вы уснете (уходит).
Лизетта: С крыльями — без крыльев, все мужчины одинаковы! (уходит).
Дионео, Лизетта.
Дионео: Скоро полночь. Темно, хоть глаз коли. Где ее дверь? (стучит). Лизетта! Лизетта, это я!
Лизетта (из-за двери): Кто там?
Дионео: Это я, кума!
Лизетта: А, это ты, кум. Сейчас приду.
Дионео: Конечно, придешь, куда ты денешься! Все женщины одинаковы и хотят одного.
Лизетта (входит со свечой): Чего же мы хотим?
Дионео: Любви, кума.
Лизетта: А-а. А мужчины разве не хотят одного?
Дионео: И мужчины хотят одного, но другого.
Лизетта: Чего же?
Дионео: Каждый мужчина хочет помочь ощутить себя любимой каждой женщине.
Лизетта: Каждой?
Дионео: Представляешь, как это непросто! Спасибо небесам, женщины помогают нам в этом. Ведь на сегодня ты все придумала?
Лизетта: Почти. Мне нужно только посоветоваться с небесами.
Дионео: Не думаю, что небеса нужно спрашивать в таком деле.

Лизетта (к небу): Архангел Гавриил, ты прекрасно знаешь, что до сего дня я была верна лишь своему мужу и тебе. Но в последний раз ты поступил со мною странно. Вот я и спрашиваю тебя, как быть: хранить ли мне верность тебе или наставить рога мужу?

Дионео: Не тяни. Он все равно не ответит.

Лизетта: Пусть только попробует! Ему это дорого обойдется. Если сейчас не ответит он, то в следующий раз не отвечу я. Я жду.

Дионео: Я тоже. Архангел Гавриил, ответь, как мужик мужика прошу.

Лизетта: Я повторяю вопрос: хранить ли мне верность тебе, или обмануть мужа?

Дионео: Хоть знак какой подай!

Входит Гвидо.

Лизетта: Значит, обмануть мужа. Ну что ж, ты этого сам захотел.

Дионео (пытаясь спрятаться от Гвидо): Этого я не хотел!

Лизетта задувает свечу

и в темноте держит Дионео за руку, не давая уйти.

Гвидо: Как у нас темно! Птичка моя, ты бы зажгла светильник.

Лизетта: Зачем, мой воробушек. На то и ночь, чтоб темно было. К тому же я почти уже сплю.

Гвидо: Ну, тогда я присоединяюсь к тебе.

Лизетта: Знаешь, только, наверное, мне придется рассказать тебе об одном деле, иначе я не засну.

Гвидо: Что еще за дело? Меня утомила эта долгая молитва, которую я сотворил по совету Святого отца, и теперь очень хочу спать.

Лизетта: Даже не знаю, как и сказать тебе. Ответь, кого ты считаешь самым большим и преданным своим другом?

Гвидо: Конечно, своего кума.

Лизетта: Ты уверен в нем?

Гвидо: Как в самом себе! Он крестил нашего сына, ему я доверил оберегать дом и тебя в мое отсутствие. Он честь мою оберегает!

Лизетта: Ах, напрасно я завела этот разговор. Давай спать.

Гвидо: Нет, ты ответь, он тебя чем-то обидел?

Лизетта: Он неустанно следовал за мною весь день, словно тень, не оставляя ни на минуту.

Гвидо: Ну, это мой приказ. За это нельзя обижаться на него.

Лизетта: Да, но это еще не все. Он так преуспел в роли моей тени, что захотел стать мне еще ближе.

Гвидо: Как это?

Лизетта: Он хочет быть моим любовником.

Гвидо: Но он же мой кум!

Лизетта: Он сказал, что кум он лишь снаружи, а внутри такой же мужчина, как и остальные, и что целуется он несколько не хуже тебя.

Гвидо: Не может быть.

Лизетта: Он так сказал. Кстати, ты легко можешь убедиться в этом. Он назначил мне свидание сегодня в полночь.

Гвидо: Но уже полночь!

Лизетта: Да, уже полночь.

Гвидо: Где он?

Лизетта: Архангел Гавриил, ты не передумал?

Гвидо: Я спрашиваю, где он?!!

Лизетта: Ты хочешь его увидеть? Нет ничего проще. Он сейчас совсем рядом с

нами (к небу) Так ты не передумал? Хорошо. Он в саду позади нашего дома. Если ты хочешь уличить его в предательстве, накинь на себя мою накидку и ступай в сад. В темноте он примет тебя за меня. Дождись, когда он обратится к тебе с любовными речами, и тогда ты окончательно убедишься в правоте моих слов.

Гвидо: Я убью его! Где твоя накидка?

Лизетта: Ступай, мой воробушек, и не возвращайся, пока не встретишь его.

Гвидо: Ну, кум, держись! (уходит).

Лизетта: Помнится мне, что Вы, кум, собирались пожелать мне доброй ночи. Или Вы испугались?

Дионео: Я нич-чего не боюсь.

Лизетта: Тогда пойдемте со мной, а в сад к мужу спуститесь потом. (к небу) Вот тебе!

Уходят.

Картина 5.

Сад за домом Гвидо и Лизетты.

Гвидо в накидке Лизетты входит в сад позади своего дома.

Гвидо: Никого не видно. Ничего, я подожду. Не могла же Лизетта меня обмануть! (ходит в ожидании) Однако кум мог бы быть и пунктуальнее. Пригласить мою жену на свидание и заставить себя ждать. Безобразие!.. Становится прохладно. Сколько можно ждать? Нахал. Опаздывать на свидание к жене своего кума и лучшего друга — это просто хамство. Никакого воспитания. В конце концов, кто кому больше нужен: он мне или я ему? Где он ходит?!!

На коленях вползает Святой отец в накидке, который все еще ищет перстень.

Святой отец (бормочет себе под нос): Где же ты? Я уже соскучился. Без тебя так одиноко, так плохо. Иди ко мне...

Гвидо: Мерзавец! Только прикоснись.

Входит Дионео и останавливается между Гвидо и Святым отцом, стараясь сориентироваться в темноте.

Дионео: Лизетта, это ты? (Гвидо и Святой отец кивают) Ты пришла ко мне на свидание? (Гвидо и Святой отец кивают) Так получай же! (бьет Святого отца) Негодная, как ты могла обмануть моего кума! Я нарочно пригласил тебя на свидание, чтоб испытать твою верность. Как ты могла подумать, что я обману своего кума и лучшего друга! Получай!

Гвидо (съеживается, но удивляется отсутствию удара и крикам): Как хорошо иметь верную жену и преданного друга! Теперь я спокоен. Стоп. Он бьет меня. Но меня он не бьет. Кто здесь? Лизетта! Курица!

Гвидо гонится за Дионео, гонящимся за Святым отцом.

Занавес

ПОВЕСТЬ

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ГОРИЗОНТ ЗА КАРНИЗОМ
(лирико-психологическая повесть)

Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011 год.

ОТ АВТОРА:

Я сижу на полу, положив на колени старый альбом с доисторическими фотографиями, по большей части черно-белыми, тусклыми и пожелтевшими от долгих и трудных лет жизни. Не все они закреплены на страницах, многие были просто вложены внутрь и теперь неудержимо скользят на волю, требуя моего внимания, выразительно шурша. Знают — их час настал. Дочь вчера вышла замуж и беспечно упорхнула в теплые края вить ласточкино гнездо. Я уменьшаюсь, ухожу в фон, на второй план и, соответственно, приближаюсь к прошедшему, отсюда, по-видимому, и ностальгический рецидив. Мне поет Мария Каллас, и Земля, недовольно поскрипывая, медленно вращается в обратную сторону.

Не задерживаясь на промелькнувшем эпизоде моего рождения, углубляюсь еще дальше в минус-годы по временной шкале, и вдруг начинаю ощущать, что все это происходило не так давно, всего сколько-то десятков лет назад, а в космическом масштабе и вовсе полкопейки времени прошло...

Мне было нелегко создавать эту повесть. Причин много — участники событий, о которых здесь рассказывается, слишком близкие мне люди, объективной оценке не подлежащие. К тому же большинство из них уже ушли из земной жизни. Прежде, чем вы возьмете на себя труд прочесть предлагаемое вашему вниманию сочинение, я хочу немного прокомментировать характеры тех, кто обитает на этих страницах. Героиня, от имени которой ведется рассказ, на первый взгляд может показаться тяжелым, капризным человеком, притесняющим своих родных. Представьте ребенка, затем юную девушку, с душой тонкой, крайне восприимчивой к реалиям внешнего мира, куда судьба определила ее на жительство. (Я говорю сейчас не о себе, поэтому могу рассуждать вполне свободно). Она остро и чутко впитывает негативные впечатления, которые на протяжении долгих лет изрядно перевешивают по значимости мелкозернистые радости. Постепенно такая личность становится подозрительной и

недоверчивой, то есть с готовностью принимающей очередные трудности и проблемы, которые для нее представляют собой настоящее лицо жизни, но все хорошее оказывается непривычным, пугающим, следовательно, почти невероятным. Лучше отмежеваться, наблюдать со стороны, по возможности, избегать,— кто знает, что там, с изнанки?

Речь идет об очень дорогом, близком и любимом мной человеке — моей бабушке. После всего пережитого характером она отличалась сильным, тяжелым и властным. Вероятно, груз военного времени и изломанной личной судьбы очень повлиял на него. Ладить с ней означало — полностью подчиниться ее догматическому восприятию жизни. Я только в ранние детские годы отчасти удовлетворяла столь жестким требованиям, а в дальнейшем, повзрослев, редко удостоивалась одобрения, как, впрочем, и большинство других наших родственников.

Мне часто бывало жаль бабушку. Однажды четко определив для себя место в социуме, она неуклонно придерживалась его и стремилась заставить всех нас покорно лечь на это Прокрустово ложе. К примеру, в моем детстве произошел печально знаменитый в нашем роду случай, очень характерный для бабушки. Был период, когда большая жестяная банка красной икры продавалась в магазине за пять рублей, и мои молодые родители, удивившись и обрадовавшись, захотели купить ее. Несколько лет подряд этот аппетитный деликатес добывался в нашей стране в таком изобилии, что подешевел и распространился чрезвычайно. (Впрочем, богатство сие скоро иссякло, и статус кво восстановился). Все же бабушка решительно воспротивилась покупке, но мама с папой настаивали, тогда, забрав у них спорные деньги, она прошла в соседний отдел и, торжествуя, вернулась с огромным пакетом пряников — на все пять рублей! Ее поддерживала твердая убежденность, что, независимо от цены, икра существует не для нее, а значит, и не для нас. Никакие аргументы не действовали, и так осталось навсегда. Остальные, то есть мы, внучки, а до того — дочери и зятья,— отчаянно сопротивлялись и порой испытывали тяжкие последствия своего бунта. Некоторые сломались, и судьбы их сложились не так, как им хотелось бы, а в отдельных случаях, даже трагично. Однако столь очевидно красноречивый опыт нимало не поколебал убеждение бабушки в собственной правоте, и, хотя ее влияние на внуков и правнуков оказалось изрядно ограниченным, она во многих случаях неустанно демонстрировала одобрение или жесткое недовольство. В итоге это привело к всеобщей нашей скрытности, каковая тоже, в случае обнаружения, вызывала раздражение и упреки.

Паразитальный, несчастный, тяготеющий к страданию характер!

В 87 лет ей была мучительна сама мысль, что кто-то из ее потомков может добиться жизненных успехов, оказаться незаурядной личностью, стать счастливым; между тем горести и неудачи всех родственников она принимала близко к сердцу и страстно оплакивала. Душа, впитавшая в юном, самом радостном возрасте чрезмерную порцию бед, оказалась неспособной без настороженности и недоверия принимать подарки судьбы.

Не менее откровенно показаны и другие действующие лица этой повести. Мне не хотелось придумывать идеальных и милых героев или прописных злодеев. Все, кого вы здесь встретите, реальные и живые люди с массой недостатков, даже пороков, которые много страдают, но есть у них и радости, и достижения, не всегда ими в полной мере оцененные. Не ценят они и своих несомненных достоинств, как и многие из тех, кто, возможно, уделит толику внимания моей истории.

Годы, прожитые мной, привели меня к выводу, что все люди прекрасны, интересны и удивительны, но не знают об этом или сомневаются в себе, из-за чего часто совершают недостойные их деяния.

Горжусь нашей страной, ее поразительной, уникальной и высокой историей. Меня воспитало время беспримерных подвигов и свершений, несмотря на все его тяжелые несовершенства. Оно, как моя бабушка. Простая мысль, уже общенародная: давно пора начать беречь и развивать лучшие достижения исторических периодов, избавляясь от всего, что успело проявить свою несостоятельность. Остальное, для чего мне не хватило слов, расскажет сама бабушка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
она же и последняя, от начала и до конца
(далее говорит Нина Яновна)

* * *

Боюсь я. Мой страх не похож на те, прежние, пережитые раньше. Лежу на кровати целые дни и чувствую, что он медленно ворочается внутри. Со мной все мои семьдесят семь лет и постигший меня перелом шейки бедра.

Опять первый месяц весны, как два года назад, когда это случилось. Под утро, помню, завопил телефон, громко, требовательно. Спросонья вскочила я к нему, а нога вдруг поехала, и линолеум показался таким скользким! Лежу и осознаю, что ни встать, ни сесть... Больно почти не было, только нога онемела и чужая стала, непослушная. Реву в испуге и от беспомощности, а кошка вокруг ходит и удивляется, зачем я на полу валяюсь. До сих пор не знаю, как до стола доползла, сумела дочери, Сашке, в Москву позвонить. Где-то она ухитрилась машину санитарную раздобыть, приехала на ней и меня к себе увезла. Маруську мою хвостатую ни в какую санитары в машину брать не хотели, животное, говорили, инфекция в салон попадет... Какой же вред от беленькой кошки, которая и на улицу не выходит? Ну да Сашка их уломала-таки. У нее теперь и дотягиваю... Квартира моя в пригороде, под Подольском осталась, лучшая, что у меня была. Помню, жила в избе на краю Абакана, дверь не запиралась, так я ее старым чулком на ночь к печной заслонке привязывала от страха. Потом в деревянном двухэтажном доме, удобства во дворе. После в кирпичном, где зимой в комнате изо рта пар шел и валенки вместо тапок...

А родом-то мы, то есть — корешки наши, похоже, из многострадального города Ржева, мне туда съездить ни разу так и не пришлось. Мимоходом говорила мамочка, что их семья когда-то имела там собственный дом и большой сад при нем, где было дерево старое, дуплистое, девчонкой маленькой она туда забиралась, себя воображала то белкой, то совой... Хозяин отличался строгой властностью характера, жена, то бишь, — моя бабушка, побаивалась его... Детей вырастили шестерых, пять дочерей и сына. Мамочка была младше всех, кроме брата, и ходила в любимицах отца. Он звал ее всегда Лелей, а остальные — Лелькой... Родители умерли как-то скоро, друг за другом, но успели благополучно выдать замуж трех старших девушек. Четвертая была Зоя, самая несчастная из всего нашего рода, два раза вдовела, на третий развелась.

Замужние дочери распорядились имуществом и двумя младшими детьми. Одна из них забрала к себе сестру Лелю, другая мальчика, еще совсем ребенка, лет десяти.

Мамочку мою, которой не исполнилось и шестнадцати лет, насильно выдали замуж за богатого старика — год шел 1915-й. Не в кино и не в романе, а в жизни. Рассказывала, что сбежала через месяц — от невыносимого отвращения. Через небольшое время вышла за молодого врача Алексея Гончарова, родила сначала Тамару, потом и меня. С ним после революции зарегистрировалась в загсе, но он много пил. Мне был только год, когда ей встретился дорогой, любимый наш папочка, Ян Янович Лапченко, и позвал нас всех к себе. Разводы и браки тогда оформлялись быстро.

Не могу забыть, как мама, за хозяйственными делами, часто пела «У церкви стояла карета», голос ее прерывался, слышался глубокий вздох, борющийся со слезами,— и затем песня следовала дальше... Везде с нами кочевала небольшая репродукция «Неравного брака».

* * *

...О-ой, бабоньки мои женщины, жизнь в голове колыхается как туман рваный! То в просвет воспоминание далекое прямо в душу глянет, остро так, хоть криком изойти. То вокруг посмотрю, себя в сегодняшнем дне прочувствую — и кусаться хочется!

Сперва, как у Сашки поселилась, сразу меня раздражать стало, что внучка Надюха каждое утро матери звонит. Нет, не по причине, что я от этого пробуждаюсь. Нельзя спать, если кто-то в той же комнате на работу собирается.

Но как, не успев продрать глаза, хвататься за телефон, чтобы только поздороваться и спросить о самочувствии! У них, видите ли, давняя такая привычка образовалась... Пару раз звонок запаздывал, но едва я успевала сказать Сашке:

— А твоя-то сегодня о тебе подзабыла! — вдруг, словно мне назло, раздавался надоедливый трезвон. Не понимаю,— от безделья, не иначе! Когда голова от забот пухнет, пустяковыми приветами разбрасываться не станешь...

...Март растаял, я не успела заметить когда. За ним прошел апрель, какой-то особенно дымчатый. Зато жарко разгорелся весенний последыш май, для меня обидно приветливый. Окно видеть не могу. Там птицы, облака и кленовые ветки, светлыми листьями облепленные, голоса людей доносятся и ночью, и днем, а мне постель как тюрьма, ни встать, ни сесть толком, ни повернуться нормально. Дочери завидую, внучке Надьке и правнучке Олесе. Злюсь на них, ругаюсь, они обижаются. Не понимают, какво столько лет бой-бабой проскакать — и вдруг соломенным тюком свалиться, и обездвижить. Простыни стелют, моют, подают,— а ни душа, ни сердце у меня такой жизни не принимают!..

Больше всего — боюсь. Умираю, но смириться не могу. У Сашки моей дурная привычка: сварит кастрюлю супу на неделю — и кормит им, не переставая! Работаю, говорит, некогда разносолы готовить. Устаю, говорит. Ты, мама, твердит, не забывай, что мне, мол, тоже за шестьдесят уже!

Но я вам скажу, бабоньки мои женщины,— кто ей работать велит? Шла бы давно на пенсию, сидела бы рядом, а то язык у меня онемел совсем. Всегда я поговорить любила, теперь целые дни одна, лежу, стенку взглядом ковыряю. Какое? Она мне: жизнь тяжелая, Олеська на художника учится, деньги нужны. Ну дак не замахивались бы на художника, выбрали бы что попроще — и хватало бы! Кто мы такие, чтоб на художников идти? Я всю судьбу в учительницах, и Сашка сама, внучка — до сих пор, хоть инженерный закончила, а тоже преподает! Нет, надо было выделиться, дескать, Олеся рисует хорошо... Мало ли кто хорошо-то рисует... У меня лет пятьдесят назад знакомый был, пел, как Шаляпин. Не пошел в певцы, сын же токаря,— и учил ребятню черчению. Рубил по себе,— и правильно. Умер, правда, в тридцать пять лет,— спился вконец... Старшая моя, Марина, тоже все в актрисы рвалась. Я не дала, высмеяла,— кто ты есть, сказала, чтобы в актрисы... Шапка, говорю, по Сеньке должна быть.

* * *

А вы как думали? В нашем Абакане у нее с первого до последнего класса одни пятерки были,— и что? Медалей прислали всего две — золотую да серебряную. Золотую дали дочке секретаря райкома, а моей искусственно поставили четверку за сочинение — и вручили серебро.

Я-то всего лишь разведенка-учительница! Мне потом литераторша наша шептала, как ей директор велел в Маринкиной писанине синими чернилами на ошибку исправить, чтобы оценку понизить. А моя дуреха: в артистки пойду! Ну и дала я ей жару! Все равно, правда, в Москву поехала, но позже — в инженерный институт поступила, вместе с дочкой секретаря нашего, золотомедальницей, да еще вступительную математику той помогла решить.

Жалко Маринку — тоже рано умерла, в сорок лет. Курила, выпивать стала, нажила болезнь. Олеська портрет ее по фотографии сделала, напротив висит. Когда я одна, все с ней разговариваю и плачу, плачу... Никогда не вижу ее во сне. Сашка часто рассказывает, что снится ей Маринка, а мне — никак.

* * *

Лежу в кровати, вспоминаю лоскутьями свою жизнь, тяжело приходилось,— но умирать боюсь. Чую, все мои сроки уходят. Сашка в церковь иногда бегает, придет, рассказывает, каким иконам свечки поставила, о чем помолилась. Пока я на ногах была, тоже стала приобщаться, а теперь — то верю, Бога прошу меня опять на ноги поставить, а то сомневаться начинаю, бранюсь, что нет, мол, Его,— иначе за что Он меня мучает? Дочь, если слышит, пугается, говорит: не грехи, нам и так нелегко, за тебя еще отвечай. Ей, с ногами-то, чего жаловаться! Астма у ней, правда, задыхается, бывает, хоть не пойму как это,— но ведь ходит! Уйдет в магазин в субботу — и пропала, а я опять жду. Говорит — в очереди стояла, но кто ж ей поверит? Знаю, гуляет без меня, на лавке в сквере сидит или к внучке зайдет. Надька с Олеськой на соседней улице живут. Без толку к ним ходить — и так часто у нас бывают. А по лавкам одной сидеть тоже нечего. Не молоденькая. Купила быстренько, что надо — и домой, с матерью поговорить.

Правда, в последнее время она со мной почти не общается — обида у нее, видите ли! Позвонила моя давняя подруга, еще из Абакана, поведала новости. Соседка моя бывшая, мне ровесница, померла недавно, а на другой же день ее дочь, Сашке одноклассница, следом от инфаркта на тот свет ушла. Так они и лежали рядом, две старухи... Я своей сообщила, да возьми и добавь:

— Вот бы и нам с тобой так же!

Ох, и разобиделась, бабоньки мои женщины! Как ты можешь дочери такое, говорит. А сама-то что ж, не старуха? Всего на двадцать пять лет меня младше. Даже Надюхе уже сорок шесть, толстая стала, краснолицая, хотя красавица была,— да и сейчас еще может, если подкрасится и в парикмахерскую заскочит. Только зачем ей, развелась давно, ни мужа, ни, кажется, любовника. Хлопочет вокруг своей Олеськи, ничего больше знать не хочет, насадка.

В Москве моя дочь больше тридцати лет. Она семью в столицу перетащила, когда Надюхе только минуло шестнадцать. Это была Сашкина заветная мечта, над которой мы все, по правде сказать, тогда посмеивались, нереально, мол. Зато моя внучка свой последний школьный год здесь отучилась, институт окончила, замужем побывала. С экскурсии по Золотому кольцу приволокла в дом костромича.

Началось, вроде, как у людей: свадьба, своя комната в коммунальной квартире, работа, ребенок. Потом будто стужа какая-то появилась, без видимых причин... Попробуй, разберись в семейном-то деле!

...Вспоминаю их развод. Как честный человек, поделил он все нажитое в семье добро поровну: новую дачу и зеленый «Запорожец» себе, дочь Олеську — Надюхе. Мои недотепы так растерялись, что с тем и остались! Сумели, однако, справиться,— через два года себе новую дачку сообразили, правда, поменьше, недалеко от моей квартиры под Подольском,— ту самую, где теперь Сашка от меня отдыхает.

Не понравилось мне тогда, что они купили ее, я даже смотреть долго не ходила. Казалось, где-то нарушилось равновесие — типичные белорукие горожанки, а к земле прибиваются. Никак привыкнуть не могла, но любопытство мучило, как там все устраивается, мол... Пришла однажды, да увлеклась, вдруг захотелось похозяйствовать. Не понимают ведь, что надо, напихали полную землю коллочек всяких, деньги без толку тратили на сорта дорогие. Я засучила рукава, накопала дикой малины да ежевики и заняла всю оставленную под кусты землю. Та же ягода, но бесплатно. Заняли: плоды мелкие, урожай маленький! Ничего, сколько есть, столько и хватит вам, не принцессы. Теперь дорвались, наверно, мое повыдергали, сортов разных насажали. Не сознаются, однако!

Калину я им вырастила, еще при мне большая стала и на ягоды щедрая.

Правду сказать, из всех моих посадок она одна такой хорошей оказалась. Завещала им на память о себе. Рассказывали, будто, как свалилась я снопом, болела калина целый год. Сейчас вроде выровнялась. Привозили плоды, морс делали, — да пить обидно, вспоминается, как сама за ней ходила, и сердце щемит!

* * *

...Сколько раз я возвращалась памятью в тот ужасный день, который приковал меня к постели, да еще и к чужой! К чужой, — потому не у себя приходится лежать и не чувствую я здесь дома, и завишу от других. Ох, не приведи, Господь, никому так-то доживать...

Маруся тоже бродит по квартире, места себе не найдет. Да еще у Сашки свой кот, старый, ревнивый и злой. Гоняет он мою отовсюду: и с дивана, и с кресла, только на кровати, где я лежу, ей спокойно. А для меня это — лишнее горькое напоминание, не у себя, мол...

Боюсь я... Два года жду, не знаю чего, а хочу домой вернуться. Дочь время от времени начинает говорить:

— Попробуй, мама, потихоньку вставать.

Да не могу. Ноги ослабели совсем, даже здоровая едва двигается. Раньше не решилась, теперь и подавно. Вдруг опять упаду? Нет уж. Бог бы чудом на ноги поставил — другое дело.

Эх, вернулись бы мы с Маруськой домой! Гуляла бы я много... Во сне часто вижу, как встаю и иду — то на почту, то в магазин, то на огород. Только ног никогда не чувствую при этом.

Наяву читаю книги. Тоже раздражает, — никогда столько времени на них не тратила, хотя любила, правда, Лескова, Шишкова, Астафьева...

...Но часто отвлекаюсь и вспоминаю жизнь, какая б ни была, а моя...

Иногда задумаюсь так, что не замечу, как вечер пришел, — будто заново далекие годы перестрадала.

* * *

...Опять с окна яркое солнце бьет. Я полусижу в своей постели к нему спиной, а оно — большими пятнами по стенам и потолку, не дает покоя, уносит в детство. Год 1930-й, мне лет семь, разезд Дагомыс около Сочи — ни полустанка, ни платформы какой-никакой... Спрыгнули-заскочили почти на ходу и — вперед.

Бабоньки мои женщины, не знаю своего точного возраста, сумбурно и трудно было, часто с места снимались, переезжали, метрики потеряли, даже мамочка забыла точные даты наших рождений. Говорила потом, что родила меня летом, числа, мол, не знает, а год двадцать второй, и тот под сомнением. В итоге записана я вообще на январь двадцать первого, с тем и живу, с того рубежа отсчет веду.

Было нас у родителей на тот момент две дочки: Тамара, постарше, да я, Нинка, поменьше. Через разъезд с большими интервалами ходили матрицы — небольшие локомотивы, единственный доступный вид транспорта. Помню, место пустынное, дикое, берег Черного моря, узкая извилистая тропка в гору. Долго взбираешься по ней, прежде чем откроется глазам огромное, по моим тогдашним понятиям, строение, говорили, бывшее поместье князя Успенского, отобранное большевиками. Как подросли мы, рассказывал нам отец, что управителем он служил на землях, семейству Николая Второго принадлежавших. После революции там организовали совхоз и работников расселили во множестве комнат, в залах и коридорах, которые представлялись нам, детишкам, настоящими лабиринтами. Папа был учителем, и нашей семье предоставили комнату в пятнадцать метров. Какое это было счастье, бабоньки мои женщины! Большущая кухня — целый город, на первом этаже — для всех. Питались, конечно, скудно, попросить лишний раз — ни-ни!

Бывало, к примеру, так.

Варит мамочка мамалыгу — кашу из кукурузной муки. Мы с сестренкой ходим вокруг, маемся, кушать хотим. Дождались, ура! Папа старательно накладывает кашу в плоскую тарелочку и ложкой проводит посередине борозду — делит нам с Тamarой пополам.

— Иди, Нина, ешь, — мне первой, как младшей.

Сажусь за столик, маленький такой, неудобный — на одного. Горячо! Трогаю ложкой свою порцию, шевелю, чтобы остыла. Глотаю слюну от вкусного духа. Смотрю: на половине сестры застывает пенка. Как захотелось мне вдруг этой густеющей пенки! Но забрать ее с Тамариной каши я не могла! Решила поменяться. Свою кашу, равномерно перемешанную, перекалдываю на сторону сестры, освобождаю место для пенки. Пришел папа, увидел, что моя половина тарелки пуста. Не заметил, как много стало каши на другой стороне.

— Молодец, Нинуля, быстро поела. Ступай играть, я Тамару позову...

Осталась я голодной, постеснялась сказать, что даже не попробовала, только понюхала свой завтрак. До сих пор щемит при воспоминании. А прошло с того дня семьдесят лет! Чего я только не съела за эти годы! Было и повкуснее мамалыги, но как оно всплывет в памяти, первое чувствую — досаду. Потом, правда, смешно делается...

...Сейчас у кровати Сашка оставила мне жареную куриную ножку с гречкой. Завспоминалась, отвлеклась, остыло все уже. Да ничего, под незабываемый детский аппетит хорошо пойдет. Подождите, бабоньки мои женщины, обеденный перерыв у меня...

* * *

...Родители были единственными представителями «интеллигенции» в особняке, куда их занесло, не знаю, каким жизненным ветром. Долгие годы, приезжая к мамочке в гости, намеревалась поспрашивать ее о подробностях, — так и не собралась. Затем Тамару все хотела попытать, может, помнила хоть что-то, старшая же — тоже не получилось. Сашка просит оставить ей заметки о прошлом, да только память будоражит, а руки уж не пишут ничего, дрожат. Все с собой унесу, самой бы успеть перебрать свою судьбу в голове.

На почве «интеллигентности» поначалу сдружилась мамочка с женой директора совхоза, которая подчеркнуто не стремилась общаться с работницами и «выбрала» ее.

— Ольга Николаевна, с Вами, при высшем образовании, можно хотя бы вычлениить тему для разумной беседы, — говаривала эта дама.

Приятельские отношения долго не продлились, слишком разные оказались характеры. Мама не чуждалась других людей и не любила чванства. К тому же, бродили смутные слухи, что жена директора собственноручно травит окрестных

собак, раздражавших ее своим голодным воем. Все живое тогда не доедало, не только люди...

...В гущу событий родилась наша третья сестра Майя, весной тридцатого года. Помню, всех нас на время родов выдворили из дома, по глупому своему возрасту не знаю, кто принимал младенца,— штатного доктора в совхозе не было, да и за два года, прожитых там, не слыхала, чтобы кто-то болел. Папа сказал, мол, аиста с ребенком ждем, но не велел об этом больше никому говорить, поэтому, играя в тот день с другими ребятами, я все время таинственно улыбалась — ничего не могла с собой поделатъ. Было по-весеннему прохладно, с моря дул ветер, одежка так себе, но домой нас не пустили, пока не уничтожили все следы.

Новая сестренка показалась игрушечной, хоть шевелилась и пискливо кричала. Нам не разрешили ее трогать и брать на руки, и мы быстро потеряли к ней интерес.

Когда отношения мамы с женой директора разладились окончательно, нам пришлось покинуть поместье и перебраться в заброшенный хуторок, километрах в пяти от прежнего места жительства. Прозывали его «четвертой ротой» — болтали, мол, до революции, квартировали там солдаты Кавказского линейного батальона, — как раз упомянутое подразделение. Нашей семье остались от них избушка с русской печкой, маленький дворик с колодцем. К забору вплотную подступала непроходимая колючая растительность. Мы лазили в ней, по детскому обыкновению, выдумывая игры и развлечения. Башмаков летом не носили, потому у нас часто болели ноги — вылезали нарывы на икрах и ступнях. Думаю, от колючек и несътой жизни. Помнится, мама часто посылала нас, старших, собирать маленькие дикие груши, варила компот, варенье и сушила про запас. Это нас очень выручало в голодные времена.

Все-то мы в жизни пережили, все-то испытали...

Вспоминаю, как Тамара сидит дома и хнычет: у нее в очередной раз нарыв на пятке. Ей очень больно — обычно она очень терпелива. Я сижу рядом, утешаю. Вечером сестра засыпает с трудом, боль никак не успокаивается. Ночью все просыпаемся от резкого запаха дыма — пожар! Горит крыша. Мы вскакиваем, схватили ведра и бегаем к колодцу и обратно, папа с лестницы выплескивает воду на огонь. Мама набросила плащ, побежала за помощью к соседнему хутору, был еще один, как наш, — километра три. Тамара, забыв о нарыве, босиком таскала ведра. Оступится, охнет, губу укусит — и опять бежит. Обошлось! Крышу починили, жили дальше.

* * *

После совхоза отец работал в Сочи, в интернате для девочек из таких же хуторских семей, как наша. Тамара подросла, отвезли туда учиться.

Иногда папа брал меня с собой, мы оставались там ночевать. Спальня была — огромный зал. Вместо кроватей стояли двадцать пять деревянных топчанов на крестообразных ножках. Две двери, одна напротив другой, но вторая заставлена тяжелым шкафом — за ней находилась столовая, где хранился хлеб, поэтому туда пускали только на время еды. Я только что основательно пообедала, но, вспоминая ржаной запах, сочившийся из-за шкафа, чувствую, как рот снова наполняется слюной. Как сейчас, вижу полуголодных девчонок, которые вечером, перед сном, невольно подтягиваются к двери в столовую, нюхают воздух. Сейчас это кажется просто невозможным, но мы все тогда остро почували хлеб.

— Девки, — возбужденно говорит Тонька, самая старшая и хулиганистая из нас, — давайте шкаф отодвинем! Жрать хочется — страсть.

— Нельзя, — возражает наша Тамара, так уж мы были воспитаны.

— Да ну тебя! А голодными сидеть можно? — шипит кто-то.

— Мы шкаф все равно не сдвинем, он очень тяжелый,— неуверенно продолжает сестра.

Но всех уже поглотила эта мысль, и они ближе подступают к заветным границам.

— Проверим,— заявляет Тонька, первой хватая шкаф за бока.

Он непоколебим, как стена. Все наваливаемся на него и некоторое время без толку пыхтим. Наконец Тамара замечает, что мы жмем на него с двух противоположных сторон и мешаем друг другу. Исправляем ситуацию,— и шкаф неохотно пропускает нас в столовую.

Запас хлеба оказался невелик,— разделили по ломтю, правда, большому по сравнению с обычными порциями. Меня тоже не обошли, хоть я считалась в гостях...

...Утром в спальню суровыми шагами вошли не улыбающиеся воспитатели и наш папа. Мы забыли поставить шкаф на место — накануне нас так занимала еда, что другие детали события ускользнули от нашего внимания.

— Не могу пожелать вам сегодня доброго утра,— сообщила заведующая интернатом Татьяна Власьевна,— хлеба сегодня нет ни для вас, ни для нас. Будем жить без него три дня — до привоза. А теперь подъем — и на уроки...

...Помню, было страшно стыдно перед папой. Он даже в мелочах соблюдал исключительную честность. А лишнее волнение могло повредить ему, так как он имел порок сердца. Долго ходила я в тот день за ним, тайком поглядывала, не держится ли за грудь, не глотает ли таблетки...

...Ой, бабоньки мои женщины, на улице дождь, а мне и повернуться трудно, чтоб на него посмотреть, на слух погоду различаю. Специально Сашку попросила меня так устроить, чтоб окна не видеть. Все, значит, ходят, живут, а я валяюсь, никому не нужная, по целым дням одна!..

* * *

...Да, голодно жилось на «четвертой роте», и пришлось однажды мамочке достать из сундука черное кашемировое платье вместе с корсетом, единственное ее сокровище. Я даже и не знаю, когда и куда она его надевала, разве в праздник еще в особняке. Посмотрела она на него долгим взглядом, полным недоступных для нас, детей, воспоминаний и сдержанно сказала папе:

— Все, можешь его продать. Теперь не забуду.

На рынок в Сочи отправились мы с ним вдвоем, Тамара осталась помогать по дому, Майя была еще мала. Шли пешком, километров двадцать, потому как и с транспортом проблемно, и с деньгами. Дороги тоже толком не имелось: то на холмы взбирались, то продирались через колючие заросли. Больше всего помню высокие кусты мелких диких розочек, белых или темно-красных. Погода не удалась: дождевая морось, порывы сырого и холодного ветра. Долго шли. Папа часто останавливался, большое сердце свое диктовало, приходилось отдыхать.

А мне-то какво! Он отдыхает — я мерзну. Но добрались-таки. Народу, несмотря на ненастье, полно — выходной день. Пристроились в вещевом ряду, под навесом, чтобы платье не испортить. Дорого запрашивать опасались — вдруг не купит никто! Поначалу не подходили к нам, издали поглядят и отправятся по своим делам. Продуктами по голодному времени больше интересовались. Стою, за папин рукав держусь, одежонка сырая — дрогну помаленьку... Да не болели мы тогда по пустякам, не знаю почему.

Подошла немолодая особа, на мой детский взгляд, богато одетая, молча посмотрела, пощупала, поморщилась:

— Сколько?

Папа поспешно назвал цену, теперь уж не вспомню, какую, но покупательницу явно не отпугнул. Лицо ее выразило острый интерес и полускрытую жадность.

— Дорого просите! — сфальшивила она. — Ткань дешевая.

— Настоящий кашемир, — твердо ответил папа, давая понять, что сбавлять не будет.

Наверное, она лучше знала цену нашего товара, так как после первой попытки торговаться больше не стала, к тому же вокруг нас закрутились другие покупательницы. Когда папа передал ей платье, я протянула руку и дотронулась до него — на прощание. До сих пор, кажется, чувствую на пальцах легкую шелковую гладкость ткани...

— Не пачкай, девочка, — брезгливо сказала особа, отстраняя от меня покупку, — руки-то какие грязные...

Ушла. Так мы продали мамино сокровище и отправились в продуктовые ряды. Купили тогда муки, кукурузного масла, сахарина, еще чего-то, а напоследок булочки, круглые и сладкие, запомнившиеся мне больше всего. На обратном пути я думала только об этих булочках, как мы есть их будем.

...Пришли, поели, вздохнули...

* * *

...Мамочка тоже перед смертью долго лежала, почти год. Семьдесят восемь лет прожила. Если по паспорту, я теперь ее на целых девять лет старше...

...Опять, глядите, про книгу забыла, задумалась. Книгами меня внучка, Надюха, снабжает, она любительница. Да не все, что читаю, мне нравится: то шрифт мелкий, то заумно, не поймешь. Ругаюсь, — что, мол, с крупными буквами подобрать не можешь? Обижается. Детские сказки, говорит, так-то печатают. Да мне теперь, видать, только книга собственной жизни и интересна. И шрифт крупный, и каждая строка вполне ясна...

...Скоро Сашка придет, опять борщом кормить будет. Надоел уж борщ, рассольничку бы, что ли... Телевизор посмотрим, новости... Вот и день мой весь вышел. Сашка спать рано ложится, а мне куда деваться? Не привыкла я. У себя дома за полночь, бывало, сижу. А тут — кто меня спросит? Свет выключает, а я лежи, да в темноту пялься. Комната, конечно, одна, дочери — утром на работу; то, что мне рано не уснуть, в расчет не принимается. Ох, нет сил в такой зависимости быть...

...Помоложе-то я вышивать очень уважала. Живем ведь, как деревья, весной все в цветах, каждый цвет — то, что мы любим. Время идет, цветы по одному отмирают, сначала остаются одни листья, затем голые ветки. Я сейчас при голых ветках, и те наполовину сломаны. А любовь к вышиванию дольше всех при мне задержалась. Скатерти, салфетки, накидки, платки, одежда разная сплошь моим рукодельем украшены были. Полный чемодан добра этого от меня остался. Теперь не могу — пальцы плохо гнутся, глаза узора не разбирают. В девяностые годы выходила на Арбат продавать свои работы. Тогда многие пенсионерки рукодельями разными торговали. Помню, как иностранцы у меня вышивки расхватывали, другим на зависть...

Поругались с внучкой и Сашкой из-за коммунистов. Они с Надюхой все о недавнем прошлом вздыхают. А что мы там видали, в социализме-то? Голодушку да работу, а страху натерпелись в тридцатые? И страхом одним не отделались, эх... Но, правду сказать, люди в целом лучше были, не то, как нынче, потому и в войне победили, из пепла в считанные годы отстроились, в космос первые полетели... Нельзя, однако, все время только в лазурную даль глядеть, глаза заслезишь и непременно споткнешься...

Дочь с внучкой мне одно повторяют — «брежневские времена, брежневские времена...». Спору нет, конечно, тогда полегче стало. Утряслось как-то все, угомонилось. Ровненько жизнь потекла, стабильность появилась. Сейчас это называют —

застой. По мне — так лучше тот застой, чем нынешние убийства в подъездах да взрывы в метро... Но я своим этого не скажу. Да и к чему? Мое мнение ничего уже не значит, и не голосовать мне больше. Устала я, бабоньки мои женщины, политику разбирать. Послушаю новости, что там по телевизору наговорят, вроде интересно, поудивляюсь, поужасаюсь, а после одумаюсь — мне разве дело? Сашка попрекает, мол, тебе неважно, как твои внучка с правнучкой будут жить? Ну, разволнуюсь я, что изменится? Они тут остаются, в любом случае, а мне уж конец приходит, и свои у меня страхи, которые им пока не понять...

* * *

...Опять уезжали мы, бросали «четвертую роту», и жалеть не о чем было, жили не сытно, с места любого легко снимались,— скарба никакого, сменную одежку в мешок за плечи, да в путь. Позвала нас в Серпухов мамочкина сестра, тетя Зоя. Одинокая была, тогда в первый раз овдовела. Надолго обосноваться не удалось — работы не было. Папочка искал место в пределах Московской области, не хотели мы тогда уезжать совсем далеко от тети Зои,— и нашел, в совхозе, на окраине города Озеры. Туда и отправилась наша семья. Папа стал работать бухгалтером, мама устроилась в школе — учительницей. Спустя недолгое время ее класс оказался лучшим, в трудовую книжку посыпались благодарности. До сих пор храню этот документ. Надо напомнить Сашке, чтобы привезла из подольской квартиры мою памятную папку.

Школа была трехлетка, как теперь говорят — начальная. Я тоже в ней училась. По трудному времени для нас, детей, выписывали совхозные продукты и обязательно кормили обедом. Еда, конечно, была другая, сейчас и блюд таких нет. Очень я любила и запомнила на всю жизнь горошницу, с аппетитной печеной корочкой, сверху ее заливали теплым молочком. Хоть ложечку бы еще раз во рту подержать!.. Да... А кто его знает, может, и не понравится теперь, столько-то лет спустя да после всяких современных разносолов...

...Поселили нас в деревянном доме на несколько семей. Заедали насекомые, как сейчас помню, летом жильцы расстилали и развешивали матрацы, постели на улице, проветривали, вытряхивали, окуривали, стараясь избавиться от паразитов.

Работал народ, конечно, на совесть, несмотря на все трудности быта, от души строили светлое будущее. Не могу сказать, чтобы очень уж досыта ели. Помню силосную башню, которую заполняли турнепсом, заготавливали на зиму корма для скота. Мы, ребятишки, сделали подкоп, таскали оттуда овощ. Бежишь летом задворками, бывало, за пазухой репу двумя руками придерживаешь и трясешься, чтоб не увидели да не догадались, откель Бог послал... Дома, всем на радость, парили и ели, папе только старались не говорить. Да он, конечно, знал, что овощ сей не с дождем в чугунок просочился, и тоже молчал, и нам, девчонкам, старался побольше подложить. Ох, бабоньки мои женщины, как оно все непросто в жизни!.. Помню, агронома нашего поймали тогда, он четыре свеклы домой нес. Посадили бедолагу,— и с концом... Жена его потом все бочком да сторонкой мимо соседей ходила, глаза боялась поднять. Народ тоже с ней не общался, с их ребятами дружить нас не поощряли. Детей двое было. Помаялась семья с год, а потом уехали они куда-то, говорили, далеко, в северные края...

* * *

— Мама, чаю? — спрашивает Сашка, словно вынырнув из одурманивших меня воспоминаний.

Хочу гордо отказаться,— мы опять недавно поругались,— да уж больно вкусные на вид и запах пирожки с капустой она напекла. Молча полдничаю,— пусть не дума-

ет, что все забыто. Затем отворачиваюсь к стене. Убирая посуду, Сашка в сердцах громко ставит ее в раковину и резко включает воду на кухне. Думаю о том, что с удовольствием проделала бы это сама и, позавидовав ей, опять злюсь.

А поссорились мы опять, потому что рассказывала она, как трудно теперь живется, сплошные проблемы у них, мол. Тут я и скажи: нечего было мужиков своих разгонять, Сашке и Надьке, то есть. Дочь ужасно рассердилась.

— А что ж ты одна полжизни живешь?— закричала она, хлопнула дверью и час целый где-то по улицам ходила.

Пришла потом с готовым тестом и давай стряпать...

Позволяют себе мои, конечно, опять не по чину. Виноград носят, персиков покупают, колбасу разную. Отказываюсь. Всегда ела такое только в гостях или ставила для гостей.

— Лучше приготовь мне тертую свеклу и кусок хлеба,— торжествующе говорю я и с удовлетворением вижу, как расстраивается Сашка,— ишь, как роскошествуете! Не ем деликатесов.

— Мама, это для тебя куплено,— пробует она меня уговорить, но мне сдаваться не приходится.

— И на днях Олеська тоже принесла винограду, разделила пополам, положила мне, а вторую кисть сразу всю съела! Можно ли?!

— На здоровье, это ж твоя правнучка, мама! — недовольна дочь моим выговором, но я отворачиваюсь к стене и накрываюсь с головой одеялом.

Диалог прерван.

...Меня все больше раздражает мое лежачее положение. Я боюсь, но все же иногда возникает острое нетерпение, жажда конца — и некое болезненное любопытство, как оно будет... Нет, лучше не думать...

Сейчас продукты в магазинах имеются, сколько хочешь. Помню только два таких периода — перед самой войной, когда на прилавках стало появляться все больше еды, причем недорогой и отличного качества, да еще — когда Сашка замужем была, и Надюхе минуло лет восемь, но оба раза ненадолго. Сперва война помешала, потом — не знаю что. При Брежневе, правда, жилось нормально, хоть и не без дефицита... Может быть, если б не война...

* * *

...А тогда, в Озерах, мы приспособивались, кто как мог. Вдвоем с подругой по ночам чистили картошку в рабочей столовой. Мелкая была, крупную и среднюю сдавали государству. Научились кожуру то-оненько срезать, экономно. В пять часов утра — шабаш. За эту работу нас вместе с рабочими кормили щами. Щи состояли из той же горохообразной картошки и зеленых листьев капусты, широко и лопушисто раскинувшихся в тарелке. Ни мяса, ни жиров каких-нибудь я в них не припоминаю. Затем взрослые отправлялись на работу, а мы спать — речь, конечно, о летнем времени.

Тамара и другие ребята, кто постарше, в том числе школьники, с весны по самый октябрь трудились на парниках. Нарращивали грядки, землю таскали носилками — вот и вся техника. По вечерам продолжала учиться в фабрично-заводском училище, коротко ФЗУ. Были, помнится, у них с мамочкой одни брезентовые туфли на двоих. Придя из школы, мама снимала их, а Тамара наденет — и бежит на занятия.

Тогда мы принимали эту повседневность как норму, жили очень весело, можно сказать, увлеченно. Неудобства воспринимались пустяками, о них никто не задумывался, за пределами быта высокоградусно бурлила деятельная молодая реальность... А сейчас все выглядит смешным, нелепым. Приняли нас в пионеры, организовали мы драмкружок и по выходным показывали житейские сценки, стишки читали, ерунду

всякую... Воображали, что заняты делом. Приходили люди, смотрели, смеялись, даже хлопали... Темный был народ!

Как-то сказала об этом Надюхе,— она так возмутилась! Говорит, мол, всегда были и есть детские представления, самостоятельность, и люди ходят на них не по глупости... Нет, не могу я с ними, что ни говорю, им не угодишь. И мысли, и рассуждения у них какие-то неправильные: ни логики, ни понятия. Купили фрукты — надо немедленно съесть. Помню, привезли мне крымских персиков, еще в Подольск, пока ходячая была. Я положила их в холодильник и ела по одному в день. Да, подпортились, конечно, приходилось темные пятна вырезать, в итоге даже по половинке персика выбрасывала, уже с пушком,— зато растянула удовольствие на полторы недели! Сашка приехала — ругается, пропали, говорит, лучше бы в два дня съела, но хорошие. А я не могу пять персиков враз употребить, не каша, мне душа не позволяет!

* * *

Ой, бабоньки мои женщины, теперь и совсем тяжело. Раньше жила отдельно, безобразия не видела, разве когда погостить приедут. Сядут пить чай — полбанки варенья долой! Я одну ложечку на чашку растягиваю, а у них по ложке на глоток проскакивает! Если конфеты, то по несколько штук. Скажешь — посмеиваются, уговаривают и меня, а мне в горло не идет, как можно? Смотрю на них, душа болит, не понимаю...

...Было мне десять лет. Завела мамочка тесто для пирогов, договорилась со старушкой-соседкой, знавшей земляничные места, чтоб взяла меня по ягоды в лес. Как сейчас помню, шли мы долго, петляли среди деревьев, наконец, открылась нам поляна — красная, мелкокрапчатая скатерть-самобранка. Соседка проворно собирает ягоду, я не отстаю. Быстро наполнили корзинки. Старушка торопилась на рынок, поэтому обратный путь показался короче. Я размечталась, мол, с ней пойду и продам землянику, принесу домой денег, то-то все обрадуются! Рядом с соседкой на рынке не встану, а то покупатели к ней перебегут, у нее корзинка полнее. Отошла подальше. Обступили меня, накидали медяков, в момент от ягоды избавили. Поглядела,— старушка моя все стоит, у нее плохо берут! Ай да я! Бежала домой, брэнчала монетами, гордилась — добытчица, как же!

Ждали меня с нетерпением — тесто уже подошло, пора земляничную начинку класть. Вот и я, с пустыми руками, никчемными медяками. Никто не сказал мне сердитого слова, долго смотрели на меня и молчали горько, разочарованно. Плакала я о несостоявшемся пироге сладком, о походе лесном, о животе пустом...

...Что они в этом понимают, Сашка с Надюхой, да Олеська?..

...Далеко в лес нас одних не пускали, но вдоль опушки каждая осень дробно и густо рассыпала грибы. Помню, как бегали мы собирать их. Там же, будто сторонясь других деревьев, стояла старая береза с обширным стволом. Никогда ее не забуду. Однажды на подходе к лесу встретился нам с подружкой огромный черно-белый бык, в носу кольцо с обрывком веревки, глаза налиты кровью.

Не мычал,— рычал по-львиному, страху нагнал! Заскочили мы на березу, не знаю как. Нагнул бык голову, разбегается и бьет рогами по стволу. Сижу на толстой ветке, трясусь и от ударов, и от ужаса, подружка по соседству пристроилась,— и кричим обе, не переставая! Сколько длилось это, не знаю, но появился совхозный пастух, обложил скотину матерно, этажей в пять, за компанию и нам проценты причисил, далее вцепился в веревку и укротил чудовище, уволок за собой. Сползли мы вниз, а без грибов как уйти? Собираем, оглядываемся, в руках слабость, в ногах неуверенность. Корзинки наши бык растоптал, так мы полные подолы принесли. Несмотря ни на что, удачный день оказался...

* * *

...Вот и довспоминалась — аппетита как не бывало, будто теми грибами-ягодами сыта. Сашка оставила мне сосиски с гречкой и пакет кефира, варево остыло уже, а кефир съворотку выпустил. Кстати, недели две я как-то почти без аппетита существую, клюну пару ложек — вроде и сыта, или вдруг изжога замучает, наверное, оттого, что на улице и жарко, и сухо, днем в комнате яркое солнце все пылинки пересчитывает. Июнь, скоро мои в отпуск пойдут, Олеська на каникулы, будут по очереди меня караулить — и в моем Подольске от меня понедельно отдыхать... Не могу этого терпеть, страшно злюсь,— да еще, вернувшись, рассказывают, как там хорошо. Слушаю, отворачиваюсь, не хочу ничего знать.

А вчера дочь пришла с работы, ходила мимо, все вроде ко мне приглядывалась, да вдруг и говорит:

— Что-то кожа у тебя будто желтая стала... Или кажется мне? Врача не вызвать ли?

Стала я себя рассматривать, даже зеркало взяла — не нахожу.

— Придумываешь ты, Сашка,— отвечаю, а самой не по себе стало, под ложечкой как-то тоскливо засосало... Боюсь я. В то же время устала и хочется покоя, умиротворения, определенности. Страшнее всего врач. А если заберут в больницу?... Кому я, древность почти девяностолетняя, там нужна? Валяться только буду, как ветошь бросовая... Сашке, конечно, облегчение...

Лежу и периодически, тайком от дочери, начинаю себя разглядывать — руки, живот, ноги... Моментами кажется, что кожа приняла несколько горчичный оттенок,— или думается вдруг, с ощущением почти истеричной, даже неестественной радости,— нет, на мои глаза все по-прежнему. Ох, бабоньки мои женщины, не чувствую и не мыслю, наверно, ничего нового на финише своем, чего до меня такие лежачие старики да старухи в головах у себя не перемалывали, да мне-то умирать и необычно, и непривычно, как ни скажи...

* * *

...А сестра Тамара доросла в моих воспоминаниях до шестнадцати лет, красивая стала, черноволосая, черноглазая,— не знаю в кого, даже издали — очень заметная. Весь мужской резерв на нее оборачивался, пока по улице пройдет. Углядел ее и наш директор совхоза, Спицын, разведенный, приехал из Москвы, где осталась его бывшая жена с двумя детьми. Помню, присылал букеты садовых цветов, фрукты килограммами, конфеты. Как-то старомодно ухаживал, больше за родителями, чем за ней. Пришел предложение делать. Наотрез отказали — совсем девчонка, мол, не нравилось, что прежнюю семью оставил, и лет ему — за тридцать перевалило. С другой стороны, может, было б ей счастье, она, вроде, не против была.

От неловкости и надумали опять уехать. Мамочкина давняя подруга жила к этому времени в Новосибирске, письмо прислала — кстати пришлось. Папа велел Тамаре собираться, и, недолго думая, они отправились туда, присмотреться и устроиться. Сначала слали нам оттуда короткие отчеты, некогда было длинные эпистолы строчить. Наконец, месяца через три, позвали нас к себе. Опять мы легко снялись с места, богатство наше за эти годы не стало обременительнее. Помню, колеса поезда доедали последние сотни метров перед вокзалом, мы прилепились к окнам и с любопытством изучали город, где собирались отныне жить.

Взволнованы были до того, что почти не спали предшествующую ночь. Хмурая, бессолнечная погода не порадовала, с первого взгляда Новосибирск показался неприветливым, сердитым и совсем чужим, но папа с Тамарой стояли на платформе, улыбались, махали нам. Сестра выглядела повзрослевшей в незнакомой одежде, но-

вой и неожиданной, еще более красивой. Четырехлетняя толстушка Майя узнала ее не сразу, только тогда, когда собралась уже громко зареветь у нее на руках.

— Скорей, скорей,— весело торопил папа,— стынет праздничный обед в вашу честь! Много, много надо рассказать. Все очень даже неплохо складывается, девчонки мои золотые! Соскучились мы...

...Обед оказался роскошным: уха, жареная рыба с картошкой, пирог с грибами, малиновый компот. Друзья наших родителей были заядлые любители с удочкой посидеть, по лесу с корзиной пройти, места урожайные знали. Позднее мы с Тамарой, случалось, составляли им компанию, даже папочка иногда, несмотря на сердце. Леса там большие, глубокие, в ельнике под ногами мшисто, а как выйдешь на поляну, то ягоде или грибам счету нет. А воздух густой, свежими запахами насыщенный,— хоть пей его, как жидкость, крупными глотками.

Однако нечасто удавалось нам выбраться в такой поход, тем более осенью.

С работой повезло — отцу еще до нашего приезда удалось устроиться на молокозавод зоотехником, а Тамару, успевшую окончить семь классов, охотно приняли учительницей начальной школы. По тем временам, когда еще много было совсем неграмотных людей, расписывавшихся крестиком, она считалась достаточно образованной. Мама тоже продолжила преподавать, причем в той же школе. По вечерам, после двух учебных смен, она занималась ликбезом с рабочими завода горного оборудования. Многие из них были стахановцами, имели трудовые награды,— но приходила учительница, маленькая, худенькая женщина,— и крупные, сильные мужчины самого разного возраста послушно, неуклюже усаживались за неудобные для них столы, пальцами, которые играючи управлялись со станком и инструментом, неловко вырисовывали в тетрадах кривые буквы. Жили работники завода в так называемых каркасных домах, проще говоря — бараках; кроме того, существовало несколько, тоже деревянных, домов по два этажа. Профессия учителя в то время была настолько уважаема и дефицитна, что нам дали в одном из них отдельную квартиру. Отопление, конечно, печное, а дров-то нет.

Как хочешь, выкручивайся. Ходили на железную дорогу уголь разгружать.

Отец и мать — все в работе, Майя еще мала, кому причиталось-то, угадайте. Правильно мыслите, бабоньки мои женщины, Тамара да я были угольщиками. Главное, нам угля пайком давали, но мало, с того и потаскивали топлива, помимо заработанного, впотай...

* * *

— Сашка, дай чаю,— говорю я, отрываясь мыслями от мешка с углем, который только что мы с сестрой волокли по задворкам моих воспоминаний, оттягивая руки.

Дочь включает телевизор, приносит мне чашку и какое-то круглое баловство на блюде — вроде пирожное, оно меня раздражает, язви его совсем... Пахнет шоколадно, вид развратный...

Долго его разглядываю.

— Это очень вкусно,— заметив мое недовольство, поясняет Сашка.

Очень подмывает отказаться, но сегодня почему-то не могу. Сердито ем, действительно, язык можно проглотить.

— Ничего особенного, стоило на чепуху тратиться!— бурчу, допивая чай.— Салат мне, как вчера, лучше сделай, для здоровья полезнее.

— Салат салатом, но тебе ж чай с чем-то надо пить! — возражает дочь.

...По телевизору показывают любовную парочку стариков, обоим за 75, а туда же — недавно поженились! Эх их угораздило! Сидят в обнимку, похотатывают...

— Вот молодцы,— тихо, себе самой, говорит дочь.

А дед-жених вдруг и заявляет,— мол, в их возрасте жизнь только начинается!

Они встают и танцуют вальс. Меня начинает тошнить от съеденного пирожного, от слащавых стариков-молодоженов, от собственной отечной полумертвой ноги, от накопившего под кадык страха...

— Для некоторых жизнь всегда начинается до тех пор, пока не закончится,— раздраженно сообщаю я, и Сашка, поджав губы, уходит мыть посуду...

Знаю, она считает, что ей со мной тяжело. Кто на моем месте не был, не поймет, дело известное. Матрац, весь излеженный, каждым ребром прощупанный, кожей прочувствованный, сбился в тугие комья, твердые, как камни,— а ведь уже третий или четвертый за это время.

* * *

За окном темно, как в чернильнице. Отвернувшись к стене, лежу, изнемогая от тоски. Душа никак не принимает этого ощущения и снова возвращает меня в прошлое. Там — еще темное, раннее утро, дома холодно и мама встала затопить печку. Я свернулась калачиком в постели, смотрю, как начинают колыхаться на стенах отсветы огня, и жду. Наконец тепло кругами расходится по комнате и добирается до меня. С наслаждением потягиваюсь и опять сплю...

Училась я в тот год в шестом классе, помню, любила математику, удивлялась, как можно считать эти уроки нудными да скучными,— вот и преподавала ее всю жизнь.

В Сибири обосновались мы надолго. Жилось, конечно, трудно, случалось, не хватало денег даже на проезд, и папочка шел с работы пешком километров восемь.

Однажды купили на последние деньги билеты в клуб — показывали фильм «Собор Парижской Богоматери», тот самый, черно-белый, с Джиной Лоллобриджидой в главной роли. ...Теперь уж давно я его не видела, да... Пришли все домой, сели, ждем отца, знаем, что пешком идет, волнуемся!.. Время к началу сеанса, а его все нет. Вдруг, наконец, входит, а в руках у него ржаной хлеб кирпичиком и сверток. Оказалось,— паштет из свиной печени. А буханки тогда в два раза больше были, не то, как теперь. Отхватили каждому по ломтю, паштетом мазнули — и в кино, жуя на ходу. Представляете,— успели! Сколько радости, сколько потом бурных обсуждений и девичьих слез о судьбе героев!

...Помню, копила Тамара деньги на новое пальто, долго собирала, несколько месяцев. Наступил торжественный день, когда они с подругой взяли свои сбережения и отправились на базар за покупками. Вернулись как-то скоро, с пустыми руками,— и давай рыдать... Деньги у них вытащили, пока девчонки, разинув рты, ходили по рядам, выбирая товар. Во все времена жулья хватало...

Тамара стала еще красивее, яркая, черненькая, как киношная цыганочка. Соседи наши имели двух сыновей, Бориса да Виктора, год разницы в возрасте. Старший, Борис, начинал за Тamarой ухаживать,— не так, как это делается теперь, а бережно, трогательно, целомудренно. Бегу, помню, из школы, зима, морозище, а они стоят у крыльца, не торопятся, за руки держатся и молчат. Смущались, увидев меня, и сразу распрощались.

Учились братья в ту пору в медицинском институте, дипломы получили перед самой войной. Старший успел даже два года в поликлинике отработать. Тамара провожала Бориса на фронт, его как врача призвали,— ох, и плакала она, боялась! — и не зря: сожжен был он заживо немцами в сорок втором году вместе с передвижным госпиталем, когда отказался раненых покинуть. Виктор, слава Богу, вернулся, даже с двумя орденами, много лет работал потом хирургом в одной из больниц Новосибирска...

Но все это позже; а пока в памяти моей на первом плане год тридцать шестой.

Живем тяжело, голодно,— и вот Управление народного образования Западной Сибири объявляет набор учителей в отдаленные, разбросанные в тайге поселки. Обещают на каждого члена семьи подъемные, бесплатный проезд до места назначения, жилье... И, как всегда,— надежда на лучшее.

Мы решали недолго, опять связали в узлы нехитрый скарб — и в путь. Тамару отправили на самолете, сами на перекладных — поездом до Бийска, дальше вдоль тайги,— то на лошадях, то пешком, осень, под ногами чавкает грязь, из которой с трудом вытягиваешь сапоги... Все вверх и вверх, на восемь километров тянется длинная гора Разлом, до Спасска, где помещалось Алтайское управление золотопромышленности,— не знаю, как там сейчас.

Когда мы добрались, Тамару уже не застали, нам передали от нее письмо. Она была направлена в поселок Чулту, учительницей начальных классов.

Родителей распределили в школу на прииске Карон, папу — заведующим, маму — преподавать. Шестилетняя Майя поехала с ними, а меня оставили в интернате Спасска, где я, два года спустя, окончила восьмилетку. Своеобразное было место — вокруг тайга, глушь, зимой темнело скоро. Младших ребят спать укладывали рано, а мы, старшеклассники, устраивались в столовой учить уроки. Вдоль длинных деревянных столов тянулись скамьи, в углу стоял титан с кипятком. Сидишь, зубришь немецкие слова, соскучишься, глянешь в непроницаемое окно, точно вечеру в очи,— кажется, и нет нигде городов с фонарями на улицах, везде только снег, вековые елки да кедры... Вдруг вскочит подружка:

— Давайте чай пить! У кого что есть — доставайте.

Все сразу оживятся, загомонят, выкладывают из карманов — кто сахар, кто хлеб, кто пряник, даже луковицу. Нарочно для вечера приберегали. Мигом отступит чувство потерянности и одиночества. Алюминиевые кружки похватаем с подносов, где сушились они вверх дном, жуем, горячей водой прихлебываем — вкусно! Сахар на тряпицу сыпали горкой, макали в него хлеб. Разговоры, обсуждения, смех.

А хорошо как! Теперь вспомнишь,— только вздохнешь...

По субботам собирались толпой после уроков и весело, бодро шли пешком домой по просеке, проложенной продуктовыми обозами. Зимой дорожка была особенно узкой. Идем, впереди лошади, через седла перекинута вьюка с мукой, сопровождающие мужики — пешком. Если два встречных обоза, то останавливались, расспрашивали, куда кто направляется, какие новости. Лошадей под уздцы отводили в сугробы, они там купались, валялись в снегу, потом люди помогали друг другу вытащить их на тропу, мирно расходились, никогда ни мата, ни драки. Все с напутствием, добрым словом, с прибаутками да смехом.

А последние годы, вспоминаю, пока я не залегла на постели, по городу было не пройти, чтоб нецензурщины не услышать, причем просто в разговоре, даже без всякой злобы и раздражения... Сашка с Надюхой рассказывали, мол, теперь еще хуже с этим стало, будто нормальную речь напрочь забыли...

Итак, бабоньки мои женщины, топали мы, ребятня, по таежной тропе, и понемногу наша гурьба уменьшалась, по одному, по два сворачивали в ближайшие селенья, домой. Уже вдвоем с подружкой дошли до деревни Соколок, она нетерпеливо махнула мне и убежала. А я, мочи нет, как пить хотела. Ее догонять — от дороги свернуть, путь себе удлинить. Зашла в крайнюю избу, тогда и дверей-то не запирали. Полутемно, окно затянуто еще пузырьком бычьим, без стекла. В углу возится кто-то, не видать.

— Здравствуйте,— говорю,— напиться не дадите?

Вылез откуда-то мальчонка лет восьми, зачерпнул из ведра ковшиком, подает. Пью, не пойму — крошки какие-то в рот лезут...

— Мальчик, мне бы не квасу, просто водички...

— Минька, что ты налил человеку? — раздается невидимый голос. — Какой квас, у нас его сроду нету! Ты ж, сявка, помоями поишь!

Иду дальше, то смеюсь, то реву, от Соколка до нашего Карона, где родители живут, почти двадцать три километра, — так и ходила, силы молодые были, теперь и представить боюсь. Наконец пришла, из трубы дымок, в сенях блинами пахнет... Такое все домашнее, — щемит аж! И в слезы опять, вы, мол, тут блины печете, а я по тайге брожу!..

...Дом выделили папе с мамой бревенчатый, прямо у крохотной школенки, два учителя в ней всего и были. Один одновременно занимался с первым и третьим классами, а другой — со вторым и четвертым. Жить, однако, сытнее стали. Ели картошку с бараниной, а зимой лепили впрок много-много пельменей и морозили, вывешивая их в мешках над крыльцом. Варили и медовуху, только отец не пил из-за большого сердца.

Пожалуй, для семьи год из самых благополучных.

В то время, видно, и заметил нашу Тамару заместитель начальника прииска Чулта, довольно молодой вдовец. Дом его стоял недалеко от школы, где начала работать сестра. Были у него мать и маленькая дочка. Помнится, девочку звали Клава. По роду работы ему приходилось постоянно ездить на карьеры — места золотодобычи, кочевать по тайге, часто по труднопроходимым местам. При такой должности полагалось иметь ружье и, конечно, лошадь. Однажды, вернувшись домой, я увидела знакомую всей тайге кобылку у крыльца. Перед тем, как войти, успела услышать слова папочки:

— Сейчас не прежние времена, Тома сама решает, точнее, уже решила, жених у нее есть, скоро свадьба... Мы ей в этом не указ.

Я вошла, поздоровалась. Втроем с отцом и мамой они сидели за почти нетронутым накрытым столом, недовольные, расстроенные. Мало приятного отказывать в сватовстве одному из главных лиц прииска.

— Ладно, на нет и суда нет, как говорится. До встречи! — увидев меня, гость встал, кивнул мне и быстро вышел, крепко хлопнув дверью. Лошадка умчалась галопом, подчиняясь раздраженному настроению хозяина.

Эпизод некоторое время тревожил нас, особенно мамочку, потом все прошло...

Тогда же, в тридцать седьмом году, в Чулту к Тамаре неожиданно приехала тетя Зоя. Жила она в ту пору в Новосибирске, замужем за летчиком. Мы с ними почему-то все эти годы не общались. Вышла она за него по сумасшедшей любви, очень скоропалительно после первого вдовства, но детей у них долго не было. Родился, наконец, Славка, да тут как тут беда — погиб муж, испытывал что-то и разбился. Повторно оставшись вдовой, тетя Зоя все бросила и приехала к нам с годовалым ребенком. Тамара, которая только что вышла замуж за Бориса, позвала ее жить к себе, — изба у них была попросторней, да и учился он тогда еще в Новосибирске, приезжал домой нечасто. Если во всякие приметы верить, то получается, что вместе со своим горем привезла тетя Зоя несчастья и нам.

* * *

Начинался самый страшный год в нашей жизни, тридцать восьмой. Даже сорок первый, кажется, принес меньше семейных бед.

Тридцать первого декабря, ближе к вечеру, второй раз в жизни заехал к нам в Карон заместитель начальника прииска. Был он веселый, дочку привез, кулек сладостей для Майи и большую редкость — бутылку коньяка.

— Просим к столу, — пригласила мамочка.

— Не в силах отказаться! — с улыбкой возгласил неожиданный гость.

Застолье это было коротким. Первоклассница Майя с удовольствием взялась пово-

зиться с пятилетней Клавой, увела ее с собой. Родители и Тамара с Борисом от коньяка отказались, тетя Зоя, застенчивости ради, немного пригубила, тогда заместитель с удовольствием несколько рюмок употребил сам. Разговор, однако, шел с натугой. Все, кроме папы и, почему-то, меня, разбрелись понемногу, занялись своими делами.

— Я к тебе, Яныч, вот чего заехал,— обратился вдруг заместитель к отцу.— Мне у тебя ружьишко мое сховать надо, ненадолго. В город меня вызывают, дома не хочу оставлять. Недавно мать куда-то вышла, Клавка его, уж не знаю, как, достала, бабку чуть не застрелила, когда та, с улицы, снова в двери образовалась. Ты у нас интеллигент и тихий человек, у тебя сохраннее будет...

Помню, папа очень удивился просьбе, не понравилась она ему.

— У меня нет разрешения на хранение,— ответил он.

— Да я ж на несколько дней только. Вернусь и сразу заберу. Не откажи, Яныч, душа не на месте. Видишь, я зла не помню, к тебе с полным доверием...

— Какого зла? — с недоумением спросил отец.

— Н-ну, Томку ты мне не отдал...

— При чем здесь зло? Дело семейное, личное...

— И я о том же,— скороговоркой забормотал заместитель.— Что ж ответишь? Очень надо. Подержи у себя ружьишко...

— Хорошо, но всего несколько дней.

— На виду не держи! Сам понимаешь...

— Папа стр-рашную сказку сочинил! Пр-ро меня, р-ружье и бабулю! — оглянувшись на нас, по-прежнему сидевших у стола, вдруг крикнула Клава, упирая на трудную для ее произношения букву, засмеялась и захлопала в ладоши.

— Замолчи! В голове звенит! — неожиданно хриплым голосом оборвал гость.

Через полчаса, оставив двустволку в нашем сарае для огородного инвентаря, они уехали верхом на кобылке. Отец озабоченно посмотрел им вслед, пожал плечами, словно сомневаясь в своем решении, махнул рукой и вошел в избу...

...Встретив Новый год, родители уехали на конференцию в Спасск. По молодости своих лет и не помню, по какому поводу она проводилась. Тамара, Борис и тетя Зоя с ребенком вернулись к себе в Чулту. В интернате были каникулы, я отдыхала в родительском доме, где, кроме присмотра за младшей сестрой, очень спокойной и послушной, меня не обременяли никакие заботы.

Вспоминается день, морозно-крепкий, солнечный. Закипает вода для пельменей, мы с сестренкой собираемся обедать. В дверь стучат, и окутанные клубами холодного воздуха, старательно стряхивая с валенок снег, в дом чинно входят наши ребята, агитбригада интерната. Дошли на лыжах, которые теперь густо торчат из сугроба возле крыльца.

— Здравствуй, Нина! — весело, наперебой, говорят ребята.— Мы с праздничным концертом, выступать сюда прибыли.— Чаем напоишь?

— Конечно! — радуюсь я и бегу за пельменями, пока они снимают свои тулупы и шали.

Выяснилось, что запланировано три выступления для рабочих прииска и их детей, ребята должны пробыть здесь до послезавтра, и мы с Майей приглашаем их остановиться у нас.

Выступали они в школе, сами соорудили подобие сцены, кто-то пел, кто-то играл на баяне, танцевали, читали стихи. Мы с сестрой ходили на все представления, а дома угощали артистов пельменями. В последний вечер добрались со старшими и до медовухи.

С утра ребята встали на лыжи и отправились дальше, в Чулту и другие поселки, продолжать свои «гастроли».

Родители вернулись на следующий день. Обнаружив изрядно осунувшийся мешок с пельменями и понизившийся уровень бражки, покачали головами, вздохнули, однако, выслушав наш рассказ, ничего говорить не стали.

Четырнадцатого января я с попутной подводой вернулась в интернат.

Вспоминаю, как два дня спустя зашла после уроков в нашу комнату, присела на кровать...

— Тебе записку принесли,— сообщила подруга.

Нетерпеливо схватив косо оторванный тетрадный листок, я прочла: «Нина, приди срочно в сельсовет. Папа». Обрадовалась, побежала сразу...

Не могу забыть! Как сейчас перед глазами — бревенчатая изба, в глубине большой председательский стол, ближе к двери длинная лавка. На ней сидит папочка с застывшим напряженным лицом. Я сразу не почувствовала неладное, подбежала к нему, взяла за руку, тяну за собой:

— Пойдем, поговорим...

Председатель за столом закричал, завозился, закашлял.

— Не могу,— тихо отвечает отец.— Я арестован...

Меня охватила непонятная мелкая дрожь. Трясусь вся, села перед ним на корточки, держусь за его руки, боюсь отпустить. Он молчит и смотрит, неотрывно и напряженно. Так допоздна и пробыла с ним, спасибо, не гнали.

К вечеру доставили еще человек тридцать, в том числе мужа одной из наших интернатских учительниц, немца по происхождению. Она пришла с ним, но тут нам велели уйти. Арестованных заперли в холодных сенях. На улице мороз, градусов сорок. Мы с учительницей, молча и отчаянно поглядывая друг на друга, до утра просидели в коридоре интерната и, чуть свет, вернулись к сельсовету. Я опять ухватилась за отца, не могу оторваться...

...Подкатил грузовик. Арестованным приказали лезть в кузов, учительница схватилась за голову, начала страшно стонать:

— А-а-а!.. А-а!..

Папа сунул мне в руку какую-то скомканную бумажку:

— Держи, не потеряй! — и забрался в машину.

На другом берегу реки подъехали на санях мама с Тamarой, мечутся, машут руками, кричат:

— Пожалуйста... Подождите!..

Грузовик пошел, я бегу следом изо всех сил, а папочка настойчиво повторяет одно и то же:

— Нина, ты только учишь, не бросай, учишь... У-учи-ись!..

Развернув бумажку, данную отцом, я не сразу поняла, что это тридцать рублей, все, что у него с собой было.

Когда мы, измученные, опустошенные, вернулись домой, мама рассказала мне, как накануне, вечером, пришли за папочкой. Потребовали двустволку. Он сразу принес, объяснил, откуда и почему. А потом выяснилось, что заместитель начальника прииска развел руками, сказал, что ему ничего неизвестно, предъявил другое, очень похожее ружье, которое было при нем.

— Никому я его не давал. Разве можно? — ловко и страшно отбоярился от вопросов этот человек.

Придумал, как отомстить за Тамарин отказ. Долго-долго просыпалась я потом от повторяющегося во мне крика маленькой Клавды:

— ...стр-рашную сказку сочинил!.. сказку... сочинил!..

И от ее коротенького смеха...

Доказательств у нас не нашлось, да и растерялись мы, наверное.

Больше мы папочку никогда не видели. Документ о посмертной реабилитации мне прислали в конце восьмидесятых, уже после того, как не стало мамы. Не дождалась она.

Первые дни мы были как потерянные. Я не слышала учителей, одноклассников, да они и не стремились общаться со мной, обходили стороной...

Вдруг меня вызвали прямо с урока:

— Нина, твою маму увезли в районную больницу. Поезжай!

Не помню, на каких перекладных я добиралась тогда. Приехала,— Тамара была уже там, сама на носях, сидела в коридоре, в палату никого не пускали.

— Маму внезапно парализовало, отнялся язык,— сказала мне сестра.— Она в отдельной палате.

Вышел лечащий врач, вытирая ослепительно белым полотенцем лоб и руки.

Я бросилась к нему, не дожидаясь Тамары, которая, в своем положении, стала очень медлительной.

— Доктор, пожалуйста, как Лапченко?..

— Кто? Больная Лапченко? — немолодой врач со строгими глазами устало посмотрел сначала на мое зареванное и красное, должно быть, лицо, потом на подоспевшую сестру.— Инсульт, но она поправится. Шансы значительные. Имейте в виду — к ней пока нельзя...

...Мама проболела долго. Постепенно к ней вернулись и речь, и движение. Однако несколько снизился слух, и впоследствии не только не восстановился, но постепенно, с годами, глухота стала прогрессировать, что вызывало немалые сложности. Тем не менее, прошло много лет, прежде чем это сделалось настоящей проблемой.

Через месяц после того, как мама попала в больницу, от нас уехала тетя Зоя, сразу после похорон ее маленького сынишки. Пока мы без памяти расхлебывали наши проблемы, ребенок внезапно сильно заболел, женщина, оказавшаяся в этот момент одна, без поддержки родных, бросилась в поселковый медпункт, но фельдшер, покачав головой, велел отправляться в районную больницу. На тот момент ехать было не на чем, и несчастная мать пошла с ребенком на руках пешком. Снег, мороз, таежный проселок... Мальчик умер по дороге. Хоронили его мы втроем — тетя Зоя, Тамарин муж Борис и я. Сестра в это время только родила и еще оставалась в больнице. Вернувшись с кладбища, тетя Зоя вдруг быстро собрала вещи и, не слушая наших уговоров, к вечеру на попутной машине уехала в Новосибирск. Несколько лет после этого мы не имели с ней никакой связи, она не присылала писем, не отвечала нам. Стало казаться, что след ее навсегда утерян...

Интернатскую восьмилетку мне удалось закончить почти с отличием, но последнее полугодие далось трудно, меня презирали, в вечерних посиделках я больше не участвовала. Младшие ребята кричали вслед «дочь врага народа» и другие обидные слова, их почти никто из учителей не останавливал...

Однако наши беды еще не завершились. Едва мама в мае вышла из больницы, ее уволили «по собственному желанию».

— Я только это и могу для вас сделать, Ольга Николаевна,— сказал заведующий Спасским отделом образования.— Поверьте, лучше так, чем... с другой формулировкой... Вы прекрасно работали, мне очень жаль...

— Что ж, и на том спасибо!

* * *

Опять снялись мы с места, и понесло нас, как легкий снег в пургу. На сей раз триста километров вдоль по реке Кондоме, к прииску Сарбала. Ночевать останавливались в аулах, расспрашивали о папочке. Сначала нигде не могли ничего узнать, но

как-то глянули — посреди местных построек русская изба. Постучали туда, приняли нас радушно, как везде. Сразу к столу — традиционно пельменями кормить. Мама и спросила, не видали, не знают ли чего. Хозяйка на минуту задумалась, после говорит:

— Помню, как же, в январе. Их было человек тридцать, один похож, как вы описываете. У нас и останавливались. Да ваш и тулуп свой оставил, сказал, мол, заберите, все одно пропадет... А я-то все голову ломала, как бы семье переправить!..

Тулуп мы узнали сразу — отцовский. Мама схватила, лицом в овчину — и в слезы. Хозяйка долго сидела рядом и молча гладила ее по голове, не мешая плакать.

В Сарбале нам дали маленькую комнатку в бараке. Я начала работать в школе для взрослых по программе ликбеза. В свободное время ездила по окрестным лагерям, искала отца или хотя бы сведений о нем. Ох, тогда пришлось мне узнать, какие разные бывают люди! Но, скажу я вам, бабоньки мои женщины, больше тогда встречалось доброго и честного народу, чем теперь. Сейчас корысть, выгода или равнодушные глаза застыт...

...Помню зону в Сталинске — маленькое окошко, длинная очередь с узелками. Кто плачет тихо, кто отплакался уже, ждет, глядя в одну точку пустыми, сухими глазами. Все старательно не смотрят друг на друга.

Дождалась, подала записку с анкетными данными. Послушала, как шуршат перелистываемые страницы.

— Нет такого, и не было, — скрежетнул мертвящий ответ. — Следующий!

Помню, подошла к самой вышке, где стоял часовой, прижала к груди худые беспомощные кулачки и неожиданно для самой себя закричала:

— Подлецы, паразиты, сво... — захлебнувшись хлынувшими слезами, остановилась. Люди с узелками и прохожие глядели с ужасом.

Ко мне подошел человек в форме майора НКВД, протянул большой носовой платок. Я вытирала лицо, судорожно всхлипывала.

— Пойдемте, девушка, — деревянным голосом сказал он.

Кто-то, проходивший мимо, глянул понимающе, отвернулся, ускорил шаги...

Пришли мы в столовую на вокзале. Майор взял полный обед на одного человека, пристроил меня за столик, молча подал ложку. Я ела пополам со слезами, успокаивалась с трудом. Он терпеливо молчал. После повез на вокзал. Почти ничего не произнося, кроме сухих, отрывочных указаний, купил билет на Сарбалу, усадил в поезд. Резко развернулся и ушел...

...К осени этого мрачного тридцать восьмого года поступила я в педагогическое училище, как сейчас помню — село Кузедеево, райцентр. Первокурсников по традиции отправили на сельхозработы, в деревню Бенжереп... Интересный парень там был, Александр, молодой учитель математики местной школы... Стал, вроде, ухаживать, рассказывал, что у них, мол, хорошо, уговаривал перейти на заочное и остаться работать там в начальных классах. Я согласилась, хоть он и не мне чета, институт за плечами. Оказался — подлец, настоящий кулацкий отпрыск...

Да не перемигивайтесь, бабоньки мои женщины, суть дела не та совсем, что вы, как всегда, по-бабьи, надумали.

С нашего курса в Бенжерепской школе остались мы вдвоем — две девчонки, другая родом из Кузедеева. Поселили нас, отгородив угол, в большой избе, начали мы работать. В короткий период спохватилась я — документов нет никаких, одно свидетельство об окончании Спасского восьмилетнего интерната. Метрик тоже не сохранилось, жизнь складывалась полукочевая — я уж о том вспоминала... Мама, и та не могла точно вспомнить даты моего рождения. Мы тогда не одни такие были. Надумала я получить новые бумаги, взяв скрепя сердце фамилию и отчество никому неизвестного и к тому времени уже давно умершего родного отца, о котором ничего хо-

рошего, кроме плохого, в отличие от любимого папочки-отчима, не знала. Составила заявление о получении документов на имя Гончаровой Нины, умалчивая об аресте, собиралась соответственно выслать... А оно вдруг пропало! Обыскалась, найти не могу, реву... Пришел Александр, позвал нас с подругой в клуб, кино, вроде, смотреть. Умылась, идем. Возле клуба к нам присоединились его приятели, один мне и говорит с усмешкой:

— Мрачная ты какая-то сегодня, Нин... А писателя Гончарова не читала? Хороший писатель, знаешь ли...

Тут и Александр захохотал:

— Верно, отличный автор Гончаров, советую...

Поглядела я на них, все поняла. Повернулась и побежала прямо оттуда к председателю колхоза. Ворвалась в контору, попросила лошадь, кричу:

— Срочно надо!

Не знаю, о чем он подумал, но, видно, в лице у меня такое нарисовалось, что даже не возразил, выдал записку в конюшню, в том числе о санях. На ночь глядя, сгоряча, я выехала одна в Кузедеево, до которого двадцать километров. Снег, еще и еще снег вдоль степи, давящее своей огромностью черное небо, звезды, горстями рассыпанные... Отъехала подальше — глянула, а позади много-много круглых огоньков, они перемещаются, и все по два, по два... Волки! Лошадь всхрапнула коротко, подхватила без дороги, прямо по сугробам, сани только подпрыгивали вверх да вниз... Вцепилась я в край, дерг-дерг, кидает меня из стороны в сторону, зубы стучат, как не вывалилась, не перевернуло по дороге, не знаю... Так и вывезла меня испуганная кобылка в незнакомую маленькую деревню, к крайнему дому.

Стучу в ворота. Вышли люди, один спасительницу мою — под уздцы, распряг, свел в сарай, сена бросил охапку... А второй меня в дом почти внес, — ноги от пережитого страха и от холода тряслись и подгибались. Дали мне тюрки молочной, чаю с медом. Уступили место на теплой печке. Наутро я поехала дальше...

Кузедеевская прокуратура помещалась в новом бревенчатом доме.

Сориентировалась не сразу, пришлось уточнить у прохожих. Вхожу. Длинная комната, простой стол у окна — кабинет прокурора.

— Посадили моего отца, — выпалила я с порога. — Сажайте и меня, я пришла сама...

Прокурор был лет сорока пяти, чуть седоват. Тихо поздоровался. Я растерянно ответила. Посмотрел на зареванное мое лицо, говорит:

— Рассказывай.

Как прорвало меня. Теперь, из нового времени, умозрительно представляю и свой тогдашний вид взъерошенной девчонки с красными от холода, несмотря на только что снятые варежки, руками, и речь, сбивающуюся с одного эпизода на другой... Помню, сообщила даже о пропавшем письме и намерении поменять фамилию.

Он слушал, ни разу не прервал вопросом. Когда я, задохнувшись от нарастающего волнения, остановилась, негромко сказал:

— Если у тебя есть знакомые, давно знающие твоих родителей и тебя, — а такие наверняка найдутся, — поезжай к ним немедленно и возьми у них бумагу об именах отца и матери, а также о времени твоего рождения. Вернешься с этим ко мне — получишь метрики, затем паспорт...

Ободренная, полная надежд, я отправилась на вокзал, чтобы ехать в Новосибирск, — именно там жили люди, способные мне помочь.

С лошадью неожиданно мне повезло, по пути встретила бенжерепского бухгалтера, передала ему спасительницу свою и сани. Он был только рад. О себе не сказала ничего, мол, передайте, что скоро вернусь, — и все.

Ехала почти сутки, адреса толком не знала, но, проблуждав около часа по улицам, вспомнила, как пройти. Когда постучала в дверь, было уже темно, поэтому семья оказалась в сборе. Прошло несколько лет с тех пор, как мы встречались, я опасалась, что мне придется долго объясняться. Однако не пришлось. Открыв на мой робкий и неуверенный стук, мамина давняя подруга несколько тягучих секунд смотрела на меня — и вдруг, ахнув, признала:

— Неужели?.. Ниночка, ты?

— Я...

Припав к плечу тети Лены, рассказывала, всхлипывала, говорила опять... Просила дать подтверждение для получения документов, поведала о болезни мамочки, обо всех обрушившихся на нас бедах.

— Погоди, Нина, сначала поешь с дороги, отдохни и успокойся...

— Кто пришел? Да еще, похоже, слезы льет,— выглянул из комнаты ее муж.

— Представь, Костя, Ниночка Олина приехала... Ее накормить нужно, она с дороги... У них несчастье, им надо помочь...

Конечно, оставили ночевать. День я в волнении ходила из угла в угол, понимая, что дело мое непростое, даже друзьям нелегко решиться оказать нам поддержку. Вечером дядя Костя вернулся с работы, принес уже заверенную справку, в которой подтверждалось, что я дочь моих родителей, и стояла дата рождения — 14 января 1921 года. С тех пор меня это число по жизни и сопровождало, хотя мама потом вспомнила, будто я появилась на свет какого-то августа. Дядя Костя позже сознавался, мол, дату продиктовал просто наобум. Наверно, они долго жили в напряжении после моего отъезда. Слава Богу, с ними ничего не случилось, кроме, конечно, войны, в которой погиб и сам отец семейства, и их старшая дочь, мобилизованная как студентка старшего курса мединститута...

...А на тот момент я бежала на вокзал, крепко обняв свою сумку с драгоценным документом, и вдруг застыла перед зданием с надписью «Совет народных комиссаров». Спустя много-много лет побывала в Новосибирске, узнала дом на Красном проспекте, и память в ярких красках повторила мне этот эпизод...

...Тогда я вошла внутрь и открыла дверь с табличкой «Обком комсомола». За столом девушка почти моих лет что-то пишет.

— Что Вам? Секретарь на заседании,— сообщила она.

— Пожалуйста,— взмолилась я.— Мне очень срочно...

Посмотрев на мое отчаянное лицо, девушка бросила короткое:

— Подождите! — и убежала. Через несколько минут появился парень лет двадцати пяти и сказал:

— Я — секретарь. В чем дело?

Тон его показался сердитым и недовольным, и я опять разревелась.

— Понимаете, меня было приняли в комсомол в интернате, в первичной ячейке, но тут арестовали отца, и райком не утвердил...— и снова все рассказала.

Он молча выслушал, хмурясь, затем взял со стола нетронутый лист бумаги, аккуратным и четким почерком написал несколько строк, подал мне, кивнул,— вроде, мол, до свидания,— и вышел. Смотрю — и читаю: «В райком: ...собрать внеочередное бюро и утвердить...». Внизу — уверенная подпись.

Обратно меня точно крылья несли. Ночью в вагоне не спалось и даже не дремалось, так ярко в душе бурлили чувства,— и чего там только не было: неутраченная горечь об отце, радость от резолюции секретаря обкома, обещание прокурора...

Утром, на вокзале в Кузнецкое, я вспомнила, что настало воскресенье, но решила не сдаваться. В районной комсомольской организации всегда был дежурный.

Я торжественно предъявила ему свою бумагу. Он внимательно прочел, позвал рассыльного, скучавшего в коридоре:

— Саня, срочно собери членов бюро, есть дело.

Да-а, бабоньки мои женщины, телефонов не было,— но ждать мне довелось не больше получаса, все, видимо, жили поблизости. Однако занимались мной основательно, хорошенько погоняли по Уставу, задали много вопросов прежде, чем принять решение...

Вышла я оттуда с билетом, на обложке силуэт головы Ленина. Эта серая книжечка и теперь хранится у меня.

Спасибо этим людям. А дела-то решались быстро, без теперешней бюрократии.

Неподалеку была контора при паспортном столе. Если еще помните, мне нужны были метрики и, увидев, что перед входом очередь, я поняла,— там тоже, несмотря на выходной, кипит бурная деятельность. Пристроившись в конце длинной шеренги ожидающего люда, приуныла,— сколько же придется ждать?

В деревнях, а бывало, и в городах с документами творилась форменная неразбериха. Непросто оказалось навести порядок в этом деле, кроме того, мало было людей, достаточно грамотных, чтобы им доверить заполнение подобных бумаг. Вы, бабоньки мои женщины, наверняка не раз удивлялись несуразным фамилиям типа «Некифаров» вместо «Никифоров»,— вроде по-русски, да не пойми — чего... Оттуда, с тех лет все и повелось. Бывало, как услышится, так и напишется, а потом поколениями живут по привычке с безобразием эдаким, вплоть до нынешних дней. Война, конечно, тоже напортила... Однако, возвращаюсь обратно в очередь. Простояла я в толпе гомонящей минут двадцать. Вдруг выскочила на крыльцо растрепанная и слегка обалдевшая тетка средних лет.

Все притихли, бояться пропустить,— что скажет. А она крикнула:

— Товарищи очередь, грамотные есть?

Я и вызвалась,— учительница, мол. Обрадовалась, замахала мне,— иди, дескать, скорее. Люди расступились уважительно, пропустили.

До позднего вечера выписывала им всякие документы, затем та самая, что помогать звала, справила метрики и для меня. Даже разрешили там, в конторе, переночевать. Понедельничным утром по новеньким бумагам выдали мне паспорт...

Удивительно, до чего бывают удачные дни! Все у меня тогда получилось, и не помню уже как, но вернулась я в Бенжереп полноправной гражданкой с документами. Пришла в школу, пропустив несколько дней без разрешения, ведь уехала в запальчивости, почти в беспомыслии от отчаяния,— а закон мог сурово наказать за самовольное отсутствие на рабочем месте! После первого урока поняла — меня обнаружили: на стене в учительской появилось объявление о совещании. Повестка — мое персональное дело... Как сейчас, помню разгромную пафосную речь бывшего «поклонника» Александра, поминавшего всеу всех моих родных,— и его враз поглупевшее до полной некрасивости лицо, едва я выложила на стол паспорт и комсомольский билет,— не без некоторой театральности, сказать по правде. Против этого факта никто не смог ничего возразить, собрание завершилось само собой... Но, по собственному почину, я недолго оставалась там жить и работать, пусто вдруг сделалось на сердце, словно выдохлось оно.

Ох, тяжелое было время — от гражданской войны чуть-чуть начали в себя приходить, порядок в стране наводить, тут и финская подоспела.

После истории с подлецом этим, Александром, укравшим мое письмо и дразнившим меня насчет писателя Гончарова, в Бенжерепе ухаживать за мной стал молодой, но важный по тем временам человек — главный бухгалтер колхоза. Уверен был, что я за него выйду — много на него, образованного, охотниц находилось, да он меня

выбрал. Даже, не спросясь, заранее съездил с матерью в город, накупил отрезов тканей и разного добра к свадьбе... Но я расстроила беднягу, решила — рано мне замуж, обстоятельства, к тому еще, заставляли меня опять уехать с насиженного места. Спустя год узнала, что пошел он на финскую войну добровольцем и погиб. Но все это случилось позднее, а пока меня звали к маме, и к ней я отправилась, как только уладила свои дела и связала вещи в узел.

* * *

Леспромхоз Майра... Там случилось много нового в нашей жизни. Невеселое место, где, тем не менее, расцвела-таки репейным цветочком моя трудная молодость. От Таштагола до Новокузнецка — зоны, вышки с часовыми и местное население, разбросанное по деревням и поселкам. Заключенные строили вдоль всего маршрута железную дорогу. Что было, то уж было, из песни, как говорится, слова не выкинешь...

В Майре мамочка вышла замуж за хорошего человека, Аксенова Николая Ефимовича, судьба которого, судя по рассказам, достойна увлекательнейших мемуаров. Если соблюдать точность последующих фактов, то она пережила его на девять лет, будучи моложе на все двенадцать.

До революции носил Николай Ефимович звание купеческое, имел даже каменный дом в Ярославле; при нэпе трудился кустарем-фуражечником, женился, двух сыновей успел породить. По чьему-то бесчестному клеветническому доносу попал на Соловки, где познакомился с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, — да, конечно, тем самым, будущим академиком. Большими друзьями стали, но после освобождения пути их разошлись навсегда. Жена при аресте от него отреклась и уехала с детьми в направлении, простейшей логикой неопределяемом. Скитания по разным местам привели дядю Колю в Майру, где нашел он себе новую семью — нашу. На всю дальнейшую жизнь.

Приехав к ним, я устроилась в местную школу преподавать немецкий язык.

По правде сказать, мои знания данного предмета были крайне ограничены, но у всех остальных: и детей, и взрослых, они оказались еще скуднее. Я ощутила себя нужным человеком, равноправной комсомолкой в очень сплоченном молодежном коллективе. Помню, что большинство из нас, и я, конечно, носили защитные гимнастерки. Однажды общее собрание единогласно выбрало меня делегатом на районную комсомольскую конференцию, проходившую в Кузедеево. Словом, жизнь, будто взяв с нашей семьи свою суровую дань, на время предоставила нам возможность свободного полета...

* * *

...Слушаю, как дочь и внучка рассуждают о нынешних тяготах, о вывернутой наизнанку морали, беззакониях нового общества, — и думаю, бабоньки мои женщины, что, наверное, при любом строе человеку невозможно существовать без тяжелых проблем. Вспоминаю из истории инквизицию, рабство и крепостничество, гладиаторские бои, казни, войны и прочую гадость, изобретенную нами, людьми, не кем-нибудь. Не знаю по каким признакам оценивать разновидности общества. Приходит в голову один критерий — способность воспитать народ на высокосознательном уровне. Вот и выбирайте! Издержки, по-видимому, все равно останутся, так или иначе, и при самой распрекрасной организации попадать в их число больно и трудно, но кому-то приходится...

* * *

...Перед самой войной жизнь в стране начала понемногу налаживаться, в магазинах появились хорошие продукты. Помню очень душистый и вкусный шоколад, све-

жий хлеб, молоко, рыбу. Очень недолго, — настало утро 22 июня 1941 года и принесло свои черные плоды. Мама и Тамара, отдав неизбежную дань общему морю женских слез, проводили мужей на фронт, сестра Майка после уроков занималась в школьной мастерской — девчонки шили кисеты и вязали варежки, шарфы для солдат. Мы втроем продолжали учительствовать, по очереди приглядывая за маленьким Витькой, моим племянником. Когда мальчуган поручался мне, я одену, бывало, его потеплее да отправляю гулять, — сама же садилась готовиться к урокам или тетрадки проверять, дел-то было невпроворот. А он походит-походит, вернется и скажет:

— Теть-Нин, хлебушка нету?

Не знаю, как и вырастили. Теперь Виталий сам уже давно и отец, и дед. Навсегда так и прижился в Новосибирске, там и дети, и внуки его, наша крепкая веточка.

При мамочке виделись, конечно, чаще, она была надежным связующим узлом между родственными семьями.

В свободные дни я много ездила в окрестностях Новокузнецка, тайком даже от своих, в поисках отца. На строительстве железной дороги трудилось много людей, которые отбывали остаток срока на поселении. Они жили уже семейно, снимая углы, а то и целые комнаты у местных жителей, в бараках для вольнонаемных рабочих. Я познакомилась с некоторыми из них и вскоре встретила в этой среде будущего мужа, Ивана Рюмина. Попал он туда прямо перед войной, за случайную шутку, которую, при желании, — никого нет гаже доносчиков! — можно было двусмысленно истолковать. Зато, сказать по правде, это спасло его от войны. Молодой, на два года старше меня. Глаза черные, волосы вьются — классика! Влюбилась отчаянно. Долго тянуть не захотели, расписались прямо в зоне, где он числился. Теперь у меня появился другой повод для частых отлучек, но и об этом я никому тогда не сообщила. Впрочем, через несколько месяцев его досрочно освободили, и он, как снег на голову моим родным, свалился в Майру с полупустым фанерным чемоданом. То-то было мне счастье!

Жили мы очень импульсивно, неровно и пылко. Ревность меня поедом ела, везде все женские глаза только в его сторону и смотрели. Оказалось, он тоже любил это дамское внимание. Тем временем родилась у нас первая дочь, долго листала я старый календарь с именами и, наконец, выбрала — Маринка.

Нет ее уже лет двадцать. Характером была в отца, стремилась к невозможному, часто с людьми, особенно с начальством, конфликты заводила, ладно бы — за себя, а то — за чужих билась. Кого-то несправедливо премией обошли, напрасно выговор дали, с работы выживают, — так ты посочувствуй ему кулуарно, языком поцокай, скажи «ай-яй-яй! Надо же!», обсуди дома, за ужином, — а на рожон не лезь! Маринка вечно бросалась в бой, защищала всех, они ее же потом предавали и обходили стороной. Сгорела она от этого. С портретом теперь только и осталось говорить... Ох, трудно, уж мы-то с вами знаем, бабоньки мои женщины, жить после своих детей. Но все равно боюсь, боюсь умирать... Самый тяжелый страх, потому что безнадежен.

Когда я, через два года, ждала Сашку, не сомневалась — родится мальчик. Заранее надумали с Иваном — будет Борис, как Тамарин муж. Акушерка младенчика показывает, а я тарашусь изо всех сил, глазам поверить не могу, — где же мальчик-то? Долго потом двухлетняя Маринка подходила к кроватке, показывала пальчиком и повторяла:

— Братик Боря!

А там спала сестричка Сашка. Мы с мужем хохотали над этим, были, несмотря на войну, по молодости лет счастливые, в такие моменты все смешным и радостным казалось.

Помню, в самый голодный период, год шел сорок четвертый, Сашке минуло месяца три, притащил мой мужик тушу, купил, говорит, недорого баранины на железнодорожной станции, у проезжающих. Голова рогатая почему-то отдельно прилагалась, ноги обрублены. Ели мы это мясо дней десять, а потом услышали об аресте уго-

ловников, разъезжавших на грузовых поездах и торговавших собачиной — за баранину. Стало нам так плохо, едва поняли мы, чего с голоду наелись. Сутки нас выполакивало, да с кровью, а ведь только на одном внушении, почти все переварилось давно и даже внутри не сохранилось.

Война запомнилась мне как непрерывный поток тяжелого труда, но и семейных радостей. После освобождения из заключения Иван оставался на поселении, под надзором, выполнял принудительные работы, зато на фронт не призывали, так я понапрасну и пробоялась до самого Дня Победы... А через несколько месяцев, перед праздником 7-го ноября, ко мне зашла соседка.

— Нина,— сказала она, сочувственно наблюдая, как я переодеваю Сашку.— Твой-то, знаешь, того... бабу новую завел... Сама видала! Яркая, черноволосая, вроде украинка.

— Врешь! — выговорила я, спустив дочку на пол. Мне уже делались осторожные скользкие намеки, но никто ни разу не сказал этого прямо.

У меня потемнело в глазах. До сих пор я старалась не верить, держать ревность в узде, однако лобового удара выдержать не смогла. Вошел Иван, держа за ручку Маринку, и соседку словно вымело из дома.

— Уходи! — закричала я.— Не хочу, не стану делить тебя ни с кем! Уходи!

Испуганные девчонки отчаянно взревели. Не знаю, что со мной случилось тогда. Произошла безобразная сцена, которая много лет вспоминалась со стыдом и горечью. Иван сильно растерялся, сразу сознался, что у него есть любовница, старался успокоить меня, отпаивал водой, но я долго не могла остановиться.

— Нина, не расстраивайся так, это все несерьезно,— уговаривал он.— Прости, не получилось из меня верного мужа, но я не хочу покидать вас, тебя и дочек, не гони меня...

Помню, тогда мне слова его казались кощунством, нахлынуло острое, нестерпимое отвращение. Внезапно поняв это, Иван отступил. Наскоро скидал кое-какой скарб в свой фанерный чемодан, еще раз нерешительно взглянул в мою сторону и, понурившись, ушел. А я обратно не позвала! Чувствовала себя, как видно, настолько здоровой, чтобы пережить семейный крах...

...Не-ет, вы не угадали, вернуться он пробовал, присылал друга, приходила свекровь. Больно вздрагивала душа, но тяжелая брезгливость давила, пересиливая и глуша извечную бабью слабость...

Развели нас быстро. Через три месяца Иван оформил отношения с той самой украинкой и, кстати, оставался с ней до конца. Он по-прежнему бегал почти за каждой юбкой, но его новая жена оказалась умнее, терпеливее и делала вид, что ничего не знает, родила ему сына, сохранила семью.

В молодости я ее не понимала, возмущалась такой терпимостью, гордилась собственным превосходством и непреклонностью. Да полно, думается мне, было ли, чем гордиться? Точного ответа, наверное, нет. Иногда считаю свое решение ошибкой, вспоминая, как долго страдала, и все мужчины, впоследствии пытавшиеся ухаживать за мной, воспринимались исключительно в сравнении, а значит, раздражали несходством и явным несоответствием тому, что рисовало сердце. Порой, давно утратив и боль, и обиду, ощущаю удовлетворение и умиротворение — и, в который раз, соглашаюсь со свершившимся фактом...

* * *

...Новую жизнь я, по сложившейся привычке, начала с перемены места. Вдовая Тамара с сыном перебралась в Новосибирск, к свекрови. Мама с отчимом и Майей поселились на самой окраине Абакана в деревянном доме, завели огород и корову.

В тот год наша младшая сестра поступила учиться в институт, уже по традиции — педагогический, усердно осваивала физику и математику. Я со своими девочками обосновалась недалеко от них, купив буквально за гроши развалюху вблизи пустыря.

Следующие несколько лет обитала моя семья на самой, что ни на есть, окраине, в старой избе, где никакого, даже символического замка в двери не было. Именно там на ночь мы привязывали дверь чулком к печной заслонке от лихих людей. Однако обходили наш дом лихие люди, издали, наверное, определяя опытным взглядом, что здесь не брать, а давать надо.

Устроилась я поначалу в школьную библиотеку. Не забыв прощальных папочкиных слов, поступила на заочное отделение пединститута. Через год перевели на учительскую должность, — как только место освободилось.

Времена были нелегкие, послевоенные, достатком небалованные.

Я, безмужняя учительница с двумя детьми, жила и вовсе скудно. Работала в школе, днем решала с ребяташками примеры и задачки, часто до поздней ночи исправляла неизбежные в этом деле ошибки. Зато дочки мои до поры гуляли свободно, все окрестные болота облазили, то незабудки, то клюкву собирали да все, что съедобным казалось, в рот клали. После войны голодно-вато было.

Перед тем, как в первый класс поступать, заболела скарлатиной Маринка. Обрили ей голову в больнице, как тогда всем полагалось. Из-за этого случилась незначительная такая неприятность.

Видите ли, бабоньки мои женщины, в то время приехала к нам, в школе работать, учительница начальных классов Вера Васильевна, очень важная особа. Славилась она по нашей педагогической части на всю окрестную область, поэтому выбирала себе в ученики ребят, изучая их прямо-таки под микроскопом, кого попало принимать не хотела. Все, какое-никакое, местное начальство, имеющие, конечно, подходящего возраста детей, пожелали устроить их под знаменитое крылышко. Представьте, — стоит очередь испуганной, чересчур старательно умытой и нарядной малышни, банты огромные с полголовы, воротнички там всякие, ботиночки с блеском. Прохаживается среди них Вера Васильевна, принимает веское решение. Возьмет за ручку, улыбнется, отведет направо — вздохнут родители с облегчением: пристроено чадо. Нахмурится, укажет налево — минует дитя вершины ее педагогического мастерства, изучать ему азбуку под руководством ничем не примечательной Марии Петровны. А поименованная Мария Петровна рядом стоит, смотрит, своей очереди ждет.

Случилась в этой толпе и Маринка, худенькая, бледная, в платье фланелевом, из мамино, моего то есть, халата перешитом, да еще наголо обритая. В руках самодельный чемоданчик вместо портфеля, Николаем Ефимовичем сработанный. Нахмурилась Вера Васильевна, налево показывает. Мария Петровна возьми и скажи тихонько:

— Это дочка нашей учительницы, болела недавно. Примите ее.

— Так и быть, — кивнула Вера Васильевна, — пусть направо идет.

...Лежит на моей ладони маленький снимок, — хмурая, нескладная бритоголовая девочка с большущими глазами, — и прошлое вдруг становится настоящим...

* * *

...В сорок девятом году основательная сибирская зима хозяйничала в городе.

На улицах, особенно на окраине, высились тяжелые сугробы. Словно со стороны, вижу, как сижу у себя в маленькой комнате за круглым столом, где аккуратно разложены стопки ученических тетрадей, проверяю решение, оцениваю детские труды. Ночная мгла давит на окна, как усталость на глаза. Внутри тоже темно, только оди-

нокая лампочка на длинном проводе, не обремененная абажуром, вырезает на общем фоне освещенный ею фрагмент человеческой жизни. У стены, что поближе к печке, лохматый полумрак сторожит сон двух моих девчонок, семи и пяти лет. Спали мы тогда все вместе на этой большой, сильно продавленной, железной кровати.

Уже ночью закрываю последнюю проверенную тетрадь. Укладываясь рядом с дочками, привычно касаюсь губами их лобиков — не горячие ли? Похоже, все в порядке. Лечу в сон, как в пропасть...

Частый, тревожный стук в окно разбудил меня.

— Нина Яновна, вы заболели? — кричал знакомый девчоночий голос.— Урок уже начался!

Это за мной прибежала ученица.

«Проспала! Опоздала!» Не помня себя, я оделась, схватила со стола тетради, бегом бросилась в школу. Шестиклассница едва поспевала за мной, говоря:

— Мы взяли ключ, все сидят в классе, не беспокойтесь.

Время было серьезное, опоздание считалось преступлением, за него жестко наказывали, вплоть до тюрьмы,— однако, обошлось.

Пробежали по неодобрительно молчащему коридору, никого не встретив.

В классе застыла невероятная тишина, казалось, встревоженные, настороженные дети почти не дышат. Помню прилив острого чувства благодарности ребятишкам — не подвели, милые, хорошие, спасибо!

Я извинилась, поблагодарила, начала объяснять новую тему. Спустя несколько минут заглянул директор, сухо и строго кивнул, ушел. У него имелась привычка во время первого урока совершать обход, проверяя, все ли на месте.

В моей жизни это был единственный случай опоздания на работу, так нас воспитали,— да и правильно.

...Стала Маринка учиться в знаменитом классе. Много ли, мало ли времени прошло, только обогнала она в успехах всех начальственных и нена начальственных детей в школе, и сама по этой части сделалась знаменитой. И косы, конечно, отросли, да еще вьющиеся, темно-каштановые, как у отца. Ей исполнилось двенадцать лет, и тогда она пришла как-то раз домой и решительно сказала:

— Хочу перейти в другой класс. Здесь хвастают нарядами, родителями, поездками на море. Мне лучше учиться там, где буду выделяться только отличной учебой...

Я согласилась с ней, и с тех пор она занималась в параллельном классе, среди детей нена начальственных родителей. Коллектив оказался очень дружный, а Маринка до выпуска оставалась лучшей ученицей школы.

* * *

Сашка попроще была, училась обыкновенно, любила спортивные игры. Когда ей исполнилось всего четыре года, я ее только чудом не потеряла.

В один ничем не примечательный осенний день возвращаюсь из школы, а она спит,— невероятный, и потому пугающий, случай! Обычно уложить ее, даже в поздний час, оказывалось немалой проблемой. В ответ на мой оклик с подушки приподнимается чересчур красное личико в светлом облаке взлохмаченных волос:

— А, ты пришла, мама... Головка болит...

Это теперь я ковыряюсь в мобильном телефоне и общение на расстоянии для меня — дело простое и привычное. А в тот день, поняв, что она вся горит, схватила ее, завернула в одеяло и побежала в больницу. Путь был не близкий.

— Энцефалит,— поставил диагноз врач,— состояние тяжелое...

Сильно помог мне в горький этот период Александр Георгиевич. Он ухаживал за мной церемонно и трогательно. Знаю, что крепко любил меня, блондин, ростом вы-

шел, очень порядочный, да только немецкой национальности, потому не заладилось у нас. Но тогда, на время Сашкиной болезни, сразу взял на себя заботу о Маринке и, пока я в стационаре пропадала, вел хозяйство.

...Помню,— сижу у кровати в боксе, слушаю мутный бред моей дочки и реву, моментами громко, судорожно всхлипывая. Помню,— доктор предупреждает, что дело плохо. Я выхожу в коридор, бессмысленно гляжу в окно. Чья-то рука гладит мою понурю голову. Вздрыгнув, оборачиваюсь. Больничная нянечка, которую все звали там баба Саша, смотрит на меня, и лицо ее в слезах.

— Иди, милая, в церковь, помолись как получится, как уж сумеешь. Добудь святой водички, хоть немного,— чуть слышно шелестит она.— А еще,— ты ее от груди давно, поди, отняла?

— Давно,— шепчу я.

— Тереби, тереби грудь, заставь снова дать молоко...

Какая-то неистовая, сумасшедшая надежда вдруг захлестнула меня. Действующих церквей почти не было тогда, но баба Саша назвала мне деревню, куда можно поехать. Я отправилась немедленно.

Старенький поп выслушал меня очень серьезно, благословил, налил в бутылку святую воду и, пообещав отслужить молебен, велел поторопиться. Не помню ни названия деревни, ни вида церкви той. Хотела потом найти — не смогла...

...Когда вернулась в больницу, баба Саша взяла святую воду, перекрестилась, смочила моей малышке волосики и лицо, побрызгала на постель, едва слышно шепча молитвы. Я села у кровати, расстегнула кофту и начала выдавливать из пустой груди молоко. Боли не чувствовала, не до того было. Баба Саша помазала мне грудь святой водой. Не помню, сколько времени прошло, из сосков уже шла кровь, я давило и давило, на коже вышли синяки, из глаз слезы текут, не переставая, смешиваются с кровью и сползают полосками на живот. И вдруг пошло молоко!.. Сначала пополам с кровью, потом я обтерлась мокрым полотенцем, и молоко очистилось. Дочка мечется в бреду, почти хрипит. Я схватила ее, к себе притянула — и сую ей сосок в обжигающе-горячий от жара рот! Она зачмокала, как грудная, начала тянуть. Успокоилась, на лобике выступил пот, и я сама почувствовала, как ей становится легче...

Она начала поправляться. Врачи говорили,— кризис прошел, а я сцеживала свое молоко и пила ее теперь из чашки.

Баба Саша неожиданно уволилась и куда-то уехала. До сих пор вспоминаю о ней, как об ангеле-хранителе.

Когда дочка выздоровела, мы с мамочкой и Тамарой нашли за городом другую церковь и окрестили всех наших ребят. Все думаю,— напрасно так жестко, категорично запрещалась религия, никуда от нее человеку не деться... Врачи-то меня уже к Сашкиным похоронам исподволь готовили, а после удивлялись, как все вдруг изменилось. Не знаю, что именно спасло тогда мою младшую, да с нею, получается, и внучку Надюху, и правнучку, Олеську-художницу... Словом, чистое кино,— продолжение следует...

...Однако сейчас, о себе, молиться не получается. Пробую, конечно, но... результата нет, и — страшно, страшно. Представлю жизнь потом, без меня,— нет, не могу понять. Забыть, забыть, забыть...

* * *

...В некий момент Александром Георгиевичем как немцем заинтересовались органы безопасности, и я со стыдом, с горечью однажды сказала ему:

— Уезжай-ка ты, Саша, подобру-поздорову, пока чего не случилось. Знаешь ведь, сколько мы натерпелись уже. Дочек моих пожалей...

Он заплакал от этих слов, тяжело нам было. Вскоре проводили мы его в какую-то глушь, вроде тех поселков, где сами раньше жили. Недолгое время несостоявшийся муж мой кочевал по разным местам, одно другого дичее, присылал даже денег понемногу — в помощь, потом след потерялся. Спустя годы стороной дошло до нас, что ему повезло найти хорошее место и удачно жениться, тоже на обрусевшей немке...

Я не жалела о том, что отослала его. Сейчас думается порой, — не было у меня к нему настоящей привязанности, душа после Ивана не принимала никого...

...А Тамара, получившая похоронку на своего Бориса почти в начале войны, в сорок шестом году вышла замуж снова, за мобилизовавшегося фронтовика. Анатолий Барцевич его звали. Он рассказал, что жена с тремя детьми погибли в оккупации. Документ об этом хранил. И вдруг, через несколько месяцев, когда ждали уже малыша, ему пришло сообщение, — мол, семья жива и его ищет.

Ох, тя-ажко было смотреть, как оба, Тамара и Анатолий, отчаянно рыдали, цепляясь друг за друга на вокзале перед расставанием. Барцевич навсегда возвращался к прежней жене. Что ж делать, — они не виноваты были, так случилось. После войны подобных историй происходило немало, судьба нас и этим не обделила. Каждый, с кем подобное случалось, дилемму решал по-своему: один оставался в новой семье, другой уходил обратно. Некоторые, сделав выбор, тем не менее продолжали общаться с покинутыми и помогали им, чем могли. В нашем случае разрыв был полным и безоговорочным. Из-за мучительных переживаний ребенка сестра не сохранила, но пожалуй, и к лучшему. Анатолий никогда не пытался связаться с ней или с нами и не узнал, что сын, несколько недель ожидаемый им с таким нетерпением, не родился. Мы тоже больше не имели известий о Барцевиче.

...После его отъезда Тамара заметалась, жить в прежнем окружении домов и людей оказалось тяжело. Она словно задыхалась в четко очерченном круге бытия. Помог брат Бориса, ее первого мужа. Будучи превосходным хирургом, Виктор обратился с просьбой к одному из своих бывших благодарных пациентов, который трудился в дальнем Подмоскowie, близ Кубинки. Бабоньки мои женщины, люди в то время понимали чужое горе, война ли научила, может, сердца у них из плоти были, не легковесно-безразличные, пластмассовые, как сейчас, а только выручил, буквально спас нашу Тамару в тот период незнакомый далекий человек. Пригласил к себе работать, помог обрести крышу над головой, хоть и в опустевших конюшнях, разделенных перегородками на крохотные комнатки-каютки.

Устраиваться, помню, поехали мы с ней вдвоем. Пункт назначения был — деревня Головково, десять километров от Кубинки. Половину расстояния преодолели пешком, а ведь это места тяжелых боев. Словно опять вижу дорогу, по краям обсаженную деревьями, густая трава, в которой проглядывали скелеты в касках, помятые фляги, гнутые алюминиевые ложки... Так и шли сквозь их молчаливый строй и сквозь собственные слезы...

...В деревне, на подсобном хозяйстве, Тамара проработала около двух лет. Горе ее попритихло, стало не таким злым и острым. Она начала чувствовать свою оторванность от всех нас, продолжавших жить в Сибири. К маме, ко мне зачастили письма, и скоро сестра вместе с Виталиком вернулись, сначала в Абакан, затем в привычный и родной Новосибирск...

* * *

...Пришла Сашка, молча повозилась на кухне, принесла ужин — куриную ножку с рисом и компот. Осунулась, однако, вроде, и похудела. Устает она, конечно, со мной тоже намаялась. Да мне-то каково, страшно, силы, будто вода, куда-то вниз,

через надоевший матрац просачиваются... Жую полусидя, а тоска на грудь давит, даже в телевизор смотреть скучно...

...Когда Маринка пошла в первый класс, жизнь начала потихоньку выравниваться, я смогла купить корову со стандартной кличкой Зорька, однако с резко выраженной индивидуальностью. У нее от природы не было рогов, но капризов и упрямства хоть отбавляй. Наверное, прежние хозяева именно по этой причине запросили недорого, хотя она давала много молока. Но бодалась комолым лбом страшно! и любила после дойки опрокинуть ведро... Пришлось к ней приноравливаться. Впрочем, меня она вскоре признала, однако с другими озоровала вовсю и, если я прибаливала или уезжала, свеженадоенное кем-либо молоко рекой лилось в землю. Дождется, бывало, паразитка хитрая, конца процесса, только человек расслабится, думая, мол, все в порядке, а Зорька исподтишка возьмет и лягнет ведро. Такая норовистая корова! Зато продукт выдавала — соседи завидовали!

Жить легко, однако, не приходилось. Уроки в две смены, поэтому старшая, Маринка, бежала домой раньше, — хоть мала еще, а хозяйство почти все на ней. Корову из стада встретить, полы помыть, картошки или каши какой наварить к ужину. За Сашкой, конечно, приглядеть. Счастье, что школьная наука была Маринке — раз плюнуть! С ее пятого класса по вечерам садились мы с ней рядом тетради моих учеников проверять. Она, умница эдакая, быстрой меня управлялась...

Ха! Слушаю я сейчас, как вздыхают о буднях трудовых Сашка с Надюхой, и кажется мне, что на ерунду обе жалуются. Пустяки там у них! С нас-то по семь шкур шелушивали. Тетрадей, помню, тьма, по нескольку пачек на вечер, и к следующему утру, будь любезна, до единой проверь. Подробный план составляли к каждому уроку, для каждого класса отдельно. К примеру, — для шестого «Б» — один, для шестого «В» — другой... Потом, правда, полегче стало, разрешили общий план для всей параллели. А то, случалось, и ночи почти не спишь за проверкой или над конспектом. Хозяйство, худо-бедно, на малолетках моих держалось. Однако, успевали они и по окрестностям носиться. За ними надзирать, да специально воспитывать нам недосуг было.

О некоторых забавах своих девчонок я узнала, когда они собственные семьи имели.

Недалеко от избы нашей пролежала железная дорога, и толпа ребятишек долго развлекалась тем, что перед приближающимся поездом перебежки устраивала. Однажды женщине в подобной ситуации, — спешила куда-то, споткнулась, — прямо на глазах у детей ноги отрезало. После этого они перестали на рельсах играть...

А на реку, на Ташебу, как бегали! Купались, по камням прыгали, — течение бурное, вода почти ледяная! — чем заняты, нам, родителям, и невдомек! Не заболел, не утонул, не расшибся никто — повезло. Теперь задумаешься, — становится жутко.

Раз в две недели — чаще с одним выходным не получалось, — ходили в баню.

В промежутке полоскались в большой бочке на огороде, а по зимнему времени пользовались корытом, в котором также и стирали. Баня располагалась за вокзалом, где был большой железнодорожный узел, много составов, преимущественно товарных, которые подолгу стояли и ждали своей очереди на перегон, а с места трогали внезапно...

Итак, — в баню. Сначала мы собирали полотенца, сменную одежду, принадлежности для мытья.

— Девчонки, скорее, — торопила я, зная, что предстоит долгое ожидание: народу в бане всегда собиралось полно. Вещи увязывались в широкое покрывало, и мы выходили из избы. Маринка или Сашка стучали в окно мамочке. Мои родители присоединялись к нам с таким же узлом, и мероприятие начиналось. До вокзала добирались полчаса, за отсутствием автобусов — пешком, оживленно делясь новостями и плана-

ми на покупки. Переход через пути создавал ужасное напряжение,— приходилось пробираться под поездами, отчаянно рискуя, поскольку состав мог в любой момент тронуться с места. Помогали детям и друг другу. Потом долго сидели в очереди в предбаннике.

Возвращались той же дорогой. К вокзалу вплотную примыкал большой завод, поэтому обход был практически невозможен. Когда, наконец, пустили рейсовые автобусы, выбрали другую баню, ради которой не приходилось рисковать жизнью... Новое жилье получили, лучше нашей избухи... Но еще около двух лет опасный путь не отпускал нас, ведь мы топили углем, и требовалось ежемесячно заказывать его, а соответствующая контора находилась около прежней бани. Эта обязанность легла на бедную Маринку, и в то время, то ли по молодости своей, то ли от занятости и измотанности, я даже не задумывалась над опасностью, которой с устрашающей периодичностью подвергалась моя девчонка, ныряя под поезда. Теперь, думая о чудом миновавшей нас трагедии, запоздало пугаюсь, до ледяного пота... хоть Маринки давно нет, и по иной причине.

Трудно было жить, но именно поэтому построили удобные города, теплые квартиры, где все под рукой. Тогда считали за счастье, что кончилась война, а сейчас ни в чем не видят хорошего и вечно недовольны...

...Помню радость,— Зорька бычка принесла. Славный, крепенький. Девчонкам, как рога обозначились, велела голову ему не чесать, иначе бодливый будет.

И стоило отвернуться,— то Маринка, то Сашка обязательно возле него оказывались, лоб его скребли. Он и рад, сам за ними все ходил, массаж выпрашивал. Сдали мы его потом на мясо, как держать больше не смогли. Вскоре и Зорьку продать пришлось,— квартиру нам дали, где корове места уж не было. Не хотела от нас уходить, упиралась, мычала, бедная. Привязчивые они! Мы тоже заплакали, да что поделывать? При переезде, как водится, забили мы дверь и окна нашей развалюхи досками, да так и бросили — никто ее не купил...

Новое жилье было в двухэтажном деревянном доме. Квартирешка, по современным меркам, на смех курам — входная дверь с улицы прямо в комнату, маленькую, метров десять, а из нее на проход еще одна, совсем крохотная. Зато замок нормально запирался, да соседи кругом... Не страшно жить стало. Главное,— до школы недалеко, прямая улица. Правда, от мамочки неблизко. Они с Николаем Ефимовичем по-прежнему оставались в своей избе, а мы оказались практически в центре Абакана, наши окна выходили на большой городской парк, по субботам в нем устраивались вечерние танцы для молодежи, в аллеях на лавочках сидели старики и влюбленные парочки. Однако заходили в разных направлениях автобусы, один останавливался прямо возле родительского дома. Сашка частенько к ним наезжала, они внучку баловали, то молочка парного нальют, то пирогов напекут. У них своя корова была смиренная да ласковая, не как наша Зорька. Они и огородом всю занимались, нам соленья-варенья приносили.

За хлопотами повседневной жизни я окончила институт, приобрела официальный статус учительницы математики. Где-то среди стремительно проходящих лет затерялся день, когда пришло письмо от тети Зои, давно пропавшей из виду маминой сестры. Она оказалась живущей в Серпухове, снова замужем, родила дочь, названную вычурным для нас именем Виктория. Наладилась переписка, длившаяся впрочем, недолго...

* * *

— Если бы меня попросили назвать самого несчастного человека, то я не знаю никого, кроме тети Зои, кто больше других соответствует этому определению,— говорит сегодняшняя Сашка, прихлебывая кефир.

Удивительно, как совпадают иногда наши мысли. Однако меня это раздражает и, не подавая вида, что сию минуту размышляла о том же, с неудовольствием прошу налить мне чаю. Дочь со вздохом замолкает, приносит мой стакан и хлеб с маслом. Я снова погружаюсь в свои мысли.

Мамина сестра была бессильна перед судьбой и неудачлива. Жила незаметно, словно шепотом. О ней известно мало подробностей. Короткий брак с летчиком и рождение первенца Славки — те недолгие радости, которые были скорее одолжены, а не подарены ей. Помните, бабоньки мои женщины, как погиб ее любимый муж, и как хоронили мы втроем их сынишку?

Новое замужество тети Зои тоже долгим и удачным не оказалось. Всего несколько лет,— и несчастная привезла к мамочке свою Вику. Из-за развода пришлось ей переселиться в полуподвал, комнатуху, в которой было темно даже солнечным днем. Нельзя в таком помещении жить ребенку. Да и с работой как-то не везло.

С тех пор девочка, ровесница Маринки, жила в семье моих родителей, в нашем Абакане выросла и выучилась.

Несколько месяцев мамина сестра прожила вместе с ней в родительском доме.

На этот период пришлось Сашкина скарлатина. Почти все дети успевали тогда переболеть ею, коварная была зараза. Сорок обязательных дней в больнице — и, наконец, выписка. Накануне этого дня оказался выходной, и поехали мы с тетей Зоей на рынок. Походили, купили кое-какие вещи для детей, совсем уже собрались уходить, и вдруг смотрим — стоит в сторонке женщина, в большой корзине у нее разные игрушки.

— Нина, завтра Саша вернется домой, давай подарим ей игрушку,— несмело предложила тетя Зоя.

Она сама выбрала коричневого мишку, набитого опилками. Сашка так радовалась, что я до сих пор вспоминаю об этом с улыбкой. Схватила его, тискала, разговаривала с ним, по-моему, даже не заметила, что мы ее переодели. Пришлось в какой-то момент слегка шлепнуть по мягкому месту, отвлечь и поторопить. Она, конечно, захныкала.

— Ничего,— сказала ей тетя Зоя, застегивая пуговицы на платье.— Мы с тобой ему наряды сошьем, будет мишка у тебя самый красивый!

От нечего делать мамина сестра действительно сидела потом за машинкой, строила игрушечное приданое. Чего там только не было,— и штанишки из фланели, и рубашки из ситца, даже, смешно вспомнить, матросский костюмчик и пальто из обрезков сукна. Если помните, бабоньки мои женщины, самодельный чемоданчик, с которым моя Маринка пошла в первый класс, то его отдали Сашке под мишкин гардероб. Счастья девчонке хватило лет на восемь. До того, как начала на танцы бегать, все в своего медведя играла...

...Вскоре тетя Зоя уехала в Серпухов. С Викой она прощалась мучительно, зная, что надолго. Вика нетерпеливо ждала, когда мать сядет в поезд,— друзья позвали ее в кино...

Письма тети Зои приходили к нам часто, они отличались красивым почерком, грамотностью и длинными текстами. Скоро мы перестали отвечать на них,— не хватало времени. После развода и необходимого, по обстоятельствам, расставания с дочерью, женщина совершенно оглохла и жила крайне скудно, почти только на пенсию по инвалидности. Естественно, ей оставалась одна переписка, но нам-то было некогда! Когда она это поняла, то установила ежемесячный регламент, а мы узнавали письма «в лицо», по толщине и, не читая, чаще всего выбрасывали. Мамочка, правда, временами отправляла ей короткие отчеты о том, как живет Вика, иногда вкладывая фотографии.

Сашка недавно напомнила мне эпизод, о котором я прежде не знала, хотя и не забыла момента, с какого все началось.

— Мы с тобой возвращались вечером из школы,— говорила дочь.— Очень пухлое письмо в потрепанном конверте торчало в дверной ручке и было смято. Мне тогда, по-моему, исполнилось одиннадцать лет. Ты взяла письмо, повертела в руках, недовольно поморщилась.

— А, от тети Зои...— и бросила на кипу старых газет в углу.

Мне, девчонке, вдруг стало жаль ее, и на другой день я прочла это послание. В нем было много смиренного страдания, иступленно-подавленной тоски по дочери и одиночества, ставшего привычкой.

— Представляешь, мама, я поняла, хоть и по-своему, все «взрослые» чувства, впитавшиеся в бумагу,— сказала Сашка,— и вечером настрочила подробный, по-детски ласковый ответ. Следующее письмо пришло очень скоро и уже прямо на мое имя...

— Да, помню,— пробурчала я,— меня это очень удивило... С чего бы ей обращаться к ребенку...

— А у нас завязалась вдруг переписка. Во всех письмах она так горячо благодарила меня, что становилось больно и совестно. Но с четырнадцати лет я начала бегать на танцы, кстати, вместе с Викой, и переписка замедлилась, и потом сошла на нет, слишком многое отвлекало от нее...

— Конечно,— отвечаю,— ты ж у нас доброхотка! Все хочешь показать, будто лучше других...

Сашка встает и быстро выходит на кухню. Теперь долго-долго станет мыть посуду, затеет разбираться в шкафу и, поскольку сегодня выходной, отправится бродить по улицам. Ох, и злюсь я на нее! Раздражает и эта обидчивость, и услужливый терпеливый уход. Молчание надоедает, как и разговоры бестолковые. Если начнет рассказывать о работе, у меня внутри кошки зашкрябают,— я-то валяюсь здесь, где ничего не происходит, только постель сбилась комьями. Лежу, словно на кочках, бока болят, сил нет терпеть...

— Мама,— вернувшись домой, говорит Сашка,— купила вот новый матрац. Давай тебе перестелю, полегче будет...

— На том свете мне легче будет,— возражаю я,— опять собралась меня мучить...

Дочь сжимает губы, но решительно подтягивает раскладушку к моей кровати. Предстоит неприятная, отчасти болезненная и довольно долгая процедура.

Вздыхая и вскрикивая, переносу затекшее и неповоротливое тело с помощью Сашки на раскладушку. Больная нога несметное число раз успевает зацепиться за все подвернувшиеся выступы и за вторую ногу. Ее выворачивает то в одну, то в другую сторону,— о-ох, не приведи, Господь!..

Затем Сашка терроризирует меня длительным массажем. Моментами кожа чувствует облегчение, так как почти онемела от неподвижности, но бывают раздражающе-болезненные ощущения, поэтому я бурчу и ворчу. Следует нудный и тяжелый для нас обеих процесс мытья, прямо в комнате, ведь ей не под силу отбуксировать меня в ванную.

С некоторым оттенком торжественности новый матрац, если не ошибаюсь, пятый или шестой по счету, укладывается на кровать.

Переползая обратно гораздо труднее,— край раскладушки намного ниже. Дочь подтягивает мое тело наверх, ноги болтаются и болят, постель подворачивается подо мной, приходится останавливаться и поправлять ее.

Наконец попытка заканчивается, я снова на месте, бугров и комьев пока нет.

На время мне становится лучше, но раздражение не унимается.

— И что толку? — говорю.— Матрац все равно опять собьется. Немного полежу,— будет то же самое...

Сашка молча убирает комнату. На меня вдруг накатывает знакомый ужас и выступает испарина. Начинаю фантазировать вслух, чтобы избавиться от этого ощущения.

— Мне бы собраться с силами,— злобно мечтаю я,— подползла бы на руках к балкону и выкинулась бы вместе с Маруськой, все одно мы с ней никому не нужны...

— Мама, не грехи! — возмущается дочь.— Городишь ерунду, чтоб на нервах поиграть, что ли?

— Тебе же легче будет! Похоронишь и забудешь. Не бойся, чтоб тебя не обвинили, я бы сделала все, когда ты на работе!

— А зачем ты с меня тогда салаты требуешь и разносолы всякие, если жить якобы не хочешь? — запальчиво выкрикивает она, в сердцах бросая тряпку, которой собирала воду.— Температуру и давление без конца меряешь!

— Язва ты, Сашка! — отворачиваюсь к стене и с головой укрываюсь простыней.

...Ночью дочь задыхается, кашляет, часто вдыхает из своей трубки лекарство, не может спать. Я начинаю волноваться за нее и предлагаю вызвать врача.

— Не врач нужен, а спокойные нервы,— жестко отвечает она.

Замолкаю и жду утра, прислушиваясь к ней. Утром Сашка без единого слова приносит мне завтрак и уходит на работу. Не понимает меня дочь!..

Ко мне прыгает Маруська, мурлычет, и я в благодарность кормлю ее кусочками остывающей курицы и плачу. Сашкин кот наблюдает за нами с кресла, но ничего не просит. Весь в хозяйку, с характером.

Есть у меня мечта — не мечта, а так, что-то несбыточное, вроде фантазии... Пройти бы пешком, никуда не спеша, по Абакану, вдоль парка, увидеть знакомые улицы, заглянуть в дома, где мы жили. Конечно, мало осталось от того города, зарос, поди, высокими зданиями, заасфальтирован, почти неузнаваем... ..Стремительно текла жизнь, переполненная проблемами, работой, страданиями и радостями. Что-то случалось, на время заслоняло все предыдущее, казалось самым важным, но потом забывалось, как сувенир, старательно выбранный при покупке,— и вскоре надоевший, оставленный под слоем пыли на полке в углу. Некоторые воспоминания и сейчас причиняют боль, однако слабую, приглушенную, но...

...А хотите знать, как проходят мои дни теперь? Дочь уходит еще затемно. Я больше не сплю, прислушиваюсь к звукам дома. Густой сумрак обладает поразительными акустическими свойствами. Слышу, как погода открывается дверь соседней квартиры, и жена, ворча и назидая, провожает мужа на работу. Есть наказания, повторяющиеся ежедневно, но каждый раз возникают новые мелкие поручения, которые он должен выполнить именно сегодня, а для меня это является приметой продолжающейся жизни. Узнав, что ему нужно купить хлеба, в воображении встаю, одеваюсь, спускаюсь по лестнице и отправляюсь в магазин. Мысленно стараюсь вспомнить подробности всех движений, необходимых для совершения таких действий. Вам никогда не придет в голову ничего подобного, пока здоровье в порядке. Мне становится страшно от того, что я уже не могу отчетливо представить прежние ощущения, ходьбу и многое другое воспринимаю расплывчато, смутно, будто у меня не было этого опыта. С похожей стремительностью мы утрачиваем реальную память о лицах умерших людей. Дробя и перемалывая в мыслях каждый невозможный момент прогулки, внезапно замечаю, что в комнате давно гостит день, овсянка остыла и затянута неаппетитной синеватой коростой, а сосиски побагровели и скрючились. Желудок испытывает легкий позыв к еде, однако при виде столь унылого угощения сникает и задремывает.

...А я задумываюсь о Маруське, ведь и ее придется мне скоро покинуть на этом свете. Помню, зима удружила морозцем градусов за тридцать. Выхожу за почтой в подъезд, а там холодно, почти как на улице, пронизывающего ветра только не хвата-

ет. Сидит белая кошечка, месяцев четырех, трясется вся. Поглядела на меня и еле слышно пишкнула, бедолага... Я и умилилась. Она до сих пор очень редко и почти беззвучно мявкает, должно, голос тогда же, в январе, отморозила себе напрочь...

* * *

...Что, кажется, немного поспала? Дальше в программе моего дня телевизор, любимый сериал. Спасибо, придумали пульт, иначе в моем неповоротливом положении этот развешатель тревог оказался бы для меня недоступен. Однако, я ему польстила — временами он оповещает о жутких преступлениях, нападениях, стихийных бедствиях... Говорят,— гласность, гласность, а кому нужно это слушать, вздрагивать, всего бояться, выходя из дома? Дали бы жить каждому, пока живется, не запугивая, не развращая, не выворачивая душу. Выключаю, не хочу знать ваши новости, ко мне они теперь не имеют отношения!..И опять стремительно пролистываю свою память назад...

...Маринка блестяще окончила школу и, несмотря на все уговоры, решительно собиралась штурмовать столичный институт. Сашка, не имея столь ярких успехов в учебе, скромно подала документы в местное медицинское училище. Моя младшая, беленькая и черноглазая, становилась очень хорошенькой девушкой.

Наша отличница довольно легко сдала вступительный экзамен по математике и стала московской студенткой. Первое время ее письма содержали в основном подробности городских впечатлений, а затем стали нетерпеливо-короткими, сдержанно, как бы вскользь, упоминали о некоем Антоне. В конце первого курса мы получили сообщение, что Маринка вышла замуж. Помню, как я съездила к ним летом. Сашку с собой не взяла,— ее закружили собственные любовные заморочки.

Встречали меня, однако, весело, водили гулять по Арбату,— мне тогда все было в диковинку, Москву видела в первый раз. Больше всего интересовали магазины,— очень я тогда это любила. Зять оказался коренной москвич, жили в комнате, квартира коммунальная, десять семей, умываться по утрам — очередь. Зато окна глядели прямо на Чистые пруды.

— Повезло тебе, дочка,— сказала я, когда меня провожали домой.

— А ты ведь была против,— погрустнев, ответила Маринка.

Не захотелось мне отвечать на ее недоговоренный упрек, что помешала, мол, поступать в артистки. Да кто бы принял-то? По молодости не понимала, куда тянулась. В Москву чудом удалось попасть,— вот и радуйся. Можно ли такой ненасытной быть?

Смирилась она, однако, успокоилась. Диплом получила, родилась у них Светланка. Когда ребенку минуло полтора года, призвали меня на помощь.

Все бросила тогда, приехала в няньки. Они отправлялись на работу, а мы с внучкой шли гулять — занятие, по правде сказать, скучнейшее. А вокруг столько нарядных витрин! Не удержалась я и прямо с утра двинулась со Светланкой по всем ближним универсам. Да только вечером Антон спросил у нее, куда с бабушкой ходила, а она возьми и скажи, что в магазин... Ох, и ругался зять! Ребенку, говорит, надо на воздух, в парк или на бульвар. Это хорошо, конечно, а мне каково? Приехать в Москву,— и болтаться между деревьями. С тех пор Светланка исправно сообщала папе, будто в парке гуляла. Именно так я называла для нее походы по магазинам. Как вернулась в Абакан, подругам своим рассказывала историю эту, вместо анекдота.

Однако Антон недолго играл роль добросовестного отца. Мелькнула на горизонте крашенная блондинка, а дальше неприятности, развод и колючий вопрос,— где обитать молодой маме с ребенком? Выручила, царствие ей теперь небесное, тетя Вера, пожилая одинокая родственница моего бывшего зятя, которая после моего отъезда согласилась, сначала с неохотой, взять на себя заботы о Светланке. Спустя небольшое время она, однако, сильно привязалась к малышке. В соседнем доме у нее

имелась однокомнатная квартира, куда женщина, возмущенная уходом Антона из семьи, и позвала Маринку с ребенком. Именно с того момента мы начали откладывать деньги на кооперативную квартиру. Ох, и трудный был период!

На счету каждая копейка, что у Маринки, что у меня. Жались, жались, но первый взнос собрали. Сейчас у нас не ничего бы не вышло,— как ни барахтайся, а за ростом цен не угонишься. Почти десять лет потом за нее выплачивали, шутка сказать, в те времена — по пятнадцать рубликов ежемесячно! Зато отдельное жилье было, хоть и не на Чистых прудах. Купила дочь пианино, повела Светланку в музыкальную школу...

У Маринки моей от нелепой мечты стать актрисой осталась тяга к блеску, к праздничной стороне жизни. Кое в чем судьба, однако, потворствовала ей. Случай, уж теперь не помню, какой именно, забросил умницу нашу работать в институт патентоведения, где второе образование получали администраторы артистов, завершающие карьеру спортсмены, не летавшие или уже отлетавшие свое летчики и космонавты. Маринка читала им лекции, любила их общество, на волне этой эйфории изучила даже французский и польский языки. Толку — никакого!.. Книжки в подлиннике читала, а в Париж никто не позвал... И во Францию эту, и потом в Варшаву одно начальство и ездило, хотя по-импортному ни бельмес... Говорила ей — будь, кто есть, из кожи попусту не выпрыгивай. Не слушала, все справедливости искала, и только на том свете, может, нашла... К слову,— если не забыли, бабоньки мои женщины, я здесь уже упоминала о сыне токаря нашего, у которого бас, как у Шаляпина, был. Тоже одно время пыжился, то в клубе споет, то еще где, по мелочи... А как на фестиваль народный, в райцентр, к понимающему зрителю,— то не его пошлют, а племянника одного из наших партийных секретарей. Тот, хотя не то, чтобы пел, а больше скрипел, но добрался-таки до Новосибирской филармонии, откуда успел даже на кой-каких гастрольках поголосить. Сильно известным не стал, но на теплом месте уютно откантовался, лет до восьмидесяти с гаком, при полном почете. А нашего баса мы все чаще только и слышали, как он вдоль заборов по ночам из кабака домой пробирался. Бывало, внезапно рывкнет:

— И ма-альчики кровавые в глазаххх!..— так сердце в пятки, как в бомбоубежище, рвется... Замерз, бедолага, в хороший мороз по пьяному делу... И вся справедливость. Однако был небольшой период, когда человек с талантом мог прямо от сохи пешком прийти в Москву с котомкой — и стать артистом, инженером, космонавтом, еще кем-нибудь. Надо заметить, некоторые из них, кто сейчас знаменит, быстренько и без излишней благодарности открестились от советского прошлого, хотя именно оно предоставило, конкретно им, такие богатые возможности. В царские, к примеру, времена эти люди ничего не добились бы, сейчас — тем более. Правда, позднее и у нас прибавилось блага, будто плесень выросла. Учила я мою старшую дочь жизни, да, видно, не убедила ни в чем, тянуло ее в «высшее общество» непреодолимо. Помню, какая-то дама, из обучающихся, привела к Маринке в гости Софию Ротару. Певица надарила, с барского плеча, кучу афиш с автографами, кипу контрамарок на ближайшее выступление, даже сыграла и спела модную тогда «Лебединую верность». Маринкин фирменный пирог с капустой очень одобрила, рецепт попросила. И что дальше?.. На концерт, правда, мы всем табором ходили, вшестером,— Маринка со Светланкой, я, Сашка с мужем и дочкой. Билеты были почти недоступны, а у нас места прекрасные, к сцене близко. Го-ордые сидели, как павлины. Я в то во время, с легкой Сашкиной руки, тоже в Москву перебралась, жила в маленькой комнате, пятеро соседей, окна на помойку, но — метро Новослободская!

Однажды Маринка звонит, такая радостная, что дыхания не хватает, аж голос обрывается:

— Мама, меня в Звездный городок пригласили, я на всех нас пропуска заказала, едем послезавтра!

— Опять ты не своим делом занята! — отвечаю.

Однако поехала,— уж так-то любопытно стало! Купила в тамошнем магазине несколько маленьких банок с конфитюром, меду натурального и три литра березового сока — редкий в то время товар. Девчонки, Надюха и Светланка, конечно, музеем заинтересовались, а я все представляла себе, с каким удовольствием они дома вечером чай пить станут — небось конец ноября... В остальном — ничего особенного, маленький закрытый городок, в Сибири мне доводилось в таких бывать. К слову, в Заозерке Сашка после свадьбы несколько месяцев жила...

* * *

...Опять мысли скачут, словно торопятся всю судьбу мою заново перевероршить, как опавшую прошлогоднюю листву, и в Абакан меня возвращают. В год, когда Маринка уехала в Москву, младшая дочь начала учиться на фельдшера. Как было принято, первогодков отправили сначала на целый месяц в колхоз. Там девчонка моя первый и последний раз в жизни проскакала верхом, чудом не свернув себе шею. До сих пор у меня дух захватывает от страха, чем это могло бы обернуться.

Я, конечно, знаю обо всем только со слов дочери, но представляю примерно так:

— Тебя как зовут? — спрашивает местный великовозрастный кавалер, годов двадцати трех, усмехаясь и подмигивая.

— Саша,— доверчиво говорит моя пятнадцатилетняя дочь.

— А на кобыле хочешь прокатиться?

— Нет, я не умею... Ой!..

Парень внезапно подхватывает ее и усаживает верхом.

— Не бойся, она смиренная, сама не пойдет,— уверяет он, оглядываясь на приятелей.

Сашка прибодряется, стараясь устроиться поудобнее, и улыбается в ответ. Вдруг один из шутников швыряет картофелину прямо в лошадь. Та вскидывается, испуганно всхрапывает и в следующий миг уже мчится галопом по свежеперепаханному полю, а девчонка отчаянно кричит, едва не падая и в ужасе цепляясь за гриву... Вдогонку летит drobный хохот парней.

Слава Богу, обошлось, старая лошадь быстро устала и остановилась, но, кажется, от целого месяца колхозной жизни у Сашки в памяти только одна скачка и сохранилась...

* * *

В легкие летние вечера из домов выплескивался весь абаканский люд. Самыми главными выставочными местами были городской парк и аллеи; так мы называли длинную центральную улицу, вдоль которой росли невысокие кустистые деревья — рябины, ранеты, черемуха. Подружки по две, по три прогуливались, хихикая, болтая и моментами перешептываясь, будто делились невесть какими секретами. Навстречу, тем же манером, но стараясь изобразить серьезность, а то и нарочито хмурясь, шли парни, не удерживаясь, однако, от поглядывания на веселящихся девчонок. Многие, конечно, были между собой знакомы, либо учились вместе, либо жили по соседству. И — начиналось...

— Танька, на танцы в субботу пойдешь? — якобы небрежно спрашивал кто-нибудь.

— Н-ну... если приглашаешь...— хитровато тянула девушка.

— Еще чего!..— возмущался он и тут же говорил:

— Но ты приходи...

На скамейках устраивались бабуся, разглядывали молодежь, смело предсказывали свадьбы и расставания и,— что самое удивительное,— почти всегда метко утыкали палец в небо. Когда за моей Сашкой стал ухаживать Виктор, яркий, цыганистой внешности, парень, младший сын полковника КГБ, старухи дружно приговорили:

— Этот сорви-голова скоро на ней женится, папу-маму не спросясь, а через год разведется.

Не угадали. В июльский вечер к парочке, едва присевшей после очередного танца на лавку, подошел застенчивый светловолосый и сероглазый молодой человек, представился Валерием и пригласил Сашку на следующий вальс.

— Мой брат! — весело отрекомендовал его Виктор.— Прошу любить и жаловать!

Как оказалось, так и вышло. Валерий стал все чаще встречаться с моей дочкой, его родители почувствовали серьезность ситуации. Надо признать, им не понравилась возможность породниться с семьей какой-то школьной учительницы. В масштабах Абакана полковник КГБ был известным и значительным человеком. Жена его гордо носила редкий в те времена титул домохозяйки. Семья жила в собственном доме с садом и имела огромную библиотеку, в составе которой каких только книг ни числилось.

Их два сына очень отличались характерами и внешностью. Старший, Валерий, подобно матери — блондин, но, в отличие от нее, тихий и скромный, так любил читать, что мог открыть любую страницу и тут же забыть, где находится, полностью погрузившись в сюжет. Кстати, эта не слишком удобная черта передалась его дочери Надюхе, моей внучке. Для женщины совершенно негодное свойство. Задолго до женитьбы Валерий получил диплом инженера, будучи старше невесты почти на десять лет.

Виктор, лицом весь в отца, легкомысленный, разбитной и веселый, пропал на улице и в дворовых компаниях, не избегал драк и, без особого сожаления уступив Сашку брату, менял девчонок, как перчатки. Говорили, что он был очень талантлив по художественной части. Я сама не раз видела, как парень на всех доступных поверхностях рисовал карандашом человеческие фигуры в движении, в основном солдат, причем сходу выдумывая их, и у него получалось очень живо и естественно. Однако желания учиться Виктор ни в какой области не проявлял. Помнится, со скрипом, не без помощи отца, окончил Новосибирский институт, стал инженером-железнодорожником, кое-как работал, не выделяясь ничем, кроме разных мелких нарушений, и погиб в тридцать с небольшим лет при обстоятельствах, оставшихся для нас неизвестными. Когда, впоследствии, в разговоре с отцом и матерью случайно упоминался младший сын, она сразу отходила в сторону, будто внезапно вспоминала неоконченное срочное дело, а лицо полковника принимало сухое выражение привычно-благородной скорби, которое не давало разрешения задавать вопросы.

Но, бабоньки мои женщины, на тот момент все шло своим чередом, Валерий сильно прилепился к моей Сашке и настаивал на свадьбе. Родители активно протестовали. Невеста без высшего образования, только с новеньким дипломом фельдшера, им, видите ли, не годилась. Полковница наша имела на примете другую женщину, постарше, врача, знаете ли, терапевта из абаканской поликлиники. Доходило до того, что сын пригласит в гости Сашку, а мать одновременно приведет свою докторшу, затеет с ней какой-нибудь умный разговор о философии или, к примеру, живописи, а Валька, случалось, не утерпит да в спор ввяжется. Падок он был на такие беседы. Но моя, даром что восемнадцать лет, сразу и предложит: — Пойдем, пройдемся по саду, чудный вечер!..

...И ведь уводила его за собой, оставив недовольную родительницу с приунывшей врачихой чай распивать. Когда уж совсем коса на камень нашла, поженились Сашка с Валерием, не сказав его отцу-матери ни слова,— просто отправились одна-

жды в загс и расписались. С ними были Виктор и несколько друзей. Помню, на обратном пути купили ребята бутылку дешевого красного вина, яблок, пришли к нам домой и в одночасье друженько весь напиток уговорили. На закуску сварила я им картошки да две селедки почистила. Потом все по домам разбежались, и молодожен, неловко потоптавшись, тоже ушел. Под нашими окнами Виктор остановился прикурить с приятелем, глядя брату вслед, крепко выразился и добавил:

— Что за дурак! Я бы от такой красивой невесты в первую ночь к мамашинной юбке не побежал!

На другой день их родители узнали обо всем, но тут отец сказал свое веское слово:

— Поженились — ничего не поделаешь. Готовь пироги, мать, а ты, Валька, зови новую родню к нам — знакомиться.

Выделили молодым комнату в доме. Началась для Сашки непростая семейная жизнь. Приняли ее под свой кров, но не в свое сердце. Случалось и так: сию вечером, школьные тетради проверяю, вдруг стучат. Открою дверь — Сашка стоит.

Войдет, дверь за собой закроет — и давай реветь. Гордая была, не хотела соседям так-то показываться.

Говорила, — придут к ним гости, мать в комнату заглянет:

— Валя, выходи к столу, у нас люди.

— На меня, — рыдает дочь, — даже не посмотрит. Ему, конечно, неловко, но он у родителей в полном подчинении, поэтому идет, виновато оглядываясь... Удивляюсь, как рискнул жениться без разрешения!

— Значит, очень тебя полюбил! — стараюсь ее утешить, а самой тоже невесело.

Если я к ним приходила, меня, ничего, пускали, а мамочке моей и дверь, бывало, не откroют. Соберет она для внучки и зятя со своего огорода овощей или яблочек, принесет, на дверную ручку повесит авоську и уходит.

— Саша! — недовольно зовет свекровь, — там ваша бабуся опять гостинцы доставила, забери!

А маме тогда было всего шестьдесят два года. Полковница лет на восемь только моложе.

...К тому времени мамочка, как тетя Зоя, совсем глухая стала, без аппарата обходиться не могла...

Выйдя замуж, Сашка сразу поступила в педагогический институт, не хотелось ей слышать попреки новых родственников, без высшего, мол, образования. Через год, прямо к летней сессии, родила она свою Надюху, потому в дальнейшей учебе пришлось ей нелегко, помощи ни от кого не было. Я сама всю работала, в две школьные смены управлялась. Свекровь, правда, была домохозяйкой, однако помощи не оказывала. Примерно недели за две до появления внучки она зашла в комнату молодых, оглядела невестку и, недовольно покачав головой, сообщила:

— Я маленьких не люблю, и с младенцем водиться не буду!

— А разве мы вас просили об этом? — сказала Сашка, оторвавшись от учебника.

— Предупреждаю заранее!

И, поблескивая дорогим атласным халатом — недавним подарком мужа — величественно прошествовала на кухню.

Ребенок родился за полмесяца до первого экзамена. Сашка ходила по комнате из угла в угол, на одной руке качивая звонкоголосую малютку, в другой, машинально повторяя те же ритмичные движения, держала конспект или книгу, вслух заучивала текст и формулы. Экзамены были сданы отлично.

Знаете ли, бабоньки мои женщины, впоследствии она оказалась единственной невесткой в этой семье, которая имела высшее образование. Младший, Виктор женился дважды, первая его жена закончила восьмилетку и работала в привокзальном

буфете, а вторая могла похвастать дипломом маляра-штукатура. Правда, каждая отличалась бойким характером, и к ним предъявлялось гораздо меньше претензий... Пока они, по очереди, оставались в семье, недовольство высказывалось только шепотом и за спиной. Вышло так, что на долю моей Сашки изначально выпали все шишки, заготовленные для всех возможных неугодных снох...

* * *

...В шестьдесят шестом осталась я в Абакане одна. Мама и Николай Ефимович перебрались в Новосибирск, поближе к Тамаре. Дочка тети Зои, получив диплом учителя географии, уехала к матери в Серпухов, где очень скоро вышла замуж.

Мои сваты по долгу службы были переведены в Красноярск, но до отъезда полковник успел похлопотать, и вскоре его сын с женой и маленькой Надюшей отправились на жительство в Кострому, где Валерию предложили должность директора профтехучилища на самой окраине города. Поселили их в небольшом служебном помещении на первом этаже того же здания. Несколько лет они там прожили. Правда, в первый класс моя внучка пошла уже из удобной двухкомнатной квартиры, в хорошем доме вполне обжитого района.

Помнится, Кострома тогда была разделена Волгой на две части — старый город и новостройки. Моста еще не существовало. Летом берега соединял пароходик, неутомимо бегавший туда и обратно с самого рассвета до соловьиного хора. Березовая роща гремела по ночам восторженным птичьим гимном.

Зимой отчаянные души, не желавшие сидеть дома, как в берлоге, до тепла, перебирались с одного берега на другой по ледяному покрову реки — несколько километров. Мои тоже частенько рисковали, по молодости лет, и собой, и даже своей Надюхой, чтобы в воскресенье прогуляться по городскому центру. Случалось, пока они так-то развлекались, вдоль Волги пускали ледокол, как напоминание о ненадежности и опасности этого пути, и домой приходилось возвращаться, прыгая по качающимся льдинам, кое-как соединенным длинными досками,— только вот лужи были чересчур глубоки!

Не однажды сообщалось и о несчастных случаях, однако человеческий поток не иссякал. Ругала я своих за это, да когда молодежь к советам прислушивалась?

Бог миловал нас, однако.

Вскоре построили мост, и давно уже в старый город можно попасть за несколько минут — на автобусе. Без риска и в любом сезоне.

Кострому Сашка не полюбила. Сперва скучала по Абакану. Ездил к сестре в Москву, и загорелось ей перебраться в столицу. Дело по тем временам было трудное, почти невозможное,— потому, наверное, это ей и удалось. Сашка упрямая и целеустремленная, я уж говорила, что меня она потом тоже сюда перевезла, сначала в коммунальную комнату, а после мы ее сменяли на хорошую квартирку под Подольском — ту самую, где ноги мои два года назад ходить разучились... Сознаюсь, после Москвы не сразу мне удалось оценить удобство и покой нового жилья...

...Маринкина Светлана к новому времени приспособилась быстрее, недаром в свое время окончила университет, по юридической части. Вдвоем с бывшей однокурсницей открыли собственную адвокатскую контору, живут-поживают, по границам разъезжают. С нами почти не общается, другого теперь поля ягода, хоть муж — рядовой врач на «скорой». Сына платно учит на тележурналиста.

Но поухаживать за мной приходит, если необходимо подменить Сашку и девчонок.

...Однако до этого я еще долго, много лет, жила в Абакане. Конечно, после отъезда родных из города я ощутила и некоторую пустоту, и одиночество, хотя у меня было множество друзей и знакомых. С сентября по июнь вся уходила в школьную работу, по вечерам вела математический кружок, много занималась с отстающими учениками.

Домой тащила проверять пачки детских тетрадей, чтобы не успевать тосковать по своим. Долго не могла привыкнуть к невозможности в любой момент увидеться с мамой или дочерью, потискать внучку. Тем временем обо мне, как о заслуженной учительнице, напечатали статью в местной газете, и я, наконец, получила первую полноценную квартиру, однокомнатную, на самом верху кирпичного, очень подержанного, пятиэтажного дома. Телефона у меня не было, тогда номер мало кому выделяли, очереди ждали годами. Зима, конечно, объяснила мне, что при центральном отоплении валенки с успехом можно применять в качестве домашних тапок, а старое пальто иногда удобнее фланелевого халата, но зато у меня был балкон. Однажды он спас мне жизнь.

Как-то в субботу я, засидевшись за проверкой контрольной работы, легла спать особенно поздно, около середины ночи, утешая себя тем, что завтра выходной. Задремала быстро, но чутко и беспокойно. Мгновенно очнулась, когда у самой двери в квартиру услышала странную возню. Раздался стук.

— Кто там? — нерешительно спросила я, подойдя ближе.

— Открывай! — просипел свирепый, но приглушенный голос. — Не тяни, все одно убую.

Дверь содрогнулась от крепкого толчка. В замке противно, с металлическим дребезгом заскреблось, — его явно пытались открыть. Однако не получалось. Простуженный сип издал несколько нецензурных звукосочетаний. Я бросилась на балкон, как была, в ночной рубашке, а на улице тихо, ни живой души, только мороз густо настоян! Кричу:

— Помогите, кто-нибудь, в квартиру ломаются!

Как чудо! — из-за соседнего дома выбегает мужчина, глядит на меня снизу вверх:

— Вы звали? — спрашивает.

— Да, да!

— Держитесь, я сейчас! — и рванул в наш подъезд.

Кодов тогда не было. Только чуть прошло времени, — слышу, за моей дверью борьба идет, двое, тяжело дыша и бранясь, по площадке кубарем катаются. Замерла, наверно, и не дышала почти.

— Да ты с ножом, подлюга! — голос моего защитника...

Скрутил-таки бандита этот человек. Разбуженные соседи помогли. А тот, действительно, сбежавшим из тюрьмы убийцей оказался. Днем, как выяснилось позже, он покрутился во дворе, узнал, — мол, я живу одна, и решил отсидеться несколько дней в моей квартире, предварительно избавившись от хозяйки. Ему в голову не пришло, что учительницы хватятся быстро. Повезло мне тогда, что с поздней смены водитель автобуса шел домой да на мой крик прибежал...

* * *

...Конец мая шестьдесят девятого года, теплые, солнечно-радостные дни. Повернув лицо навстречу открытому окну, готовлю задачи к экзамену по геометрии для моих восьмиклассников. Где-то на заднем плане бродят в голове пьянящие мысли о скором отпуске и, значит, возможности съездить к дочкам. В последний весенний вечер я ложилась спать усталая, но в прекрасном настроении. А наутро, услышав крики людей, подошла к окну, — и взяла меня оторопь: по городу неслись мутные потоки заблудившейся воды. Часть волн, будто нехотя, толчками вливалась в окна первого этажа. Серый кот, серьезный и сосредоточенный, доплыл до дерева и стремительно вознесся на самую крону. Покачивались плоскодонки, в которых люди пытались спасти себя и других, какие-то вещи. Где-то недалеко истерично визжала женщина. Бархаталась пятнистая собачонка — и прерывисто вскрикивала, когда ей

удавалось вздохнуть, отфыркнувшись от воды. Она утонула у меня на глазах, никто не успел обратить на нее внимание. Мужик в распахнутой телогрейке, на плотике, углядел бедолагу в последний момент, дернулся было на помощь, да не успел. Дрогнула скулой, нахмурился, отвернулся. Помню, после этого эпизода я погрузилась в какую-то странную прострацию, ощущение нереальности событий, воспринимая все, как в отчетливом сне. Мне повезло, до пятого этажа вода не доходила, она, собственно, и до второго почти не поднималась, но мы на время оказались взаперти. По радио и телевидению передавали живые новости, нас успокаивали, убеждали не паниковать и оставаться на безопасных местах. Мимо окон и домов плыли люди, целые семьи, с детишками, с мелкими животными в лодках, на плотках. Было до жути странно, общая взволнованная сосредоточенность напомнила войну.

Женщина моего примерно возраста вытащила на крышу деревянного низенького дома мужскую ушанку с кошкой и котенком, сидела, покачивая их, как младенца. Живность вела себя на удивление смиренно.

Девушки лет восемнадцати слегка кокетничали с парнями, устроившись напротив на соседних скатах. Иногда они ухитрялись перебираться друг к другу, называя это «хождением в гости». После, осенью, игралось особенно много свадеб по всему Абакану. Шутили, что с крыши, мол, виднее, на ком надо жениться....

...Всюду сновали служебные катера, передавая людям хлеб, горячие щи или компот. Любопытные дошколята и подростки подолгу торчали на подоконниках, вертя головами, взбудораженные необычностью ситуации. Общее настроение отличалось избыточным оживлением, даже в каком-то смысле веселостью. Рокотали спасательные вертолеты. Организовано было все быстро и четко, не помню, чтобы кто-то серьезно пострадал, кроме животных, но многие потом заново обзаводились мебелью и хозяйством. Помогали друг другу, как-то тепло, душевно было... Но ту собачонку, утонувшую в момент, когда мне вдруг довелось узнать о стихии, выглянув в окно, я за все мои долгие, переполненные событиями годы, забыть не смогла...

* * *

— Мама,— зовет меня сегодняшняя Сашка. Лицо у нее строгое и озабоченное очень,— давай, я врача вызову. Ты уж пару недель толком не ешь, тебя все тошнит, и даже белки глаз у тебя совсем желтые стали. Печень проверить надо...

— Как хочешь...— вдруг устало отвечаю я и с головой закрываюсь одеялом. Она торопливо одевается и уходит в поликлинику на переговоры с врачом... Жду.

Страшно мне. Перебираю годы свои, считаю горести и радости, да счет неровен. Не привыкли мы к счастью, то от одной войны, то от другой из пепла возрождались.

В глазах картинки воспоминаний замелькали вдруг с необычайной скоростью. Снова я бегу за полторкой, навсегда увозящей папочку, и слышу его слова, оборвавшиеся за поворотом дороги:

— Ниночка, ты только учись!

Опять мчусь через ночь от волков, припав к саням, доверившись испуганной лошади.

Снова отчаянно терзаюсь мужниной изменой, а потом бьюсь, как рыба об лед, чтобы двух дочек на ноги поставить.

Опять, себя не помня, давлю из пустой груди молоко, спасая умирающего ребенка. И еще одно снова, и еще...

Почему во все времена у человека столько горя? Проблема нашего недавнего прошлого, по-моему, в том, что стремились к счастью общности, упорно и жестко забывая о каждом в отдельности. Однако человека воспитать сумели, оттого и в войне победили, и после страну восстановили, и я в этой гуще варилась, все видела, во

всем участвовала, свой труд и свои слезы к делу приложила. Будьте же объективны — и благодарны! Есть, за что. Такое мое вам предсмертное слово...

...А год идет, шутка сказать — две тысячи десятый!..

* * *

Вторую неделю догораю в больнице. Бесплезное окно настезь, за ним так же тлеет немилосердная жара, от которой все во мне спеклось. Боль нудно-постоянна, уколы не помогают, должно быть, из экономии колют обманки,— к чему, мол, тратиться на помирающую старуху...

Сашка приезжает через день, пытается соблазнить фруктами, соком, а душа у меня перестала все это принимать. Привлекает меня только очень холодная вода и — по глоточку — огуречный рассол. Дочка, оботри меня, дышать тяжело-о!.. Вот, так-то легче... Что с прогнозом погоды — дождя, грозы не обещают? Градус какой — опять тридцать четыре?..

Раза два Сашка брала с собой Олеську. Та показывала мне альбом с рисунками, набросками, все городские виды. Отвлеклась от болячек, смотрела с интересом... Художница наша... Хорошо!

Остальное время суетятся вокруг, хотят помочь, а беспомощно как-то, да и ни к чему...

...Сегодня был странный день. Утром Сашка пришла, увидела, что у меня постель несвежая, теребила медсестер, заставила переменить, они не хотели никак. Лежу, наслаждаюсь,— чистое белье попрохладнее, хоть и ненадолго.

Заехала внучка Светлана, покойной Маринки дочь, редкая гостья, привезла сына, говорила о ремонте, который затеяла, о работе мужа. После нее появилась Надюха, долго сидела, поглаживала мне руку, рассказывала новости,— да я только слушала голоса их всех, запоминала. Она прихватила с собой Олеську, и мне хорошо было поочередно смотреть на них, пока не устала...

...Сейчас ночь, в окно скудно сочится душная, медлительная прохлада. Э-эх, бабоньки мои женщины, нельзя мешать человеку — жить, любить, стремиться к своему призванию, кто бы ни делал это и с какой угодно целью... Кажется, и я в этом провинилась?.. Жаль мою старшую... всех, всех жаль!..

...Боль тягуче колышется внутри, то нарастая, то прячась куда-то. Сопротивляюсь, стараюсь думать не о ней, а о богатом визитами сегодняшнем дне. Нет, сдаюсь — больше нет сил, слышу свои стоны, как чужие, со стороны. Перестаю понимать, где я и что происходит. Еще темно, когда успокаиваюсь и лежу неподвижно. Рассвета уже не воспринимаю, но успеваю услышать, как утренняя медсестра зовет ко мне врача, который затихающим голосом произносит свой вердикт. Напоследок возникает слабое, короткое ощущение привкуса огуречного рассола...

...Не чувствую и не запоминаю слез растерявшейся Сашки на отпевании в больной часовне. Мне неизвестно, как устраивает мои проводы Надюха, и я не могу распознать цвет, в который они с Олеськой красят оградку могилы. Проходит год, но теперь и это меня оставляет в неведении. Не знаю также, что дочь, внучка и правнучка довольно часто здесь бывают, и вместе, и порознь. Глазами раскрашенной фотографии смотрю им вслед с памятника и еще долго вижу знакомые силуэты, медленно удаляющиеся вдоль дорожки кладбища. Постепенно их настроение переходит из меланхолично-печального в житейски-оживленное, тема разговора неотвратимо меняется и, выходя за ворота, они не оглядываются больше назад, а уже активно обсуждают свои бытовые проблемы.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Елена Хисамова
(г. Москва)

ХИМЕРА

Работает слесарем-сборщиком на авиационно-строительном предприятии. Пишет стихи и прозу. Постоянный автор «Приокских зорь».

Валентин Петрович Пупиков, тучный мужчина лет пятидесяти возлежал на чистой белой пушистой гостиничной простыне, покрывавшей шезлонг. Он был белокож и рыл, голову его уже венчала обширная лысина. Он оглядывал пляж тусклыми, голубыми, глубоко посаженными в глазницах глазками, с явным пренебрежением к спящему туда-сюда, как он любил выражаться, планктону, то есть к обычным отдыхающим. Сам себя он таковым не считал. Невдалеке стоял худосочный турецкий юноша из obsługi отеля, натянутый, как струна на копузе, готовый броситься по первому зову богатого господина.

Солнце еще не заявило во всю мощь о своих правах и только готовилось упасть расплавленным золотом на благословенные Ликийские земли. Море, необыкновенного в этот час, белого цвета, простиралось к горизонту и там начинало слегка голубеть, пытаясь слиться с небесами, словно огромный хамелеон, чтобы к ночи опять вернуть себе прежний цвет. С другой стороны волшебной красоты гора, сверкая кварцевыми бликами, упиралась верхушкой в небо. Когда-то греческие колонисты называли ее Олимпом и верили, что на вершине живут боги.

Валентин Петрович пребывал в легкой дреме, и мысли его студенистыми медузами дрейфовали в уставшем мозгу от чрезмерно выпитого, вечернего виски и ночной возни с молоденькой нимфой из забытого богом Ухрюпинска. Нимфа была насколько хороша собой, настолько и безмозгла. Мужчина сладострастно вздохнул, причмокнул толстыми, вечно масляными губами и постепенно погрузился в сон.

* * *

Вале с детства не везло. Начать хотя бы с имени. Как он ни старался, ни просил, чтобы его называли Валентин, одноклассники, а потом и однокурсники с усмешкой звали его Валюша. Он вообще всегда был объектом насмешек и приколов, неисто-

щимых на выдумки, своих, как он считал, друзей. Но Валька не злился. Он был на редкость не конфликтен и абсолютно не злопамятен. Про таких людей говорят: не от мира сего. Он часто представлял, как на небесах Господь с длинной белой бородой, делающей его похожим на Деда Мороза, черпает огромным половником из двух чанов, на одном из которых написано «везение», а на другом — «невезение» и раскладывает содержимое по тарелкам, а там уж кому что достанется. Вероятно, Вале при раздаче досталась не та тарелка. Иногда он мечтал: вот бы везение досталось ему, стал бы он богатым, успешным и много чего хорошего смог сделать для людей.

В тот год, когда его жизнь резко изменилась, по весне он с друзьями, не изменяя своей привычке, отправился в поход по Карельским лесам. При всей Валькиной невезучести, ни одна вылазка не обходилась без него. Может, из-за того, что все шишки сыпались только на самого Вальку, не затрагивая остальных участников сборища. К тому же, в поход он всегда брал «курковую тулку», доставшуюся ему от деда, над которой он трясся и берег пуще глаза.

На привале загорелось Вальке отойти рябчиков пострелять. Ребята разоггли костерок, чтоб хоть немного обсохнуть и согреться. Май выдался дождливым и холодным. В лесах еще было много снега и льда. Весна все же витала в воздухе. Одуревшая от любви пара рябчиков заметила приближение доморощенного браконьера слишком поздно. Двустволка плюнула дробью, и одна из птиц свалилась в густой кустарник. Чтобы не мешала, Валька прислонил тулку к дереву и полез в кусты. Чертыхаясь, ободрав руки и лицо ветвями можжевельника, в конце концов нашел вожделенную добычу. Но зато потерял ружье. Казалось бы, совсем неподалеку от кустарника он оставил его. Под этим деревом, нет, под тем. Отчаявшись найти драгоценную двустволку, он бросился к костру. Но рассудил так: опять народ издеваться начнет над его невезучестью. Надо как-то по-другому преподнести. К биваку он подбежал с криком «медведь», ребята подскочили и начали спешно рубить и остругивать колья, сразу обжигая их на огне, для прочности. В течение трех последующих часов, лагерь жил напряженным ожиданием вываливающегося из зарослей медведя, а Валька все это время горестно причитал по потерянной дедовой двустволке, давая на жалость друзьям. Время шло, медведь не появлялся, и ребята решили отправиться, пока не стемнело, на поиски ружья. Буквально через полчаса поисков оно было обнаружено, бережно прислоненным к стволу старой березы. Грозно обступив друга, парни потребовали ответа. Что оставалось Вальке как выложить всю правду? Не везет, так во всем.

Снявшись с привала, в тот день дошагали они до давно заброшенной деревушки, насчитывающей домов этак пять-шесть. Но самой главной достопримечательностью в ней была деревянная церквушка. Разместившись на ночлег в наиболее сохранившемся доме, парни предались поглощению нехитрой снеди и, как заведено по вечерам, приему разведенного до нужной консистенции спирта «Рояль». Валька в коллективе был единственным трезвенником, алкоголь и он просто не могли существовать совместно. Как всегда, напитков оказалось больше, чем съестного, и вскоре все приятели громко храпели в спальных мешках, с большим трудом помещенные туда Валентином. «Черт, и в этом не везет! Был бы как все и не таскал бы эти бесчувственные туши на себе, а весело сопел, и все по барабану»,— сокрушался он. Ночью подморозило. Луна на небе повисла, словно бутафорская на декорациях в театре. Лес жил тайной ночной жизнью, похрустывая сучьями и вскрикивая на разный лад необъяснимыми звуками. Вальке было страшно, но, не отдавая себе отчета почему, он, каждую секунду оглядываясь и вздрагивая, направился в деревянную церковь.

Дверь в церковь отворилась неслышно, словно незримый служка ухаживал за петлями все годы запустения. Переступив порог, Валька испуганно озирался по сторонам. Луна, сквозь узкие проемы окон, с любопытством подглядывала за белым, как

полотно, любителем ночных прогулок. Церковь была абсолютно пуста. Валентин замер. Со стороны, где ранее, по всей видимости, находился алтарь, послышалось еле слышное шипение и треск. Луна, испугавшись, быстро спряталась за удачно оказавшееся поблизости облако. В кромешной тьме стало разгораться слабое голубое свечение. Все ярче, ярче, и вскоре огромный светящийся шар повис в воздухе перед Валькой. В шаре причудливо переплетались изображения невиданных ему существ: то лев с козлиной головой на спине и хвостом в виде змеи; то трехглавый дракон, извергающий пламя; то необыкновенной красоты женщина. Валька не мог пошевелиться, горло стянуло спазмом, и крик застрял где-то в груди. Мелькание образов в шаре убыстрялось, превратившись, наконец, в слепящий пульсирующий свет. В мозгу у Валентина четко прозвучало только одно слово, словно произнесенное бесполом существом: «Исполни!»; раздался громкий хлопок, и шар разлетелся на множество мелких светящихся искр. Они быстро растаяли во тьме, и опять в церкви повисла непроглядная мгла. Он не мог припомнить потом, как добрался до места ночевки и ничего не стал рассказывать друзьям.

Удача свалилась на него неожиданно, осыпая всеми доступными и недоступными благами. Сначала нашелся, неведь откуда взявшийся, двоюродный дед, да не где-нибудь, а в Швеции. Усопший по старости и завещавший все честно нажитое имущество единственному близкому родственнику, то есть ему, Вальке. Счет этого имущества составлял вполне приличную сумму, чтобы открыть собственное дело на родине. Валька выигрывал в казино, в лотерею, на бегах. Деньги липли к нему, словно металлическая стружка к магниту. Он заматерел, растолстел и стал подумывать о том, чтобы баллотироваться в Думу, как адепт одной из партий. О своей мечте, сделать что-то хорошее для людей, если бы он был богат, Валентин Петрович Пупиков так ни разу и не вспомнил.

* * *

Вечером того же дня молодая пассия уговорила Валентина Петровича поехать на ночное шоу, проходящее в горах. Там можно было понаблюдать за потрясающим природным явлением. Всполохи огня, неожиданно возникающие из-под земли то тут, то там. По преданьям, именно на этой горе Беллерофонт на сказочном Пегасе победил ужасную химеру. Девица уморительно канючила, называя его «папулей», надувая губки и царапая студенистое пузо Пупикова акриловыми разноцветными коготками. Тот сдался, предвкушая, что устроит куколке за шоу в номере после экскурсии. Слава богу, есть еще порох в пороховнице.

Шоу было завораживающим. Зажженные факелы, которые несли туристы, вид сверху на черные провалы дыма с вырывающимися оттуда языками пламени. Стоя на смотровой площадке, Валентин Петрович ощутил вдруг неясное беспокойство. В огнях внизу начали мерещиться ему те же странные существа, что привиделись в старой Карельской церкви двадцать лет назад. Необъяснимый ужас ледяной рукой сдавил ему сердце. Он пытался вспомнить слова хоть какой молитвы, но переполненный страхом мозг выдавал только одно: «Я исправлю, я оправдаю». Огненные всполохи слепили глаза и манили призывно к себе.

Через пять суток поиски тела Валентина Петровича в окрестностях горы были прекращены. Дело об исчезновении гражданина Российской Федерации до сих пор осталось нераскрытым.

Яков Шафран
(г. Тула)
Андрей Каретников
(г. Тула)

Яков Шафран

Андрей Каретников

**Главы из нового романа
«Круг замкнулся»***

«ПРАВД МНОГО — ИСТИНА ОДНА»

«Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: «горе мне! как он согрешил сего дня, так я согрешу завтра». Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избежать осуждения брата своего? Ибо сказав: «так и я завтра», он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить,— и так избежал осуждения ближнего».

Прп. Авва Дорофей

Когда Николай Иннокентьевич проводывал свою старушку мать, жившую в родовом имении, в сельце Юзинка, то всегда посещал новый храм, построенный совместно на средства их семьи и крестьянской общины. Высокий, из красного кирпича, с медными куполами, внутри он весь светился белизной стен, которые вбирали в себя лучи солнца, струящиеся через высокие узкие окна, и излучали этот преобразованный, мягкий и теплый свет во внутреннее пространство. Нейтральный белый фон стен позволял полностью сконцентрироваться на образах. Земсков очень любил задолго до начала службы прийти в храм и побыть в его молитвенной тишине, в которой слышалось лишь потрескивание свеч да лампы у икон напоминали о главном, о духовной работе души. От распятия, он всегда подходил к иконе Казанской Божьей Матери, возле которой долго молился до начала службы. А сегодня, после вчерашней беседы у Заянчицких, было о чем помолиться.

Когда началась служба, Николай Иннокентьевич, исповедовавшись, вначале весь отдался песнопениям и действиям, наслаждаясь и купаясь душой в этой чистоте, возвышенности и гармонии. В таком состоянии он мог находиться часами, что и делал ранее, пока настоятель, отец Никодим не объяснил ему, как важно во время службы трудиться сердцем и разумом. Вот и сейчас Земсков все слышимое соотносил с собой, со своей жизнью в настоящем, со своими мыслями, и не только соотносил, но

* Действие романа охватывает период с 1913-го года до наших дней.

старался сделать выводы, старался не потом в неопределенном будущем, а уже сейчас, измениться.

После причастия и проповеди он дождался отца Никодима и, получив благословение, был приглашен на трапезу. Отобедав в большой и уютной трапезной, они вышли во двор храма и сели на лавочку в тенистом уголке под раскидистой яблоней.

— Ну, рассказывайте, с чем пришли, Николай Иннокентьевич? — спросил священник, как всегда, с добротой и вниманием глядя на него.

— Был вчера у знакомых на даче, отец Никодим. Глава семейства — доцент, культурный человек, и супруга под стать ему. Имеют дом в Москве, большую дачу в живописном месте, достаток, прекрасных детей, получающих лучшее образование... И откуда столько революционности, желания все поменять, перевернуть на иной лад, скопировать «идеальный», по их понятиям, Запад?

— Э-хэ-хэх... Да, разрушительное начало отражается во многом и на многих. А уж революционность, и вообще, требует отринуть все законы, мораль и нравственность, вместе взятые. Если верующий, многого не принимая в этом мире, старается все же внести в него доброту и любовь, дорогой Николай Иннокентьевич, то для революционера мир — беспощадный враг, которого он должен непременно уничтожить. И люди, не разделяющие таких взглядов, тоже враги. Денно и ночью в нем живет одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение!

— Разрушение ради разрушения...

— Совершенно верно!

— И сколько слов по поводу гуманизма. А чуть встанешь на защиту нашего, русского, народного, заявляют — национализм, ни больше ни меньше!..

— Оттуда и отношение к народу и стране, как к чуждому. Или как к средству достижения любой ценой целей, антинародных по своей сути...

— Я понимаю, отец Никодим, что далеко не все у нас хорошо, а что-то и плохо, честно говоря, да вы и сами это знаете. Но нельзя же из-за этого ненавидеть Россию, народ. Ведь именно в народных началах и в любви к стране — залог нашей жизни и будущего спасительного развития.

— Не только в том, что вы сказали, залог будущего, но, прежде всего, в Православии!

— Говоря о народных началах, я подразумевал, в том числе и Православие!

— Позвольте поправить вас — первым числом! — улыбнулся священник.— И очень прискорбно, что практически вся интеллигенция не понимает и не принимает того, о чем мы с вами сейчас говорим. В этом плане показательно отношение интеллигенции к роману «Бесы» Ф. М. Достоевского. Либеральная и революционная интеллигенция, а это в наше время синонимы интеллигенции вообще, сразу отвергла роман как антиреволюционный и антинигилистический...

После вчерашней грозы земля в тени была еще влажной и множество дождевых червей шевелилось на дорожке. Стоял полдень, солнце было высоко в зените, и под его жаркими лучами от земли поднимались испарения. Словно сквозь зыбкую прозрачную кисею были видны деревья, кусты и прихрамовые строения. Было душно, но воздух был наполнен запахами земли, листьев, трав и цветов, и эти запахи были очень насыщенными, какими они бывают при высокой влажности.

— Когда собственное «я» — центр мира и мера всех вещей,— продолжал отец Никодим,— когда весь мир для меня создан, и когда все для меня, тогда все остальное — вздор, и когда человек на все согласен, лишь бы только ему было хорошо... Это и есть эгоцентризм.

— В данном случае мы говорим не о личности, а об индивидуальности...

— А что вы понимаете под этими определениями, Николай Иннокентьевич?

— Я думаю, что индивидуальность — это такое состояние, когда человек сам по себе и для себя. Личность же, безусловно, имея свое лицо, служит интересам некоей общности людей, в которой живет.

— Но ведь и «западники» считают, что они служат интересам России? Наверное, здесь требуется уточнение. Интересам какой общности? Коренным интересам народа, прямо вытекающим из его традиций и веры, или иным?

— Согласен. И только такая личность может задумываться об общечеловеческом. В противном случае это — либо самообман, либо прикрытие неблагоприятных целей...— сделал вывод Земсков.

— Я продолжу вашу мысль: а цели эти — чтобы за наших людей думали другие, чтобы они жили под управлением других. А для этого необходимо искушить и затянуть в свои сети. Для чего используются, как писал Федор Михайлович, высвобождение самых низменных инстинктов толпы, интриги, смуты, глумление над святынями и кощунство. Толпе и прямо, и, чаще всего, завуалировано внушают: «Нас обманули!», «Найди врага!», «Кто не с нами, тот против нас!», «Чем хуже, тем лучше!», «Разделяй и властвуй!», «Все позволено!», «Цель оправдывает средства!» и прочие. Для стремящихся к высокому и прекрасному это — искушение идеей «всеобщего счастья» и обещание чуда любой ценой, вплоть до насилия, искушение непереносимой для многих мечтателей мыслью о том, что они могут опоздать со своей деятельностью и их могут не взять в светлое будущее. Даже чистейшие сердцем и простодушные люди, не будучи мерзавцами, могут быть обмануты и участвовать в чудовищных злодействах, в самых пакостных и мерзких поступках. А это вдвойне опасно, опасно превращение таких людей в «бесов»!..

Отец Никодим встал и, опустив голову и поглаживая рукой бороду, стал взад и вперед ходить возле лавочки. Земсков тоже встал. Он тоже чувствовал волнение — уж очень важную тему они затронули для обоих.

— Опасно еще и то, что, разлагаясь о прекрасном светлом будущем, эти совратители, а по сути, авантюристы и экстремисты, стремясь к личной и безграничной власти, не гнушаются безнравственными средствами, что в итоге может привести к краху всего!..

— Согласен, отец Никодим, всякая революция — это бедствие и разруха... А образ мыслей и действий революционеров всех мастей — логическое развитие идей либерального идеализма, духовного отца всех смут русских,— продолжил тему Земсков.

— Наша с вами задача, насколько возможно, через веру в Господа, давать людям надежду единения с народом и Россией, а через них и с миром, чтобы спасти тех, кто еще не попал в бесовские сети, и тех, кто не до конца погряз в них. Через духовное воспитание помочь устоять таким людям, не дать им пасть. Ибо благодаря духовным и нравственным качествам, твердости в вере и трезвости, невосприимчивости ко злу, духовному опыту и мужеству познания,— благодаря этому и образуется человек как коренной национальный тип. Из таких людей и должен состоять народ, вокруг них и образуется нация.

— Помочь людям сойти пока не поздно с пути беспредельного либерализма и встать на дорогу, ведущую к храму. Вы правы, отец Никодим, ибо больны не только одержимые — больна вся Россия. Симптомы этой болезни — атеизм и ненависть к стране. Помочь! В противном случае не миновать нашему народу и стране многих и многих бед.

— Я вот подумал: какое бы это было благо, если бы Господь даровал нам чудо и заблудшие эти поняли, кем они ведомы и направляемы, и, как Степан Трофимович Верховенский, из одноименного романа, во время предсмертной болезни, сказали: «...Это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы выходящие из больного и входящие в свиней — это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопив-

шиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть!.. Это мы, мы... и я может быть первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»... и будут все глядеть с изумлением...».

— Какая у вас прекрасная память, отец Никодим!..

— Помогите Господи, чтобы все, чем мы обладаем, все наши знания и способности, послужили на благо нашему народу и нашей стране и чтобы Господь, видя движение людей к Его Истине, благословил нас и забывал от этой «чумы»! Народная мудрость гласит: «Правд много — истина одна». Истина — это Христос! Цель — исцелившаяся Россия у ног Христа! Только, благослови нас Господь, чтобы мы, рассуждая о негативных явлениях в нашей сегодняшней жизни, не принимая их, не осуждали и не осудили заблудших братьев наших, на какой бы стадии падения они не находились.

— Господи, благослови!..— взмолился Земсков в ответ на слова священника, и они оба почти одновременно осенили себя крестным знаменем.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

«Все же хорошее это было время — время учебы,— подумал Курилов,— хоть одновременно и учился, и работал на стройке, да и «левые» работы выполнял...» — Андрей сладко потянулся, включил зажигание и вырулил на мостовую.

Тогда, после окончания института, он остался работать в том же СУ*, получив освободившуюся должность прораба. Вся работа была Курилову знакома, к тому же он был очень наблюдательным и памятьливым, схватывал все на лету.

Со стройкой у Андрея были связаны воспоминания не только о трудностях, но и приятные. Вот одно из них, о встрече, коренным образом повлиявшей на всю его жизнь ...

...Однажды утром, после ночной работы перед сдачей объекта, Курилов сидел под уличным навесом кафе и завтракал. На душе все еще оставался неприятный осадок от сцены, разыгравшейся накануне. Андрей уже уходил со стройки, когда со стороны будки сторожа услышал крики и громкий женский плач. Он подошел и увидел сидящую на полу, с подбитым глазом и плачущую, сожительницу сторожа, Лиду. Сам же виновник «торжества» уже с утра был пьян и, размахивая руками, громко перемежая слова матом, что-то внушал женщине.

Это был Василий, лет тридцати пяти — сорока (но на вид значительно старше) мужчина, пьяница и дебошир, которого держали на стройке сторожем только оттого, что некем было заменить,— уж очень небольшая была зарплата. Но, несмотря на пьянство, Василий хорошо справлялся со всеми обязанностями. Лидия, красивая женщина — за такими, как говорится, мужчины хвостом ходят,— приехала из деревни и работала дворником за квартиру или комнату в доме по соседству. И, действительно, от мужчин отбоя не было. Но Лида сошлась с этим сторожем — неприглядным, вечно пьяным и грубым мужиком.

«Что же такое любовь? — думал Курилов, по молодости лет еще немного наивный, но, в то же время, достаточно вдумчивый, как это часто бывает с людьми внутренне глубоко порядочными.— Может быть, тяга двоих друг к другу возникает на уровне химии, запахов что ли?.. Ну, чем объяснить, что такая женщина, как Лида, не

* Строительное управление — прим. авт.

уходит от Василия, несмотря даже на то, что он ее бьет? Можно было бы подумать, что из-за квартиры. Но у Василия ее нет, он живет в общежитии!..»

Курилов, несмотря на обилие знакомых: и по соседству, и по институту, и по стройке — был фактически одинок. Знакомые не друзья, а те поразъехались. И у него часто возникало желание с кем-то поговорить, излить душу, поделиться сокровенным...

После работы оставалось много свободного времени. Это было так непривычно после окончания учебы, что Курилов вначале никак не мог взять в толк, чем заняться. Пить в компаниях, а этим занималось большинство его женатых и неженатых знакомых, хоть и здоров был, и не официальное лицо какое при исполнении, и не сумасшедший вовсе,— в общем, пить не хотел... И постепенно Андрей стал тянуться к тому, к чему была расположена его душа. По вечерам и в выходные он слушал музыкальные записи, ходил иногда в театр и на концерты. Часто гулял по городу, особенно любил старинные улицы и улочки, парк. Ездил на природу за город, в деревню к родственникам. Читал «Литературную газету», книги — больше классику, но и современных авторов не оставлял вниманием... Любил поэзию — стихи имеющих божью искру литераторов, возжигающих этой искрой пламя в душе, романы о любви...

Что касается любви, то Курилов давно понимал, что это дело опасное. Истории многих его друзей и знакомых и личный, пусть пока и небогатый, опыт говорили об этом... Но, после знакомства с историей Лидии и Василия, Андрей не знал, что и думать теперь. Из опыта и всего, что он слышал, видел и читал, выходило — кто-то один больше или меньше, но страдает. А взаимная любовь настолько редка, что достойна быть увековеченной. И, вот парадокс, мужчина, прекрасно сознавая, каков его идеал женщины, женится, как правило, на женщине далекой от этого идеала. То же самое можно сказать и о женщине...

Работая на стройке и учась на вечернем, Курилов насмотрелся, как многие, убегая от необходимости строить отношения и не задумываясь о серьезном, меняют партнеров так часто, как только могут. А другие делают то же самое, прячась за видимостью примерной семьи. Старые люди, с которыми Андрей любил при случае побеседовать, говорили, что раньше такого не было, что это как эпидемия распространилось сейчас, в девяностые.

Один уважаемый Андреем человек — профессор кафедры строительных конструкций, на которой Курилов писал свой дипломный проект, много проживший, с большой, совершенно седой шевелюрой, но с чистыми ясными и молодыми глазами, как-то в доверительном разговоре сказал парню:

— Любовь, Андрей, это, прежде всего, дружба. Если нет дружбы, то это просто страсть, плотская игра, увлечение. А если еще и сотрудничество ради чего-то, ради какой-то идеи, дела, то это, вообще, идеал. Вот, говоря научным языком, компоненты счастья.

Эти слова надолго врезались в память Андрея...

Курилов был еще и мечтательной натурой. Он часто представлял рядом с собой любимую, и от этого ему становилось так тепло и покойно, таким самодостаточным становился их воображаемый, казалось бы, маленький, а на самом деле такой большой мир, что тот, другой, внешний мир в эти минуты казался дружелюбным источником только всего доброго и хорошего...

После ночи ощущать свежесть утра было вдвойне приятно. Солнце было еще невысоко, и его лучи не испепеляли, а приятно грели и заряжали жизнью и хорошим настроением. На траве газона бусинками блестела роса. Все предвещало хороший день. Но темный край южной части горизонта и заметно усилившийся, с той стороны, ветер говорили о возможной альтернативе. Хорошо сваренный кофе приятно обжигал губы, а почти безлюдная улица побуждала к размышлениям.

Но размышления прервало происшествие на проезжей части улицы. Оно возникло буквально из ничего, так как на мостовой практически не было машин. Вернее, их было всего две. И на краю тротуара стояла голосовавшая девушка, да на лавочке, чуть поодаль, сидела женщина. Они, время от времени переговаривавшиеся, видимо были вместе.

Одна из машин, которая ехала сзади, была такси. И, когда водитель первой машины, видя голосовавшего человека, стал тормозить, такси, резко вильнув влево, стало на скорости обгонять первую машину. А поскольку расстояние до стоявшей уже на краю мостовой девушки было небольшим, таксист поставил свою машину возле клиентки перед самым бампером «Жигуленка». И только мгновенная реакция водителя, который вовремя затормозил, спасла их от столкновения. Таксист, явно желавший таким образом действий перехватить клиента, рассчитывал, видимо, в случае столкновения на отсутствие свидетелей или на свои связи.

Курилов даже приподнялся со стула, следя за разыгравшейся перед ним ситуацией. Он разволновался, так как очень не любил таких рвачей, плюющих на все вокруг, кроме своих сиюминутных желаний.

Из «Жигулей» выбрался грузный мужчина и со свирепым видом направился к таксисту. Тот тоже вышел и, поняв, что добром для него происшествие не закончится, бросился помогать девушке. Подхватив под вторую руку пожилую женщину, которой, по всей видимости, было плохо, они с девушкой повели ее к такси. Это смягчило сердце водителя «Жигуленка», и он ограничился только длинной тирадой, состоявшей практически из одних ругательств.

Через минуту машины мирно разъехались... И тут Курилов увидел ее.

Она шла по улице неспешной походкой, глядя прямо перед собой. Ветер легко шевелил ее длинные, ниже плеч, темные волосы и длинное, из полупрозрачной ткани платье. Андрей почему-то, внутренне, почувствовал, что она одинока. И с ним внезапно что-то случилось, чему он, несмотря на свой логического склада ум, не нашёл определения. Курилов встал и, оставив недопитый кофе, пошел ей навстречу. Что-то острое пронзило ему сердце. Поравнявшись с ней, он остановился.

— Андрей,— просто сказал Курилов.

— Лилия,— так же просто ответила она и взглянула на него своими большими серо-голубыми глазами.

Стрелка часов на стене противоположного здания приближалась уже к восьми тридцати, и на улице появилось много людей, как обычно, спешащих в это время на работу и по своим ранним делам. Солнце исчезло за быстро надвинувшейся тучей, и стал накрапывать дождь. Он собирался быть всерьез и надолго, так как капли падали все чаще и сильнее. И вот полил настоящий ливень. Дождя не было уже с месяц, и небесная канцелярия, видимо, решила восполнить пробел в поставке влаги и отдать ее всю, накопившуюся, сейчас, в это, еще полчаса тому назад волшебное, утро.

— Дождь — это хорошая примета,— сказала она и улыбнулась.

Они побежали под навес. И все люди побежали в помещение кафе, под навес и в единственный открытый в это время магазин на противоположной стороне улицы. Под навесом места всем не хватало, и пришлось все столики и стулья сгрудить друг на друга в углу.

«УЖ НЕ ВЛЮБИЛСЯ ЛИ?..»

А ливень был великолепен. Это был даже не ливень, а водопад. Про такой говорят — льет как из ведра. И лил он мощно, неотвратимо и жестоко, смывая все на сво-

ем пути. Струи воды били по асфальту и по земле, сплошь покрывшейся лужами, вспенивая их, оставляя недолговечные, но появляющиеся все вновь и вновь обильные пузыри.

Дождь рождал вокруг новую реальность, в которой о прошлом напоминали очертания улицы, домов, деревьев и машин, сквозь водяную завесу видимых нечетко, как и подобает прошлому. Новая реальность, рождающаяся из земной зыбкости и небесной хляби, обещала быть очищенной и свежей.

В скученности под навесом рука и бедро Андрея случайно коснулись Лилии. Она трепетно вздрогнула от этого прикосновения и вновь взглянула на него. Сказочное присутствие рядом красивой молодой женщины, которой не было еще несколько минут тому назад, волновало и будоражило Курилова, и захватывало, вместе с тем, в немного пугающий, но сладостно-томительный плен, очаровывало и манило своей многообещающей неопределенностью. Он старался отвлечься, чтобы не замечать пупырышек на ее тонких руках, груди и шее, не замечать влекущих и желанных деталей ее красивой фигуры, которые так откровенно облегалo тонкое промокшее платье.

Под навес прибывали все новые и новые люди, они вжимались в среду уже стоящих там, производя движение, которое передавалось соседям. От этого Андрей и Лилия поневоле продолжали соприкасаться. И как старательно он ни отводил свой взгляд, его обжигали эти случайные прикосновения, заставлявшие мысли нестись во весь опор и не совсем в ту сторону, куда бы ему хотелось. Курилов ничего не мог с этим поделать, хотя внешне это никак не проявлялось.

Ливень то утихал, переходя в слабый по сравнению с водопадом дождь, то усиливался вновь, стараясь стать еще пуще прежнего. Струи его били и по стойкам навеса, отчего вокруг разлетались мириады брызг, словно осколки на миг блеснувших бриллиантов.

Лилия изредка взглядывала на Андрея, красивого статного парня, так вдруг возникшего перед ней и теперь стоящего в такой близости. Судя по румянцу щек и дыханию, быстрому, поверхностному, с едва заметным, но очень волнующим дрожанием груди, можно было судить, что у нее внутри творилось то же самое, что и у него.

Смахнув с лица упрямую прядь волос и ладонью стерев со лба капли влаги, Лилия решила первой нарушить молчание.

— Интересно, надолго ли дождь?

— Обычно ливни долгими не бывают,— авторитетно, с уверенностью хорошо знающего дело человека ответил Курилов.— А вот будет ли он затем моросить и как долго, это уже другой вопрос.

— Понятно...

Произнося эти ничего не значащие фразы, они несколько раз обменялись взглядами. И вдруг Андрей понял — эта совершенно незнакомая, красивая женщина, которая через мгновения может исчезнуть также внезапно, как и появилась,— самый дорогой, желанный и необходимый ему сейчас человек. Курилову захотелось обнять ее, закрыть и спасти от неведомой опасности, открыть и преподнести ей свое сердце, захотелось ввести со всеми ее загадками и тайнами в свою жизнь, в которой так не хватало до сих пор ее — этой прекрасной и внезапно ставшей такой дорогой женщины на свете.

Лилия уже поняла, что творится с внезапно оказавшимся в такой близости с ней мужчиной. Ведь и она еще полчаса тому назад совершенно не ждала ничего подобного. И именно поэтому находилась в таком восхитительном и радостном состоянии, которое она так часто ждала, подсознательно, давно и с замиранием сердца.

Они не сказали друг другу и нескольких слов, но оба чувствовали, что эта встреча, начавшаяся как приключение, может перерасти в нечто серьезное.

«Может?» — мысленно спросила она и одновременно настороженно, ожидающе и радостно распахнула на него свои серо-голубые лучащиеся глаза.

«Да!» — сказали в ответ глаза Андрея, и его рука нашла ее руку.

Выражения их лиц, видимо, отличались от выражения лиц окружающих людей, и на них стали все чаще бросать любопытные взгляды. И, действительно, каждый из них видел просветленные глаза и уже понимал, что они, одновременно, и отражение глаз другого, и причина их собственного сияния. На их лицах проблескивали едва заметные улыбки, и в этот момент они были готовы расцеловать весь мир.

Внезапно стало светло. Последние капли стукнулись об асфальт, еще недавно мощный ливень прекратился, как будто его и не было. И только бурный поток, шумевший вдоль мостовой, и огромные лужи напоминали о недавно разыгравшейся стихии. Яркие солнечные лучи пронзили все вокруг и всеми цветами радуги заставили сиять мириады невесть откуда взявшихся драгоценных камней на листьях, траве газонов, уличных ограждениях и проводах.

Они шли по этой омытой, свежей и новой для них улице, в окружении мириад маленьких сияющих солнц, держась за руки...

...Это давнее воспоминание согревало Андрея весь вечер, и дома жена его, Лилия, даже несколько раз подозрительно взглядывала на него — «Уж не влюбился ли, что-то уж больно светиться?»

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОЦМАНА

Морская быль

◆ Большой противолодочный корабль «Адмирал Гремихин»* уже вторую неделю нес дежурную вахту в Северной Атлантике, выслеживая и сопровождая американские стратегические и ударные атомные подводные лодки.

На дворе стояла еще холодная в этих широтах первая половина мая-месяца, но солнце уже не заходило за небосвод. Довольно занимательное зрелище: огромный крейсерский корабль казался в шесть утра абсолютно безлюдным: ни одного признака жизни на палубах.

Тем не менее, корабль, с виду безлюдный, мчался по курсу норд-ост со скоростью пассажирского поезда. Во всех внутренних отсеках чутко несли службу матросы, старшины и офицеры дежурной команды, каждый в своей боевой части, согласно корабельному расписанию. Гидроакустики прильнули к экранам своих аппаратов. В полной боевой готовности находились торпедисты у атомных и обычных торпед, а также ракетчики у стеллажей с подводными крылатыми ракетами. В кормовом отсеке несли вахту «бомбисты», расположившись вдоль транспортеров с бочками глубинных бомб.

В своих рубках на дежурстве находились боевые части всей той «арматуры», что был обвешан корабль для надводного боя с кораблями противника и его же авиацией. Всевозможными типами ракет, пушек и систем залпового огня.

Со стороны для незнающих людей корабль смотрелся как огромная муха, а точнее — пчела, собравшая полный взяток и возвращающаяся в улей вся обсыпанная чем угодно. Тем не менее, каждый винт или болт исполнял на корабле свою самую важную для него роль.

◆ Вот и появились первые жители корабля. На палубу поднялся из капитанской рубки командир корабля, капитан второго ранга, проще говоря по-флотски, кавторанг, молодежавый, сорокалетний Евтеев Вадим Сергеевич. Тотчас же строевым шагом со стороны рубки полубака к нему подошел, отдавая на ходу честь, боцман корабля, или иначе говоря, главный корабельный старшина Анисимов, в разговорном корабельном языке Анисимыч

Но командир, ввиду безлюдства палубы и давних служебно-приятельских отношений с боцманом, махнул ему рукой: дескать, не козыряй. Командир непонятно виноватым голосом сказал боцману:

— Понимаешь, Анисимыч, позволил себе сегодня минуток пятьсот поспать. Устал очень за двое предыдущих суток. Так что старпом за меня отдувался. А ты чего не спишь, тебе по регламенту положено?

— Так ведь, товарищ командир, хозяйство-то какое огромное,— и боцман правой

* Название вымышленное. Им мог быть любой из кораблей этого класса. А их числилось в реестре Северного флота на момент описываемых событий, то есть начала 1980-х годов, пять единиц. — Прим. авт.

рукой обвел всю палубу, боевые рубки и зачехленное оружие надводной части.— Дозвольте полюбознаться, товарищ командир, что это мы так рано на свою базу идем? Нам ведь еще неделю дежурить?

И хотя боцману не полагалось знать боевых задач корабля, командир все же охотно рассказал:

— Понимаешь, Анисимыч, мы сейчас идем на хвосте «двойного доллара».

Боцман понимающе кивнул. «Двойным долларом» называли в советском флоте атомную стратегическую подводную лодку «Джордж Вашингтон», портрет которого красуется на однодолларовой купюре. Если в советском флоте подлодки не имели именных названий, а именовались по трехзначному номеру проекта, то у американцев лодки имели фамильные названия. Причем они именовались так: лодка такая-то типа такого-то, причем в качестве типа такой-то указывалась подлодка, первая в данной серии. Причем «долларов» было изготовлено пять штук, а «двойной доллар» открывал эту серию, поэтому именовалась подлодка «Джордж Вашингтон» типа «Джордж Вашингтон». Вот отсюда и название «двойной доллар».

◆ До побудки отдыхающего экипажа корабля оставалось еще полчаса. Командир посмотрел на часы — подарок командующего флотом и, чем-то обеспокоившись, поинтересовался:

— А где наш Федор? Как он сегодня поработал?

Услышав свое имя, из-за первой рубки вышел кот Федор: огромный, рысьей раскраски, он почтительно подошел к командиру и боцману и присел строго по ранжиру справа от боцмана. Он четко различал своих командиров. Хотя командир и боцман были одеты в одинаковые демисезонные офицерские шинели, на головах имели такие же одинаковые фуражки, оба были в усах, но Федор их хорошо отличал: командир помоложе, постройнее, а боцман — как сундук. К тому же у боцмана на погонах было три звезды старшего мичмана, но маленькие да в один ряд, а у командира всего две, зато большие и поперек погон.

Боцман Анисимов похвалил кота Федора как своего непосредственного подчиненного:

— Товарищ командир, Федор-то сегодня отличился: задавил сразу шесть крыс! Я видел, как наш кот их всех выложил у борта полубака, а потом сбросил их лапами в море.

— А кто же его научил так, а, Анисимыч?

— Да это, товарищ командир, я его за два года так выштудировал. Помните, в прошлом году, когда метровый снег выпал на палубу? Так он, кошачья душа, через снег повыбрасывал крыс за борт! Как генерал Барбакадзе.

Здесь оба рассмеялись, вспомнив анекдот, рассказанный три года назад только что прибывшим на корабль еще молодым лейтенантом Шалвой Барбакадзе.

◆ Когда лейтенант Барбакадзе прибыл на корабль, тот стоял на рейде в Североморске. Именно поэтому командир разрешил «прописку» нового офицера в кают-компании. Шалва расстроился: выставил на стол несколько бутылок коньяка и водки, а кок Афромейч приготовил соответствующую закуску.

Выпили, познакомились с новым членом экипажа, а потом перешли, как и принято во флоте, к анекдотам. Барбакадзе порозовел и сказал:

— А вы знаете, товарищи офицеры, у меня очень неудобная для Грузии фамилия.

— Почему? — заинтересовались офицеры.

— А потому, — ответил лейтенант, — что у нас в Грузии после войны появился анекдотический персонаж — комдив генерал Барбакадзе. И возникло много анекдотов о нем.

Персонаж этот, конечно, вымышленный, все анекдоты рассказываются якобы от

его лица: хвастуна, гуляки, любителя застоля и женщин. Вот для примера один анекдот. Генерал Барбакадзе рассказывает:

— В феврале сорок третьего года на всем советско-германском фронте выпал трехметровый снег. Все боевые действия приостановились, самолеты не летают, танки не идут, пехота не воюет.

Я тоже отдыхаю в своем дивизионном блиндаже. Справа на генеральское плечо медсестричка голову положила, слева — связисточка. Я играю на гитаре, пою романсы. На столе генеральский грузинский коньяк и хорошо приготовленная селедочка. Вдруг — звонок телефона.

Я подхожу. Беру трубку и слышу голос: «С Вами говорит Поскребышев, секретарь товарища Сталина. Сейчас с Вами будет говорить сам товарищ Сталин».

Я мигом выгоняю девок в предбанник блиндажа. Становлюсь по стойке «смирно» и, с волнением в голосе, говорю: «Слушаю Вас, товарищ Сталин». И в ответ: «Товарищ Барбакадзе! На Вас одна надежда. Надо срочно из первых уст узнать планы немецкого командования на весенне-летнюю кампанию этого года. Об исполнении — доложить». — И Сталин положил трубку.

Я за руку втаскиваю из предбанника связисточку и сажаю за телефон: вызывать моих молодцов-разведчиков. Через десять минут являются и они, все в снегу. Объясняя задачу, а они говорят: «Товарищ генерал! Как же мы пойдут, если все кругом покрыто снегом?» А я им говорю: «Вы только ордена умеете получать и водку пить! Идите... Сам в разведку пойду».

Надел я ватные шаровары, валенки, полушубок и шапку. Взял компас, чтобы не ошибиться, где запад, вышел из блиндажа и, как крот, двинулся под снегом.

Сутки ползу, двое, потом счет времени потерял. Ну, думаю, замерзну, но приказ товарища Сталина выполняю.

И вдруг, смотрю — крышка люка. А из-за края крышки виден свет и слышна немецкая речь.

Осторожно отодвигаю крышку — ба! Оказывается, дополз до бункера Гитлера. И действительно — в комнате огромный стол, на нем карта восточного фронта. По одну сторону стола стоит по стойке «смирно» весь немецкий генштаб. Тут же Гиммлер, Геринг, Геббельс... По другой стороне стола ходит Гитлер с остро отточенным красным карандашом. Подходит к нижнему краю карты, спрашивает: «А кто нам противостоит на южном фланге фронта?» Генерал Гальдер, начальник генштаба, с волнением в голосе отвечает: «Маршал Рокоссовский, мой фюрер».

Гитлер говорит: «Да, это серьезный противник. перебросить туда пять пехотных дивизий, две танковых и усилить авиацию».

Гитлер переходит к верхнему краю карты, спрашивает: «А кто у нас на северном фланге?» Гальдер с видимым волнением отвечает: «Маршал Жуков, мой фюрер».

Гитлер говорит: «Да-а, это еще более серьезный противник. перебросить туда две пехотные армии, одну танковую, четыреста «юнкерсов» и полсотни «мессершмитов».

Гитлер ходит вдоль карты, делает пометки, задает вопросы. Затем доходит до центрального фронта и спрашивает Гальдера: «А кто нам противостоит около деревни Хрипуновки?» Гальдер плачущим голосом отвечает: «А здесь дивизией стоит генерал Барбакадзе».

Гитлер в ярости ломает свой красный карандаш, садится на стул, обхватывает голову ладонями рук и пять минут молчит. Затем встает с бледным лицом, с челкой, упавшей на нос, и мертвым голосом произносит: «Все, проиграли войну».

Также и кот Федор проползал к борту корабля через метровый слой снега, каждый раз неся в зубах по огромной корабельной крысе.

◆ Наступило время побудки отдыхающей части экипажа. Боцман взял в руки

свой знаменитый серебряный свисток с надписью «Броненосец Петропавловск» и искусно проиграл мелодию побудки.

Кот Федор, которому не нравился стук о палубу сотен матросских башмаков, тут же пулей помчался в сторону люка в камбуз, где располагался его дневной коврик. Кок Афромеич уже загодя поставил у коврика миску со вчерашней отварной треской. Кот Федор съел два-три куса, свернулся клубком на коврике и мирно заснул после ночных трудов. С дежурными по камбузу кок Афромеич был занят приготовлением завтрака для обеих команд корабля, но успел одобрительно взглянуть на Федора и улыбнуться. Кому, как не ему, ответственному за продуктовую часть корабля, были известны каверзы корабельных крыс. Их не брали никакие яды и отравы. Хитрые и умные животные могли сожрать все, что угодно. Особенно страдала от крыс разветвленная корабельная кабельная сеть. Как изощренно и досконально не досматривали все многочисленное оборудование, все продукты, которые поступали на корабль, но никто и никогда так и не мог догадаться, каким же образом эти серые бестии проникали в трюм. Боцман Анисимов гордился, что два года назад принес в кармане своей шинели маленького котенка из знаменитого семейства особых кошек-крысоловок, которых разводили специально для кораблей в поселке, или по-местному, становище Верхняя Ваенга, что на окраине Североморска. Как говорят старожилы, эта порода была завезена сюда из архангельских Соломбал еще век назад, когда здесь появились пароходные компании и военные корабли Флотилии Ледовитого океана. Поэтому все боцманы кораблей и судов брали котят отсюда за умеренную плату — ящик мойвы.

С тех пор котов ставили на довольствие, которое те честно отработывали. Коту же Федору на его коврике снились боевые сны. Как под вечер, перед ужином и дежурством в трюме, когда корабль вернется на базу в Североморск, боцман Анисимыч пошлет его с матросом-порученцем на шлюпке в родную деревню, где кот Федор будет неделю отдыхать. Боцману же во время стоянки на рейде не раз вспомнится рысьей раскраски кот Федор. Стоя у борта с папиросой в руке, боцман будет напевать старую матросскую песенку:

*В кейптаунском порту с какао на борту
«Жаннетта» поправляла такелаж.
Но, прежде чем идти в далекие пути,
На берег был отпущен экипаж...*

Олег Корниенко
(г. Сызрань)

РАССКАЗЫ

Родился 6 февраля 1954 года на Украине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Служил в СВВАУЛ бортехником, начальником ТЭЧ звена, помощником начальника воспитательного отдела училища летчиков по культуре. В 1985—86 гг. выполнял интернациональный долг в Республике Афганистан. Награжден 8 медалями, в т.ч., «За боевые заслуги». Майор запаса.

Сотрудник Сызранской центральной городской больницы — редактор газеты «Ваше здоровье».

Участник 5—7-го Всероссийских семинаров писателей Армии и Флота, 8-го Всесоюзного совещания молодых писателей (1984 г.). Печатался в коллективных сборниках «День поэзии», «Молодежная волна», «Поиск», «Самарская Лука», «По законам военного времени», «Славные дочери Сызрани», альманахах: «Истоки», «Витрыла (Киев), в журналах «Смена», «Аврора», «Московский вестник», «Советский воин», «Московский журнал «История государства российского», «Будь здоров!» (Москва); «Истоки», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка» (все — Красноярский край), «Мономах» (Ульяновск). В антологиях: «Сызрань. Очерки истории» (2008 г.), «Сызрань литературная» (2008 г.), «Писатели Самарского края» (2009 г.). Лауреат пятой Артиады народов России, премий «Город» (1999 г.) и «Признание» (2006 г.)

Член Союза писателей России. Член правления Самарской областной писательской организации. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Председатель областной организации «Содружество детских писателей». Проживает в г. Сызрани Самарской области.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Г. Цыпленковой

Тимка с Федькой стояли и широко раскрытыми глазами смотрели, как Валерик надувает водородом шарик. Обыкновенный магазинный шарик через несколько минут должен был стать необыкновенным. То есть, летающим.

— Прямо чудо какое-то,— все больше удивлялся Тимка, глядя как шарик, одетый на горлышко большой бутылки, все увеличивался и увеличивался в размерах.

— И никакого здесь чуда нет,— заметил Валерик.— Чистая химия: смешиваем растворы медного купороса и поваренной соли и бросаем туда алюминиевую проволоку. В результате реакции выделяется водород.

— Какой соли? — переспросил Тимка. Медный купорос он знал и раньше. Дедушка весной опрыскивал им деревья.

— Обыкновенной. Какую мы в пищу кладем.

— И что он, действительно, полетит? — любопытство распирало Тимку.

— Водород легче воздуха. Значит, должен полететь, — ответил Валерик.

— Чего пристал к человеку? — толкнул Тимку Федька. — Тоже, что ли, шарик надувать собрался?

— А почему бы и нет. — Тимке не терпелось самому проверить: выделяется ли в результате реакции водород.

— Ты уже фосфор добыл один раз? — ухмыльнулся Федька.

Случай с добычей фосфора Тимка запомнил на всю жизнь. Федьке на день рождения подарили часы со светящимися от фосфора цифрами и стрелками. Все ребята завидовали Федьке. Толстушка Светка, у которой отец был ветеринарным врачом, сказала, что впервые фосфор получили, выпаривая мочу животных. Тимка решил это проверить. Он наполнил консервную банку своей мочой и поставил на керогаз. В итоге он так нахимичил, что все потом в дом через вторую веранду заходили, пока эту не проветрили.

А шарик, действительно, полетел. Задрав головы, ребята следили за ним до тех пор, пока тот не растворился на фоне серого весеннего неба.

Тимка без колебаний решил попробовать самому надуть шарик. А чем он хуже Валерика? Тем более, что тот объяснил, что и как надо делать: сделать раствор и бросить проволоку. Что может быть проще! Да и Федька после этого, возможно, хвост подожмет.

Первый компонент, соль, Тимка раздобыл быстро. Бутылку из-под шипучки и кусок алюминиевой проволоки он тоже нашел без труда. А вот остался ли после деда медный купорос? Но и его он вскоре отыскал в отцовской мастерской. Слово «купорос» на пакете кем-то было исправлено на «попарос».

— Ты чего там химичишь? — поинтересовалась мать. — Избу, смотри, не сожги...

Когда раствор в бутылке забурлил, Тимка не без труда одел на горлышко зеленый шарик, оставшийся после октябрьских праздников. Тимка где-то переборщил, потому что раствор выплескивало в шарик, мешая ему подняться. Тимка отлил раствор и опять одел шарик. Когда он стал величиной с футбольный мяч, Тимка перевязал его и снял с бутылки. Шарик, точно намагниченный, рванул вверх и точно прилип к потолку. Тимка глядел и не мог налюбоваться на свою работу. Он все еще не мог поверить, что *сделал это*. Несколько раз Тимка подходил и трогал шарик за хвостик, но потолок шарик почему-то стал дороже Тимки. Но он не обиделся, а скорее жалел, что этого никто не видит.

Тимка долго не мог заснуть. Он смотрел на шарик, покачивающийся под потолком, представляя, как высоко он завтра поднимется и где-то опустится. Где-то? А если к шарик привязать записку с адресом, то Тимка обязательно узнает где приземлился шарик! Он вскочил с постели, включил настольную лампу и написал записку. Дважды перечитал ее, указал адрес и сложил вчетверо.

На другой день Тимка рассказал про письмо Валерику и Федьке.

— Здорово! — сказал Валерик. Решение отправить шарик с письмом одобрил и Федька.

Шарик, как застоявшийся конек, плясал в руках у Тимки, рвался в небо.

— Можно я запущу? — умоляюще посмотрел Федька.

— Пускай, что мне жалко?

Федька подержал шарик, потрогал записку и разжал пальцы. Шарик, поднимаясь, весело, точно рукой, махал ребятам бумажкой: пока, мол, ждите ответа!

Но письма все не было и не было. Тимка даже запомнил время, когда приходит почтальон дядя Володя и спешил его встречать. Но кроме газет и пенсии бабушке, редко что было.

Прошло немало времени, прежде чем однажды дядя Володя принес письмо. Письмо было из Павловки. Тимка быстро открыл конверт, развернул вырванный из школьной тетради листок. В письме говорилось, что шарик с запиской получили и ждут ребят в гости.

До Павловки было километра четыре и ребята не стали надолго откладывать свой визит. И что такое четыре километра для их велосипедов!

Встретила их невысокая полноватая женщина в очках.

— Вы, наверное, к Саше? — спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала:

— А Саши нет дома, он в районной больнице.

И она рассказала, что случилось с сыном. Соседский мальчишка залез высоко на дерево, чтобы снять котенка, а обратно слезть не смог. Сидел и плакал. Котенок жалобно мяукал. Саша полез за ними. Когда до земли оставалось немного, мальчонка-то с котенком прыгнул, а под Сашей ветка обломилась и он упал, ударившись головой о землю. Все, казалось бы, обошлось, но Саша стал быстро терять зрение. Сейчас ему нужна срочная операция, нужны деньги. Вы ребята, извините Сашу, что долго не отвечал. Когда я увидела в огороде ваш шарик с запиской, Саша был уже в больнице. Я ему о вас обязательно расскажу.

Она замолчала.

Домой ребята ехали молча, потрясенные рассказом Сашиной мамы.

— Давайте надует шарик и напишем письма с просьбой помочь Саше, — предложил Федька. Все-таки светлый человек Федька, и мысли к нему приходят всегда светлые.

И работа закипела. Тимка надувал шарик, Федька писал письма, а Валерик их привязывал. Когда все было готово, они выпустили их в небо. Разноцветные воздушные почтальоны стайкой поднялись выше деревьев и дома, а потом разлетелись в разные стороны по своим пока еще неизвестным адресам.

РАНЕНЬИЙ «ОРЛЕНОК»

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орленок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже была своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места — второе или третье и никогда первое. Может быть, сегодня нам повезет?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя: как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата, всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколотла нам ленточки к рубашкам. Команда под № 3 «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

— Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить ее на зуб, чтоб меньше было проблем, — предложила нам Светка.

С этим согласились все, и, когда до начала соревнований осталось десять минут,

мы быстро прошли маршрут: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

— Элементарно. Первое место у нас в кармане.

— Не скажи,— оглянулась Светка на трассу.— Одно дело со стороны смотреть, другое — соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была еще не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

— «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! — крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней как грибы после дождя.

— Готовы? — спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рывкнул:

— Так точно!

Это был Валерик.

— Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

*Мы команда классная
И взрывоопасная.
Кто сегодня победит?
Ну, конечно, «Динамит»!*

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

— На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап — «стометровку» — мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров 20, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рев. По звукам — за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его алые щеки выглядывали из противогаза, и, вместо того чтобы бежать вперед, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке, и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «красный крест».

— Вам задание: мальчик потерял сознание,— сказала она.— Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у нее врач, пусть и ветеринарный.

— Привести его в чувство,— тяжело дыша, бросила Светка.

— А конкретнее? Надо дать больному...— врач пыталась нам помочь.

— Мороженое,— запрыгал от находчивости Валерик.

— Еще одно слово и ты вместо мороженого в ухо получишь,— показал я кулак Валерику.

— Дать больному понюхать нашатырь,— вспомнила Светка.

— Правильно! — похвалила нас врач.— А теперь на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем мы преодолели «тарзанку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием — «паутиной».

— Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой,— напонила нам судья.— Касаться ее нельзя. И не спешите! Главное — не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла ее не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло Светку.

Я прошел этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он напоминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

— Ну, как я? — сияя, спросил он.

— Можно было и лучше, — заметила Светка. — А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови.

Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

— Скорее всего, стеклом поцарапался, — доложила она судье.

— Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, — судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

— Как дела у «Динамита»? — спросила она судью.

— Скорее всего, 3-е место.

— Как третье? — чуть ли не вскочил Валерик. — Да если бы не ранение, мы бы обставили всех.

Судья соревнований еще раз посмотрела на списки, потом на доктора:

— Второе место, в принципе, они заслужили.

— Ура! — взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказалась усталость от соревнований. Плюс, как призерам, каши нам дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него, мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

— Чепуха! Какой я герой. Вот если б и вторая нога была ранена, — первое место у нас было бы точно!

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных не случайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

— Вот. Это тебе, — краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, но его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий, с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

— Это что еще за чудо? — недовольно спросил папа.

— Папа, он такой пушистый. — Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щеку.

— А если он цапнет?

— Не цапнет, — спокойно ответил Колька. — Он добрый.

Колька, хотя и был двоечник, но животных любил. У него в квартире жили кот, шенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

— Ну, и чем вы его кормить собираетесь? — поинтересовался папа.

— Он все кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» — тоже не отказался, — сказал Колька.

— Ну, ну,— папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому квартиранту.— С попугаем хлопот не оберешься, а тут еще и зайчонок.

— Это декоративный кролик,— поправил папу Колька.

Проблемы начались сразу же, как только за Колькой закрылась дверь: где будет спать Зяка (Наде послышалось, что именно так мама назвала кролика), из чего будет есть и что делать, если заболит.

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел еще спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на задние лапки и начал скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие и счастливый оказался на свободе

— Вот это да! — все от удивления вытаращили глаза.— И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. И тише для всех, и надежнее. Он немного побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день — свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расплзались. И это было смешно. Он, действительно, был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался, и забирался туда, где достать его практически было невозможно: под кухонный стол, за диван в зале и, особенно часто, под кровать в спальне.

Правда, отлеживался Зяка недолго. Когда мы, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же, как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал свою работу. Его прямо тянуло погрызть что-нибудь или порвать.

— Надо купить клетку,— предложила Надя.

— А сколько она стоит? — спросил папа.

— Рублей 500,— предположила мама.

— 500?! — возмутился папа.— Нормально. Клетка пятьсот, и уже на 500 обоев съел. Куда хотите, туда его и давайте.

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотекарше. Библиотекарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Папа позвонил ей и уже представлял, что после совета с мужем, ее ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что муж против: «У тебя есть кот — хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя — обидится. Да и подарки не возвращают.

— В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может там возьмут? — подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

На улице, в изгороди, несмотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударила в лицо духота и непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисицы, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал, тоже декоративный, но рябой кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

— Привозите, посадим вашего к тому рябому,— женщина показала на аквариум.— И если они уживутся...

— Мамочка, он же не рыба,— захныкала Надя.

— Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.

— А что я скажу Кольке?

— Ничего. С двоечниками стыдно тебе общаться,— рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходные отвезли подарок в городской зоопарк.

— Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился,— рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришел с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа еще не один день по привычке вскакивал с места — ему казалось, что кто-то грызет обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчесывали пушистые бакенбарды и челочку между ушей, а там никто за ушком не почешет.

И однажды папа, не вытерпев, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки: грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

— Воды даже не было,— рассказал, возвратившись, папа.— Ну, и что будем делать? — он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После всего увиденного в городском парке, папа был согласен на все.

— Я уже заказала большую птичью клетку,— радостно сообщила мама.— Мы тоже были у Зяки и все видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худюшему комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке нас ждал Зяка.

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Степка жил в небольшом поселке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Степку одного не отпускали — мог заблудиться в большом городе.

Все решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Степку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Степка подождал некоторое время и, когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошел к полицейскому:

— Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

— Совнаркома? Это идешь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева — твой.

Степка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

— ЗООмагазин,— прочитал Степка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Степка. Одним словом, все что угодно, кроме слона. Слон ждал Степку в зоопарке, а потому Степка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Степка позвонил еще раз, и еще...

И вдруг Степке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Степка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

— Дядя Коля, откройте! Это я, Степка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто-то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Степка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся и дверь не открыл.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

— Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил — нет тебя. Хотел уже звонить родителям — узнавать: в чем дело.

— У вас кто-то за дверью ходит, — сказал Степка.

— А это мы сейчас посмотрим, — улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в темную комнату.

— Это ежик. Постель на ночь готовит, — пояснил дядя.

— Ежик? — удивился Степка.

— Ну да, ежик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапку, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам на чучело. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Степка несколько раз просыпался и слышал, как шуршит газетами ежик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ежика. Ежика нигде не было. «Неужели уже отнес?» — испугался Степка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ежик. Рядом стояло пустое блюдо.

Степка быстро выложил привезенные дяде гостинцы из рюкзака. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. Достал носовой платок и положил в него сонного ежика.

«Мы с ежиком паехали дамой. Степка», — написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Степка повернул налево, в городской парк.

Он прошел вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил ее травой и осторожно положил в нее спящего ежика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Степкиной ладони.

— Я только немножко... — сам себе сказал Степка. Он положил надкушенное яблоко рядом с ежиком и зашагал в сторону железнодорожной станции.

«ТАРЗАНКА»

Я с нетерпением ждал лета, и оно, наконец-то, наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и шагнули в пятый класс. В моем дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли «четверки». Среди них даже одна «пятерка» красовалась — по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учебы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные мероприятия и даже поездку в Турцию, но победило папино предложение навестить своего друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я смотрел у Валерика — моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело. Но никакой «тарзанки» мы там не видели.

И вот в воскресенье после обеда мы отправились на нашей новенькой машине в необычное путешествие.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

— Ну что, на «тарзанку» идем? — спросил папа.

— Конечно,— согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, где слышались веселые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, черные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

— А вот и «тарзанка»,— показал папа на длинную веревку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

— Кто из вас смелый? — улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего, смелыми здесь были все.

— Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех — худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до веревки, Федьке надо было встать кому-то на плечи. Но друзья без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад, и — отпустили. Федька как маятник качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полета отпустил руки, и красиво нырнул в воду.

— Кто следующий? — посмотрел на нас папа.

— Надо размяться перед прыжком,— сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны. Но мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами, тоже было зазорно.

— Папа, давай я,— охрипшим от страха и волнения голосом выдал я и посмотрел на Валерика. Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полетом в космос, принял меня инструктировать:

— Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся, я рядом.

Он посадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушел из-под ног берег, можно прыгать, но пальцы не хотели разжиматься, и я, болтая ногами, полетел обратно.

— Ты чего? — крикнул папа.

— Скорость маленькая,— объяснил я.

— Повторим? — спросил папа.

— Повторим.

Местные мальчишки собрались в кучку и с интересом наблюдали, чем закончится мой полет. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понесся опять к пруду, папа еще раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на веревке целый день? И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась, и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

— Это кто так кричал во время моего прыжка? — спросил я гордо папу.

— А нам показалось, что это кто-то орал от страха,— и папа посмотрел на Валерика:

— А ты плавать умеешь?

Валерка умел только по-собачьи, а потому выдал:

— Умею.

— Ну что, прыгаем? — спросил его папа.

— Прыгаем,— ответил Валерик. В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось все хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с висачим, точно сосиска, Валериком вернулась обратно.

— Все нормально? — спросил папа.

Сосиска почему-то молчала и болтала ногами.

— Если боишься, то не прыгай,— сказал я.

— Счас прыгну!..— почему-то заорал Валерик и крепче уцепился за палку.

...Он шлепнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент лягушки пруда от страха, наверное, выскочили на берег и повертели лапками у виска: ты, парень, случаем не ква-квакнулся?

Валерик через мгновение показался из воды и, задрав голову, заработал руками точно винт моторной лодки.

— Вставай, там мелко! — крикнули ему местные ребята.

Валерик бросил мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

— Эх ты, Тарзан,— обнял я Валерика.

— Ничего. Не получилось сегодня, получится завтра,— подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли, и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

Иван Павлов
(г. Москва)

БЕСЕДЫ С ДОСТОЕВСКИМ

Иван Павлов, поэт и прозаик, член Академии российской литературы и Творческого клуба «Московский Парнас»

Казалось, небо перевернулось вверх дном и начался новый потоп, как наказание за наше неправильное земное житие. Все дышало сыростью, и было как-то неуютно на душе. Одним утешением оставались книги, которые как никогда читаются с большим желанием в ненастную погоду. И, конечно, предоставляется возможность немножко пофилософствовать с самим собой о смысле жизни и вообще о разном, и о грустном тоже. Увы, но плохая погода навевает такие желания. Солнце — другое дело: оно зовет к жизни. Видимо, грусть необходима, как и радость, поэтому и бывает ненастье.

В этот раз мне на глаза попался Достоевский. «Преступление и наказание». Конечно, читал роман и в юности, и в более зрелые годы. Книги, как и люди, их нельзя познать до конца с одного или двух раз, они каждый раз выглядят другими, так как мы меняемся и читаем другими глазами. Чтобы понять сразу такого гиганта, как Достоевский, нужно не один пуд соли съесть...

Читать я его, правда, в тот вечер не стал. Мы просто с ним немного побеседовали. Оказывается, это можно делать, если твои мысли совпадают по частоте с мыслями другого человека, даже если его уже нет в живых. Мысли не умирают: они — вечные странники и ищут соприкосновения со своим подобием, чтобы родить новую мысль.

Беседы с Федором Михайловичем стали для меня в какой-то степени — ритуальными. Говорит Достоевский, как правило, вполголоса и почти шепотом, пока что-нибудь его особенно не возбуждает. Тогда он воодушевляется и круто возвышает голос. Он говорит всегда простым, живым, непритязательным языком. При этом он часто шутит. Но самое главное, что меня пленило и даже поразило в нем, это его необыкновенный ум, быстрота, с которой он схватывает всякую мысль, по одному слову и намеку. В этой легкости понимания заключается великая прелесть беседы, когда можно вольно отдаваться течению мыслей, когда нет нужды настаивать и объяснять и нет никаких недоумений и неясностей.

И поведал я ему историю, которую услышал случайно на автобусной остановке недалеко от своего дома.

Это произошло несколько лет назад, когда рассказывающей было всего лишь семь лет от роду. У них в доме, за городом, кошка родила восьмерых котят. Прошло три дня. Родители позвали ее, чтобы показать семейную идиллию: кошка лежала на полу, в углу, прижавшись к ней, лежали ее восемь крошечных детенышей. Кошка их

облизывала и гладила своими лапками, то одной, то другой. «Ой, как здорово! — закричала Катя. — Какие они красивые и совсем слепые». «Выбирай одного, какой тебе нравится», — сказали ей родители. Катя, задыхаясь от счастья, выбрала черно-белого. Цвет времени и пространства. Она прижала котенка к груди и спросила: «А другие где будут?» — «С другими тоже разберемся», — сказал, несколько замешкавшись, отец. Он достал из шкафа мешок, побросал в него оставшихся семерых котят и унес их в сарай. Через несколько минут Катя услышала из сарая какой-то шум. Не зная почему, она бросилась туда и, открыв дверь, увидела, как отец бил палкою по мешку с котятами. Со слезами бросившись на него, она стала оттаскивать отца, но он грубо оттолкнул ее и продолжал бить, пока не закончил свое дело. Отец ушел. Оставшись одна, девочка долго-долго плакала. С этого дня Катя потеряла детство и фактически своих родителей.

«Подожди, подожди, — неожиданно прервал меня Достоевский, — я же писал уже подобное». И как-то лихорадочно начал вспоминать, где это он написал. «Да, да, конечно, в «Преступлении и наказании». Открой книгу в самом начале, в том месте, где Раскольникову снится сон», — попросил он меня.

Я открыл книгу и нашел то место. «Вот и хорошо. Зачитай, пожалуйста», — попросил меня Достоевский.

Я начал читать: «Из кабака выходит пьяный мужик, который всех зовет садиться в телегу, хватаясь, что его кобыла всех довезет. Народ смеется, но мужик стоит на своем. Все лезут в телегу.

Кляча еле двигает телегу с места, а мужик нещадно бьет ее кнутом, чтобы быстрее везла. Мальчику жалко кобылу, отец хочет увести ребенка, но тот вырывается и бежит к кобылке. «Секи до смерти!» — в пьяном запале кричит мужик, некоторые заступаются за лошадь, но мужик кричит: «Мое добро! Что хочу, то и делаю! Секи по глазам!» Мальчик бежит возле лошади и видит, как ее бьют по глазам. Сердце в нем поднимается, слезы текут. Так бедную лошадь и забили. С криком пробивается он через толпу к савраске, обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует в глаза, в губы...»

«Достаточно, — сказал Достоевский, — теперь ты убедился, что я писал уже об этом». И сам ушел в глубокое раздумье.

Я молчал и ждал, что он скажет дальше. Наконец Федор Михайлович, прокашлявшись, промолвил: «Как же так получается, я же об этом написал еще в 1870 году, а сегодня у нас 2002 год? Выходит, что ничего не изменилось с того времени. Люди остались такими же, как и были. Творят, не ведая что, отравляют жизнь себе и близким людям, не понимая, что наказание рождается в момент преступления и, как правило, оказывается не менее страшным, чем само преступление». Опять задумался, после чего продолжил: «Мы сами чужды себе. Мы никогда себя не искали». «Да как же, Федор Михайлович, не искали? — перебил я его. — Искали, да еще как искали: революцию совершили, коллективизацию с индустриализацией, культурную революцию провели, миллионы людей уничтожили ради светлого будущего. Однако по-прежнему было все плохо. Заново все сломали, опять все плохо. То с Богом, то без Бога, то снова с Богом. Сколько же можно искать?»

«Все ты правильно говоришь, — многозначительно сказал Достоевский, — но все это не то. Оно все делалось и делается на насилии, которое порождает страх и как следствие — новое насилие. Помнится, я в «Бесах» об этом писал. В стаде искать это — ничего не найти. Каждый должен себя искать сам, тогда и все найдут. Но это не так все просто, внутри у каждого должен быть искатель, а с ним надо родиться, вернее, получить его черты еще при зачатии. Здесь ни мы с тобой и никто уже не поможет. Никто не ответственен за то, что уже существует: что он обладает

теми или иными качествами, что он находится среди тех или иных обстоятельств, в той или этой обстановке. Все зависит от уровня интеллекта, воли и силы личности. Субъективные обстоятельства, обстановка так же для одних навечно, для других лишь исходная точка будущих перемен. Я еще в свое время все это понял, но не успел написать».

«А что же тогда делать?» — тихо спросил я. «Жить, переступая через свое я, самообуздывая и куя себя,— ответил Достоевский,— нести добро и любовь людям. Жизнь хороша, и надо сделать так, чтоб это мог подтвердить каждый». «Но это же опять насилие. Правда, над собой»,— сказал я. «Над собой оно должно быть,— резко отрубил Достоевский,— а над другими — это преступление».

Голос Достоевского вдруг исчез. Я остался снова со своими мыслями наедине. За окном сверкала молния. Отрывисто грохотал гром.

Дождь стучал по крыше, словно молотком забивали гвозди.

Уснуть этой ночью мне так и не удалось. В голове стояли слова Достоевского и бегущие вокруг них мои мысли. Неужели на всей Земле нет места, где обходятся без привычных человеческих раздоров. Почему я такой наивный? Почему не понимаю, что так устроен мир? Что подобное творится вокруг денно и ночно? Все так происходит, что как будто у нас не один создатель? Одна из моих мыслей посоветовала мне встретиться с девушкой Катей, поговорить с ней и узнать, как сложилась ее дальнейшая судьба после случившегося потрясения в детстве, и вообще узнать ее жизненное кредо. Но возникал вопрос: как ее найти? Единственной зацепкой в поиске была та автобусная остановка, на которой я ее встретил, когда она рассказывала историю про котят своей подруге. Так как выбора больше не было, я решил воспользоваться этой единственной возможностью.

Утром дождь прекратился. Светило солнце, немного лаская лучами, зовя к действию, а значит, к жизни. В течение дня я несколько раз проходил мимо той автобусной остановки, надеясь увидеть Катю, однако все было безуспешным. К удивлению, желание найти ее с каждым днем возрастало все сильнее и сильнее. Я глазами искал ее повсюду, где бы ни был. Шли дни, но мои поиски не давали результата.

Прошло лето, наступила пора желтых листьев и холодных осенних дождей, но желание найти ее не оставляло меня, и шестым чувством я ощущал, что скоро ее найду. Так и случилось! Лишний раз подтвердилось, что искренние желания всегда осуществляются.

В этот вечер я был в Большом зале консерватории. Звучали музыкальные концерты Рахманинова. Во втором отделении концерта я не поверил своим глазам: на сцену к фортепиано вышла Катя, ее представили как победительницу многих международных музыкальных конкурсов. Я вскочил с места и фанатически начал аплодировать от счастья, что я ее наконец-то нашел и нашел в таком большом городе, и еще в таком божественном месте!

Концерт начался. Зал затих. Энергетические потоки музыки, управляемые виртуозным мастерством Кати, пронизывали меня с головы до ног. В душе все пело, унося меня куда-то в бесконечное пространство, к звездам, убеждая, что музыка есть воля. И поэтому, чем крепче наша связь с музыкой, тем соответственно лучше для нас, так как она повышает частоту внутренних вибраций и избавляет от отрицательных эмоций. И только тогда, когда я услышал непрекращающиеся рукоплескания зала, понял, концерт закончился. Теперь оставалось главное — не упустить Катю.

Под продолжающиеся аплодисменты я покинул зал, сбежал по лестнице в гардероб, обменял номерок на плащ и выскочил на улицу, заняв выжидательную позицию у памятника П. И. Чайковскому. Я любил это место еще со студенческих лет и часто назначал здесь встречи своим возлюбленным. Мне было очень комфортно. На другой

стороне улицы Б. Никитской, как и прежде, располагался цветочный магазин. Правда, в то, еще студенческое, время улица носила имя Герцена.

В одно мгновение я оказался около цветов. И, как всегда, их выбор здесь был большой.

Хотелось купить огромный букет, но я не стал изменять себе и купил одну большую темно-красную розу. И в цветах излишество недопустимо: теряется главное — мысль.

Вернулся с розой к Петру Ильичу, уйдя в ожидание. Только теперь вдруг возник вопрос: «А как я ей представлюсь?» Ответ напрашивался один: «Человек с автобусной остановки».

«Это все несерьезно»,— подумал я и решил действовать без всякого заранее подготовленного сценария. В этот момент открылась дверь, и вышла сияющая Катя, в цветах и в окружении большого числа поклонников.

Я решительно подошел к ней и, протянув свою розу, представившись, сказал: «Я думаю, что в вашей цветочной оранжерее ее как раз не хватает». «Может быть»,— сказала, улыбнувшись, Катя, оставив ее в своей руке, не передав в общую кучу цветов, что, по моему убеждению, являлось хорошим знаком.

Не теряя своей наступательной позиции, я сказал: «Мне необходимо с вами очень серьезно поговорить,— и тихо добавил,— когда-нибудь». «Вам действительно необходимо серьезно со мной поговорить?» — переспросила Катя. Мои глаза, каждая клеточка моего тела единодушно говорили: «Да!» — но я не смог произнести это слово. Катя, вдруг посмотрев на меня, утвердительно сказала: — «Хорошо. Раз надо, то надо. Тогда прямо сейчас, если вы готовы».

Честно говоря, я не верил своему счастью: все как-то складно получается! И тут же в мыслях ответил сам себе: «Наверно, заслужил».

Уже через несколько минут после дипломатических формальностей расставания с окружающей ее свитой мы сидели в ресторане в Доме журналистов. Это, во-первых, совсем рядом с консерваторией, и, во-вторых, учитывая несколько поздний час, я не стал рисковать пойти в другой ресторан, так как здесь имел стопроцентную возможность предельного внимания: метрдотель Рашид был мой приятель.

Мы заказали легкий ужин и на аперитив, по желанию Кати, французское шампанское «Моет&Шандон». Возникла пауза, говорящая, что пришло время раскрывать карты. И я, посмотрев открыто в глаза Кати, сказал: «Простите меня, но в июне, на автобусной остановке, я случайно подслушал вашу беседу с подругой о давней истории, случившейся с котятами, когда вы были еще ребенком». Катя не ожидала такого начала, слегка передернулась, но, овладев собою, мягко сказала: «Ну и что?». Я, вновь попросив у нее прощения, рассказал ей о ночной беседе с Достоевским и о своих длительных поисках ее для того, чтобы поговорить с ней, дабы рассеять свои сомнения, убедиться, что я не один в своих взглядах на жизнь. Официант принес шампанское, которое дышало прохладой, испуская маленькие пузырьки.

Она взяла бокал с шампанским и, проникательно посмотрев на меня, сказала: «Давайте выпьем за любовь в широком смысле слова. Она, только она, творит чудеса». Наши бокалы встретились.

Выпив глоток шампанского, я спросил ее, что она имеет в виду, говоря — любовь в широком смысле. «Это очень просто,— сказала Катя с улыбкой.— Человек может любить себя, избранно — других людей, но этого, согласитесь, мало. Очень хорошо, когда люди также любят свою страну, город или деревню, где родились и где живут. Любят свою профессию, работу, любят свой дом, свою квартиру, животных, восход и закат солнца и т.д. и т.д. И чем шире у человека диапазон любви, тем больше в нем гармонии, а чем больше гармонии, тем успешнее развитие человека. Кто-то сказал, что ничто так не развивает человека как любовь».

«Я бы еще добавил: путешествия и просвещение», — сказал я утвердительно.

«Принимаю» — подтвердила Катя.

«А как вы считаете, — спросил я ее. — Возможна ли любовь ко всем людям?»

«Конечно, нет, — сходу ответила Катя. — Это просто невозможно, так как любовь вызывает энергетика, а она не подвластна разуму. Любовь приходит неожиданно и также неожиданно уходит. Хотим мы этого или нет, нас никто об этом не спрашивает».

«А как же тогда одна из заповедей Библии: «Возлюби ближнего своего как самого себя?» — спросил я, торжествуя. Катя задумалась.

За соседним столом шли политические дискуссии: «Есть демократия в России или нет?». «Смешно, — подумал я. — Кому демократия, а кому любовь». В этот момент Катя подняла руку и, несколько смущенная, играя, сказала: «Я сделала небольшую паузу, чтобы обдумать, как лучше ответить на ваш вопрос, так как его суть претерпела определенные изменения по мере моего развития. Сегодня же я уверенно могу сказать, что смысл этой заповеди состоит в том, что любовь зарождается и живет на духовной общности людей».

Вы только вдумайтесь: «Возлюби ближнего...». Значит, возлюби человека, близкого тебе по духу, а не любого, который находится от тебя поблизости, рядом. Посмотрите на жениха и невесту в момент бракосочетания — их глаза заполнены надеждой на счастье, на вечную любовь. Посмотрите на этих же людей через два-три года. Вы, в основном, увидите в их глазах тоску, печаль и разочарование. А почему? Да потому что они — чужие по своему содержанию, и никакой брак их не сделает близкими. Помните, у Игоря Северянина: «Чужих освоить бестолково, // чужой останется чужим». Или из другого стихотворения: «Не разницу в характере, а сходство, // в подруге обретенной отмечай. // Побольше верности и благородства, // а там и будешь счастлив невзначай».

«Люди должны стараться делать друг другу добро, — горячо сказала Катя. — Но ведь и здесь масса вопросов. И, прежде всего, понятие добра у разных людей разное. Это удел немногих. У многих людей — прежде всего, вопрос: «Почему я должен кому-то делать добро?» Ты мне сначала сделай что-нибудь хорошее, тогда, может, и я тебе сделаю. Как раз в этом-то и заложен глубокий смысл. Делать добро надо просто так, не за что-то, и тогда получишь все: понимание, любовь и внутреннее удовлетворение. Людей плохих в принципе нет, и многие из них являются таковыми лишь по озлобленности, потому что их кто-то не понимает, кто-то не любит, то есть они не хотят первыми быть добрыми».

На минуту представьте себе ситуацию: идут навстречу по узкому мосту или коридору два человека. Кто-то из них должен отойти в сторону, чтобы прошел другой. Добрый человек сделает это мгновенно, не раздумывая, и движение обоих нормально будет продолжаться. А представьте себе другую ситуацию, когда среди этих двоих нет доброго. Как следствие, произойдет потасовка, которая может закончиться самым страшным.

Почему так все происходит, когда, кажется, все просто? Да все из-за гордыни, сидящей в том или другом человеке, не желающей якобы унижения, а на самом деле ведущей к нему. К сожалению, люди не всегда понимают, чтобы выиграть спор, есть один способ — это уйти от него.

Или другая ситуация: метро, сидит молодой человек. Заходит пожилая женщина, старик или женщина с ребенком. Добрый человек тут же уступит свое место и выйдет на своей станции в приподнятом настроении и счастливым.

Другой же сидит, делает вид, что не видит, кто перед ним, пытается закрыть глаза или увлеченно читать. Уверю вас, он все видит и все знает! Потом, в отли-

чие от предыдущего молодого человека, выйдет на своей станции разбитым и подавленным».

...Заиграл оркестр. Скрипка нежно выводила одну из известных мелодий ансамбля Поля Мориа. Подошел официант. Я попросил его выключить свет в нашем углу и зажечь свечи. Свет погас, загорелись свечи, придав небольшому пространству вокруг нас уют и блаженство.

Прошел Рашид, на ходу спросив: «У вас все в порядке?». Я молча кивнул головой и поднял бокал с шампанским, предложив Кате выпить за нее. Однако она поправила меня, кардинально изменив мой тост: «За жизнь!»

«Хорошо»,— и я выпил до дна.

Выждав еще некоторое время, я задал ей свой главный вопрос:

— Скажите, Катя, все-таки как вам удалось выстоять и найти себя в жизни?

Катя задумалась.

— Знаете, это очень сложный вопрос, но я чувствую, что вы меня поймете. Вы же искали меня для того, чтобы я подтвердила мысли, навеянные вам Достоевским? Скажу сразу, коротко и ясно: жизнь спасает только жизнь. Но каждый должен понимать, что жизнь чем-то напоминает обыкновенный апельсин. Вы понимаете, что я говорю? — спросила Катя.

— Не совсем понятно про апельсин,— развел я руками.

Она улыбнулась.

— Дело в том, что апельсин, как и жизнь,— горький и сладкий, и, если он будет только горьким или только сладким, это уже не апельсин. По сути, наш мир имеет два лица. Плохое и хорошее взаимосвязаны, их нельзя миновать. Все сущее — в двойном числе. И, наконец, два человека — в одном, ибо каждый из нас представляет собой два лица этого мира. Таков закон природы, а значит, и жизни.

Я сразу вспомнил слова отца, который всегда, когда было плохо, говорил: «Ничего, пожили хорошо, надо пожить и плохо».

— По обе стороны нашей жизни,— продолжала Катя,— как бы стоят кувшины с водой: с одной стороны — с хорошей водой, а с другой стороны — с плохой водой, но оба кувшина нужны, так как из них обоих мы черпаем знания и опыт, и начинаем осознавать «что такое хорошо и что такое плохо». И без одного из них невозможно развиваться и идти вперед. Это, знаете, как в истории с мальчиком...

— А что это за история?

— Вам она не знакома? — удивленно спросила Катя.— Тогда слушайте. Жил-был мальчик. Однажды он вышел погулять во двор, а другие мальчишки его побили. И через несколько лет он стал чемпионом мира по боксу.

— Увы,— улыбнулся я.— Не все мальчишки, которых побьют, становятся чемпионами: другой после побития вообще будет всю жизнь заикаться. Кого-то, возможно, надо побить, а кого-то пожалеть, а третьему тактично сделать замечание. Каждый имеет свой ключ, который запрятан, как в сказке, где-то далеко-далеко, но его надо найти, а для этого пройти через определенные тернии.

Мир противоречив и сложен, и в этом его единство,— сказал я.— Без глупых не может быть умных, без сильных не может быть слабых, без холодного не может быть горячего, без верха нет низа и т.д. Определяющим во всем этом является равновесие...

— И мы, люди, идя по жизни, сами друг другу помогаем и сами друг другу вредим,— продолжила, дополняя меня, Катя.— Все зависит от места, времени и обстоятельств. Главное, конечно, в том, чтобы человек не озлоблялся и нес в себе добро и любовь, надеясь, веря и осознавая, что вечером солнце заходит, а утром восходит. В этом-то как раз и состоит суть жизни! И мир бывает справедливым или несправдлив-

вым, в зависимости от времени. Уже кто-то об этом писал, что всему свое время: время миру и время войне, последнее же слово принадлежит истине,— решает она.

— Простите, Катя, но мне все-таки хотелось бы узнать, что конкретно вам помогло сохранить себя тогда, когда случилась история с котятками? — перевел я разговор в прежнее русло.— Согласитесь, вы тогда не так рассуждали, вы ощущали отчаяние...

— Да. Вы, конечно, правы,— согласилась Катя,— сейчас легко говорить, но тогда...

Она сделала паузу, видимо, уйдя ненадолго в то далекое прошлое, после чего, как ни в чем не бывало, сказала:

— Нашлась тогда добрая душа, обогрела меня и моего Барсика, а потом пришла музыка... Но окончательно все встало на свои места, лишь когда ушла обида на моих родителей за историю с котятками.

— Я восхищен вами,— сказал я,— неожиданно прервав рассуждения Кати. Я восхищен, потому что вам удалось простить. Я знаю, что это сделать очень и очень сложно. Но вы это сделали. У одного из современных поэтов, к сожалению, я не помню его фамилии, может, вы знаете? — у него всего четыре строчки касательно прощения, но в них сказано все:

*В прощении одно мгновенье,
Но долгий путь ведет к нему.
И лишь в минуту озаренья —
Оно приходит наяву...*

— Все так и есть — с восторгом среагировала Катя. Ключ к прощению заключается не в годах,— он кроется в понимании, но оно должно прийти. Вопрос только когда?

Наступила тишина. Догорали свечи, оставляя на подсвечниках восковые фигурки. Иногда капли расплавленного воска пролетали, словно сгоревшие звезды, падая на пол. В воздухе парило блаженство, постепенно, но уверенно заполняя наши души.

Я только сейчас заметил, что в ресторане мы были уже одни. У дверей стоял метрдотель Рашид, как верный слуга, оберегая нас от каких-либо возможных посторонних вмешательств. «Как все же хорошо, когда есть понимание»,— подумал я.

Вернулся домой очень поздно, голова, душа и, казалось, каждая клетка моего тела были заполнены Катей.

Выпив немного водки, я поговорил опять с Достоевским, рассказал ему о встрече с Катей, и после некоторых дискуссий мы оба пришли к единодушному мнению, что жизнь прекрасна и удивительна, только надо жить! А жить — значит любить, творить и радоваться. Ведь для этого мы все и приходим в этот мир.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ЗАПЛЕВАННАЯ СТАРОСТЬ И НЕВОСПИТАННЫЕ ДЕТИ

*Где, укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?*

А. С. Грибоедов «Горе от ума»

Что-то странное сегодня происходит с природой. Уже наступил декабрь, а на улице по-весеннему тепло. Под яркими солнечными лучами, испаряясь легкой дымкой, высыхала от осенних дождей земля, а в набухших на деревьях почках уже приготовились вылупиться нежные молодые листочки. Висевшее в синеве яркое солнце, бросало на пахнущую весной землю свои теплые лучи, которые, отражаясь от металлических городских крыш, оконных стекол и блестящих своим перламутром автомашин, превращались в маленькие игривые солнечные зайчики.

Старый городской троллейбус, с облупившейся кое-где синей краской, медленно тащился по переполненному автомобилями проспекту в сторону железнодорожного вокзала. В салоне было немногочисленно, и сидевшая в кресле кондуктор, судя по внешнему виду, перешагнувшая шестидесятилетний порог женщина, мало обращала внимания на пассажиров, с интересом рассматривая пестревший разноцветными фотографиями молодежный журнал. Полного телосложения, с седой прядью волос, выбивающихся из-под платка, в очках и сером поношенном пальто, поверх которого на длинном ремне висела кондукторская сумка с билетами, она походила на добрую бабушку-пенсионерку; и находившийся в ее руках гламурный журнал, который своими разноцветными фотографиями напоминал женскую баню, контрастно бросался в глаза окружающим. В салоне находились возвращавшиеся из школы дети, и их непоседливость раздражала кондуктора, она никак не могла сосредоточиться на прочитанном.

— Хватит шуметь! — прикрикнула она на детей, но это еще больше раззадорило их. Они громко засмеялись и начали пуше прежнего галдеть и толкать друг друга. — Я кому сказала, хватит шуметь, а то я вас сейчас выгоню из троллейбуса! — повысив голос, еще раз прикрикнула на них кондуктор, но и это предупреждение на них не действовало. — Какие же вы невоспитанные, — с интонацией отчаяния в голосе, проговорила кондуктор и, махнув на них рукой, стала читать журнал.

Погремев своими рогатинами на стыках троллейбуса, покачиваясь из стороны в сторону, медленно подкатил к остановке. В салон вошли несколько пассажиров, среди которых мужчина примерно такого же возраста, что и кондуктор. Одет он был в синий спортивный костюм, белые кроссовки и вязаную темную спортивную шапочку, на его шее был повязан шарф. При себе мужчина имел хозяйственную сумку на колесиках.

— Проездной,— проговорил он, повернувшись к кондуктору, сверкая на солнце позолотой очков.

— Тогда платите за багаж, раз у вас проездной,— отложив в сторону журнал, командным голосом сказала кондуктор.

— Это не багаж, а хозяйственная сумка,— возразил кондуктору мужчина.

— Я сама знаю, что багаж, а что не багаж. Оплачивайте! — тоном, не терпящим возражения, сказала кондуктор.

— Не буду я платить,— категорично заявил мужчина.

— Это почему же? — кондуктор с интересом взглянула на мужчину.

— Потому, что вы не имеете права брать за хозяйственную сумку, как за багаж,— пояснил он кондуктору.

— Да у вас не хозяйственная сумка, а самый, что ни на есть багаж. Если на колесиках, значит багаж,— проговорила кондуктор.

— Это хозяйственная сумка, но только на колесиках,— повторил мужчина.

— Хозяйственных сумок на колесиках не бывает,— утвердительно заявила кондуктор. — Или оплачивайте, или берите багаж в руки и держите его.

— Ща-а-с! — протянул мужчина нараспев. — Мне, наверное, больше делать нечего, кроме того, чтобы сумку в руках держать. Размечталась! Иди, занимайся своим делом, и нечего по пустякам к пассажирам приставать! — недовольно произнес мужчина, перейдя в разговоре на «ты».

— А ты тут не командуй! И не учи! Учитель нашелся! Я сама знаю, что мне делать и куда мне идти! Пристаю я к нему! Нужен ты мне был сто лет! Я тут на работе! — не выдержав, повысила голос кондуктор, также перейдя на «ты».

— Вот и работай, а нечего тут со мной лясы точить! — так же повысил голос мужчина.

— Не ори на меня! Я работаю! Давай плати за багаж! — еще громче прежнего, проговорила кондуктор.

— Ты не работаешь! Ты свою работу извращаешь! Ты извращенка!

— Что-о-о?! — возмутилась кондуктор. — Ты еще будешь меня оскорблять?! Да я тебя... — она остановилась в нерешительности и замолчала ненадолго, словно думая о том, какую бы ей придумать кару для неподчиняющегося пассажира. — Я вот сейчас эту сумку твою и тебя вместе с ней из троллейбуса выкину на улицу! — наконец-то придумала она и повернулась в сторону водителя. — Витя, останови троллейбус, я сейчас тут одного козла высажу, он за багаж не платит.

— Это кто козел?! Это я козел?! — возмутился мужчина.

— Ты, а кто же еще,— уточнила кондуктор и, развернувшись, пошла к своему креслу. Возмущенный мужчина кинулся за ней следом.

— Как ваша фамилия? Назовите мне свою фамилию! — вновь перейдя на «вы», потребовал он.

— Я тебе сейчас назову фамилию! Совсем обнаглел! — возмутилась кондуктор. — Пошел вон отсюда из троллейбуса! — задыхаясь от возмущения, побагровев, крикнула кондуктор, при этом на ее губах пеной выступила слюна, которая тут же с губ сорвалась и полетела мужчине в лицо.

— Да ты что себе позволяешь?! Ты по какому праву мне в лицо плюешь? Да ты... да я тебя!.. — мужчина от волнения никак не мог подобрать в этот момент нужные ему слова. — Свинья! — вдруг произнес он, вытирая шарфом свое лицо. Затем, издав харкающий звук, плюнул в сторону кондуктора! «Кх-х-х тьфу!»

Выветивший словно снаряд из пушки плювок, описав в воздухе дугу, точно угодил кондуктору в переносицу, забрызгав при этом стекла ее очков.

— Товарищи! Вы посмотрите, товарищи, что этот хам себе позволяет?! — обра-

тив свой взор к пассажирам, визгливо закричала кондуктор, но пассажиры сидели молча.

Поняв, что помощи ждать не от кого, кондуктор решила отомстить за свое унижение.

— Козел! — глядя на мужчину, возмущенно сказала она и, пожевав немного губами, так же плюнула мужчине в лицо. «Тьфу!»

Побелев от злости, тот вновь вытер лицо шарфом, после чего повторил харкающий звук: «Кх-х-х тьфу!» Однако кондуктор предусмотрительно выставила перед собой кондукторскую сумку, и плевков не долетел до цели.

— Козел! Тьфу! Тьфу! — укрываясь за сумкой, кондуктор продолжала плевать в мужчину, который отвечал ей редкими и не достигающими цели плевками. «Тьфу! Тьфу! Тьфу!», — доносились из-за сумки харкающие звуки, но мужчина, подав вперед корпус и склонив голову, словно боксер на ринге, начал умело делать нырки и уклоны и летевшие плевки пролетали мимо него.

Попавшие под перекрестные плевки пассажиры какое-то время были шокированы происходящим, но затем, спохватившись, оплеванные, отбежали в сторону и столпились у двери. Остальные пассажиры начали громко возмущаться и вертеть пальцем у своего виска. Находившиеся в троллейбусе ученики зашлись от хохота, и только одна девочка лет примерно двенадцати встала со своего места и решительно встала между мужчиной и кондуктором.

— Перестаньте! Пожалуйста, перестаньте! — сказала она. — Не надо больше ссориться и плевать. Когда люди плюются, — это очень плохо. — Мужчина и кондуктор перестали плевать друг в друга и с каким-то удивлением и даже интересом взглянули на девочку. — Может быть вам, дедушка, за сумку заплатить нечем? — спросила девочка у мужчины. — Давайте я за вас деньги отдам, — проговорила она и протянула кондуктору десятирублевую купюру. — Нате, возьмите за дедушку.

— Ну что ты, девочка, не надо, убери деньги, — тяжело дыша, проговорила кондуктор и, опустив красное от стыда лицо, направилась в сторону водителя.

В этот момент троллейбус остановился на остановке, и стоявшие на улице люди с изумлением увидели, как из открывшейся двери троллейбуса, сбивая на ходу многих пассажиров, выскочил на улицу и бросился бежать мужчина в синем спортивном костюме и вязаной шапочке, волоча за собой громыхавшую на асфальте сумку на колесиках. Неожиданно пошел теплый дождик, и под его легкое шелестение над городом разноцветными красками заиграла радуга.

— Грибной дождик-то, — удивился один из входящих в троллейбус пассажиров.

— Значит, скоро за грибами пойдём, за декабрьскими опятами, — пошутил кто-то.

Что-то странное сегодня происходит с природой, что-то странное сегодня происходит со всеми нами.

Наталья Кожемяко
(г. Щекино)

РАСКАЯНИЕ

Окончила ТГПУ им. Л. Н. Толстого, факультет иностранных языков. Работает в военном комиссариате Тульской области по Щекинскому району. Стихи пишет с детских лет. Публиковалась в газете «Щекинский вестник», литературных альманахах «Тула», «У засечной полосы», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори».

Когда я с самого раннего детства мечтала стать сестрой милосердия, сиделкой или кем-нибудь вроде этого, чтобы помогать всем страдающим людям, я даже предположить не могла, насколько это тяжело. Не потому, что приходится таскать тяжести, как грузчикам. Тяжело морально. Тогда в мою детскую, а потом и юную (кстати сказать, хоть и добрую, но достаточно легкомысленную) голову и прийти не могло, что ухаживающие за больными и одинокими — это самые несчастные люди на свете. Каждый человек терпит только свои муки, а они переносят горести всех страдающих, которым помогают.

Вот и теперь я смотрю на эту худенькую, маленькую, сморщенную старушку, лежащую передо мной, и сердце сжимается и разжимается с какой-то прямо физической болью. Нравственные страдания часто переходят в физические, достигая определенной своей вершины.

Старушка то бредит, то приходит в себя. Она скоро умрет, говорят врачи. Но мне жалко ее не поэтому. Напротив, мне в голову уже заползла тлетворная мысль, что смерть для нее, пожалуй, станет счастливым избавлением от этих адских мучений, прекратить которые в этом мире уже никто не в силах.

Она страдала не только физически от душившего ее иногда кашля, резкого покалывания в груди и головной боли, доводившей ее до потери сознания и горячечного бреда. Гораздо больше ее истязала и выматывала какая-то неотступная мысль, обрывки которой она повторяла, впадая в беспамятство.

Сегодня я не могла оставить ее даже на десять минут: ей было гораздо хуже, чем обычно. Наверное, это был последний день ее пытки.

Уже часов десять или около того я сидела рядом с кроватью умирающей, изредка пытаюсь напоить ее водой, когда сухие потрескавшиеся губы едва шептали: «Пить!». Сама я не хотела ни пить, ни есть: кусок в горло не лез от ужасного зрелища физических и моральных терзаний и приближающегося конца.

Вдруг старушка, снова придя в себя, как-то даже слишком ясно и отчетливо спросила меня: «А знаешь, что хуже всего? Из-за чего я больше всего мучаюсь? А вот из-за этого! Из-за него!». Она вытянула палец в направлении висящей на стене фотографии. Без рамки. Просто приколата кнопкой.

На фотографии был очень симпатичный улыбающийся молодой человек, стоящий в саду под яблоней.

Я посмотрела на Анну Владимировну — так звали старушку — с некоторым недоумением. Чем мог ей так досадить этот парень с по-детски добрым, открытым лицом? И если он сделал ей что-то такое ужасное, что даже перед смертью терзало ее, зачем было вешать его фотографию перед самой кроватью и постоянно смотреть на нее?

Но Анна Владимировна не бредила. Ее взгляд был ясным, смотрела она прямо на меня, на мою реакцию. И все ее поведение было совершенно осмысленным и осознанным.

Видимо это был тот короткий промежуток ясности сознания, который обычно бывает незадолго до смерти у долго и тяжело болеющих людей.

Она горько усмехнулась: «Не веришь? Не понимаешь? Ну так я тебе расскажу. Все расскажу». Мне показалось, что ее хриплый голос при этом дрогнул и стал еще глуше. А она, между тем, начала свою, наверное, единственную в жизни и такую необходимую ей самой исповедь:

— Сережка — мой младшенький, любимый... был. Я их одна поднимала. Одна двух мальчишек. Тоже не шутка... Сашка — тот шустрый, самостоятельный. Женился. В Москву подался. Все работает, работает. А сейчас — в Надьме, в командировке. Звонил. Попрощаться, наверно, с ним не успею. Не дождусь. Ну да что там! Я с Сережей не успела попрощаться!..

Две крупные слезы медленно катились по морщинистым щекам Анны Владимировны. Она умолкла на несколько минут, а затем продолжала:

— Сережа всегда ласковый был, заботливый. По дому все делал. Помогал мне во всем. И не такой, как другая молодежь: пьют, гуляют, по улицам шатаются. Сережка мой умный был. И работающий. Учился хорошо. На гитаре играл.

А потом встретил Янку эту. Она его как приворожила. Чуть свободная минута — так к ней. Иной раз говоришь с ним, а он и не слышит — о ней все думает.

А она ладно бы красавица была да из хорошей семьи. Так нет же. Голь перекатная. Да и из себя обычная. Девка как девка. Таких кругом полно.

А на него все девушка одна заглядывалась. Хорошая такая. Людочка. Отец у нее — начальник паспортного стола был. И так и сяк она к Сереженьке, а он — ни в какую. И глядеть на нее не хочет.

Ну как, думаю, его с Людочкой свести? Начнешь про нее говорить — только отмахивается. Я тогда так стала: как он к своей Янке собирается, я ему дело какое-нибудь срочное выдумываю, или, вроде как, сердце болеть начинает.

А тут и Людочка к нам заходить стала — я ее с мамой все на чай приглашала. Посидим, поговорим.

Не очень это все помогало. Но понемногу я стала замечать: что-то у него с этой Янкой не ладится. Ревнует она, значит.

Ну как же не воспользоваться было их разногласиями?! Вот я однажды Сережку послала Людочкиной маме пирогов отнести — я их к Новому году напекла. Людочка как раз одна должна была дома быть. Ну, он пошел, конечно. А Людочке в это время еще и плохо стало. Да может и не стало... Девочка-то умная, хитрая всегда была...

Ну не в том дело. Задержался Сережа там. Часа на два!.. А тут его Янка звонит. Ну, я ей и сказала, что Сережа у Людочки давно уже, что Людочка ему нравится, просто он не может сам об этом сказать — обидеть ее, Яну, боится. Ну, еще что-то такое говорила. Чтобы не звонила она, не трепала ему нервы, если и правда любит... Много всего сказала.

Она потом трубку бросила, звонила ему на сотовый — не поверила мне. А он-то у меня мальчик честный. Ну и подтвердил: да, мол у Люды, ей плохо стало — помо-

гаю. Больше она и не спросила ничего. Это мне уже Сереженька рассказывал. Он со мной обо всем разговаривал.

Так с тех пор и расстались они. Гордая, вишь ты, была, Янка-то. И слушать его не хотела. И ему, слава Богу, ничего о нашем разговоре не сказала.

А через год или около того с собой покончила. Отравилась.

Сереженька как с ней расстался совсем было извелся. Сам не свой ходил. Похудел. Есть перестал. Все в комнате закроется и сидит часами. К ней больше не ходил. И объясниться не пытался. Молча мучился.

Но потом ничего, отошел немного. Стал опять на гитаре потихоньку бренчать, есть понемногу начал.

Да и Людочка все к нам ходила, старалась отвлечь его. Он даже, вроде, ласковей с ней стал. Она мне уже намекала, что поженятся скоро. И подружкам так говорила. Вот до Янки это известие и дошло...

Яна когда умерла, Сережа и вовсе пропал. Все себя винил: она ранимая была, не перенесла его предательства... Да какое предательство, когда они год как расстались?! Что ж он все о ней должен горевать!

А он тогда два дня в комнате закрывшись сидел. А на третий ушел...

Губы Анны Владимировны судорожно задрожали, голос оборвался, и, уже глотая слезы, она еле слышно прошептала: «Ушел... да так и не вернулся... Под поезд бросился».

Когда она успокоилась, за окном было уже совсем темно. Ночная тишина прерывалась теперь только тяжелым дыханием старушки и редкими, но сильными порывами ветра.

Вдруг Анна Владимировна снова заговорила. Но голос был уже какой-то совсем другой, незнакомый. И шел он как будто из неведомой недостижимой глубины:

— Я как лучше хотела. Думала, на Людочке женится, счастлив будет. У меня будут оба жить... А у него любовь... Да если б я знала, как все обернется!.. Виновата я перед ним, перед Сереженькой... И проститься не успела... Я ж его любила так!.. Разве я думала, что так получится... Виновата я перед тобой, сынок! Ты прости меня! Виновата я!..

Она снова немного помолчала и едва слышно произнесла: «И перед Яной виновата...»

Наверное, она впервые осознала свою вину перед этой девушкой, чью любовь когда-то так безжалостно растоптала.

После этого старушка снова впала в забытие. В последний раз в жизни.

Через час ее не стало.

А я все сидела в каком-то оцепенении, глядя в черное окно. И в голове неотступно звучал слабый хриплый голос: «Виновата я...», снова и снова порождая вопрос: виновата ли она, разлучившая сына с любимой девушкой, или виноват сам парень, отступивший от своей любви из-за слабого характера или просто потому, что и не было никакой любви?..

Ветер все сильнее завывал на улице, частые капли дождя монотонно барабанили по стеклу. А мне в душу предательски заполз, чтобы уже навсегда поселиться там, извечный русский вопрос: «Кто виноват?».

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Валентин Киреев
(г. Новомосковск)

ДОБЫТЧИКИ

Лауреат и дипломант нескольких Тульских областных конкурсов и фестивалей, автор 12 книг стихов, лауреат премии им. Ярослава Смелякова, отмечен многочисленными почетными грамотами администраций городов Тулы, Новомосковска, Богородицка, благодарностями Тульской областной Думы и министра культуры и массовых коммуникаций, почетной грамотой губернатора Тульской области В.Д. Дудки. Награжден золотой медалью «Во имя жизни на земле» Международного благотворительного фонда «Добрые люди мира», является почетным гражданином Богородицкого района Тульской области.

ДОБЫТЧИКИ

Я трогал санки, да не санки — сани,
В них уголь был — до десяти пудов!
Мы над веревкой грудью нависали,
Нам было по четырнадцать годов.

Нам только б стронуть, а потом до дома
Тащи три километра, пуп сорви —
Ведь через поле — ни души знакомой,
Помочь никто не сможет, хоть реви.

Мои друзья, и старше, и моложе,
Ловили уголь с вагонеток тоже,
Чумазые и в угольной пыли,
Потом впрягались в санки и везли.

От памяти мне никуда не деться,
И часто ночью в непроглядной мгле
Я вспоминаю трудовое детство
И мне живется легче на земле.

ПО ПРАВУ

Был тогда с тобой по праву я,
Вечер тот забыть нельзя
И глаза твои лукавые,
Сумасшедшие глаза!

Было мне тобой обещано
Ласки столько, что не счесть,
Неземное счастье — женщина,
Не в небесной сини — здесь.

Встретилась по воле случая,
Бровью черной повела...
Все, что есть на свете лучшего,
Ты мне, светлая, дала!

ПРОСТИТЕ

Простите, за безмолвие простите —
Такая безысходность на душе!
Но Вы, хотя бы, мимо проходите,
Без Вас бездомно мне и вообще...

Я осенью не говорю стихами,
Меня пора промозглая гнетет,
И все-таки, при каждой встрече с Вами,
Я верю — что-то вдруг произойдет.

Вдруг станет небо голубым и чистым,
Вернется в кроны павшая листва
И взгляд Ваш, удивительно лучистый,
Вернет мне в сердце нужные слова.

И я вернусь к закатам и рассветам
Призванию, не прихоти, служить
И стану тем лирическим поэтом,
Которым только и умею жить...

СТРАДАНИЯ

Страдают все: кто за любовь и веру,
Кто за мечту — встречали чудаков,
А кто, причем всерьез — из-за карьеры,
А чаще — просто из-за пустяков.

Но есть страданья ярче и весомей,
На первый взгляд природа их странна —

Когда порядок у соседа в доме
И сын — студент, и умница жена.

И дочь его послушна и пригожа,
И сам с улыбкой по утрам встает...
Ах, как страдальцу искажает рожу
Чужое, в общем мирное, житье.

И каждый день его проходит в муках
Таких, что сам страдалец и не ждал,
И он бы дал на отсечение руку,
Чтоб и сосед, хоть чуточку страдал.

Я не хочу указывать на лица,
Но почему измученный народ,
И сам страдалец, чуть прижмет, стремится
Соседу бросить камень в огород.

ГРЕХ

Мы построили жизнь для корысти своей и утех,
Совесть втиснули в рамки, откуда ей выхода нет,
И шагает по миру всеобщей содомии грех,
Все слабей и неправедней душ человеческих свет.

Оглянись на себя мой, плетущийся к пропасти, брат,
Ужаснись за оставленный мной и тобой разрушительный след,
Сколько мы поломали к гибели общей преград,
И за это за все нам с тобою прощенья нет.

Видишь, падают птицы с охваченных зноем небес,
Слышишь, воет в тайге для забавы подстреленный зверь,
Посмотри, как пылает не нами посаженный лес,
И в причастность мою и твою к этим бедам поверь.

Помолись, как и я, и давай, засучив рукава,
Очищать нашу землю, сажать вдоль дорог тополя
И еще находить очень нужные людям слова,
Чтобы души откликнулись и возродилась земля.

МЕСТНЫМ ПОЭТАМ

Ну, как вы живы, местные поэты?
Еще горят в глазах у вас огни?
Еще, порой, печатают газеты?
Еще за рифмой водочки — ни-ни?

Еще вас бьет ночами лихорадка —
Бросает то в полымя, то в озноб?..
Но как же это истязанье сладко —
То оживляет, то вгоняет в гроб...

Живите, други, есть еще на свете
У каждого бумага и перо,
А главное, что вы еще, как дети.
В жестоком мире верите в добро.

Что видите, как налилась пшеница,
Что слышите, как падает листва,
Что, как всегда, способные влюбиться,
Находите красивые слова.

Что из того, что не летят по свету
Творений ваших птицы всех пород,
Вы — истинно народные поэты,
Вы многолики, имя вам — народ!

КАК В ТЕРЕМУ

Я на руки тебя возьму
И унесу в лесную чащу,
Где бродит леший настоящий,
Где в шалаше, как в терему.

Где все, как в сказке, из мечты
Вдруг превращается в сегодня,
Где счастье бьет ключом, и ты
От всех условностей свободней.

Я в полутьме зажгу свечу,
Поправлю лапник для постели
И каждый шрамик залечу
На сердце на твоём и теле...

РОДИНА

Такой мне запомнилась родина:
Сиреневый куст у плетня,
В бидончике горкой смородина,
На лавке у дома родня.

И пес, головою лобастою
В колени уткнувшийся мне,
И стол с деревенскими яствами,
И снимков рядок на стене...

ЭТО Я И ТЫ...

В каждом переулочке и на каждой улице
Узнаю я в женщинах милые черты —
Вот стоит красавица и на солнце щурится,
Небу улыбается, вижу — это ты!

Понимаю разумом — это сходство мнимое,
Только сердце вешее думой не унять,
Все, что есть прекрасного — ты, моя любимая,
Потому планету я всю готов обнять.

Слышишь, дождик ласковый прошуршал над рощицей,
И опять от солнышка — несказанный свет,
Облачко всплакнувшее на ветру полощется,
И опять улыбками город мой согрет.

Пробегу по лужам я, не снимая обуви
И куплю чудесные на углу цветы —
Это чувство праздника, это вместе оба мы,
Самые счастливые — это я и ты!

СНЕГУРОЧКА

Снег на речницах, на пушистой шапочке,
Снегурочка, я даже петь готов,
Согрею я твои ладошки-лапочки,
Озябшие от зимних холодов.

Ты в этот зимний парк пришла с подарками,
Своей неповторимостью маня,
Сияешь ты любви глазами яркими
И счастлив я, что это для меня.

И пусть в аллеях снег лежит сугробами,
Твое я сердце лаской растоплю,
И будем тем согреты жаром оба мы,
С которым я восторженно люблю.

Я вовсе не хочу, чтоб ты растаяла,
Исчезла легкой дымкой в вышине,
Хочу, чтоб жизнь все по местам расставила,
И ты навек принадлежала мне.

НА ТОМ СТОЮ

Пройдя крещение голодом и холодом,
Хлебнув воды в избытке и огня,
Я чувствую, что сердце бьется молодо,
Что старость не касается меня.

Что дурости во мне еще наверчено
И бес не в ребрах, а во всех местах,
Что милая еще волнует женщина,
Причем не только в мыслях и мечтах.

Еще я не умею долго хмурится,
Когда мне неудача бьет под дых,
Еще под ношей не спешу сутулиться,
Которой бы хватило на троих.

Пусть годы мчатся птицей-колесницею,
От жизни я пока не устаю,
Расцветен быт мой дорогими лицами
И счастлив я — на этом и стою.

БОЖИЙ ДАР

Ну что ж ты, милая, не ехала так долго —
Хозяйничает в рощах листопад,
И в мороси тоскливой и промозглой
Поник наш, чудом уцелевший, сад.

Уже грачи, прощаясь, откричали,
Висят туманы белой кисеей,
А мы с тобою до сих пор в начале
Того, что называется судьбой.

Я все никак к разлукам не привыкну,
Мир мрачен в одиночестве моем,
Но я к тебе, как к роднику, приникну,
Когда мы вновь останемся вдвоем.

И буду пить, как жаждущий в пустыне,
Из губ твоих взаимности нектар,
И нас с тобой вовеки не покинет
Любви неповторимой Божий дар.

БОТИНКИ

Мне купили ботинки — не тапочки и не сандалии —
Настоящая кожа, шикарно простроченный шов,
И мальчишки-соседи от зависти просто страдали,
И шагал я по улице, нет, я летел, а не шел!

В детстве строгом моем было мне, как и всем, не до шика,
Бахрома на штанах не смущала нисколько меня,
Но теперь вот ботинки сверкали, все в солнечных бликах
И казалось, что в жизни не будет счастливее дня.

Я обуви сносил очень много красивой и разной,
И по мерке пошитых, без дыр и заплаток, штанов,
Но та пара ботинок останется самой прекрасной
Из полученных мной или купленных позже обнов.

В ДЕРЕВНЮ

Станция районного значения,
Рельсами блестящие пути,
Снова, после года обучения,
Мне в деревню по лесу идти.

До рассвета, как до заговения,
Можно переждать бы до зари,
Но несет в деревню нетерпение
И мои неполных двадцать три.

Колея меж соснами тележная,
В колее блестящая вода,
Я иду походкою поспешною,
Как ходил со станции всегда.

Вот уж и деревня, окна светятся
Из-под крытых темной дранкой крыш,
Первым мне, конечно, дед мой встретится —
На селе до зорьки не поспишь!

Будет самовар с дымком, оладушки,
Как у нас бывало с давних пор,
Дедово ворчанье, слезы бабушки
И неспешный долгий разговор.

А потом сойдутся братья с сестрами,
Будут тербить да тормошить,
И девчонка с золотыми косами,
Без которой мне уже не жить...

ЧУДНОЕ ТВОРЕНИЕ

Судьбу не перепишешь набело,
От женщины вовеки не открестишься —
Увидеть стоит — заболит ребро
И в организм вторженье померещится.

И вспомнится круженье головы,
И долгая весенняя бессонница,
И яблоко познания, увы,
Еще не раз недобрым словом вспомнится.

Но снова ты таращишься во мгле
В каком-то непонятном нетерпении,
Стараясь разглядеть, как на метле
Летает это чудное творение.

У НАС В ДЕРЕВНЕ

У нас в деревне даже воздух слаще —
Сложи ладони ковшиком и пей,
Здесь даже самый мелкий и ледащий
Талантливей и звонче соловей.

Здесь утро начинается с рассвета,
По солнышку встает — не по часам,
Я вижу это, понимаю это,
Поскольку все прочувствовал и сам...

По всей деревне отбивали косы,
Скотина собиралась у пруда,
И мужики шагали на покосы,
Исполненные важности труда.

Все было и торжественней и проще...
А лишь заката затухал огонь,
Мы собирались, молодые, в роще
И распевали песни под гармонь.

Я и сейчас, когда бывает случай
Мне побывать в моем родном краю,
Беру гармошку, под гармошку лучше
Петь наши песни те, и я пою...

С тех давних пор лет прокатилось много,
Пусть город стал судьбой моей большой,
Друзья мои, вы не судите строго —
Я все же деревенский всей душой.

ДОЖИВЕМ

Вновь между нами завывает вьюга —
Закона равнодушное табу,
А мы с тобой не можем друг без друга
И не умеем изменить судьбу.

Здесь, у меня, нет даже телефона
И голос твой я слышу лишь во сне,
И с каждым утром убивает зона
Все чистое и светлое во мне.

И я шагаю в кирзачах по кругу,
За годом год — проверка да развод,
А мы с тобой не можем друг без друга
Который год уже, который год.

Пишу письмо, и горечь в каждом слове,
Да жаркой кровью нежность между строк,
Но ты не плачь, ты береги здоровье —
Когда-нибудь окончится мой срок.

Ворвусь к тебе, измученный и шалый,
И сброшу ненавистное тряпье,
И припаду к твоим ногам устало,
Единственное солнышко мое.

Пусть будет выть и бесноваться вьюга,
Пусть снег влетит за мной в дверной проем,
Я выдохну, — я вырвался из круга,
Я верил — мы до встречи доживем.

СЧАСТЬЕ

Какое это счастье — тосковать
По взгляду твоему, походке, речи,
С мечтой одной ложиться и вставать
О новой, может быть, нескорой встрече.

Кто не любил, вовеки не поймет,
Какая это сладостная мука —
Страдает сердце, а душа поет:
Еще чуть-чуть и кончится разлука.

Еще чуть-чуть: неделя, сутки, час...
(Бездушно время катится по кругу)
И, словно вихрем, вдруг бросает нас
В объятия, исстрадавшихся, друг другу.

И что — страданья, что мне бред ночной,
В сравненье с этою неудержимой страстью —
Ведь в этот вечер ты опять со мной,
Моя мечта, любовь моя и счастье!

ЖИВЫЕ СТИХИ

Стихи, они живые, даже дрожь
Охватит вдруг от перевозбужденья,
И ты не просто пишешь, ты живешь
В каком-то непонятном наважденье.

С тобою рядом скрипы, голоса
И времена не нынешние года,
И замирают стрелки на часах,
И за окном меняется погода.

Я и зимой могу бродить в лесу
И слушать одинокую кукушку,
Могу с лукошком выйти на опушку,
И вот — уже в нем ягоды несу

И сладкий ощущаю аромат...
А вдруг шагаю по листве осенней,
Вот выхожу в цветущий майский сад,
А вот в душистом просыпаюсь сене.

И все — стихи! Они звучат везде —
И в голосах спешащих электричек,
И в плещущейся в берегах воде,
И в теньканье резвящихся синичек.

Пусть будет в окна ветерок сквозить,
Морозный или, по-апрельски, сладкий...
Как счастлив я все это отразить
В моей обычной, в клеточку, тетрадке.

НА РАСПУТЬЕ

Молчать — не в силах, говорить — никак,
Что с нами стало в этой долгой смуте —
Любовь осталась только лишь в стихах,
И та стоит, как рыцарь на распутье,

Куда пойти, где отыскать сердца,
Готовые, не опуская взгляда,
За доброту сражаться до конца
И за любовь погибнуть, если надо.

Не ту «любовь», которой грош цена,
Что покупается и тут же продается,
А ту, что внешне часто не видна,
Но что жива, покуда сердце бьется.

А в городах, поселках, хуторах,
Откуда жизнь должна бы брать начало,
В бездушных толпах поселился страх,
Божественная радость измельчала.

Но верю я, что возродится вновь,
Способная возвысить, приумножить
Людское счастье вечная любовь
И засиять во всей красе... быть может...

ПОГРУЖАЮСЬ В ГОДЫ...

Погружаюсь в годы, как в болото —
Вот еще один прошел годок,
Тяжелее движется работа,
Опыт, да и тот, идет не впрок.

От рожденья время изначально
Двигается — все убыстряя бег,
Вот приметы осени — печально,
Но еще печальней — первый снег.

Замечаю — тронуты морозом
Пряди поредевшие волос,
Вот уже и засыпаю поздно,
Вот — седой щетиною оброс.

Как-то это все не так творится,
Как-то перспективы не ясны...
Может быть, попробовать влюбиться
И дыханье ощутить весны.

Пусть друзья смеются и судачат —
Бес — в ребро, мол, седина — в виски,
Это, впрочем, ничего не значит,
Если нет спасенья от тоски.

Так и поступил я, и не каюсь,
Жизнь красивой стала наяву,
Я хожу по улицам, влюбляюсь
И не умираю, а живу!

У ОБЕЛИСКА

Поклонились, молча постояли,
Положили скромные цветы,
У обоих на груди медали,
Рукава, по одному, пусты.

Выжили, перетерпели горе —
Каково безруким вековать!
Но приходят к обелиску в поле,
Чтоб вот так, склонившись, помолчать.

ПРОБА ПЕРА

Я сочинял стихи — не от умения,
А от души, и был коряв мой слог,
И мне не важно было Ваше мнение,
Мой грамотный и строгий педагог.

Девчонки мне проходу не давали,
Срывали с первых чувств моих покров,
А я писал и понимал едва ли,
Что эти их насмешки разжигали
Во мне к большой поэзии любовь.

НА НОВЫЙ ГОД

На Новый год творятся чудеса,
Случаются неожиданные подарки —
Разверзлись над Россией небеса,
И выпал снег на улицы и парки.

И сразу же повеселел народ,
Заполнились дворы галдящим людом —
Бывают чудеса на Новый год,
И этот снег, как раз, такое чудо.

А был декабрь и грязен, и дождлив,
Была мрачна и ветренна природа,
Деревья стыли, ветви опустив —
Слезливое стояло время года.

Но Новый год, как водится, пришел
И хаять я пошедший го не буду,
Возрадуйтесь же, люди — снег пошел,
А это значит — вновь свершилось чудо.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

ОПЯТЬ...

Ты говоришь: «Опять метель!»
Я говорю: «Опять дожди!»
Сугробов снежную постель
ты расстилаешь впереди.

Дождем стекаются снега,
вливаясь в океан обид.
Ты мне, как прежде, дорога,
костровый жар — ветрами взбит.

Не стоит яростно в покой
бросаться жизненным комком!
Другая — ты! И я — другой!
А, значит, снова мы — вдвоем.

И, пусть опять метель метет!
И, пусть дожди вовсю стучат!
В неясность — прошлое ведет.
Но это — лучше, чем назад!

ГАННОВЕРСКИЕ ЗАМЕТКИ

Дорога через Мюнхен на Ганновер
проложена в заоблачных высотах.
Везет нас «Бомбардье», а не кроссовер,
моторами хрипя на низких нотах.

Нырря по воздушности провалов,
отряхивая тучи с легких крыльев,
он приземлился грубо и устало,
как будто бы закрылки не открыли.

Уже потом — к Ганноверу дорога,
похожая на нашенские тракты.
На вмятинах судьбы трясло немного,
хоть был шофер без знаков катаракты.

Уютный город. Сонм велосипедов.
Ухоженные улицы. Бульвары.
Трамвайчики для бабушек и дедов,
ну и для тех, которые не стары.

Гостиница на три звезды, но «Плаза».
Повсюду магазины, галереи,
шипят колбаски, их съедаешь сразу,
затраченные «евро» не жалея.

Подумаешь, два «евро» за колбаску,
не восемьдесят рубликов за штуку!
Ведь правда, не похожая на сказку,
горька, но так похожа на науку!

Там хорошо, где мы не побывали!
Где побывали — там не так чудесно!
И все-таки ненашенские дали
узнать, и просто видеть — интересно!

* * *

Мужчина пожилой. Одет прилично.
Подходит к мусорному ящику... И, вдруг,
в нем начинает рыться безразлично,
как будто все повымерли вокруг.
Быть может, он вопрос решает личный,
спасательный ища по жизни круг?
Возня в отбросах, пусть не эстетична,
пускай похожа чем то на недуг,
она — не портит аппетит отличный.

Ганновер, как Москва, богатым друг,
ему с «бомжом» возиться — не привычно!
И коли свет для личности потух,
то это, хоть жестоко, но обычно.
При этом — нет полиции, дубинок,
презрительных от самомнения рож,
да и зевак обычных — не найдешь.
Европа — это всеобъемный рынок,
где все — товар: старье и молодежь!
Как и в России, люмпенов полно,
но инвалидам — все разрешено.
На транспорте и на большой дороге
на пандусы разменяны пороги.
То, что печатью было скреплено,
не как у нас — исполнено в итоге!

...IST DAS ENDE?

В «Конгресс-холле», в Ганновере — шабаш врачей
под названием простым: Euromedica.
Пара стиснутых днями бессонных ночей
в долгожданности встреч и достойных речей.
Это — легкая мыслью атлетика!

Зря пропишут врачи эфедрин, атровент,
потому что дыхание — сдавлено.
Под картиной — судьбою расчерченный тренд:
“...ist das Ende” — конец! И “das Ende der Welt”.
Вроде сеть на надежду расставлена.

Черно-белый абрис мирового конца —
это высшее предупреждение!
Чтоб никто, ни за что — не терял бы лица,
в хитросложности слов распознав мудреца
иль соблазнов пустых наваждение!

Хорошо, что придуман сегодняшний бал
вместе с дождиком сбрызнутой — нежностью!
Десять лет — юбилей! Он сегодня настал —
европейский (для русских людей) пьедестал —
сотней лет — пусть грядет с неизбежностью!

* * *

А я приехал из Ганновера,
вот только что по трапу слез.
Покинув современье номера —
уйти хочу в российский лес!

Пусть без котлет и без хмелистости,
и без охоты на опят,
а просто, быть в зеленолиственности,
бежать куда глаза глядят!

Хилять за Хилем так не хочется!
Но время вспять — не повернуть!
Туманом мечен в завтра путь,
но сердце пусть не обесточится!

Реальны — нынешние дни,
где мы, по счастью, не одни!

* * *

Плюя на беспорядков риски,
неся бесстрашие внутри,
Россия закупает виски,
штурмуя полки «Дьюти фри».

Ее стихией революций
не испугать, не удивить!
Ее хребет не может гнуться,
она в хмелю привыкла жить!

* * *

Есть величие прошлых побед!
Правда, беды с победами — рядом!
Поздравленья за давностью лет
громыхают привычным парадом.

А работа — она не видна.
Мы закрыли собой амбразуры.
Продолжается наша война —
та, в которой и пешки — фигуры!

А. Н.

В баскетбольности стен,
во врачебных дерзаньях.
Шесть десятков плюс семь,
как в былинных сказаньях!
За десятками лет —
ворох дерзких свершений,
свет бесспорных побед,
в чем-то спорных решений!

Седина — в бороде,
глаз — по-прежнему меток.
В постоянном труде —
миг спокойствия редок!
Трехочковый бросок
им освоен по жизни.
Окончательный срок
будет при — коммунизме!

Бесконечность пути
седовласому светит!
Значит, можно идти
не спеша по планете.
В трехкорзинной игре —
три кольца обрученья!
Будет в каждом дворе
новый способ леченья!

Питербаскет стучит
в наше чуткое сердце,
подбирает ключи
к пониманию скерцо —

той стремительной шутки,
отражающей время,
где секунды и сутки —
это в будущее стремя.

Жаль, что видим друг друга
мы по скайпу, и только,
верность ближнему кругу
не предав ни насколько!
Пусть все будет в порядке
в каждый миг от рожденья,
ведь на нашей площадке —
нет двойного веденья!

В. Г. Т.

Рождение — это как вспышка сверхновой
звезды, излучающей пекло Вселенной,
которая каждым фотоном готова
быть фугой, сонатою и кантиленой!

В Ганновер из Тулы летят поздравленья
бескрайним эфиром со скоростью света.
Ни годы, ни дни, ни минуты рожденья
забыты не будут в истории этой!

Пусть знаний сиянье осветит потемки,
еще не привыкшие к радостям быта.
Пусть будут счастливыми Ваши потомки,
а дружба меж нами — не ведает сбыта!

* * *

Пока на свете есть котлеты
и бочкой пахнувший коньяк —
нас не страшит прилет кометы,
гром пушек и кинжалов звяк!

Пока есть тосты и сонеты,
шашлык, сациви, винегреты —
космический не страшен мрак!
Страшилки детские — пустяк!

Владимир Резцов
(г. Калининград)

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ
*(Отрывок из исторической поэмы.
К 400-летию окончания Смутного времени на Руси)*

I

Кто мозги не пропил, слышь-ка,
Вспомни, крепче закусив,
То, как вор *Отрепьев Гришка* *
Стал царем всея Руси.

Как веревочке ни виться,
А конец всегда один.
Рассуди, коль не тупица,
Чем закончил сукин сын.

Чуден путь у скользкой мрази,
Знаков, что ни говори:
Попервой — из грязи в князи,
А потом уже в цари;

Дале — в шутовской личине
Чудо-юдо экспонат,
А царя уж нет в помине;
После — пушечный заряд **.

...В Польшу он через заставы
Крался нищим втихаря.
Там назвался, черт лукавый,
Сыном Грозного царя.

Дескать, вот он я, панове,
Жив, да только сир и гол.
Поможите царской крови
Возвернуть себе престол!

* *Григорий Отрепьев* (ок. 1581 — 17 мая 1606), самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного Дмитрия, ставленник Польши. Венчался на царство 30 июля (9 августа) 1605 г. под именем Царя Всея Руси Дмитрия Иоанновича. Известен в истории как Лжедмитрий I.

** 17 мая 1606 г. Лжедмитрий I был свергнут с престола и убит. Обнаженный труп самозванца несколько дней был выставлен напоказ в карнавальной маске и с дудкой во рту, потом доставлен в село Котлы (к югу от Москвы), где его сожгли, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад — туда, откуда пришел.

Коли в том помочь готовы,
Щедро отблагодарю.
В бой! И горе Годунову,
Нехорошему царю!..

Вор пришел с заморской ратью,
Сверг законного царя.
Католические братья
Саранчой за ним не зря.

Мастерами торовата,
Путь открытый на Восток,
Русь — обильна и богата.
Экий лакомый кусок!

На него, такой завидный,
Раскатали нос давно,
Да отправить в глотку, видно,
Богом не было дано.

Охоробрил Бог изрядно
Православных христиан,
И врагам Руси нещадно
Окорот доселе дан.

Ярославич * спесь им сбавил
На Неве и Чудском льду,
И праправнук ** меч прославил
В достопамятном году.

Правнук Дмитрия Донского ***
Сбросил ханское ярмо,
И нашествия большого
Не видала Русь давно.

Не забудет край наш русский
Крымских недругов навал,
Как *Андрей*, бесстрашный *Курбский* ****,
Их от тульских стен гонял.

* *Александр Ярославич Невский* (1220 — 1263), князь переяславль-залесский, затем новгородский, впоследствии Великий Князь Владимирский. 15 июля 1240 г. разбил на р. Неве шведских захватчиков (за что получил свое прозвище), а 5 апреля 1242 г. — войско немецких рыцарей ордена меченосцев на льду Чудского озера. Причислен к лику святых.

** *Дмитрий Иванович Донской* (1350 — 1389), Великий Князь Московский, праправнук Александра Невского. Разбил монголо-татар сначала на р. Воже (1378 г.), а затем 8 сентября 1380 г. в кровопролитной Куликовской битве, подорвавшей основы ордынского ига. Причислен к лику святых.

*** *Иван III Васильевич* (1440 — 1505), Великий Князь Московский. Окончательно освободил Русь от монголо-татарского ига в 1480 г.

**** *Андрей Михайлович Курбский* (ок. 1528 — 1583), удельный князь ярославский, полководец. В 1552 г. вместе с князем Петром Михайловичем Щенятевым во главе конного войска пришел на помощь Туле, отбросил осаждавшую город 150-тысячную орду крымских татар, часть ее настиг у р. Шиворонь и полностью истребил. Будучи раненым, из боя не вышел. 2 октября того же года стал героем взятия Казани. В 1557—1558 гг. тульский воевода. Участник Ливонской войны. Впоследствии бежал в Литву, опасаясь за свою жизнь в связи с репрессиями, развязанными Иваном Грозным.

Сколь их тут перебивало,
Алчных татей, злобных орд?
Русь сражалась и крепчала,
И крепчал ее Народ.

Нам бы в нашем государстве
В счастье жить до этих пор,
Да *подгнило что-то* в царстве,
И на трон уселся вор.

Он, не медля ни секунду,
Клятву ляхам дал: «Берусь,
Обещаюсь *Сигизмунду**
Католичкой сделать Русь**.

Вместо «Отче наш» *схизматы****
Запоют “*Magnificat*”****,
И червонные дукаты
Ливнем хлынут на закат.

Как на Мнишковой девице
Хочет Рим царя женить,
Католической царице
На Руси отныне быть.

Счастлив царь любовным пленом,
И ответ его таков:
За невесту добрым *веном******
Станут Новгород и Псков.

Быть им в *Речи Посполитой******
Верноподданными впредь,
Ей служить трудом и битвой,
Знать как милость, так и плеть.

Польской доблестной короне,
Чтоб придать ей большой блеск,

* *Сигизмунд III Ваза (1566—1632)* — польский король и Великий Князь Литовский с 27 декабря 1587 года, король шведский с 27 ноября 1592 по июль 1599 года.

** Лжедмитрий I тайно принял католичество и обещал после воцарения отдать Польше Северскую и Смоленскую земли, участвовать в антитурецком союзе, оказать помощь Сигизмунду III в его борьбе со Швецией, ввести в России католичество, жениться на дочери сандомирского воеводы Юрия Мнишка Марине, передать ей в качестве «вена» Новгород и Псков и уплатить Мнишку 1 миллион злотых.

*** *Схизматы* — так польские католики презрительно называли православных христиан.

**** “*Magnificat*” («*Магнификат*») (по первому слову первого стиха “*Magnificat anima mea Dominum*” — «Величит душа Моя Господа») — славословие Девы Марии из Евангелия от Луки (Лк. 1: 46—55) в латинском переводе.

***** *Вено* — выкуп, который в Древней Руси и некоторых европейских государствах периода средневековья выплачивался женихом за невесту.

***** *Речь Посполитая* (польск. *Rzecz Pospolita* — дословный перевод латинского слова *respublica*, т.е. «общественное» дело) — федерация Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией.

Дарим Мы алмаз в поклоне —
Бывший русский град Смоленск.

Благодарные премного,
Польше-матке бьем челом:
Каб не польская подмога,
Не бывать бы Нам царем.

И за то служанкой черной
Станет Русь в вассалах жить
И безропотной, покорной
Паньству польскому служить.

Просвещенная Европа!
За поддержку получай
В рабство русского холопа,
На поживу — русский край!

Помолясь в костеле богу,
Править станем Мы людьми
И мостить в Стамбул дорогу
Польше русскими костями.

Тако будем жить, покуда
Носим Мы державный чин!» —
Клялся ляхам царь-иуда —
Гришка *Одихмантьев сын* *!

А бояре, в бок им спицы,
Рады вору угождать
И куски родной землицы
Друг у дружки с мясом рвать.

Что им Родина-Отчизна?
Им барыш — отец родной.
Остальное — дешевизна,
И Отчизна — звук пустой.

...Царь на свадьбе веселится;
Словно истинный поляк,
Пляшет с полькою-царицей
Поганез да *кряковяк*.

Блещет Двор нерусским блеском,
Да у нас иная статья,
И умишком европейским
Нашу душу не понять!

* *Одихмантьев сын* — так именовался Соловей-разбойник в русской народной былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

«Не дадимся вам, собакам!
Не пойдем под чужаков!» —
Так ответили полякам
Славный Новгород и Псков.

И смоляне, страх забывши,
Не пустили чужака:
«Наш Смоленск отнюдь не бывший, —
Русский он на все века!»

Всей душой неистребимой
Пел Народ в своем кругу:
«На родной Руси, любимой,
Не бывать у нас врагу!»

Живы Невского заветы:
«Кто с мечом, того — мечом!»
Лютый враг! Запомни это!
Ты узнаешь что почему!

...Стон и плач по всей столице.
Зло пришло под каждый кров.
Над Москвою враг глумится
Зверством панских гайдуков.

Бьют мужей, а жен бесчестят,
Деток малых не щадят,
Грабят нищих, жгут предместья,
В небо, пьяные, палят:

«Что нам этот царь? Едва ли
Устрашит нас царский гнев:
Мы его на трон сажали,
Свиньи русские! *Пся крев!**»

Много предки потерпели
Злодеяний страшных ад,
Но на свадебной неделе
Грянул праведный набат.

.....

* *Пся крев!* (Psia krew!) — польское ругательство, дословно: «собачья кровь».

Игорь Мельников
(г. Тула)

РЕБЕНОК

Игорь Мельников родился 1 января 1981 г. в Туле. Работает фельдшером-лаборантом в Детской областной клинической больнице. Студент Брянского государственного университета им. Петровского. В 2005 году окончил МГГУ им. Шолохова. Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Участник областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева (г. Тула). В составе «Музы» регулярно выступает на площадках Москвы, Тулы и Тульской области. Автор сборника стихотворений «От и до». Имеет публикации в журналах: «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Русский писатель» (Санкт-Петербург), «Студенческий меридиан» (Москва), а также, альманахе «Иван-Озеро» (Тула).

РЕБЕНОК

Не хватило ребенку ласки.
Недодали любви ребенку.
Лишь читали из книжек сказки,
Да стирали ему пеленки.

В детский сад по утрам водили,
Поясняя: «Сыночек — надо!».
Так-то сказка и стала былью!
Так вот рай — обернулся адом,

А иллюзии тяжким бредом...
Отбывая повинность в школе,
Он с игрушками вел беседы
И как будто был всем доволен.

...Может, даже он зла не вспомнит,
Но обиду забудет вряд ли.
Ведь в стакане — тоска не тонет.
Впрочем, кто же в тоске догадлив?

И надует ребенок губы,
И захочет вина напиток:
«Бабы — дуры, коллеги — грубы».
А ребенку — давно за тридцать.

* * *

Душа в заплатах.
 Мерин сивый.
Чего желать? О чем жалеть?
Ты требовал долива пива,
А нужно было протрезветь.

Поверил ты, когда сказали,
Что будет вольно и хмельно.
Теперь залечивай печали,
Пока еще не все равно.

Те, что народ зовут к свободе,
Затем последнее возьмут.
Свобода, братец, бродит в поле
И не наденешь ей хомут.

Вокруг бурьян растет с размахом.
Комбайн последний заржавел.
И допевает песню птаха,
Ту, что народ когда-то пел.

ДУЭЛЬ

Сорока в снег зарыла хлеб —
Так в память прячутся слова.
Под снегом линии судеб
И прошлогодняя трава,

Поля, которым края нет.
А на снегу равнины сей,
Глубокий оставляют след
Полозья пушкинских саней.

Поэт спешит на смертный бой,
Как будто жизнь не дорога.
Другой бы плюнул и домой,
К теплу родного очага.

Ледышка солнца смотрит вниз
И хлопья сыплются с ветвей...
Другой нашел бы компромисс.
Порою, может быть, верней

Сбежать! Но Пушкин так не смог.
Ведь полагается врагу
Держать ответ. Нажат курок.
...Алеет не вишневый сок —
То кровь России на снегу.

НЕ ВРЕМЯ СПАТЬ!

В моей стране, где небо синее,
Где сеют те, кому не жать,
Где самый главный грех — уныние,
И нам его не избежать;

Где гений ты среди ровесников,
На каплю будучи умней,
Где грач, подобно буревестнику,
Кружит над суетностью дней;

Где утро зябкое, тревожное —
Стучится дождиком в окно,
Где мы отбрасываем ложное,
А правда — брошена давно;

Где нас поставят на довольствие,
Чтобы под пули подставлять.
...Живым проснуться — удовольствие.
Хотя, сейчас не время спать!

ОДИНОЧЕСТВО

Зимней ночью, в сельской хате,
Сном мятежным не уснуть.
Поворочался и хватит.
Почитай чего-нибудь.

Тишина тоску тачает.
Мерно тикают часы.
Почитаешь, выпьешь чаю,
Бросишь кошке колбасы.

Покурить пойдешь наружу,
Взявши с вешалки пальто.
Крикнешь: «Эй! Кому я нужен?»
Не откликнется никто.

На морозном небосводе
Тучи ветхое тряпье.
А в полях унылых бродит
Одиночество твое.

* * *

Наступила эрзац-весна.
(Пейте воду с ее лица!)
Аки плод загнила страна.
Запаршивела, как овца.

И такую ее люблю.
И такая она — моя.
За нее небеса молю,
И о ней беспокоюсь я.

Одурманен ее народ.
От вины перешел к вину.
Тянет ляжку из года в год,
Да не сдвинет никак страну.

Я по лужам хожу-брожу,
Все разумный ищущу ответ.
А еще — оптимизм бужу.
Но вокруг только сны и
бред.

* * *

Здесь все эфемерно и все беспонтово.
Бредовых стремлений несносную кладь
Ты бросишь, но жизнь начинается снова.
И ты этот бред собираешь опять.

С врагами союз, с сотрапезником стычка.
На что не решишься, когда на кону
Халва похвалы и признания лычки.
У нас не вменяется это в вину.

Но позже, когда ты достигнешь предела,
Подумай, об этом ли ты помышлял?
Упорно трудился и многое сделал,
Но правду с гордыней всегда рифмовал.

Вера Абакумова*
(г. Тула)

ИРИНА

ИРИНА

*Памяти моей матери.
Ирина — мир (греч.)*

Когда войны обрушилась лавина
И враг родные города бомбил,
Девчонке с мирным именем Ирина
Пришла повестка на отправку в тыл.

Стучал на стыках в ночь ползущий поезд,
В который ей война дала билет.
И раскололась жизнь на «до» и «после»,
В ней «до» всего лишь было двадцать лет...

Поджала ногу в тесноте девчонка:
Терпеть пришлось ей, чтоб не разбудить
Грудного рядом спящего ребенка —
Нельзя ей было ногу опустить...

И тот вагон с чужим ребенком спящим
Девчонке долго помнился потом.
Все это было страшным настоящим
Войны, к ней повернувшейся, лицом.

В тылу, готовя силы к наступлению,
Страна своих защитников ждала.
В дивизию прибыв для пополнения,
Девчонка путь на запад начала.

Кровавые военные дороги,
Бомбежки, переправы, медсанбат...
О туфельках давно забыли ноги —
Девчонка, как и все, была солдат.

* Наш постоянный автор.

Но прорастая каждою весною
Травой новой, жизнь брала свое.
Была девчонка очень молодою:
Любовь настигла первая ее.

Дарила встречи страшная година,
Поймав минуты редкой тишины.
Девчонке с мирным именем Ирина
Досталась доля счастья в дни войны.

Калеча судьбы, жизни отнимая,
Война катилась адским колесом...
Кто — грешник, кто — святой, не понимая,
Молва людская судит обо всем.

Легко мы верим, голову теряя,
Словам, что всем любимым говорят.
Девчонка тоже верила, не зная,
Что был любимый до войны женат...

Когда бои пересекли границу,
Девчонку поезд увозил домой.
Перевернул последнюю страницу
Ее роман военно-полевой...

Прогнав врага до самого Берлина,
Закончилась проклятая война...
Девчонка с мирным именем Ирина
Потом растила доченьку одна...

СВЯТЫЕ ИМЕНА

Вот и сентябрь — Рождество Богородицы
И чередой именинницы вновь:
В русой косе будто прядями сходятся
Софьюшка, Вера, Надежда, Любовь.

Бабьего лета деньки убавляются,
Солнце скупее, но ярче Луна.
Девочкам всем, кто в ту пору рождается,
Эти святые дают имена.

Софья, как Мать, нам ошибки прощает,
Вера нам духом упасть не дает,
В небе звездой Надежда сияет,
Ну, а Любовь в чистом сердце живет.

Будто стоп-кадром из жизни мне виделся
Незабываемый мамин рассказ:

Жарким по-летнему, солнечным выдался
День, когда я у нее родилась.

Мама рожает, война завершается,
Год високосный, конец сентября...
Мама, спасибо, что жизнь продолжается:
Верой меня назвала ты не зря.

Снова сентябрь — Рождество Богородицы
И чередой именинницы вновь:
В косу опять будто прядями сходятся
Софьюшка, Вера, Надежда, Любовь.

РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ПРОМЕЖ ДВУХ КАПИТАНОВ

По странному совпадению, ваше письмо застало меня за работой над повестью о том, как «Два капитана» отразились на моей мальчишеской судьбе после выхода на экраны одноименного фильма 1955 года.*

Я смотрел картину чуть ли не десять раз подряд и за летние каникулы отращивал волосы, как у Саньки. Но с началом учебы от меня потребовали постричься и оставить челочку на три пальца. Словом, я стал единственным школьником в СССР, который бросил школу и в результате остался на второй год из-за «Двух капитанов» и желая быть похожим на главного героя Каверина. Вот первая глава этой повести. Читайте и вспоминайте свое детство.

1

Я был настолько маленький, что мог влезть в карман. Нет-нет, не в качестве вооруженного карманника, а в образе и подобию мальчика-с-пальчик. Но им я тоже не был. Он, сказочный, жил в придуманном мире. Я, настоящий, живу в непридуманном.

Адрес? Пожалуйста, если вы не из милиции. Рига, улица Шкюню, 17, квартира 6. Расположена она в знаменитом здании на Домской площади, в бывшем доме, правильнее, резиденции Петра Первого. Здесь он гостил, когда наезжал в столицу Латвии, чтобы покупаться в заливе и погрозить шведам пальцем: не высовывайтесь из своей Скандинавии, всех отправлю на дно — рыбам на корм.

Он гостил, а я жил на последнем этаже, имея в своем распоряжении огромный чердак с небольшой комнаткой. Мы переехали сюда с улицы Аудею после обмена жилплощади. Время на дворе стояло самое то! Пушкин о нем писал: «В багрец и в золото одетые леса». А теперь пишу я, но не ради соревнования, разумеется.

Ради истины.

Смеетесь? Какая истина на втором десятке мальчишеских лет?

Ладно, ради восстановления справедливости.

Это годится? Тогда поехали дальше.

Куда? Не удивляйтесь, в кино. На фильм «Два капитана».

* Письмо главного редактора о Каверинском конкурсе 2012-го года.

Это была мировая картина. Снята режиссером Владимиром Венгеровым по роману Вениамина Каверина «Два капитана». На экраны она вышла в 1955 году, а до нас докатилась к лету следующего, и сразу захватила всех мальчишек и девчонок не только нашего двора, но и всей Риги, кроме того, как выяснилось, и всей страны.

Каждый хотел походить на Саньку Григорьева, пацана моих лет, нашедшего в речке сумку утонувшего почтальона с намокшим письмом капитана Татарина, покорителя Арктики. Санька дает себе слово, что отыщет следы пропавшего корабля «Св. Мария» и отправляется на поиски. В Петрограде, став по воле неблагоприятной судьбы беспризорником, он попадает в школу-коммуну, заведующим которой является брат капитана Татарина Николай Антонович. Именно тот человек, кто, по представлениям юного Шерлок Холмса, сыграл роковую роль в полярной трагедии. Попутно с учебой и разгадыванием тайны гибели полярной экспедиции боевито взведенный Санька влюбляется в Катю, дочь капитана Татарина и племянницу его брата Николая Антоновича — главного своего врага.

Ух! Пятерка за пересказ первой части фильма. Вторая для нас, ребят победного года рождения, менее интересная. И без всяких дополнительных измышлений мы понимали, что Санька, стоит ему поднабраться возраста и дорасти до звания капитана, тут же сядет за штурвал самолета. Потом изыщет следы экспедиции капитана Татарина, женится на его дочке и прилюдно докажет вину Николая Антоновича, чтобы того уpekли на всю жизнь в тюрьму.

Мы все были зачарованы юным Санькой, а не Александром Григорьевым — как его по батюшке и не упомяну. И стремились быть похожими на него даже внешне, не только поступками.

В этом мне больше других подфартило. Блондин, глаза голубые, росточка невеликого, да и походка такая — вразвалку. Одна беда — неподходящая для сличения с кумиром прическа. У него — волнистая шевелюра, у меня — челочка на два пальца. Не разрешалось тогда отращивать волосы. И не по той причине, что в них заведутся неприличные насекомые, а просто-напросто, потому что потому. Иди — пиши жалобу, если не на все сто согласен с партией и правительством.

До партии далеко, до правительства высоко, а учительница на мои жалобы ставила резолюцию: «Двойка!» И объясняла, что на одну страницу у меня больше трех грамматических ошибок. Пусть так, но справедливость дороже.

Этим присловьем я и воспользовался, когда наступило лето, и мы укатили подальше от школы — на взморье, где не возбранялось культивировать прическу под Саньку Григорьева. Что могло, то отросло, и с наступлением осени засверкал я на зависть одноклассникам выгоревшей «от загара» шевелюрой, как отменный киногерой — хоть становись сразу же под софиты и украшай своей белозубой улыбкой экран.

Эх, хорошо!

Но, когда тебе хорошо, тотчас кому-то плохо.

Плохо для классной руководительницы.

Плохо для успеваемости... по поведению.

Мало того, оказалось, это плохо и для всего класса. Нельзя допустить на пятнадцать подстриженных мальчиков одного лохматого черта, он всех взбунтует, кинет на отращивание волос, а потом — на приступ парикмахерских, чтобы выглядеть в приличном обществе аккуратных девочек, как уличные стилиаги.

— Мы не стилиаги! Стиляги не мы! — провозгласил я лозунг и покинул просветительское учреждение, где гранит науки хоть и полагалось грызть зубами, но при этом необходимо было выглядеть приличным ребенком с чубчиком на два пальца.

Ирина Стругова-Неверова
(г. Сиэтл, шт. Вашингтон, США)

БЕРЕГИТЕ СЕБЯ

Ирина Дмитриевна Неверова родилась в городе Новосибирске в 1940 г. С 1947 года по 1988 жила в Москве. Окончила школу № 644 в 1957 году, в этом же году поступила в Московский Лесотехнический институт и окончила его в 1962 году. Все время, до отъезда в США в 1988 году, проживала и работала в Москве. Работала конструктором, потом патентным экспертом во ВНИИГПЭ. Окончила Патентный Институт и постоянно повышала свою квалификацию. Посещала вольным слушателем философский факультет МГУ и лекции выдающегося, запрещенного, философа и богослова Г. С. Малюченко. Имеет троих детей. С 17 лет писала стихи и все, что волновало ее. Однажды встречалась с Булатом Окуджавой, от которого получила благословение. Была, так называемым, диссидентом и покинула Россию, как «враг народа». В 1991 году ей было возвращено Российское гражданство и прописка в Москве. В настоящее время проживает в г. Сиэтле, штат Вашингтон и продолжает писать о том, что ее волнует.

Берегите себя, эти слова все чаще и чаще можно услышать от русско-говорящих людей. *Берегите себя!* слышим мы с экранов ТВ. Это гламурные телеведущие прощаются с нами. Возможно, такая традиция, как и многое другое, появилась у русских вследствие прямого подражания Америке и американскому образу жизни. *Берегите себя* — есть неверный перевод слов прощания, принятых в американской среде. «Take care» — вот эти два слова, которые американцы часто бросают друг другу при расставании. Можно эти слова перевести, как наше «Будь здоров». Однако кто-то решил, что лучше будет направить пожелание заботиться (care) только на себя. Истинная английская фраза не несет в себе столь целенаправленной заботы. Просто забота! Просто будь осторожен! И все. Можно добавить сюда — смотри себе под ноги! Смотри, веди себя хорошо! Много смыслов может быть в этом коротком словосочетании. Почему же русские говорят: *Береги себя!*?

Подумаем и увидим, что после перестройки и после смутных братоубийственных лет устаканивания, люди очень и очень полюбили себя. И правда, почему бы не полюбить себя после стольких лет насильственного самоотречения? А самоотречение было, хотя и не всегда насильственное. Однако было. И многие считают всякое самоотречение пережитком Советского времени с его насильственными методами. Но позвольте! Куда же тогда отнести всю нашу классическую литературу и философию, и, в конце концов, наше Православие?

Помнится, недавно одна дама проповедующая чистоту помыслов, которую можно достичь с помощью медитации и настоек из трав, заявила своим почитателям, что главное в жизни — это забота о себе, получение максимальных удовольствий и безразличие к чужим неприятностям, тем более страданиям. Когда же один из присутст-

вующих скептиков вставил: «А как же православие?» Она закричала на него: «Не лезьте со своим православием!» И все присутствующие осудили скептика: «Не нравится, уходи с лекции». А ведь эта дама с самого начала приглашала людей к очищению православной молитвой, которую называла медитацией.

Итак, мы видим, что люди из всех сил принялись любить себя. И, как всегда, сорвались с цепи. Так всегда бывает, когда хотят чего-нибудь из всех сил. Тянут, тянут и рвут связи, рвут жилы и вены. Обрываются и срываются в ямы, пропасти и даже в Преисподнюю. Вы спросите — а если хотеть очень сильно чего-нибудь хорошего? Например здоровья своим детям? Или богатства своим детям? Это ведь не эгоизм? И не сорвешься никуда. Не правда ли? Или желать счастья только своей стране? Как быть с этим? Разве это плохо? Недавно один очень известный политолог, действительно, радующий за Россию, заявил следующее. Перескажем своими словами, но за смысл ручаемся. Россия потеряла своих сынов. Потеряла любовь к себе. Вспомните, — призывает политолог, — Одиссея! Перечитайте великую поэму. Одиссей возвращается в Итаку и говорит, принимая хлеб — «Вот мой хлеб! Вот мое вино! Вот моя земля!» Замечательно, но устарело. Простите, уважаемый политолог, устарело и опасно! Опасно быть из всех сил эгоистом, даже, если речь идет о хлебе, о вине и о Родине.

Один бездомный в США, услышав слова прохожего «*Господь благослови Америку*», с ухмылкой сказал — «Только Америку и благослови!? Остальных погуби!?!» Швейк в жизнеописании, сделанном великим чехом, упоминает молитву австро-венгерцев — «Господи, покарай Великобританию!» Вот как! Почему же и нам не делать так? Мы и до этого скоро докатимся. Почему бы русским не выдвинуть лозунг и новую национальную идею — «Господи! Помогите нам разбогатеть за счет других!!!! Изничтожь все остальные нации!» И, уверяю, многие примут эту молитву, как патристическую. Отчего бы и нет?.. Правда, возникнут сложности с определением нации.

Теперь нет наций — есть народ, состоящий из различных смешений предисторических племен. Береги себя! И точка! Конечно можно научить бормотать: берегите Россию! Но это и будет только едва слышное бормотание, потому что уж очень могуче и громко звучит теперь, почти в каждом русском — *Береги себя!* И это *Береги себя* скоро заглушит все иные мысли и чувства, если не перестать твердить эти эгоистические слова.

Поговорите со своими друзьями, если получите такую возможность, с близкими, что еще труднее (все так заняты с фэйсбук и любовью к себе), но все же. Спросите, что самое главное в жизни? И почти все, после 20 лет устаканивания и выветривания советских наук, опирающихся на Толстого с Пушкиным и Чеховым, ответят: «Мои дети, моя семья». Эти великие слова скрывают истинно главное для эгоиста. А главное в жизни каждого эгоиста — это Я! Я — самое главное в жизни. Я и мои удовольствия!

Поэтому все рассуждения о служении России будут такими же ложными, как и предыдущее служение Коммунистической идее, без понимания и без принятия этой идеи близко к сердцу. Близко к сердцу советские люди (не все) приняли только то, что *мне должны дать, меня должны накормить, меня должны обеспечить жильем и учением и медициной тоже... И все бесплатно, пожалуйста.* Все это пропало в одночасье. И людям, тем, кто себя любил больше всего на свете, осталось то, что и составляло их ту прежнюю сущность, т.е. — их собственное Я и то, что это Я должно теперь наслаждаться, как и требовало всего и бесплатно раньше. Оказалось, что ничего не изменилось, советский человек тоже думал только о себе и искал того, чтобы ему давали, давали и давали. Были и другие, но кто о них теперь помнит?

Однако эти другие учили иначе... И это очень важно. Очень важно как учат людей те, кто призван учить. Кто же это? Где они теперь? Или они тоже стали учить, как беречь себя? Где наши учителя? Пушкин и Толстой? Но их теперь не читают.

Теперь услаждают себя обсасыванием их личной жизни и наслаждаются сходством своих грехов с их грехами. Эта деятельность не мешает беречь себя, а наоборот успокаивает и побуждает к забвению собственных грехов. Им было можно, значит мне уж подавно! Да и вообще, кто придумал слово грех? Мне так хочется, значит не грех и за козла замуж пойти, особенно, если козел богат. Есть же такая русская, заметьте, русская, поговорка — «Любовь зла...» Мы ли не любим все русское и нашу Родину?

Есть еще и такое высказывание — *Делай не так, как я делаю, а делай, как я учу*. Возможно в этом смысле будет интересно услышать рассказ о президенте Рейгане. Однажды, как рассказывает очевидец, на одном из обедов завели опрос, кто кого считает своим героем. Когда дошла очередь до нашего политизированного актера, он повернулся к портрету Авраама Линкольна и долго молчал. Все подумали, что он назовет всеамериканского героя и своим героем. Но нет! Он помолчал, а потом важно произнес — «Мой герой — это Иисус Христос!» Можно посмеяться над этим и над этим человеком, являющимся самым ярким защитником капитализма и одним из самых богатых людей планеты. А можно подумать, что он так учит свою нацию. Возможно, но долго обманывать не удастся, и любой бездомный посмеется, просто посмеется американский бездомный. Но русские, только что вступившие в полосу капитализма, не посмеются, а заулыбаются, закивают согласно и перекрестятся на крест, повешенный через все тело. Недавно повешенный. И не вспомнят о распятом и нищем Христе. *Как не вспоминали о бедных наши богатые продавцы магазинов и взяточники-чиновники в Советском Союзе.*

И все-таки в Америке, именно из-за того, как учат их, не так противно говорить с людьми о жизни как стало противно говорить о жизни с русскими. Берегите себя! Дети — это святое! Семья — это святое! Мой дом — моя крепость! Моя машина, моя дача! Мой хлеб! Мое вино! Моя земля! Улавливаете гармонию и единство в данных умозаключениях? Все ведет в Ад! **Нельзя называть святым то, что по определению не является и не может быть святым.** Спросите у пещерного человека. **Он не мамонта называл святым, а небо.**

Святое! Дети — это цветы жизни, так у нас было. Да, еще добавляли — что, мол, эти цветы, вырастают на наших могилах. Теперь они стали святыми! Ужас! Ужас! И ужас! Понятие святости, где же оно? Семья должна быть крепкой, честной, красивой... Но никак не святой. Кто так думает, кто этого хочет? Посмотрел муж на другую — сжечь его, что ли? А уж о женщине, жене и вообще не стоит говорить. А семья теперь такая святая, что однополые браки тоже освящаются. А дети? Откуда их будут получать? Как и писал когда-то один из наших диссидентских писателей Даниэль (Помните, процесс Даниэля и Синявского? Кто о них сейчас помнит?) — детей будут получать и выращивать в аквариумах, как головастика. А чего особенного? Уже и сейчас из пробирки, в которую запустили икру, получают головастика. Они тоже станут святыми? Конечно, и, может быть, с большим правом, чем теперешние. Они будут лишены пороков предыдущих поколений. Генетика все побеждает. Но и без генетики — **Береги себя и будь счастлив! С этого все начинается, а кончается головастиками.**

Русские, возможно, не остановят всего этого, как думает знаменитый политолог. Но именно русские пока еще играют во все эти игры. Они только сейчас начали себя так любить, **но в их глубинной натуре нет этой всепоглощающей любви к себе.** Есть иная любовь, которая побеждает любовь к себе. И этот вид любви только у русских проявляется в наиболее видимой мере. **Это любовь к красоте. И возможно, наш провидец Достоевский имел в виду именно эту любовь к красоте и эту красоту, которая спасет мир.** Правда, сейчас стоит задуматься о том, как спасти эту самую красоту. Все это, именно, имеют в виду некоторые ратователи за спасение

мира, идущее от России. Возможно, Россия, поиграв в свой детский садик в джунглях капитализма, опомнится, как часто и делала, и перестанет настаивать на себялюбии, как вершине счастья. Ведь написал Иван Бунин в своих «Окаянных днях», в отчаянной и горькой книге, что даже мысль о том, что у него могла быть другая жизнь с домиком и садиком, с замечательной женой и детками, повергала его в то же отчаяние, что и бездомная жизнь. Чтобы быть более точными по поводу высказываний нашего нобелевского лауреата, вспомним, что это не была просто мысль. А было это так. Когда Бунину в юности кто-то предсказал счастье с домиком и садиком, Иван горько заплакал. Подумайте, почему, он заплакал? Это же так прекрасно, иметь свой домик, садик, замечательную жену и деток. В чем проблема?

А проблема в том, **что случаются революции**, и домика не будет, будет иммиграция, будет чужая земля, будет отчаяние. А еще могут и убить, могут сжечь и домик, и детей. Это тоже бывало и часто. Мы содрогаемся. Но тот, кто сжигал, имел своих детей и свой домик и дрался за свое счастье. **Когда свои дети дороже чужих, жди беды.** Потому что потом те, чьих детей сжигали, приходят и сжигают детей своих обидчиков. Все как в джунглях. Жил прайд львиный, лев был сильным и защищал свой прайд (семью), постарел лев, пришел другой прайд и выгнал старого льва, которого быстро съели блохи. А ведь его детки были для него святым. Другой же лев их благополучно убил. Оказывается и у них так бывает. Совсем как у людей.

И нет святого в животных, Увы! как думают теперь среди молодежи. Одна 11-летняя девочка все время повторяет, что животные много лучше людей. Не правда ли, это стало глобальным убеждением? Похлеще любви к себе. Или это тоже самое, что любовь к себе? Мой дом, моя жена, моя машина, мои дети и моя собака.

Так было, теперь круг сузился — **Я и моя собака!!** Узнаете кого-нибудь? Тысячи, миллионы молодых людей ищут приюта и денег для бездомных собак, а про бездомных людей спокойно сообщают — «Они сами не хотят работать». Так они думают и про своих стариков и инвалидов. И не думает никто из этих новых русских или новых американцев — яппи — что и их черед может настать, и им придется жить в кустах на Гавайских островах, потому что там тепло, или в инвалидном доме в полном одиночестве.

Твердят молодые люди теперь: Берегите себя! И уходит в небытие, как некая несуразица — **Берегите Мир! Берегите планету! Человек, это звучит гордо! Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!** Какая это все чушь!!! Не правда ли? Берегите себя и все будет хорошо.

Берегите себя! И на смертном одре, так как вы себя всю жизнь холили и лелеяли, любили себя... вам не в чем себя будет упрекнуть. Вы умрете под рыдания, искренние или ложные, «святых детей», кстати любящих по примеру родителей, только самих себя.

Но возможно! Нет, только предположительно, мы не настаиваем, есть иной мир, где вас спросят: «А что ты любил в той жизни, кроме себя? Любил ли ты людей?» Так будет, возможно, предположительно, потому что Тот, Кого поставил своим героем кровожадный президент, учил только одному — **Любите Меня! Любить же Его — это и означает любить все на свете.** И дом свой, и своих детей, и Родину. Любить по-настоящему и не предавать Христа, не распинать его снова и снова. Не стоит профанировать и крест, и свечи в церкви. Любить надо Бога, а не себя. И тогда будет счастье для всех на земле. Люди должны беречь землю, всю землю, планету. Поэтому вернем прежний лозунг:

Берегите Мир! Берегите нашу Землю! Берегите друг друга! Нам надо вспомнить, что каждая человеческая жизнь дорога, точно так же, как наши друзья, наши родители. При этом можно любить собак и кошек, цветы и деревья... и еще тысячи прекрасных вещей.

Однако свято одно — Небо и Тот, кто к нам спустился, чтобы показать что такое настоящая любовь.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ СИБИРИ

Материал подготовлен Тамарой Булевич

Александр Захарченко
(г. Красноярск)

МАРТ — НАЧАЛО ВЁСЕН

Родился в 1941 году в г. Омске. С 1964 года живет в г. Красноярске. Стихи пишет с юных лет. Печатался в газетах: Красноярский рабочий», Красноярская газета», Сегодняшняя газета», «Удачный экспресс», «Литературный Красноярск», в альманахах: «Московский Парнас», «Новый Енисейский литератор», «Русло», в коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее», «День поэзии Красноярского края», «Посвящение в рыцари», «Момент истины», «Сестры и братья», «Деды и внуки», «Мужская компания», «Скрипичный концерт», «Небесный свод стихов», «Гололедница», «Шаровая молния», «Вольные птицы» и многих других, в журнале «Литература Сибири». Автор поэтических книг: «Любовь и жизнь» (2001 г.), «Капли дождя» (2002 г.), «Катарсис» (2003 г.), «Птица счастья» (2004 г.), «Встреча у крыльца» (2006 г.), «Я — робот» (2009 г.). Руководитель литературного общества «Русло», редактор-составитель альманаха «Русло», член творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат премии альманаха «Новый Енисейский литератор» (2007 г.), лауреат премии ассоциации «Интеллект и культура» (2007 г.).

* * *

Март — начало вёсен,
И тепла, и света.
Мне бы пару весел,
Чтоб быстрее в лето.
Мне бы пару крыльев,
Чувства озарений,
Чтоб с небесной синью
Сравнить кусты сирени.
Чтоб сквозь холод зимний,
Вьюги неуютности
Мог вздохнуть я синий
Воздух моей юности.

* * *

Весенний луч
Еще колюч,
Но нет вокруг
Уже тех туч...
И пелены,
Тумана нет.
Струит другой.
Особый свет.

Струится воздух,
Луч дрожит.
Прохлада улицей бежит...
И снег пока еще кружит,
Сверкая отблеском лучей.

И радость из твоих очей
Лучится солнечным лучом,
И в моем сердце горячо,
Ты так близка, как светлый луч.

На Енисей с высоких круч
Хочу смотреть.
Вдыхая даль.
Ты — моя радость и печаль.
Ты — моя нежность, моя грусть.
Моя Сибирь и моя Русь.
Моя Мадонна — свет очей.

В твоих глазах
Весенний луч.
Улыбка, свет
Без темных туч.
И сердце рвется в небеса.
Весна — Природы чудеса!

Праздник Воскресения Христа
Утро... Светом дышит праздник
Воскресения Христа.
Стол... Раскрашенные яйца...
Завершение поста.

Куличи как пирамиды...
И Голгофа, Путь на крест.
Разливается округой
Светлый, чистый благовест.
Разливается округой,
Растворяясь в благодать.
Не хочу свою Россию
Никогда я покидать.

* * *

Хорошо, что больше стало храмов.
Что пришел религий звездный час.
Я, рожденный в вере православной,
Может, возвращаюсь к ней сейчас.

Только не приемлю перекосов
Для страны своей такой судьбы...
Рушится одно... И под откосом
Остаются прошлого столпы.

Но и в настоящем нет утечи...
Хоть и больше злата куполов...
На одеждах бедности прорехи
И порок, берущий свой улов.

Веры больше... И неверья больше...
Главное, так это храм в душе.
Хорошо, что храмов стало больше...
Плохо — нищих все слышней уже...

* * *

Я люблю! И потому внимаю
Каждому дыханию листа.
Как тебя всем сердцем обнимаю,
Принимаю светлый лик Христа.

И душе покоя не желаю
Так же, как и финиша любви.
Чем я старик, тем все меньше знаю
Про предназначения твои...

Зинаида Кузнецова
(г. Зеленогорск)

ЧАЙ ВДВОЕМ

Поэт, прозаик. Член союза российских писателей. Родилась 7 ноября 1945 года в селе Левашовка Аннинского района Воронежской области. С 1966 года живет в городе Зеленогорске Красноярского края (до 1992 года — Красноярск-45).

Публиковаться начала с 1990 года в городской и краевой газетах.

В настоящее время издано семь поэтических сборников: «Настроение», «Ночной звонок», «Медовый август», «Облака», «Память сердца», «Куст калины», «Забывтые острова».

В 1998 году на семинаре молодых писателей в г. Назарово Красноярского края ее рассказы были высоко оценены и рекомендованы к изданию отдельной книжкой. В 1999 году в городской типографии был издан первый сборник рассказов: «Райские яблоки», в 2002 году в издательстве «Кларетианум» (г. Красноярск) — второй: «Болеутоляющее средство». В 2007 году в издательстве «Буква» (Красноярск) вышла в свет книга: «Белый снег — дорожка черная», куда вошли повесть и рассказы.

Стихи и рассказы публиковались в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Енисей» (Красноярск), «Молодая гвардия» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), в изданиях Красноярской писательской организации «Послание в вечность», «Какие наши годы», в различных коллективных сборниках: «Поэзия на Енисее», «Поэтессы Енисея», «Литература Сибири», в Антологии сибирской поэзии и прозы, в журналах «Светлица», «Совершенно открыто», в городских поэтических сборниках «Лесная песня», «С душой наедине», «Симфония чувств», «Серебряный звон»; в «Антологии поэзии закрытых гор», в сборнике «Стихи поэтов закрытых городов и многих других.

Руководитель литературного объединения «Родники». Составитель и редактор городских поэтических сборников, литературной странички «Созвучие» в городской газете «Панорама». Кроме литературного творчества занимается живописью.

ЧАЙ ВДВОЕМ

За окошком тополь что-то шепчет,
На телеэкране — «Чай вдвоем».
Заварю и я чайку покрепче,
Посидим с подружкой, попьем.

У меня в гостях «Принцесса Нури» —
Фея из заморских дальних стран,
Где не воют ночью злые бури,
Где целует берег океан.

Плачут свечи, медленно сгорая...
Где, принцесса, принц чудесный твой?
В тишину и безмятежность рая
Мы б за ним отправились с тобой...

Дышит ночь волшебным ароматом.
Стынет чай... налью бокал вина...
Нури, ты ни в чем не виновата...
Осень... одиночество... луна...

МОЕ БОГАТСТВО

На доньшке самом
Моих сундуков и копилков,
Как старый Кашей,
Я добро под замком берегу,
Все то, что я так
Терпеливо и долго копила,
И то, что случайно
Роняла туда на бегу.

Там собраны весны
И шорох февральской метели,
Потухшие угли
Горевшего ярко огня,
Живут в сундуках
Соловьиные звонкие трели,
И жгучие тайны
Запрятаны там у меня.

Пылятся в них маски,
Что в жизни порой я носила,
Грустят там надежды
Счастливых моих вечеров,
Подарки судьбы,
О которых ее не просила.
И даже Жар-птица однажды
Туда уронила перо.

Там пахнет туманом,
И лесом,
И скошенным лугом,
И луной поляны
Еще не просохла роса.
Оттуда мне слышится
Голос забытого друга
И многих других,
Дорогих мне людей голоса.

Свои сундуки
Я не часто теперь открываю.
И не потому,

Что не стоит о прошлом тужить.
Но лишь потому,
Что порою я просто не знаю —
А что же сейчас
Я могла бы туда положить?

СЕДЫЕ МАЛЬЧИКИ

В библиотеке, в уютном зальчике,
В углу под пальмою грустит рояль,
Сидят поэты — седые мальчики,
В руках блокнотики, в глазах печаль.

У них в гостях поэт — весьма «раскрученный»,
Какой-то премии лауреат,
И, ранней славою уже измученный,
На всех скучающий бросает взгляд.

Читает юноша про секс уверенно,
Про «телок» — девушек в «стихах» тех нет,
И зал, притихший вдруг, молчит растерянно,
Понять пытается весь этот бред:

А где ж романтика, где чувства светлые?
Где дали синие — мечты полет?
Где о любви большой слова заветные,
Когда от радости душа поет?!

А гость бубнит про драйв да про наркотики,
Про сцены грязные постыдных снов...
И прячут «мальчики» свои блокнотики,
С наивной рифмою «любовь и кровь».

...На сердце муторно. Я в одиночестве
Иду по городу... Ночь хороша.
Но тороплюсь домой — скорее хочется
Взять томик Пушкина...
Болит душа...

БЕГ ВРЕМЕНИ

Опять косыми струйками дождя
Окно, как занавесками, закрыто.
Сидит ворона на руке вождя,
Бежит куда-то песик деловито.

Старушка ковыляет, чуть дыша,
С пустым полиэтиленовым пакетом,
И вместе с нею, тоже не спеша,
Идет Киркоров — на пакете этом.

Проходят мимо, важные на вид,
Ухоженные, с зонтиками дамы.
Но что-то в них такое говорит,
Что пережили дамы в жизни драмы...

А вот, как стайка бойких воробьев,
Бегут девчонки, в шапочках веселых,
Спешат куда-то, видно, после школы,
Щебечут что-то громкое, свое.

Неоновые цифры на табло
Друг друга в бесконечности сменяют.
А девочек мальчишки догоняют —
Наверное, время им любить пришло...

За дымкой запотевшего стекла
Дождь песню монотонно продолжает.
И смотрит время в лица-зеркала,
И лица это время отражают.

* * *

Говорила: «Люблю» — и любила.
Говорила: «Ценю» — и ценила.
Говорила: «Ты мой». Ревновала.
Говорила... Но не признавала.

Ты болеешь — мне вдвое больнее.
Ты страдаешь, а я — сильнее!
Ты не дышишь, и я не дышу,
Я спасти тебя Бога прошу.

Бесконечной и страшной ночью
За окошком кузнечик стрекочет...
Жизни нить так тонка и непрочна.
Ты живи! Я люблю тебя очень.

МОРОЗНО

Все обещают потепленье скоро
Красивые девицы на экране.
Ну, а у нас пока еще за сорок,
И растворились улицы в тумане.

Вновь не сбылись экранные пророчества,
И занавесил окна белый иней,
И стынут во дворах от одиночества,
Как брошенные женщины, машины.

Лишь фонари стоят во тьме геройски,
Их очертанья призрачны и стерты,

И светофор автобусу по-свойски
Вдруг подмигнет на перекрестке
глазом желтым.

ПТИЦЫ

Как пела в садах наших
Птица Любовь,
И нас за собою
Звала в поднебесье!
В ночной тишине,
В пересвисте ветров
Звучали призывные,
Светлые песни.

Как пела в сердцах наших
Птица Любовь —
Восторг и смятенье,
И сладкая мука!
Но вместо нее
Прилетела на зов
И камнем вдруг падала
Птица Разлука.

И птица Измена
Здесь тоже была,
На праздник чужой
Лезла гостьей незваной.
И душу на части
Когтями рвала,
Клевала безжалостно
Свежие раны.

И вечная спутница —
Птица Печаль —
Опять распускала
Крыло вороное.
А птица Надежда,
Манящая вдаль,
Опять навещала нас
Каждой весною.

.....

От стаи большой
Не осталось следа,
Лишь Память одна
Все кружится, кружится...
А следом за стаей,
Не зная, куда,
Летит наша Жизнь —
Быстрокрылая птица.

Михаил Тарковский
(г. Туруханск)

ВЕКОВЕЧНО

Михаил Александрович Тарковский родился в Москве. После окончания пединститута им. Ленина (отделение география-биология) уехал в Туруханский р-н Красноярского края, где работал сначала полевым зоологом, а позже охотником. Живет там и по сей день.

Первые стихи опубликованы в журнале «Охота и охотничье хозяйство» в конце 80-х годов. В 1986 г. поступил на заочное отделение Литературного Института им. А. М. Горького на семинар поэзии В. Д. Цыбина. В 1991 г. вышла книжка «Стихотворения» с рисунками автора, куда вошли стихи из дипломной работы.

Прозу начал публиковать в журналах с 1995 года. В 1998 г. впервые заявил себя с повестью «Стройка бани» («Таинственная влага жизни»), которая была напечатана в журнале «Наши современники» и отмечена премией журнала. В 2001 г. вышла книга прозы «За пять лет до счастья». В 2003 г. стал финалистом литературной премии Ивана Петровича Белкина 2003 года за повесть «Кондромо». В 2003 г. вышла книга «Замороженное время», которая презентовалась издательством «Андреевский флаг» на Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне.

В 2003 — 2005 гг. был инициатором и соорганизатором съемок и автором идеи и сценария четырехсерийного документального телефильма с рабочим названием «Енисей-кормилец» («Промысел»), вышедшего в 2008 г. под другим названием и авторством. В фильме использованы кадры из личного видеоархива писателя. Фильм повествует о жизни героев рассказов и повестей писателя — его товарищей — рыбаков-охотников из Бахты.

В 2007 г. в журнале «Октябрь» вышла первая часть повести «Тойота-креста». В 2009 г. — вторая часть. В 2009 г. Новосибирским издательством ИД «Историческое наследие Сибири» выпущена серия прозы из трех книг «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста». В 2010 г. стал финалистом премии «Ясная Поляна» за книгу «Замороженное время». В 2011 г. закончил третью часть «Тойоты-кресты», полная версия этой книге готовится к печати во Владивостокском издательстве «Рубеж».

Уже с десятков лет по левому берегу Бирамы охотился Митька Шляхов, худощавый и крепкий парень с правильным, усталым лицом и складчатым шрамом под глазом. Весной по возвращении из района его посреди деревни встретил шебутной дед — дядя Толя Попов, недавно похоронивший жену. Он издали закричал: «Мне тот берег отвели... Убир-р-ай капканья к едерене матери!» Та сторона Бирамы пустовала, Митька относился к ней как к своей собственности, и у него было там четыре дороги, которые теперь предстояло убрать. Возбужденный дядя Толя раз десять повторил, что ему «чужого не надо, но его есть его», а Митька, взбудораженный жгучей и по-

нятной таежной ревностью, ушел домой, зачесал голову и стал «кумекать», представляя Бираму, которую ему никогда не приходилось ни с кем делить и где с каждым камнем и листвению у него были свои отношения.

Митька сидел в любимой позе: поджатая нога, папироса во рту, рука чешет затылок. А сам будто подсмеивается над собой, хотя именно так вот с почесом и с кумеканьем все у него и делалось: обустривалась тайга, ловилась и сдавалась рыба, ставилось сено на двух коров и росло трое ребятишек. Двигался он, словно ему что-то мешало, топтался, свозя шапку, порывисто шевеля всем телом, поводил то плечами, то шеей: колол ли чурку или разгребал разношенным, будто брюхатым, юфтевым броднем снег перед «бураном» на предмет воды — весь расстегнутый, ухо шапки топырится, сзади топор торчит, в зубах папироса. Одевался во сто одежек. Сверху что-то вроде тонкой всегда расстегнутой телогрейки, под ней расстегнутый же азам, под ним истлевшая безрукавка, под ней азам из портяночного сукна, под ним свитер. Все это тряслось карманами, в которых погрозывали спички, отовсюду сыпался табачок, гайки, пульки от тозовки. Собираясь закурить, останавливался, возился, постукивал по карманам, ловил отзывающиеся сквозь бесчисленные слои платья спички, нащупывал портсигар — черную пластмассовую коробочку с надписью «Набор сверел», служившей для товарищей предметом не приедающихся шуток: «Петрович, дай сверло-то!». Сгоревшую спичку засовывал в коробок снизу, так что коробки у него были неряшливо-пухлые, с оттопыренными донцами. Дома курил не переставая, сидел, подоткнув колено на диване, косясь в телевизор, докуривая одну папиросу, уже нащупывал другую, прикуривал всегда не с первой спички, отвлекаясь на разговор и пыхтя. Пылающую спичку пихал в переполненную половинку пивной банки, и та горела костром, а Митька сидел, поджав колено и задумчиво глядя в огонь.

— От, старый пенек! — все качал головой Митька, — от че удумал, есть же участок под боком, а все покой не берет!

Покой Дядю Толю и правда не брал. С годами он как-то все бодрел, и если лет десять назад его звали Инвалидом из-за хромой ноги, то теперь нога прошла, «кляку он свою выбросил» и, снаружи, подсохнув, настоявшись на каких-то экономных стариковских соках, будто навсегда застыл в своих шестидесяти годах. Был остроумен, до предела непоседлив, говорил солидно, басовито, и, сильно сельдюча, гудел эдакой шепелявой трубой. Летом похоронил жену, тетю Феню. Разбитая параличом, она двенадцать лет пролежала пластом на койке.

Едва открывался Енисей, дядя Толя уже петлял между льдин в своей рыжей, ишорканной до оловяного блеска «обухе», с фанеркой вместо половины стекла, про которое мужики говорили: «О-о, Прокопич, стекло у тебя богатейшее!» Носился по сети и, подъезжая к берегу, лихо разворачивался и, метнувшись несколько раз вверх и вниз, проверял нет ли кого чужих. Взвалив мешок, бодро шел на угор, на слова встречного мужика: «Погода налаживается!» — гулко бросал: «Я велел!». А дома снимал ушанку, и под шапкой была потная лысеющая голова с завитками волос и стыдно светящейся кожей. Сидел, переводя дух, на табуретке. Огромные руки, плоские пальцы с выпуклыми, как желуди ногтями, в ушах седые волосы, бритое морщинистое лицо в усах и серые глаза с мутно размытыми краями радужины. Казалось, через заросшие уши, через эти мутные глаза, жизнь должна бы доходить тоже мутной, приглушенной, покосившейся, а жизнь эта что ни день обдавала новой кристальной отчетливостью, и чем мутнее становились эти глаза снаружи, тем яснее и прозрачней гляделось в них из дяди Толиного, сухого и жаркого нутра. На тучу, свинцовую воду и освещенную низким солнцем рыжую поленницу, на едва тронутую ветром пятнистую гладь Енисея, на молодую девку с банкой и гуднувшей в ней мухой, на розоватый в желтых жилах пласт осетрины, мелко дрожащей под слоем соли.

Однажды он, наклонившись попить к минерально-прозрачной бирарминской воде,

увидел на фоне высоких и будто темных облаков свое старое и худое лицо. Вздрыгнув, он перевел взгляд дальше, в речную глубину — лицо растворилось и остались только колыхающиеся огромные и будто увеличенные рыжие камни.

Ясным осенним деньком клепал Митька под угором казанку, клал дюралевую заплату на пропитанную краской тряпку, и проходящий мимо дядя Толя рванулся, сунулся прямо в руки, в дрель, в краску, пробасил: «На сто, парень, садис? На краску? Сади на солидол — векове-е-ечно будет!» Митька рассмеялся, долго качал головой, мол, от старый, отмочит дак отмочит, и все чудилось, как протяжным и гулким эхом отдается это басовитое «Вэковэ-э-эчно!» по берегам и хребтам.

На охоту дядю Толю по старой дружбе забросил на вертолете охотовед, а Митька уехал, как обычно, на лодке-деревяшке. Ночью накануне отъезда шумно отходил толкач с баржой, светя прожектором, дул ветер, отползала бесформенная черная туча и за ней свежо сияло созвездие Медведицы. В сених темный замусоленный до блеска топорик со свежей полосой лезвия был воткнут в пол и, держась на самом уголке лезвия, казалось, висел в воздухе. На другой день груженная деревяшка стремительным кедровым носовилом, как бритвой, резала крученую дымчатую воду, распластывала сжатую плитами тугую, в продольных жилах, воду слива. У первой избушки Митька хватил винтом донного льда, и тот задумчиво всплыл зелеными хлопьями со влипшими камешками. Наутро кидал спиннинг, и подцепился таймешенок килограмм на семь, которого он подсек, с силой изломив удилище, но тот сорвался, веером рассыпав по воде розовую крошку губ. У последней избушки возле берега был ледяной припаяк, на который он с разгону залез лодкой. Лодка стояла косо, задерживая корма выдавалась в Бираму, собирая свежий ледок, и в кристальной воде неподвижно синел сапог мотора. Вечером у избушки Митька с пулеметным треском пилил дрова «дружкой» без глушителя, и в темноте свирепо бил рыже-синий выхлоп из круглого оконца и чудно озарял подстилку.

С дядей Толей они так ни разу не увиделись, только в одном месте на том берегу торчала в камнях свежая елка, и напротив нее в лесу темнел чум из рубероида.

Частенько он видел на той стороне Бирамы лыжню, выгоняющую дедов берег, но даже в крутых поворотах показательно избегающую Митькиной территории. Правда, когда Митька сел на «буран», дед сдал позиции и, экономя силы, ходил по готовой дороге. Митька оставил на воткнутой палке записку, мол, «че шарахашься, как чужой, заходи в избушку-то, хлеб в салафане». Тот раз зашел, но без него, оставив на нарах кружку с недопитой водой.

Вверху за Майгушашей, по которой проходила Митькина поперечная граница, была бывшая пилотская избушка, где и базировался дядя Толя. В устье у своего берега он наколол торосов и настроил печурок из прозрачных голубых льдин. Митька ехал в свою избушку на Майгушаше, а в печурке сидела живая норка, к которой Пестря, Митькин кобель, бросился стрелой и, вырвав из капкана, задавил рядом с печуркой. Митька подлетел на «буране», забрал норку и поехал за устье искать деда. Он гнал передутую дедову лыжню, реку все сильнее спирал хребты, крутые каменные пабереги обрывались в бурлящие черные промоины, он бросил «буран» и пошел пешком. Уже стемнело, дул ветер, пробрасывало снежок, лыжню совсем задуло, и Митька нашел только бочки в тальниках. Он надеялся, что залает дедова собака, но та не лаяла, как потом оказалось, избушка стояла далеко в хребте. Митька отложил поиски на завтра и уехал вместе с норкой к себе в Майгушашу, а на следующее утро дед возьми да еще потемну уйди обратно вниз. Митька по утренней сини, с фарой, подъехал к устью и наткнулся на свежую лыжню: «От пенек шебутной! — выругался он, враз вспотев, — ведь теперь так и решит, что я у него норку из капкана спер! От позорище-то!»

Митька завернул норку и вместе с запиской повесил на высокую палку на устье Майгушаши. Камнем висела на душе эта проклятая норка, и, понимая, что не стоит она таких переживаний, он, чем больше старался о ней не думать, тем сильнее думал. Вернувшись из дальних избушек и выйдя на связь, он узнал, что дед, недовольный охотой, как раз в то утро убежал вниз к соседу-охотнику из Имбатска, откуда его через две недели вывезли вертолетом. «Значит, до деревни теперь», — с досадой подумал Митька, которого бросало в жар при мысли, что вот уже больше месяца дядя Толя считает его мелким вором. Ловя в прицел белку, с цепким топотком взмывшую по стволу листвени, или подходя к припорошенному, висящему в царском великолепии ворса соболю, он уже не радовался, а чувствовал только одно, что, как топор в сучкастой листвяжной чурке, все глубже увязает в этой дурацкой истории.

В деревне выяснилось, что уже дома дядю Толю хватил инфаркт и что он в больнице в Туруханске. Прилетел он перед Новым годом неморозным, серым деньком, и Митька, выждав сутки, пришел к нему, прихватив снятую и оправленную норку. Дядя Толя с пергаментно-желтым лицом, на котором темно выделялись подстриженные усы, лежал под красным стеганым одеялом, выпростав руку с плоскими пальцами и фиолетовым еще в тайге ушибленным ногтем.

— Ну, ты как, дедка? — спросил Митька, порывисто сжав эту тяжелую, холодную, как рыба, руку.

— Парень, тязево, — сипло ответил дядя Толя и, переведа дыханье, кивнул сквозь стену, — Анисей-то, гляди, как закатало. И будто продолжая находиться где-то вне своего отказавшего тела, рассказал, как его прихватило «колотье так и хлестат», и как врач сказал после: «Хоросо, сто ты не зырный, ну не толстый в смысле, а то бы крыска».

Митька, внимательно кивая, выслушал, а потом вытащил из кармана норку и принялся объяснять:

— Дяа Толя. Короче, кобель, козлина, у тебя нагресил... — но дядя Толя не дослушал и только сделал лежащей на одеяле рукой-рыбиной слабый и далекий отпускающий жест... А когда Митька выходил на улицу, вытирая шершавым рукавом глаза, там уже всюю разворачивало на север, расплзались облака, открывая нежно-синее окно, на фоне которого торопливо неслись последние дымные нити какой-то другой близкой облачности, и на душе тоже легко и свободно было, будто движением дяди Толиной руки отпустилась не только эта злополучная норка, а все грехи его жизни.

Летом дядя Толя привез из Красноярска Галю, аккуратную и вежливо-осторожную пожилую женщину, с которой познакомился в больнице и которую не приняла только дочь Афимья, а все остальные говорили, что, конечно, поторопился дедка, но Феня две-над-цать лет разбитая пролежала, а ему тоже пожить охота. Вернувшись, дед в тот же день, организовав мужиков, стремительно стащил лодку с уже привинченным мотором, заправленным бачком и уложенным в ящик самолловом. Митька рыбачил с ним рядом и, высматривая самоллов, видел, как билась у деда под бортом, вздымая брызги, рыба. Полчаса спустя дядя Толя поднес ее к берегу, из мешка торчали два хвоста, и вдоль лодки, судорожно приоткрывая жабры, литым бревном лежал огромный осетер.

Под осень дядю Толю свалил второй инфаркт. Из больницы его привезли на «Лермонтове», под руки вели на угор, откуда с пристальным участием глядел народ. На полпути дядя Толя сел на камень и долго отдыхал, глядя в пустоту потухшими глазами. Недели через три он засобирился с Галей в Красноярск уезжать.

Вечером, за два дня до теплохода, он с аппетитом поел, а потом его вдруг стошнило. После укола дядя Толя сидел на табуреточке, сын и дочь поддерживали его за руки. Срывающимся голосом он крикнул: «так зыть хочу!» и заплакал, а через час умер, так никуда и не уехав. Наши бабы говорили: «Феня не пустила».

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР – 25 В «ПРИОКСКИХ ЗОРЯХ»

Елена Перепелкина
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Выпускница Литературного института 2011 года.

ЗА СТЕКЛОМ

Я едва заскочила в вагон. Следом цыганка. Она попыталась задержать двери, мужчины в вагоне помогли ей. Пока держали, мал, мала, малехонький — быстро протиснулись между людьми. Только и слышали голос дежурной метро, подбежавшей к дверям: «Кошельки держите!» — с улыбкой и по-свойски. Двери резко закрылись. Пассажиры сумки прижали — едем. Возле меня двое цыганят. Один мне улыбается. Одежка на нем никудышная: куртка болотного цвета, выцветшая, потертые гамаши. А глаза — чернее черного. Напомнил он мне...

Мне было не больше семи. Я простудилась. Меня положили в десятую палату детской больницы, самую дальнюю в левом крыле на втором этаже. Я приоткрыла белую дверь и вошла. Никого. Кинула пакет на кровать и подошла к окну. Мой детский сад. Кусты, дырка в заборе. Хлопнула дверь. Я оглянулась...

Плохо помню ее. Помню, как она была одета, ее имя, отдельные картинки. Но почти забыла, о чем мы с ней говорили. И говорили ли вообще?

— Мам, ну что она ходит за мной? — злилась я.

Она смотрела сквозь стекло двери: высокая для своих пяти, черненькая, с вечно слезящимися глазами и коротко стриженными волосами (наверное, вши были); в розовой теплой юбке, красных колготках, старых сандалиях, несколько раз подшитых и заклеенных, и мышинной кофте на замке, который не застегивался. Мама доставала из сумки бананы. Давала один мне и говорила:

— Дочь, угости Риточку.

Я прижимала его к груди, шипела, что не дам. Но все же подходила, чуть не плача протягивала банан и бежала назад. Она брала, но не уходила, все смотрела, как я жмусь к матери. Имя «Ритка» гораздо больше ей подходило.

Как-то мама пришла, но я спустилась не сразу, была у доктора. Когда прибежала, увидела рядом с моей мамой Ритку.

— Иди отсюда! — закричала я.

Ритка сжимала в руке растаявшие конфеты и не двигалась. Тогда я толкнула ее. Мама схватила меня за руку и больно стукнула по попе. Я рванула к двери. Чуть не сшибла медсестру с каким-то подносом. Быстро взбежала по ступенькам на второй, третий. Добежала до кармашка коридора, где обычно никого не было. Села в угол. И так горько заплакала...

— А почему к тебе мама не приходит?— спросила я однажды, сидя на своей кровати. Ритка, вытянув ко мне ноги, сидела напротив и молчала.

— Ты ее любишь?

Ритка, помедлив:

— Люблю. Мамка... хорошая. Мамка песни... А дядя Игорь шапку мою в сугроб. Кинул.

— Дядя Игорь — это твой папа?

— Нет... — Ритка, опустив голову, теребила краешек своей юбки.

— А кем она работает?

— Мамка... Мы бутылки искали.

Я засмеялась. Рассказала своей. Она отругала, сказав, что Риточку нужно жалеть. Но у меня это никак не получалось...

Она ходила за мной по пятам. Даже когда я разговаривала по телефону, стояла рядом, уткнувшись головой в стену.

Я сердито махала на нее рукой. Она отходила за стену (телефон был в коридоре), но продолжала слушать, рисуя что-то пальцем на стене.

Еще помню, что я не любила кашу, особенно манную. Помешивала, морща нос, поднимала ложку с кашей над тарелкой и плюхала ее. В садике были тарелки с разными картинками на дне — то петух разноцветный, то жук-носорог, то сказка какая. Я разгребала манку, с интересом разглядывала секретик, а потом относила нянечке, не съев ни ложки.

В больнице тарелки были белые. Но по утрам тоже давали манку.

Я по-прежнему не брала ее в рот. Мы сидели с Риткой за маленьким серым столом напротив друг друга. Она уплетала вкусную кашу. За соседним сидели девочки моего возраста, они смеялись, кидали друг другу в тарелку манку. А я отдавала Ритке свою порцию и жалела, что меня положили не с ними.

Я тогда ходила в детский сад, в старшую группу. Из садика меня всегда забирала мама. Папа работал. Но когда приходил он, я бежала навстречу, отец подхватывал меня и целовал в щеку. Гордая, счастливая, я брала его за руку, и мы шли домой. Я рассказывала, как прошел день, что давали на обед и как мы кидались подушками в тихий час.

Иногда меня забирали друзья отца, я все равно бежала им навстречу, обнимала, конечно, не так крепко. Матери приходили в сад каждый день, а отцы или дяди намного реже.

Меня вели на работу к папе, где я всех знала и чувствовала себя принцессой. Мне улыбались, совали яблоки, задавали глупые вопросы (глупыми они стали только теперь): «Дневник-то купили? А портфель какой?». Все боялись и уважали отца.

А я боялась уколов и сейчас боюсь.

Ритка равнодушно заходила в кабинет врача, снимала колготки, задирала юбку и, не издав ни звука, выходила. Я изумленно смотрела ей вслед. Она медленно шла в

палату, одной рукой проводя по стене, другой потирая больное место. Я же стояла и не решалась войти, пока меня не вталкивала медсестра.

Мне казалось, что наша медсестра больше ее любит. Она всегда звала ее Риточкой. А меня только по фамилии. Она чаще угощала Ритку витаминками, улыбалась, когда та глупо и неуклюже танцевала, заслышав музыку. Ночью, выходя в туалет, я увидела, как она штопает Риткины колготки. А как-то подарила ей большую шоколадку.

Я зашла в палату, Ритка быстро спрятала что-то за спину.

— Че прячешь? — спросила я.

Что-то хрустнуло у нее за спиной. И она, помедлив, протянула мне половину шоколадки.

Мы сели на кровать, облокотились на стену. Молча посмотрели друг на друга и улыбнулись. Мы тогда съели обе половинки. И я достала из шкафчика вафли.

Ночью Ритка задыхалась, я часто просыпалась от ее кашля. Мне становилось страшно, и я бежала за медсестрой. Медсестра торопливо входила, включала свет, делала укол, а потом еще долго сидела, поглаживая ее по спине.

Иногда мы вместе смотрели телевизор. Между палатами был небольшой перекресточек, в одном конце за столом с банкой градусников, таблетками и газетой сидела наша медсестра.

В другом был старый диван, огромные, как в бане, часы на стене и телевизор. Мы садились рядом на зеленый диван. И вместе с нянечкой (которая любила нас одинаково) и медсестрой смотрели сериал. Ритка смеялась и все прижималась ко мне. А я отодвигалась. Думала — места мало...

Как-то мы с Риткой забрались на широкий, облупленный подоконник и смотрели в окно. Прямо под ним играли, кусались и заливались лаем собаки, обе черные с белой грудью. Меня смешили черно-белые псы. Все казалось, что черно-белые коровы и кошки — это нормально. А черно-белые собаки — смешно. Я улыбалась.

— Любишь собак? — спросила я Ритку.

Она вдруг испугано посмотрела на меня и помотала головой.

— Мухтарка злой, погладить хотела, а он... ах! — она обхватила свою руку, — цапнул. Цепью гремел ночью. Боялась. Я вот как делала, — Ритка легла на кровать и накрыла голову подушкой.

А я вспомнила, как у меня появился щенок. Мы шли с мамой из садика. Вдруг она сказала:

— Тебя дома ждет сюрприз.

— Какой? — обрадовалась я.

— Что ты больше всего любишь?

Я сразу подумала: «собака!» Но решила, что этого не может быть.

— Мороженое?!

Мама только улыбалась.

Сомнений не было:

— Собака! — закричала я.

Мы заспешили домой. Я тянула маму за руку. У двери присела, замерла и прислушалась — кто-то звонко залаял. Мама позвонила. Отец открыл. И я увидела, как из папиных рук вырывается маленькое коричневое чудо. Взяв щенка на руки, я больше не расставалась с ним.

Я не давала ей свои игрушки, хотя у нее не было ни одной. Однажды я все-таки попросила маму принести какую-нибудь из своих старых Ритке. Она принесла пластмассового дракончика. Мне было жаль отдавать, хотя я уже не играла с ним. Зеленый, улыбочивый, с цветами в руках. Ритка приняла подарок, поиграла с ним немного и поставила на подоконник. А вечером заснула, прижимая к себе.

Однажды ко мне пришли дворовые мальчишки, Ритка, как всегда, смотрела через стекло — худенькая, с огромными черными и нездорово блестящими глазами.

— А это еще чья кикимора? — показывая пальцем, смеялся кудрявый Мишка.

— Моя! — ответила я.

— Ты куда?

— К моей кикиморе! — крикнула я. Подбежала к Ритке и обняла ее.

Мы рано ложились спать, я засыпала, а она все задыхалась, ворочалась. Помню сквозь сон, что ее унес кто-то большой.

Была она, а потом раз — проснулась с утра, а ее уже нет. Я побежала к медсестре, мне сказали, что ее забрали в хорошую семью.

— А она вернется? — спросила я.

— Нет, не вернется. Иди, Ниночка, ты теперь одна полежишь, — ответила медсестра, а сама подошла к окну и долго не отходила от него.

Я зашла в палату, села на кровать. Под ее кроватью увидела застежку от сандалий. Как она теперь без нее? Мне вдруг стало очень грустно, и я захотела к маме.

* * *

Поезд остановился. Цыганята с мамашей вышли. Тот, что улыбался мне, обернулся и помахал рукой. Через станцию я вышла из метро и побрела к храму. Хотела поставить свечку, залезла в сумку, но кошелек не было.

СНЕЖОК В СПИНУ

Когда Валя, Димка и Андрей дошли до угла дома, Димку окликнула мать. Она стояла у подъезда, держа в руках несколько ковровых дорожек, и строго кричала Димке, что он больше не выйдет на улицу, если не поможет ей.

«Говорил же, надо быстрее идти», — с досадой буркнул Димка и побрел к матери. Он мог рвануть на школьный двор, но мать всегда держала свое слово — Димка много раз уже был наказан.

Андрей и Валя смотрели ему в след:

— Ты придешь? — крикнул Андрей.

Димка не оглядываясь, ответил:

— Не знаю.

Все они жили в одном дворе, только Валя и Димка постоянно вертелись на улице, а Андрей больше отсиживался дома. Вале было интереснее с Димкой: они строили штабы, возились в ручейке. С Андреем же и поговорить не о чем.

Они молча дошли до школьного двора. Андрей стал собирать короткие палочки, а Валя пошла к деревьям. Стоял конец сентября, листьев напало много, и она стала собирать их, разглядывая на солнце.

— Ну, что, сопля, кто там у нас обзывался?

Валя даже испугаться не успела, как двое мальчишек резко свалили ее на землю. Она сначала не поняла, что это за мальчишки и почему они дерутся. Валя попыталась встать, но они снова сбили ее с ног.

Конечно, она быстро вспомнила, что это те двое, которых они с Димкой сегодня утром дразнили, вспомнила и пожалела о том, что обзывалась, и что сама же позвала ребят играть на школьный двор.

«Жаль, Димки нет... Андрей, Андрей поможет»,— подумала Валя и позвала его. Андрей висел на турниках и сделал вид, что не заметил, как они налетели на нее. Но как только стали бить, он слез, сделал несколько нерешительных шагов к ним и остановился.

— Подойдешь — так же получишь, понял?

Андрей медленно залез по железной лестнице на турник, стараясь не смотреть на них. Но когда он поворачивался, то видно было, как болезненно морщится его смуглое лицо, как жалко ему Валею, которая все пыталась подняться, а они снова и снова толкали ее на сухие осенние листья. Андрей немного похож был на одного из мальчишек, на того, который с черными волосами. Разница только в том, что не было озлобленности в его лице, лишь трусость.

Больше Валя не звала Андрея и не смотрела на него. Два раза они пнули ее в живот. Когда черный замахнулся, чтобы ударить еще, белобрысый остановил его:

— Может, хватит с нее? — неуверенно спросил он.

В это время Вале удалось подняться. Она успела немного отбежать от них, но запнулась о бордюр школьной аллеи и потеряла кроссовок. Черный тут же подскокил, схватил его за шнурок и стал вертеть. Валя, конечно, могла убежать и без него. Но она подумала, как расстроится мама, ведь это были совсем новые бело-красные кроссовки, купленные к первому сентября. Валя отчаянно подбежала к черному, чтобы отнять, а он, повертев, кинул его белобрысому. Они перекидывали кроссовок друг другу и смеялись. Валя больше не подбегала. Она стояла и смотрела на черного.

— Чего вылупилась? Отнимай! — заорал черный и утер нос длинным рукавом.

— Да ладно, пошли,— сказал белобрысый, мотнув головой в сторону школьных ворот.

И черный кинул в нее кроссовком:

— Еще раз тебя здесь увижу, сильнее получишь!

Кроссовок попал Вале в плечо и упал на асфальт. Потрепанный, он лежал на боку с разбросанными в разные стороны шнурками. Валя опустила голову, долго смотрела на него застывшими глазами, потом, присев на бордюр, не спеша надела, наскоро заправив шнурки. Она отряхнула штаны и куртку и, не оглядываясь, побрела к дому.

Андрей торопливо слез с турников, догнал ее и молча пошел рядом, сунув руки в карманы джинсовки. Они медленно вышли за ворота, миновали гаражи, бараки и, перейдя через дорогу, остановились перед домом.

У подъезда Валя увидела маму. Она разговаривала с Димкиной матерью — тетей Галей. В руке у мамы был большой пакет с вафлями, который она прислонила к бетонной перилле.

— Мама! — крикнула Валя и побежала навстречу, из глаз ее покатались горькие слезы.

Она уткнулась в мамин плащ и горячо заплакала...

— Ты чего, Валюш? Ты что плачешь?.. Возьми вот вафельку лучше.

Валя плакала и не могла остановиться.

— Что случилось? Андрей, что случилось? — взволнованно спрашивала мама.

Андрей молчал.

— Меня мальчишки... побили-и...— задыхаясь, говорила Валя. — Мы их обзывали... а они кроссовок мой... отняли...

— Так без кроссовка бы убежала, ну его, кроссовки-то ку-упим! — сказала мама, поняв только то, что у Вали отнимали кроссовок.

Димка вертелся тут же. Он сообразил быстрее всех:

— Это ее, наверно, мальчишки взрослые словили, они нас с качели прогоняли возле школьного. Мы, когда уходили, их дразнить стали, по шутке. А чего они прогоняются?! Вот они Вальку и поймали,— затараторил он.— А ты чего, Андрей, не заступился? Я бы заступился!

— Ага, самый первый, небось, убежал, только пятки б сверкали! — вмешалась тетя Галя.

Димке отчего-то было очень весело. Может, оттого, что обзывались они вместе, а получила одна Валя. Он поначалу злился на мать, что та не пустила его на школьный двор, заставила трясти дорожки, а теперь был рад этому.

Андрей вертел в руках какую-то палочку, гладил серого котенка у подъезда, а потом как-то незаметно ушел.

— Валя, у тебя что-нибудь болит? — спросила мама, опускаясь на корточки. А Валя не знала, что у нее болит. На покрасневшихся щеках сверкали не высохшие еще слезы, и было так горько, что ничего не болело, только было очень и очень горько...

Мама взяла Вальку за руку, и они поднялись домой. На диване спал в одежде отец. Мама, не снимая туфель, прошла в зал.

— Вставай, дочку твою мальчишки избил! — грубо потрясла мама отца.

— Какие мальчишки? — хриплым ото сна голосом, спросил он, не открывая глаз.

— Ты отец или не отец? Хватит диван протирать! — зло закричала мама.

Диван заскрипел. Он нехотя поднялся. И, посидев несколько секунд на диване, резко встал и подошел к Вале:

— Чего нос повесила? Я ж за тебя голову оторву любому! — сказал он и взял Вальку за руку. Они вышли из подъезда, и быстро пошли к школьному двору по широкой дороге мимо деревянных домов, гаражей, мимо высоких деревьев. Уже темнело, и в домах то и дело загорались желтые и синие, дрожащие от телевизора, окна: то на третьем, то на пятом этажах.

— Найдем, не переживай! Я тебя чего, драться еще не учил?

— Нет,— ответила она,— но я смогу, я один прием уже знаю! — взволнованно заговорила Валя. Ей вдруг стало так весело. Да пусть ее хоть сто раз еще побьют мальчишки, главное, что отец держит ее за руку, что они идут вместе, и она теперь ничегошеньки не боится.

На школьном дворе никого не было. Школа стояла темная, и только на втором этаже горело одно окно. «Может, это учительница проверяет наши контрольные? — подумала Валя.— Эх, а я ведь третью задачу не решила...»

Они прошлись вдоль деревянного дома рядом со школой. У освещенного фонарем подъезда за столиком сидели парни и шумно играли в карты.

— Мужики, мою дочку сегодня побили на школьном! Не в курсе, кто? Валь, посмотри внимательно, их здесь нет?

— Нет,— ответила Валя.

Там сидели взрослые парни. А те были еще совсем мальчишки. Но один очень напоминал ей того черного.

— Мы маленьких не трогаем,— улыбнулся парень в кепке, что сидел ближе всех.

— А как хоть они выглядели? — спросил другой.

— Один такой черненький,— тихо сказала Валя и опустила голову, ей стало стыдно непонятно отчего.

Валя и эти двое, что побили ее, учились в одной школе. Иногда она видела их в столовой на большой перемене, они шумели, дразнили девчонок, отнимали у них булочки и лили компот за шиворот. Валя смотрела на них, боялась и желала зла, самого плохого и обидного.

Еще два раза Валя сталкивалась с ними.

Первый раз — той же осенью. Она шла с мамой под руку. Кто-то стал дергать ее за капюшон, Валя обернулась и увидела этих двоих — они корчили рожи. Белобрысый всегда был для нее незаметным и если бы она знала тогда это слово, то, наверное, назвала бы его безликим. А черный... в черном было что-то, чего она очень боялась. Мама мальчишек не замечала и спокойно шла вперед. Валя сильнее прижалась к ней, но ничего не сказала. Дорога тянулась узкая, с одной стороны некрашенный забор, с другой — низкие голые кусты. Эти двое резко проскочили вперед — белобрысый со стороны Вали, а черный с маминой стороны. Когда черный пробежал, он толкнул маму.

— Ты чего? — ошарашено крикнула ему мама.

— Мам, не надо, — зашептала Валя, сильнее прижимаясь к ней.

А они отбежали немного, потом обернулись, стали кривляться и орать.

— Давай тут пойдем, — сказала Валя, заворачивая налево к магазину. И тихонько добавила:

— Это они меня побили.

— Что ж ты сразу не сказала, я бы им уши надрала! Схватила бы вот так и держала! Ты посмотри, говнюки какие!

— Не надо, мам, пойдем...

Второй раз — уже зимой. Валя шла по снежной дороге, издали видя, раскатанные скользкими сапогами черно-синие полоски льда. Тогда она разбегалась и скользила. В начале зимы ударил мороз, потом потеплело, нападало много снега. Ветки берез и лип свисали пушистые. Снег был мягкий, рассыпчатый и снеговиков не скатать. Но было радостно, красиво и очень спокойно. В снежную погоду всегда спокойно.

Впереди Вали упал снежок, она весело обернулась.

Но тут же испугалась и заторопилась — позади стоял черный. Он был без шапки, волосы его прилипли ко лбу, как будто он бежал и вспотел или шел после физкультуры. Куртка его была распахнута, так, что виднелся серый свитер.

— Беги, беги! Дура! — крикнул он вслед, лепя еще один снежок. Он комкал его сильно, чтобы снежок был тверже, а удар больнее, но снег рассыпался.

Наконец он кинул, но Валя шла уже далеко, и снежок глухо стукнулся позади.

Он не попал, но напомнил об обиде.

Валя подошла к дому. Было тихо, снежно и только: «фю-фью» — послышалось рядом. Валя повернулась и увидела прямо перед собой, в низких снежных кустах, двух снегирей. Она первый раз видела этих птиц вживую. Они показались ей такими большими — с черной шапочкой на голове и алой, как летнее яблоко, грудью. Со всем недавно в художественной школе Валя срисовывала с новогодней открытки двух снегирей, а теперь видит их наяву. Валя замерла, чтобы не спугнуть птиц и молча любовалась. «Как матрешки», — весело подумала она, а потом оглянулась на свое окно и через прозрачную тюль увидела, как крутится у плиты мама. И в зале светится телевизор, значит, папа тоже дома. Валя сняла портфель и быстро поскакала по ступенькам, оставляя следы и проводя варежкой по бетонной перилле.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Маслов
(г. Тула)

ГЕНИЙ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

О Льве Николаевиче Толстом написано, пожалуй, уже все. Поэтому я хотел бы сосредоточиться на личных воспоминаниях, переживаниях и случаях, связанных в моей жизни с этим великим именем. И начну не со школьных воспоминаний, когда меня, вместе с одноклассниками, возили из города Донского в кажущуюся такой далекой, сказочной и привлекательной Ясную Поляну, а в более поздние, осмысленные годы.

Одним из первых моих зарубежных вояжей еще в советское время была туристическая поездка в Ирландию. Поздно вечером, когда улеглись спать бдительные руководители группы, я отправился в ночное путешествие по Дублину. Надо сказать, что денег на такси у меня не было, и гулять по ночной столице мне пришлось исключительно пешком. Забрел я очень далеко, а моя гостиница была на самой окраине города. И я, конечно, заблудился.

Выхода не было: надо было спросить дорогу у кого-то из местных жителей. В одном из темных переулков я увидел парня и девушку возле автомобиля. Спросил их по-английски, как пройти до такого-то отеля. Во мне, конечно, сразу узнали иностранца. Гостеприимно предложили подвезти.

В дороге мы разговорились. Моими спасителями оказались обычные старшеклассники. Они сразу поинтересовались, откуда я. Назвал город Тулу.

— Тула, Тува., — стали что-то припоминать школьники.

Нет, такого города они не знали.

Тогда я произнес имя моего знаменитого земляка.

— О! — сразу оживились ирландцы. — Толстой! Ясная Поляна!

Вот тогда я первый раз понял, насколько знаменит наш земляк, как он велик и всемирно известен!

Ясную Поляну я очень люблю. Приезжаю сюда всегда, когда появляется свободная минута. Здесь нахожу отдохновение, черпаю новые творческие силы, встречаю хороших знакомых и друзей. Надо сказать, что в советский период жизни страны, этот чудесный уголок переживал не самые лучшие времена. Нет, здесь был хороший музей, сюда приезжали толпы экскурсантов. Но облик всемирно известной усадьбы подчас зависел от прихоти какой-нибудь номенклатурной особы. Помню, как перед очередной юбилейной датой нашего великого земляка, сюда прибыла с проверкой колоритная дама — заместитель председателя облисполкома, которая курировала культуру. На историческом «прешпекте», ведущем к дому Толстого, она слегка подвернула ногу и чуть не сломала каблук своей драгоценной туфли.

После этого последовал грозный приказ: заасфальтировать эту дорогу. Робких возражений музейных работников, что это нарушит исторический облик, сохраняемый в усадьбе на день смерти великого писателя, дама просто не заметила.

А зря: ушла на пенсию «чиновница от культуры», прошли годы, и новому директору усадьбы, праправнуку писателя Владимиру Толстому пришлось убирать асфальт, восстанавливать исторический облик усадьбы своего прадеда.

Справедливости ради надо сказать, что, в отличие от чиновников местного ранга, правительство РСФСР понимало важность сохранения в неприкосновенности родины Льва Толстого. Помню, какие баталии развернулись вокруг строительства федеральной трассы Москва-Симферополь, проходящей по территории Тульской области.

Сторонники экономии государственных средств предлагали провести ее в непосредственной близости от Ясной Поляны. Тогда бы экология и без того страдающего от близости Щекинского химкомбината «Азот» заповедника пострадала еще больше. Казалось, их аргументы победили: федеральная трасса стремительно приближалась к заповеднику. Но здравый смысл, заявления общественности, возражения экологов были услышаны: правительство решило вести строительство дороги вдали от исторического места, хотя уже была проведена насыпь сорока километров трассы.

Вот на какие огромные затраты пошло советское правительство, чтобы не навредить наследию великого русского писателя, прославившего не только Тулу, но и Россию на весь мир!

С другой стороны, излишняя щепетильность в этом вопросе иногда здорово мешала позитивному развитию родины писателя. Какие страсти в восьмидесятые годы прошлого столетия кипели вокруг сооружения в непосредственной близости от усадьбы музейно-гостиничного комплекса! Талантливый тульский архитектор Шатохин вместе с группой сподвижников спроектировал такой комплекс, в котором современная постройка не мешала зрительному восприятию старинной усадьбы.

Но нашлась куча завистников, которые на все лады кричали, что это сооружение нарушит дух и колорит музея. В результате комплекс не построили, хотя на него выделялись деньги, и мы имеем то, что имеем. Например, крохотную, неудобную, вечно переполненную кафешку с претенциозным названием «Прешпект». А раньше, в отдельном, теперь снесенном здании, размещалось предприятие общественного питания высшего класса с превосходным ассортиментом вин, закусок и вторых блюд — в этом кафе-ресторане вахтовым методом работали лучшие официанты и повара города Тулы. Отсутствие музейного фондохранилища, в котором планировалось создать условия хранения документов и работы сотрудников по мировым стандартам. И подобие гостиницы в бывшем доме отдыха с умопомрачительными ценами на проживание.

А ведь многим гостям музея-усадьбы, в том числе и тулякам, хотелось бы подольше побыть именно в Ясной Поляне, проникнуться мыслями Льва Толстого в долгих прогулках по окрестностям усадьбы. Короткой пробежки в групповой экскурсии по толстовским местам, конечно, очень мало, чтобы постичь величие гения, проникнуться его мыслями и взглядами.

А вот самого Льва Николаевича Тула к себе манила. В его дневниках имеется великое множество упоминаний о поездках в наш город. Да что там поездки! Это сейчас, современному туляку, кажется невероятно трудным пешком одолеть десять километров, отделяющих легендарную усадьбу от промышленного центра. Мы будем долго ждать переполненный автобус, чтобы проехать в нем одну — две короткие остановки. Но Лев Николаевич, хоть и был графом, барин, имел в своем распоряжении конюшню с кучером и прислугой, не гнушался пешком пройтись в Тулу.

«Погода чудная,— записал он в своем дневнике 20 марта 1865 года.— Здоров. Ездил в Тулу верхом. Крупные мысли!» Вот как полезно далеко ездить верхом на лошади: очень хорошо развивает мыслительный процесс. К тому же, полезно для здоровья.

1 июня 1864 года: «Косить не нужно было, и потому пошел в Тулу за товаром... В Туле закупил товар и вернулся домой бодро...» Вот так: пешком не только в город, но и назад. Значит,— двадцать километров. Причем, еще и с закупленным товаром. А было писателю в то время уже 56 лет. Даже по нынешним меркам — уже пожилой человек. В те же времена Антон Чехов писал в одном из рассказов: в комнату вошел старик тридцати лет...

Впрочем, гений Толстого проявлялся во всем, и в здоровье тоже. Ходил пешком наш великий земляк и в град престольный — Москву. И уже тогда, при жизни, его знала вся Россия, да и мир тоже. Не случайно, в письме литературному критику А.В. Дружинину он так называет свой адрес в Ясной поляне: «Адрес мой — в Тулу просто». Другому своему корреспонденту Толстой тоже сообщает: «Мой адрес всегда — Тула».

Уже одним этим литературный гений прославил наш город. Тула теперь навечно срослась с Ясной Поляной. Почти как у Маяковского: говорим Тула, подразумеваем Ясная, говорим — Ясная, подразумеваем — Тула.

Да и поработать служащим писателем в Туле успел. В качестве канцелярского служащего Тульского губернского правления тридцати пяти летний Лев Толстой работал в здании, которое и поныне прекрасно сохранилось на проспекте Ленина, 36.

Впрочем, вчерашнего студента Казанского университета, служба не очень прельщала. Сохранились воспоминания, согласно которым он «ни одного дня целиком не просидел в канцелярии» (Н. Н. Гусев, впоследствии секретарь Толстого).

А вот общественная деятельность была писателю очень интересна. Он принял активное участие в Тульском губернском собрании, которое проходило в здании дворянского собрания. Служил мировым посредником, участвовал в кружке педагогов, избирался почетным попечителем Тульского реального училища.

И, несмотря на высокое положение в обществе, на графское звание и богатство, был открыт и доступен простому народу, с жадным вниманием относился к людям из самых разных сословий, старался не выделяться одеждой и манерами.

В этом смысле примечателен один случай, описанный другом Толстого, тульским судебным деятелем Н. В. Давыдовым.

В зале тульского Дворянского собрания проходили репетиции пьесы Толстого «Плоды просвещения». В одну из них сторож доложил Давыдову, что «какой-то мужик, по-видимому, трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу». «Мы его и гнали уже, да не идет»,— добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот мужик, и, через несколько минут, ввел в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной одежды».

Видимо, и поэтому так поразила первая встреча с Толстым великого русского режиссера К. С. Станиславского. Она произошла в доме Давыдова (теперь улица Гоголевская, 47), куда писатель также приехал в крестьянском тулупе. Правда, в отли-

чие от того сторожа, внимательный режиссер обратил внимание не на одежду. Его поразили глаза Толстого: «то острые, колючие, то мягкие, солнечные, в которых блестяли искры гениального художника».

Надо сказать, что великий писатель охотно помогал начинающим литераторам. Так, он с вниманием отнесся к рукописи комедии молодого крестьянина Ивана Журавого, который служил в трактире в Туле. Толстой помог ему напечатать рассказ «Посредник», про который сам выразился так: «Грубо, страшно, но правдиво». О том, насколько широк был круг тульских знакомых писателя и почитателей его таланта, говорит даже такой их далеко не полный перечень: губернатор М. В. Арцимович и вице-губернатор Л. Д. Урусов, дочь декабриста и поэта К. Ф. Рылеева, начальник оружейного завода В. Н. Бестужев-Рюмин, семья Дельвигов — родственников поэта А. А. Дельвига и многие другие.

Очень прочные связи установились между семьями Толстого и другого тульского губернатора — Н. А. Зиновьева. Однако наш великий земляк никогда не поступался принципами. Как только губернатор принял участие в «усмирении» крестьян села Бобрики Тульской губернии (ныне Бобрик-гора, город Донской), Лев Толстой резко оборвал эти отношения. Также поступил он с предводителем тульского дворянства П. Ф. Самариним. Когда он 15 мая 1881 года приехал в Ясную Поляну и стал оправдывать казнь правительством революционеров, Толстой возмущенно крикнул ему: «Так зачем же вы тогда ко мне приехали?»

Правда, и великий мыслитель и знаток человеческих душ иногда ошибался в первоначальной оценке тульских людей. Летом 1909 года Лев Николаевич записал в дневнике: «Я ходил встречать и встретил Василия Панюшкина. Долго гуляя, говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть». Не без помощи Толстых прекрасный юноша попал в столицу, поступил в морское училище, получил профессию. Но связал свою жизнь не с той «надеждой на будущее», на которую рассчитывал граф.

Став революционером, он получил высокое назначение в Тульскую губернию: «чрезвычайный военный комиссар по борьбе с контрреволюцией и борьбой за хлеб». И вот здесь-то в полной мере проявился своеобразный талант «прекрасного юноши», который в этой «борьбе» не щадил никого! По губернии ходили слухи: «Прибыл комиссар Панюшкин. Будет хлеб подчистую отбирать, будет мужиков расстреливать». И пошли вагоны с хлебом в Москву и Петроград, оставляя голодать местное население. Так что хорошо с Панюшкиным было далеко не всем.

Общался Толстой и со своими тульскими «братьями» по писательскому цеху. Например, 15 августа 1903 года к нему в Ясную Поляну приехал писатель В. В. Вересаев. А сам Толстой с интересом читал его произведения, особенно ему нравилась повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича».

К сожалению, нынешний праправнук нашего великого земляка, бывший директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимир Толстой, не жаловал тульских писателей и Тульскую писательскую организацию. Не приглашал местных писателей на литературные встречи в музей, да и сам к ним в гости не ездил.

Наверное, он хорошо помнил легендарное высказывание классика советской литературы Александра Фадеева, который на одном из писательских съездов, когда речь зашла о Тульской писательской организации, решил пошутить. «До революции в Туле был всего один писатель, а сейчас местная организация выросла до двадцати членов. Правда, тем одним писателем был Лев Толстой, а нынешних никто не знает».

Возможно, и в этом проявилось некое мистическое «противоборство» гения и не отмеченных особыми талантами людей. Ведь, как было отмечено поэтом, «лицом к

лицу лица не увидеть». И, в этом свете, уже как-то по-иному могут быть восприняты и объяснены возмутительные в истории Тулы и его общества некоторые факты непочтения своего гениального земляка.

Ведь, когда весь мир переживал по поводу кончины Льва Толстого, «Тульские губернские ведомости» даже словом не обмолвились о смерти великого писателя!

А когда поступило предложение почтить память скончавшегося, один из депутатов городской думы заявил протест против чествования «антихриста».

И не слишком ли долго туляки «созревали» для того, чтобы поставить в своем городе приличный памятник гению мировой литературы? Ведь только в 1973 году, в годовщину 145-летия писателя, на проспекте Ленина, бывшей Киевской улице, по которой так много ходил и ездил Лев Толстой, ему был открыт памятник.

А памятник работы скульпторов В. Буякина и А. Колчина получился великолепным. Толстой изображен в полный рост, на низком постаменте. В нем чувствуется величие гения мировой литературы, писателя, как бы идущего к людям.

И место вокруг памятника стало знаковым. Сюда приходят просто отдохнуть. Здесь проходят творческие встречи. Здесь наглядно видны та огромная любовь, непреходящая память и благодарность, которые чувствуют к своему гениальному земляку простые люди — жители города Тулы.

И это вполне объяснимо: ведь все творчество писателя было проникнуто любовью к людям. Не случайно, когда за два года до смерти Лев Толстой написал обращение к людям-братьям «Благо любви», пронизанное любовью и состраданием к ближнему, он закончил свое духовное завещание словами:

«Я думал, что умираю в тот день, когда писал это. Я не умер, но вера моя в то, что я высказал здесь, остается та же, и я знаю, что не изменится до моей смерти...».

Николай Макаров
(г. Тула)

ЗАПИСКИ БАТАЛЬОННОГО ВРАЧА

Николай Макаров — наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СОЛДАТЫ ТРЕТЬЕЙ РОТЫ

Уникальные солдаты приходили служить в нашу третью роту... Неповторимые солдаты...

Будников

Очередные учения. Конец февраля — начало марта. Десантирование в составе полка на площадку под Гороховцом (город Гороховец — есть такой во Владимирской области). Вместе с полком прыгает начальник медицинской службы дивизии гвардии полковник (за войну получил папаху — атрибут зимней одежды полковников и выше) Крапивный. Любитель парашютных прыжков и неожиданных для подчиненных учебных вводных.

Десантирование проходит на «хорошо» и «отлично». Или не совсем на «хорошо» и «отлично»? Это кто там, на краю площадки? Орет благим матом? Кто не может встать на ноги, барахтаясь в снегу?

А это — гвардии полковник медицинской службы, имитируя перелом ноги, проверяет на «вшивость» медиков полка (на настоящей-то войне всякое может произойти).

Но на его беду (беду ли?) рядом приземляется гвардии старший сержант Василий Будников, санинструктор третьей роты. («Летающий шкаф», мастер спорта по боксу, бывший студент четвертого курса курского мединститута, за какие-то грехи срочно прервавший учебу на два года с последующим восстановлением во всех правах законопослушного студента).

Не долго думая, наш Василий со всего размаха прикладывает валенком, обутым на сорок шестой размер ноги, по мягкому месту орущего «раненого» (на всем десанте: офицерах, прапорщиках, сержантах, солдатах — одинаковая форма одежды без знаков различия — зимняя «десантура», а на Крапивном, вдобавок, нахлобучена солдатская шапка). И ласково, так душевно, на «раненого» орет:

— Какая нога? Ты чего салабон придуриваешься? Встать! Бегом марш!

Следует очередной валенко-удар.

— Доложишь, та-та-та, на сборном пункте! И сдашь, вдобавок, мой парашют. А то по-настоящему вырву твои сраные ноги и спички вставлю...

Рванув автомат, вставив спаренный рожок, санинструктор третьей роты, утопая по пояс в снежной целине, как и весь полк (так и хочется написать: помчался) стал пробираться до ближайшей дороги.

Откуда известна эта история?

Сам гвардии полковник медицинской службы Крапивный на всех совещаниях с гордостью рассказывал об одном своем подчиненном... распознавшим в нем симулянта...

Карташов

Одна тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Конец февраля — начало марта. Полковые тактические учения с десантированием в «глубокий тыл противника» с последующим совершением рейда и уничтожением объектов супостата.

Накануне вечером последний смотр готовности войск к учениям. Первый батальон построен на плацу шеренгами с интервалом между собой по 2—2,5 метра. Комбат, замполит, начальник штаба и доктор (ваш покорный слуга) обходят личный состав для обнаружения последующего немедленного устранения недостатков.

Взвод связи — без замечаний.

Первая рота — без замечаний.

Вторая рота — без замечаний.

Третья рота — без замечаний... Стоп! Последняя шеренга. Левифланговый. Рядовой Карташов. Второй год службы. Не «салага». Вместо валенок на ногах — сапоги. Устранить! Доложить! Через десять минут — устранено. Доложено!

Батарея СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет) — без замечаний.

Взвод снабжения без замечаний...

Наутро, перед движением на аэродром (это рядом; северное КПП полка напротив Тульского аэропорта; чуть дальше — полк АН-12, с которых мы тогда прыгали) опять построение. Ни одно мероприятие в Армии не проходит без построения. Пересчитать наличие. Посмотреть внешний вид. Отдать ЦУ и ЕБЦУ (ЦУ — ценные указания, ЕБЦУ — еще более ценные указания). Равняйся! Смирно! Я в темпе произвожу опрос личного состава на предмет заболеваний и недомоганий, возможно случившихся за ночь.

Взвод связи — жалоб нет.

Первая рота — жалоб нет.

Вторая рота — жалоб нет.

Третья рота — жалоб нет. А Карташов? Где Карташов? Ах, здесь! Ах, ты эдакий и разэдакий, такой-сякой, мазаный-перемазанный, опять в сапогах. Вместо валенок. Устранить! Доложить! Через три минуты устранено. Доложено!

Батарея СПГ — жалоб нет.

Взвод снабжения. А взвода снабжения в полном составе нет. Взвод снабжения в составе тыловой группы полка, выдвинулся в район десантирования (под Ясногорск) для встречи основных войск. Для сбора парашютов. Выдачи лыж, горячего чая, бутербродов...

Аэродром. Очередное построение. По самолетам: личный состав двумя колоннами перед открытыми кашалотообразными люками-пастями Ан-двенадцатых в утреннем морозном полумраке, жмурясь и прикрывая лицо от снежных вихрей, поднятых работающими пропеллерами, медленно продвигается в чрево холодного чудовища. Где Карташов? Вон он, этот солдат — в моем самолете. Без валенок. В сапогах! Исправлять и докладывать об исправлении нет времени. Ладно, пока не замерзнет, а там, на площадке приземленья что-нибудь придумаем...

Десантирование прошло успешно, если не считать двух приземлений на запасных парашютах (Витька Трунилин, фельдшер-срочник полкового медицинского пункта полка и майор Сударииков; рядовому — десять суток отпуска, майору — строгий выговор. Об этом — в другой раз). Войска на пунктах сбора. Пересчитаться. Пе-

ремотать портянки. Хлебнуть горячего чая. Получить вводную на выполнение ближайшей задачи...

Взвод связи и батарея СПГ рассредоточена по ротам.

Первая рота — пошла.

Вторая рота — пошла, марш — марш.

Третья рота — пошла, марш — марш, вперед.

Управление батальона в арьергарде. На возвышенности. В пятидесяти метрах от ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия, где сосредоточен весь взвод снабжения с техникой, кухней, обоз — одним словом). И вдруг... Вдруг — нашу группу обгоняет отстающий боец. Лыжник в сапогах! Карташов! Стоп, машина — задний ход! Незадачливому солдату делается очередное нелицеприятное внушение. Его разворачивают под белы ручки на сто восемьдесят градусов. Показывают направление в сторону нашего ПХД (пятьдесят метров! до него). Комбат громовым голосом передает командиру взвода снабжения приказ: «Взять разгильдя! Поставить на довольствие! Везить только в кабине! Понятно?».

«Есть! Так точно! Будет исполнено!».

Управление, вперед, марш, марш вперед. Догонять войска. Руководить войсками. Первым батальоном...

Захват и разгром «супостата» прошел как по маслу, то бишь, по заранее утвержденному плану. Согласно утвержденному плану закончилась и наша «война» на следующий день. Не рассчитан десант на более длительные боевые действия. Сделал дело, и, как одноразовый... воздушный шарик, для дальнейшего применения не пригоден. Ну, это — так, лирическое отступление. А так как у нас всего-навсего учения, то и пора честь знать. Пора собираться до кучи. Пора ехать на зимние квартиры. Ага! Щас! А пересчитывать личный состав кто будет? Кто будет пересчитывать оружие? Дядя Пушкин?

Взвод связи — все на месте. Оружие на месте.

Первая рота — все. Оружие на месте.

Вторая рота — все. Оружие все.

Третья рота — все на мес... Нет, не все. Нет одного. Нет Карташова, едрит твой корень. Может в другие подразделения прибился, бедолага.

Батарея СПГ — все. Посторонних нет.

Взвод снабжения — все. Посторонних нет. А этот ваш сраный Карташов сбежал ночью из машины. Но... Но обутый в валенки. Вон, замок (замок — заместитель командира взвода) валенки ему свои отдал.

Запросить другие батальоны — брошена соломинка, на всякий случай. Карташова нигде нет! Нет и автомата!!! АКМС.

Все-е-е-е-м отбой! Первому батальону ученья продолжать! Искать солдата. Искать автомат...

Трое суток искали Карташова. Искали автомат. В районе учений и прилегающих окрестностях. В районе «боевых» действий полка. Трое суток искали. Три дня в светлое время вертолет на сверхнизкой высоте утюжил этот злополучный район, помогая поискам.

Карташова нигде не было. Вместе с автоматом!

На четвертый день местное, колхозное, женского пола, крестьянство поехало к ближайшему от деревни (135 метров!) стогу сена. Коровы тоже, даже зимой, почему-то хотят кушать. (А надо сказать, около этого стога раз пятнадцать днем и ночью, с матюгами и факелами проходили поисковые группы). Значит, подъехали к стогу, но руками-то несподручно грузить в тракторную тележку сено, вот и вонзили в стог вилы, норовя ухватить побольше, а в ответ... В ответ из стога леденящий в жилах кровь

нечеловеческий вой (хорошо, вилы угодили в бок и только обозначились незначительными царапинами) и появление... Появление Карташова. С автоматом. В сапогах (!). С отмороженными до стеклянного стука ногами. С пятью (!!!) полными коробками спичек в карманах... Чего он добивался своим поступком — так никто и не понял.

Уволенного по инвалидности (1-я группа — ампутация обеих ног ниже колен) бывшего солдата третьей роты никто (!) из сослуживцев не пошел провожать даже до КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта...

Мартынюк

Резкий звонок в штаб первого батальона на полуслове оборвал комбата.

— Что опять у вас натворил этот долбаный Мартынюк? — орал в трубку командир полка. — Сгноить на «губе» негодяя! До командующего дошло! Сам (!!!) звонит!

Командир третьей роты — гвардии старший лейтенант Сашка Терновский — мухой прилетевший в штаб, по стойке «смирно» стоял перед комбатом. Прикидывая какими последствиями грозит для него похождения подчиненного солдата. Маргелов, наш дядя Вася, шутить не любит!

А солдат? Что — солдат? Солдат — как солдат. Почти во всем — первый. С соседней стройки приволочь линолеум для нужд роты — он тут как тут. В самоволку, «по бабам» — опять не оплошает. Подтянуться на перекладине — до чемпионата далеко, но тридцатник «железный». Отжимание от пола — под сотню. Маршбросок — первым никогда не приходил: два-три автомата на себе тащил «сдохших салаг». Стрелять? Как сказать? На мартовских ротных стрельбах (шеренга солдат до километра по фронту и стрельба из всего штатного оружия роты), угодив с головой в траншею, — а их на стрельбище полным-полно, да с грязно-снеговой водой, — и тут же выскочив оттуда, как пробка из бутылки шампанского, первой очередью завалил все, вдруг поднявшиеся перед ним мишени...

Опять резкий звонок в штаб батальона. Опять полумат командира полка. Но какой?!

— Чтобы!!! Через!!! Тридцать минут!!! Комбат!!! Лично!!! Сам!!! — надрывается трубка. — Вручил отпускной билет этому отличнику боевой и политической. И!!! Лично!!! Посадил!!! Его!!! На электричку!!! В Москву!!!

Чем хороша Армия, так это тем, что подчиненному не нужно долго раздумывать над приказами вышестоящего командования. Вредно раздумывать. Преступно. Взял под козырек. Есть! Так точно! Понял! Выполняю. О выполнении — доложу! А потом, после выполнения, в кругу семьи или в кругу друзей, за рюмкой чая можно и порассуждать об этих непонятках...

Благо, ротный находился здесь рядом, по стойке смирно стоящий, ни хрена не понимающий в метаморфозах командира полка, ждущий разъяснение батальонного.

— Что — не ясно? Переодеть в парадку! Пришить «младшего сержанта». Приказ КЭП уже подписал. И — ко мне!

— Да... это... как его... — суворовец, выпускник «Верховного Совета» (Кремлевский курсант), — ротный переминался с ноги на ногу, не зная, как выкручиваться дальше. — Он... это... на «губе»... Сидит... трое суток.

Приплыли. ЕПРСТ! Командующий (Сам!) требует его в отпуск, а они понимаешь, тут безобразия безобразничают...

Вечером вся (!) рота, третья рота, провожала Мартынюка в отпуск. До КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта. Где располагалась конечная остановка троллейбуса. Шестого маршрута: «Московский вокзал — Аэропорт»...

Подоплеку этого своего отпуска Мартынюк рассказал через десять суток, по прибытии в расположение.

...Пришел накануне того самого ажиотажа к генералу армии Маргелову Василию Филипповичу его предшественник, бывший командующий воздушно-десантными войсками. И так, вроде бы невзначай, между делом, поинтересовался: «Чего, дескать, моего внука не дождемся в отпуск. Бабы мои — и жена, и дочь — вконец достали. Мол, все: кому не лень, уже по два раза побывали в отпусках, а его, родной кровинушки, все нет и нет. Да и, вообще: ты дед или кто? Не мог его от армии «откосить». Или, на худой конец, оставить служить в Москве? А не гноить его в этой тульской тьмутаракани. И доводы, что он сам захотел служить в наших войсках, а не отсиживаться за дедовским авторитетом, бабьем не принимались абсолютно. Помог-то ему в одном — чтобы служить в Туле. И все».

...До окончания срочной службы (до дембеля!) гвардии младшему сержанту Мартынюку оставалось ровно три месяца. И ровно за три месяца десять дней в полку (в роте, где все обо всех и каждом знают) обнаружилось, что с ними служит внук командующего ВДВ. Правда, бывшего командующего. Но какая, в принципе, эта разница...

Рабинович

За двадцать пять лет в ВДВ я больше ни разу не встречал среди срочников подобной, чисто «англо-саксонской» фамилии.

Боря Рабинович. Профессиональный фокусник-пристижиратор (пальцы — зависть Ойстраха!). Художник с каллиграфическим почерком (писарь роты с первых дней и оформитель стенгазет и боевых листков). Сын сапожника (за какие грехи провинился перед своим Богом и «загремел» в армию?). За два года службы не поправившийся (к «дембелю» все как один наедают ряжи десантники) не то что на килограммы, а ни на один грамм. И... и не годный к службе в ВДВ. По трем статьям. Медицинским. По состоянию здоровья. И два года просящий Бориска Рабинович, просящий и командира роты, и командира батальона, и врача батальона, чтобы ему разрешили прыгнуть с парашютом хотя бы раз. Разочек. Такой маленький, малюсенький разочек. Если надо, он заплатит. Сумму назови. Прописью. Но я его раз за разом вычеркивал из прыжковой ведомости.

— Борис! Купи себе любой значок. Хоть, инструктора-парашютиста. Кто тебя в твоём Бердичеве будет проверять: прыгал ты или нет.

Но он всеми правдами, а больше неправдами, рвался прыгать.

За месяц до увольнения мне пришлось высаживать его из самолета, уже готового к взлету. Куда смотрел? Трижды (!) негодника пропустил на прыжки? Кошмар! Ему предлагали (не приказывали! У нас как в Армии: раз-два, приказ, и в дамки) перевестись в другие, не десантные войска. Ни в какую! Только в ВДВ.

А завтра последний его день в этих самых «продуваемых всеми ветрами войсках», в Воздушно-десантных войсках. Завтра Боря Рабинович увольняется. Отстанет от всех со своими просьбами. Нелепыми просьбами о прыжках. А сегодня?

Сегодня прыгает второй батальон и он — Боря Рабинович — уговорил, а может кого и подкупил (все-таки у него — «англо-саксонская» фамилия), чтобы его взяли на прыжки. И прыгнул! Всего один раз! Один раз за два года службы в ВДВ. В предпоследний день своего пребывания в нашей части. В нашей третьей роте...

Оба два

Проходили у нас очередные полковые учения. В Рязани. На полигоне «Дубровичи». Марш в район стрельб — «хорошо». Стрельба — «хоро...». Не было никакой

стрельбы. Жара в то лето — лето одна тысяча девятьсот восемьдесят первого — стояла невероятная. Горело все, что могло и не могло гореть. Мы ждали погоду. Нелетную, дождливую погоду. Пытались стрелять в предрассветной прохладе. Сушняк загорался от первого трассера. Приходилось бросать стрельбы и мчаться тушить лес. Ждали погоду. Дождя. День ждали. Два. Неделю. И дождались. Дождались праздника. Нашего праздника — День Воздушно-десантных войск. Второе августа. День ВДВ. И день, почему-то, Ильи-пророка?

А какой праздник без баяна, т.е. без спортивных соревнований в наших войсках? Тем более — самый почитаемый, самый уважаемый праздник голубых беретов и голубых в полосочку тельняшек.

На стадионе полигона расположились два полка (наш, Тульский и местный, Рязанский — чай, одной дивизии, 106-й гвардейской Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени Тульской воздушно-десантной дивизии) и гражданские «партизаны» (студенты Московского областного, не то педагогического, не то физкультурного института, проходившие «курс молодого бойца», для получения лейтенантского в запасе звания).

Ведущие этого спортивного шоу — Высоцкий (однофамилец Владимира Семеновича, мастер спорта международного класса по боксу в тяжелом весе, единственный из советских спортсменов дважды победивший самого Стивенса, олимпийского чемпиона, легендарного кубинского боксера), чемпион страны, чемпион Европы и какой-то волосатый, полугроссмейстер по стоклеточным шашкам.

Объявляется очередной «номер»:

— На помосте чемпион мира по дзюдо среди юниоров, мастер спорта международного класса, недавно приехавший из Испании, где этот титул и завоевал такой-то и такой! Кто бросит ему вызов? Есть такие?

Над стадионом нависла гнетущая тишина. Нет таких! Не нашлось смельчака в двух десантных полках! Откуда им взяться? Некому честь голубых беретов в полоску грудь поддержать? Некому с самим чемпионом мира потягаться?

И вдруг... Да, — без всякого вдруг, — просто долго освобождался от обмундирования, среди третьей роты происходит шевеление и на помост пробирается тщедушный солдат. Соплей перешибешь. Трусые, грязно-вылинявшие — синие, ниже колен. Руки по локоть, шея и лицо в бронзовом загаре. Большой палец левой руки перевязан стираным-перестиранным бинтом. Белая-белая кожа. Механик-водитель третьей роты (к сожалению, забыл фамилию и его, и второго солдата). Но... Но в голубом берете и в тельняшке!

Неспешное, даже какое-то вяловатое рукопожатие, пренебрежительная ухмылка чемпиона: дескать, не таких мы в Испании видали, видали и укатали под фанфары; но мол, ладно, так и быть, снизойду, покажу вам шоу-класс. Где это тут — ваш мужичок с ноготок? А мужичок, мужичок с ноготок, не раздумывая ни мгновенья, подпрыгивает выше головы (!) чемпиона, захватывает шею ногами, как ножницами, и заваливает соперника на бок, в полете умудряясь перехватить руки и захватить на болевой прием. Чемпион от такой наглости, а скорее от боли жутко воет и стучит свободной рукой по помосту. Чистая победа! За пятнадцать (!) секунд (!!!).

Затем сам Высоцкий вызывает себе напарника, «мастерится» в незашнурованных перчатках. И опять, опять из третьей роты (рожают, что ли их там, в этой третьей роте?) такой же замызганно-зачуханный (а где вы видели опрятно одетых в пижонистые костюмы механиков-водителей боевых машин в полевых условиях?) поднимается на помост солдат. Ему зашнуровывают перчатки, раздается гонг, улыбающийся Высоцкий подманивает его к себе и... получает сокрушительный удар по левому уху и вдогонку — серию ударов по печени, по сердцу. Ничего себе! Зашатался Высоц-

кий. Не ожидал он такой прыти от почти на тридцать килограммов меньше по весу солдата. Но надо отдать ему должное: всего два удара (наверное, и те — в полсилы) нанес он в ответ и, не дав упасть сопернику, объявил почетную ничью...

Обоим солдатам, бывшие с «партизанами» руководители сборов тут же предложили без экзаменов (!) поступить в свой институт. На что наши оба два механика-водители боевых машин десанта обещали подумать...

Да, имеются в русских селеньях, то бишь в ротах (особенно в парашютно-десантных ротах!) самородки-вундеркинды, мастера на все руки. Но имеются также и в русских селениях, и в ротах (в парашютно-десантных ротах — исключительно очень редко), имеются и встречаются Мальчиши-Плохиши... К сожалению...

...и солдат взвода связи Нелюбин

...Сколько может молодой солдат съесть порций за обед? Если его ни в чем не ограничивать? Ни в количестве блюд?.. Ни во времени, потраченном на трапезу?.. Ни на другие всевозможные ограничения?..

Но по порядку...

Пришел во взвод связи служить, только что из «карантина», солдат. Нелюбин — его фамилия. Увалень увальнем. Топором обтесанное лицо. Русая поросья на голове после сверхмодной стрижки «под Котовского». Ручищи до колен с натруженными крестьянскими ладонями. Сапоги сорок шестого или сорок седьмого размера. Телосложения, отнюдь не богатырского. И рост — чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров. И глаза — голубые, голубые глаза. Голубее — гордости каждого десантника — берета и полосок на тельняшке.

И, невероятный, патологический какой-то аппетит. Какая-то звериная жадность и быстрота поедания всякой пищи. Постоянная готовность смести все, что оставалось недоеденным на столе взвода связи. Дембельское дополнительное питание (за сто дней до приказа — не знаю, как в других войсках, но в Воздушно-десантных в мою лейтенантскую пору происходило все именно так — все дембеля отдавали солдатам свое сливочное масло) — также моментально пропадало в его ненасытной утробе.

— Молодой! — Ворчали добродушно дембеля взвода связи. — Прослужит год — наестся.

А Нелюбин все никак не мог наестся и постоянно что-нибудь да жевал. На полигоне, когда взвод связи во время стрельб стоял в оцеплении, он всегда выбирал (демократия, понимаешь, была во взводе) пост на «Вышке». Поближе к столовой. И, приходя первым, в каком-то наваждении съедал подчистую или завтрак, или обед, или ужин... всего взвода. Все съедал! Дюжину порций!!! Один!!! Так объел весь личный состав взвода один раз. Объел второй раз. Объел тре... Нет, третий раз объесть взвод ему не дали. Его не наказывали. Не объявляли строгий выговор с занесением... «в грудную клетку». С ним поступили по-другому. Совсем неожиданным и неординарным способом.

...Стоял воскресный солнечный день. Стрельб не было. Не было и оцепления. По столовой дежурили «свои» повара. Из первого взвода снабжения.

Поэтому на стол взвода связи «Бог послал» ни много, ни мало: полный восьмилитровый бачок наваристого борща... полный шестилитровый бачок гречневой каши... огромную с верхом тарелку (специально позаимствованную у поваров для такого случая) жареной свинины... полный пятилитровый чайник компота... буханку ржаного и буханку пшеничного хлеба.

— Ешь!

Личный состав взвода расселился вокруг ненасытного Нелюбина, готовый в лю-

бой момент заклеить его обжорство безжалостным солдатским сарказмом и высказать все то нелюбимое, что накопилось за последнюю неделю, когда этот молодой солдат буквально обжирал весь взвод. Не припоминали «ветераны» подобного случая не только во взводе, но и в батальоне, и даже в полку. Не было похожих уникамов. Вундеркиндов от обжираловки. Не было. И сейчас они проучат, набьют его безразмерное брюхо. Силой заставят его съесть выставленное на столе. Через «немогу», через, если надо, и блевотину...

— Все! Больше не осилю! — Нелюбин расстегнул бляху ремня и блаженно-умиротворенная улыбка заиграла на его всегда хмуро-озабоченном лице. — Спасибо большое, ребята. Не поверите, я первый раз в жизни наелся по-настоящему.

По его порозовевшим (то ли от обилия еды, то ли от тепла столовой) прокатились две слезинки.

— Нас в семье восемь детей. Сейчас, наверное, уже девять, и мне, как старшему...

Он не договорил и по щекам прокатились еще две слезинки. Личный состав взвода потрясенно молчал...

— Спасибо!..

...От того знаменитого обеда остались одни воспоминания. Солдатские будни приближались к неизбежному дембелю.

Ефрейтору Нелюбину теперь вполне хватало обычного солдатского пайка. За сто дней до приказа он, как и все, свое масло отдавал «салагам». Семейство Нелюбина к этому времени ждало пополнение десятым ребенком.

А у читателя, наверное, на языке так и вертится вопрос:

— Неужели Нелюбин все съел в тот обед?

Хочу вас разочаровать. Нет, не все он съел. Не мог он все съесть. Недоеденными остались... два с половиной стакана компота...

Третья рота — *1-й гвардейский парашютно-десантный батальон 51-го гвардейского парашютно-десантного Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.*

Командир 1 пдб — *Гвардии подполковник Буй Анатолий Филиппович.*

Командир 3 пдр — *Гвардии капитан Терновский Александр Юрьевич.*

Командир взвода связи 1 пдб — *гвардии старший лейтенант Фунтиков Александр Владимирович.*

Врач 1 пдб — *Гвардии капитан медицинской службы Макаров Николай Алексеевич.*

Время — *1972—1981 годы.*

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ЖИВУТ ВО МНЕ ВОСПОМИНАНИЯ
(Л. Н. Толстой в моей жизни)

Журналист-международник, литературовед, культуролог, поэт. Автор 28 книг. Лауреат отечественных и зарубежных фестивалей и конкурсов поэзии. Член Союза писателей РФ, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, руководитель ЛИТО.

Анна Андреевна Ахматова любила повторять, что «память — великая завиральница», о чем свидетельствуют разночтения об одних и тех же событиях в мемуарах известных писателей, а тем более их домочадцев и близких. С течением времени мы не можем быть уверены в хронологической точности событий, в верности цитируемых высказываний, неизбежны сомнения. В этом Ахматова перекликается с Николаем Васильевичем Гоголем, писавшем, что «нет ничего хуже правды, которая неправдива».

Но из сокровенных глубин памяти всплывают воспоминания, связанные с именем Льва Николаевича, произведения которого оказали определенное влияние и на мое мировоззрение, и в какой-то степени на судьбу.

Творчество Толстого, вместившее и эпохальные литературные шедевры, и публицистику, и народные рассказы, притчи и поучения, и его религиозно-философское учение, дает возможность не только оценить мировое значение гениального писателя, но и осмыслить собственное предназначение, задаться вечными вопросами и понять толстовское изречение, что «величайшие истины — самые простые».

В моем книжном шкафу немало разных изданий произведений Л. Н. Толстого и с каждым связаны страницы воспоминаний.

Первые детские воспоминания отрывочны и всплывают отдельными картинками, но история, связанная с рассказом Толстого «Филиппок», по которому я научилась читать, вероятно, из-за того, что ее часто вспоминали в семье, видится четкой и связной.

На мое четырехлетие, бабушка подарила «серьезную» большую книжку в белом картонном переплете, на обложке которой был нарисован деревенский мальчишка в старой отцовской шапке, в длиннополом кафтанчике-пальтишке. «Этого мальчика зовут Филиппок,— сказала бабушка,— а писателя, который написал, как Филиппок пошел в школу, зовут Лев Николаевич Толстой». Меня тогда поразило имя Лев, так как в моем детском сознании Львом был царь зверей. Потом, когда я стала заниматься восточной классической поэзией и изучала творчество Фирдоуси, которого уважительно называют царем поэтов, а его поэму «Шахнаме» — царской книгой, то не раз ловила себя на мысли, что имя великого русского писателя-мыслителя символично. Лев Толстой, действительно, царь русской литературы, а роман «Война и мир» воистину царская книга по своему масштабу. А тогда бабушка принесла старый большой портфель, в котором хранила вырезки из журналов и газет и множество от-

крыток своих любимых поэтов, писателей, художников и композиторов, и достала фотографию Толстого, которая вызвала у меня бурю чувств. На фотографии, которая была сделана Чертковым в 1908 г., за два года до смерти писателя, был изображен яснополянский старец с окладистой седой бородой, нависшими бровями, густыми усами, с плотно сжатыми губами. На широком лбу — две глубокие продольные морщины, большие уши с мясистыми мочками, слегка волнистые волосы. Пронзительные строгие глаза, глубокий взгляд которых устремлен вдаль. От этого человека, крепкого плотного телосложения, исходила спокойная сила, уверенность, доброта. Была еще и репродукция с картины Н. Н. Ге, на которой сосредоточенный Толстой склонился над рукописью в своем кабинете. Но мне необычайно пришелся по душе «дедушка» на первой фотографии. Дедушек у меня не было. Дедушка со стороны мамы и отец моего папы вместе с его тремя братьями погибли на фронте еще до моего рождения. Увидев впервые портрет Льва Николаевича, я его иначе, как «мой дедушка», не называла вплоть до четвертого класса, пока молодая учительница Мария Васильевна нравочениями и арифметическими действиями «не внушила», что «великий писатель, принадлежащий всему миру», не может быть моим дедом. А тогда, когда я впервые увидела портрет Толстого, а бабушка несколько раз прочитала мне новую книжку про Филиппка, вернувшегося с работы отцу, я не только дословно пересказала рассказ, но и продекламировала стихи, которые посвятила «дедушке» Толстому. Книг у меня в раннем детстве было много, а стихами Чуковского, Барто, Маршака, Ершова я была буквально напичкана, и замороженная магией рифмованных строк, пыталась сама «говорить стихами», и папа завел толстую зеленую тетрадь, в которую записывал мои «опыты». Тогда он записал и эти строчки:

*«Милый дедушка Толстой,
С длинной белой бородой,
Я рассказ про Филиппка
Десять раз уже прочла.
Мне бы дедушку такого,
Очень умного, большого,
С очень добрыми глазами.
Мы бы целый день играли.
А когда легла б я спать,
Ты бы снова стал писать
Детям разные рассказы.
И читать мне утром сразу.»*

Это стихотворение стало первым в «толстовском цикле». Потом на протяжении долгих лет я не раз писала стихотворные посвящения и великому писателю, и Софье Андреевне, и Ясной Поляне.

А в то далекое утро я пошла на прогулку с книжкой и рассказала о Филиппке своим «дворовым» друзьям-дошкольникам, и мы решили немедленно идти в школу учиться. Школа была рядом с домом. Надо было только выйти за колонны. Вошли в школу беспрепятственно, но едва приблизились к лестнице на второй этаж, где находились классы, как сзади раздался голос гардеробщицы: «Куда направилась?». «Учиться»,— ответили мы хором. «А сколько вам лет?». Я ответила за всех, что четыре, для убедительности растопырив четыре пальца. Напрасно мы протягивали книжку и убеждали, что хотим, как Филиппок учиться, женщина, смеясь и повторяя: «Толстого они начитались», выставила нас за дверь. Мы шли назад понурые, а в колоннах нас уже поджидала бабушка моей подружки из соседнего подъезда. Узнав,

что это я зачинщица похода в школу, потащила меня домой, приговаривая: «Сейчас тебе родители покажут дедушку Толстого». Но дома, хотя пожурили, на следующий день, бабушка стала учить меня складывать буквы в слова, и через некоторое время, подобно Филиппку, по складам, я читала во дворе вслух книжки «неграмотным» ровесникам.

Потом была школа и среди подаренных «за отличные успехи и примерное поведение» книг «Детство. Отрочество. Юность» и «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. Окончив школу с золотой медалью, я поступила на филфак МГУ, где мне было учиться легко и радостно. На втором курсе декан филфака Михаил Никитич Зозуля набирал семинар «толстоведов», и я не устояла, записалась первой. М. Н. Зозуля был перегружен административной работой, а еще вел семинар и по украинской литературе. Нас же, желавших «погрузиться» в творчество «сложного и противоречивого писателя», было только трое, поэтому мы часто собирались не в аудитории, а на квартире у Михаила Никитича на Ленгорах, и горячо обсуждали дневники, статьи и письма писателя, спорили о судьбах толстовских героев. Когда было тепло, мы часами сидели на скамеечке на Ленинских горах и слушали рассказы нашего руководителя о жизни и религиозных исканиях Толстого. К пятому курсу я осталась одна «верна Толстому», избрав его творчество темой своего диплома.

Вспоминаю, как в студенческие годы мы, студенты-филологи, довольно часто ездили в Ясную Поляну. Ясная Поляна своего рода Мекка, место паломничества для тех, для кого великий писатель — духовный учитель, просветитель. Какое это было счастье ходить по тем же дорожкам липовой аллеи, где ходил сам Толстой, сидеть на той самой любимой его скамейке, вдыхать аромат яблоневого сада и жасмина. А какое единение с чарующей природой Ясной Поляны, само название которой настраивает на ясную солнечную погоду, светлые мысли и напоминает волшебные сказки детства. С каким-то особым трепетанием сердца шли к простому холмику среди высоких деревьев, к могиле великого писателя. Здесь невольно вспоминалась легенда о «зеленой палочке», которую рассказывал Левушке старший брат Николенька, и они оба искали этот талисман счастья и справедливости для всего человечества. По завещанию Льва Николаевича, его и похоронили на месте поисков этой волшебной палочки.

Всегда, когда удавалось выбраться в Ясную, с душевным трепетом, который не угас с годами, я бродила по комнатам усадьбы, рассматривала шахматный столик, кресла, рояль, самовар и чайную посуду, представляя, что руки самого Толстого касались этих чашек. Особенно волнительно было входить в рабочий кабинет с большим окном и дверью на балкон, с которого виден парк. Взор притягивал массивный диван, на котором родился сам Лев Николаевич, его братья, сестра, 11 детей и 2 внука. Всегда задерживалась у письменного стола из персидского ореха, на котором ручка, чернильница, книги, которые он читал. Помню, как перечитывала совершенно по иному «Братьев Карамазовых», увидев, что у Толстого роман открыт на главе, где старец Засима рассуждает о деятельной любви и страданиях грешников, не научившихся любить и делать добрые дела.

Студентами мы часто ходили и в музей Толстого в Хамовниках, где всегда с интересом рассматривали подлинные вещи семейства Толстых. Интересно было узнать, что в музей передано кольцо с бриллиантом и рубинами, которое Лев Николаевич купил Софье Андреевне на гонорар от издания «Анны Карениной». Потом кольцо перешло старшей дочери Татьяне Львовне, а от нее ее дочери — внучке Толстого, тоже Татьяне. А та подарила кольцо музею. Принимала я участие и в научных конференциях, организуемых музеем, выступала с докладом по теме своего диплома, и мои первые научные статьи М. Н. Зозуля передавал в музей (сохранились ли?).

Вспоминается встреча студентов-филологов с Николаем Николаевичем Гусевым

в 1963 или 1964 г. Он был уже очень пожилым человеком, плохо слышал и видел, но сохранил светлую память и рассказывал, как работал секретарем Льва Николаевича, как по несколько раз переписывал одни и те же страницы, как отвечал на многочисленные письма, приходившие Толстому, причем подсказывал адресатам в какой статье или произведении писателя найти ответ на интересующие вопросы, подробно и доходчиво излагал религиозно-философские взгляды Толстого. Работы самого Н. Н. Гусева, его воспоминания о жизни в Ясной Поляне я неоднократно перечитывала, наряду с работами крупнейших литературоведов Ермилова и Кирпотина, с которыми тоже неоднократно встречалась, бывала у них дома, когда работала над дипломом и последующими статьями о творчестве Льва Николаевича. Для меня двадцатилетней студентки было огромной честью сидеть за одним столом с маститыми учеными и за чашкой чая слушать их рассказы, испытывая жгучее желание заслужить их одобрение. В мои студенческие годы был жив еще и Валентин Федорович Булгаков, секретарь Толстого, сменивший Гусева, встречались мы и с Анной Борисовной Векслер, долгие годы заведовавшей научной библиотекой в Ясной, удивительно эрудированной талантливой женщиной. После каждой «встречи с Толстым» появлялось острое желание работать. Сила личности писателя, его обаяние были столь велики, что хотелось стать лучше, справедливее, добрее. Окончив с отличием МГУ, поработав редактором в издательстве, я надолго уехала с мужем в Иран, где, будучи преподавателем, серьезно занялась изучением культуры и литературы Востока, находя, как в свое время Лев Николаевич Толстой, столько созвучного своему мировоззрению и духовным исканиям в восточной философии и поэзии. При этом Толстой все эти годы был незримо рядом. С его творчеством я знакомила и своих иранских студентов, и посетителей библиотеки, которой заведовала позднее в Пакистане. А в Афганистане, среди моих опубликованных в кабульских журналах статей, были и посвященные жизни и творчеству Толстого. Именно в Афгане, будучи более двух лет очевидцем трагических событий, я снова и снова возвращалась к тому, что было написано Толстым о событиях кавказской войны. Перечитывала «Севастопольские рассказы», повесть «Хаджи Мурат», «Казачьи», «Кавказский пленник». Возможно, пронзительная правда произведений Л. Н. Толстого, так точно передавшего психологическое состояние героев, черты народного характера, мужество и патриотизм простого солдата, подтолкнули меня к прозе. В Афганистане родились не только сборники стихов «У памяти в плену» и «Одни нам светят звезды», но и цикл афганских рассказов, вошедших в 11 том издания «От солдата до генерала». Проработав долгие годы в разных странах Ближнего и Среднего Востока, бывая в странах Центрально-Азиатского региона, могу уверенно сказать, что и там Лев Николаевич Толстой один из самых почитаемых русских писателей. Да и сам Лев Николаевич всегда интересовался восточной философией, искал в ней ответы о возможности нравственного спасения человечества и всегда радовался, когда находил подтверждение своим взглядам у древних мудрецов. Мне приходилось много общаться не только со студентами и преподавателями, но и с деятелями культуры, духовными лицами и всегда я чувствовала неподдельный интерес к творчеству Толстого, к его теоретическим философско-религиозным трудам: «В чем моя вера», «Царство божие внутри нас», «Исповедь», «Исследование догматического богословия»... Серии народных рассказов, притчи с их доступным языком, так же как и сложные произведения, в которых писатель излагал свои философско-этические взгляды, остаются притягательными и для простых читателей, и для политических и общественных деятелей. Путь к обновлению человечества Лев Николаевич видел в нравственном совершенствовании каждого, в обличении зла. Высказывания Толстого о переустройстве общества, о справедливости и самоусовершенствовании, о роли матери в процессе воспитания, о не-

обходимости помогать бедным, почти дословно совпадают с учением духовного лидера Ирана имама Хомейни. Лидер исламской революции много писал о совершенном обществе и совершенном человеке, о помощи обездоленным, о том, что «воспитание начинается с колен матери», мечтал о равенстве, братстве и мире на земле. Как созвучна мысль Толстого: «Знания без нравственной основы ничего не значат», изречению имама Хомейни: «Знания в злобном уме опасны». А мысли обоих тождественны учению Платона о совершенном обществе.

В 1855 г. Толстой, высказав мысль о создании новой религии, был уверен, что если одно поколение будет передавать другому добрые мысли о создании справедливого общества, то когда-нибудь это станет реальностью. О духовной близости высказываний Толстого строкам восточных поэтов, философов, богословов можно написать не одну научную статью. Не случайно мучительная мысль Левина «что я такое и зачем я здесь» так созвучна вечным строкам персидского классика Хайяма: «Откуда мы пришли. Куда уйдем. Где круга этого начало, где конец».

В Индии в Бомбее, нынешнем Мамбае, в музее Ганди всегда ловила себя на мысли насколько духовные искания руководителя освободительного движения близки учению Толстого о непротавлении злу насилием. Недаром Ганди встречался в Риме со старшей дочерью писателя Татьяной Львовной для беседы о религиозно-философских воззрениях ее отца. Разрабатывая идейные и тактические принципы борьбы против расовой и национальной дискриминации, Ганди в выработанной им концепции «Сатьяграхи» — «Упорство в истине», использовал морально-этические принципы учения Толстого, Личность которого и образ жизни оказали на Ганди сильное влияние. Получив имя Махатма — «Великая душа», он разработал тактику ненасильственных действий при сопротивлении британскому диктату в Индии, опираясь на учение Толстого.

Идейный лидер арабского единства, ливанский писатель Амин Рейхани увлекался учением Толстого наравне с трудами Вольтера и Руссо. Он проповедовал у себя на Родине идеи личного совершенствования в духе Толстого, излагая в статьях, эссе, речах этико-философские взгляды, призывал к всеобщему братству, утверждал, что в каждом есть «искра добра, частица любви и истины» и был сторонником слияния двух великих цивилизаций Востока и Запада.

Полное юбилейное собрание сочинений Толстого я приобрела на книжном развале в Иране в Тегеране на улице Васали-Ширази. Это то самое издание, над которым начинала работать еще в 1918 г. младшая дочь Толстого Александра Львовна в издательстве «Задруга» на деньги, оставшиеся от издания посмертных произведений Толстого. Разбор рукописей, писем, дневников происходил до 1923 г. сотрудниками Румянцевского музея, нынешней Российской государственной библиотеки. Материалы выверяла Александра Львовна с братом Сергеем Львовичем. Затем работа шла совместно с редакционной группой В. Г. Черткова, готовившей к изданию произведения, написанные после 1880 г. С 1937 г. издание стало выходить в свет. Подготовка последующих томов продолжалась и в годы войны. Даже во время блокады Ленинграда тома для печати перевозили по ледовой дороге жизни через Ладогу. Но предложенные Гослитиздату материалы были изданы полностью только в конце 50-х.

Каким удивительным образом в канун исламской революции в Иране 1979 г. туда попали сочинения не только Толстого, но и Достоевского, Чехова и многих дореволюционных русских писателей остается загадкой.

А в 1978 г., перед новой заграничной командировкой, мне посчастливилось быть в Москве на праздновании 150-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Торжества были масштабными, с многочисленными научно-теоретическими конференциями, широкой демонстрацией фильмов и спектаклей по произведениям писателя,

выставками в толстовских музеях. Тогда я посмотрела «Анну Каренину» с Гретой Гарбо. Посчастливилось мне попасть и в Большой театр, где шло торжественное юбилейное заседание. О духовном наследии Толстого и его роли в мировой культуре, масштабности личности гениального писателя говорили в своих речах и первый секретарь правления Союза писателей Георгий Макеевич Марков и директор ИМЛИ Георгий Петрович Бердников. В зале присутствовали многочисленные потомки Л. Н. Толстого, в том числе приехавшие из-за рубежа.

За пределами этих воспоминаний остается много не озвученных страниц. Это и командировка в Непал в 1997 г. на юбилейные торжества клуба непальских выпускников российских вузов «Митра Кундж», где было столько разговоров о современной русской культуре и неоднократно с особенным почтением звучало имя великого Толстого. И встречи на Международных научных конференциях, где, говоря о России, представители разных стран обязательно называли имя Льва Толстого.

В этом юбилейном году Великой Победы мне снова удалось оказаться в Ясной Поляне. Невольно вспомнилось все прочитанное о декабре 1941 г., когда усадьба была освобождена от фашистов. Тогда и сложилось большое стихотворение, несколько строк которого я хочу привести:

*В боях советские солдаты
Усадьбу от врагов спасали.
У Ясной есть святыне даты
Для радости и для печали.
Веками жить народной силе.
Бессмертна русская душа.
Бессмертна матушка-Россия,
Что Льва Толстого родила.*

В энциклопедии «Мудрость тысячелетий» несколько страниц занимают изречения Льва Николаевича Толстого, свидетельствующие и о широте его взглядов, и об эволюции мировоззрения, и о роли гениального писателя в формировании общественной мысли. Есть среди них и такое: «Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира». И какое счастье, что среди этих мудрейших людей мира великий русский писатель, яснополянский мудрец Лев Николаевич ТОЛСТОЙ, с которым можно ежедневно разговаривать по душам.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ «БУМАЖНАЯ» И «КОМПЬЮТЕРНАЯ» ЛИТЕРАТУРА» В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ (АНАЛОГОВОЕ И ЦИФРОВОЕ МЫШЛЕНИЕ)

От редакции: Исходный материал для дискуссии был опубликован в «ПЗ» № 2/2012 в рубрике «Колонка главного редактора» под названием «Что написано пером...». Кроме того, этот текст еще до выхода № 2/2012 был циркулярно разослан всем авторам «Приокских зорь».

*Редакция журнала рекомендует читателям «ПЗ» перед ознакомлением с материалами дискуссии освежить в памяти содержание исходной статьи, а также **обязательно** прочесть «Колонку главного редактора» в настоящем номере журнала в части, относящейся к дискуссии.*

Итоги дискуссии будут опубликованы в «ПЗ» № 1/2013 в статье зав. отделом публицистики и литературоведения Натальи Квасниковой. В этом же номере журнала будет продолжена публикация материалов дискуссии, которые будут поступать в редакцию после 01.08.2012 (время формирования № 4/2012 «ПЗ»).

В следующем году мы планируем провести всероссийскую и международную дискуссию по теме «Колонки главного редактора» в «ПЗ» № 3/2012 под названием «Очередное повреждение русского языка». О начале дискуссии было объявлено циркулярным письмом.

* * *

Уважаемая редакция «Приоских зорь»!

Спасибо. С наслаждением читал Вашу «Колонку». Она отвлекла меня от невеселых мыслей о госпитале, куда направляют через три дня. Если по сути, а не по форме, то после такой статьи уже и дискуссия не нужна...

Ваши соображения коснулись и моей последней для «ПЗ» «посылки» — машинально отослал электронной почтой. Вырвусь от врачей — исправлюсь.

Все Вам доброго!

*Наум Ципис, г. Бремен, Германия,
лауреат премии «Левша» имени Н. С. Лескова*

* * *

Любое произведение, написанное гением, на каком бы носителе оно не создавалось, — останется гениальным. И, наоборот, — если «писатель» посредственный, как бы он не подгонял себя к классически-традиционному письму (хоть обложись гусиными перьями, чернильницами, и облачись во фрак времен Пушкина) — гениального не создаст.

Конечно, компьютерный гедонизм все больше расслабляет, и может сделать из таланта — посредственность. Но это проблемы этого самого бывшего таланта. Он сам не пожелал развиваться, а положился на вседоступность всемирной паутины.

Может быть, все как раз, наоборот, к лучшему. Подобная ситуация с расширением компьютерных технологий ведет к естественному отбору настоящего интеллекта. Не смог, не захотел развиваться — выбыл с дистанции. Всегда все почему-то сводится к образу пирамиды.

Олеся Янгол, г. Юрмала, Латвия

* * *

Доброе утро, дорогая редакция «Приокских зорь»!

Поздравляю Вас от чистого сердца со Всемирным днем Поэзии, который отмечается литературной общественностью 21 марта!!!

Желаю Вам огромного человеческого счастья, здоровья, долгой романтической молодости и, конечно, новых литературных наград и премий за Ваши прекрасные произведения и необычные творческие проекты! А журналу «Приокские зори» и его талантливым авторам — дальнейшего процветания и успехов в творчестве!

И в качестве материала для дискуссии шлю Вам стихотворение «Секрет ремесла!» С уважением к Вам и с надежной на дальнейшую творческую дружбу.

СЕКРЕТ РЕМЕСЛА

*Светлой памяти замечательного русского поэта
Владимира Ивановича Фирсова*

*Где мне взять эти краски?.. На чем приготовить?
Чтоб стихи зацвели спелым колосом ржи.
И коровы, бредущие в дальнем стоговьям,
На рогах к горизонту несли миражи...*

*Чтобы каждый мой стих, днем родившись весенним,
Вызрел златозвонным, как в поле хлеба,
Чтоб от строк моих пахло грибами и сеном,
Пахло солнцем и потом крестьянских рубаш.*

*...В чем секрет ремесла?.. Мне он мало известен.
Но искусству учусь у больших мастеров,—
Постигая секреты бессмертия песен,—
Набиваю мозоли на ладонях стихов.*

Владимир Корнилов, г. Братск

ЛИТЕРАТУРА И СЕТЕРАТУРА: КТО КОГО?

Алексей Яшин — писатель, ученый и главный редактор литературного ежеквартального альманаха «Приокские зори» предложил авторам журнала включиться в дискуссию о соотношении традиционной и интернетной литературы. Статья, которую А. Яшин подготовил по этой теме и разослал коллегам, довольно объемная. Цитировать ее не буду, поскольку все желающие смогут познакомиться с ее содержанием во втором номере журнала за текущий год, а также на сайте Тульского госуниверситета.

Я же коснулась лишь некоторых вопросов в предложенном обсуждении, изложив собственные наблюдения в виде обыкновенных заметок по ходу чтения статьи Алексея Яшина.

1

«Аутентичная семантика» алфавитной письменности становится спорной, особенно для владеющих несколькими языками. Трудности, с которыми сталкиваются переводчики текстов художественной литературы, являются тому примером. В прежние времена полиглотов было меньше. Расскажу о ситуации, случившейся со мной недавно. Написала приятелю, живущему в другом городе и в другой стране, о том, что один из цветущих кустарников у нас называется «лобдоружа». Мой собеседник предположил, что название происходит от слов «лоб» и «рожа». Пришлось объяснить, что на самом деле — от венгерского «лобда» (мяч) и русинского «ружа» (роза, пион, цветок). Но это совершенно нейтральный пример, а случаются и переводческие казусы, когда, например, русинское «быв» (был) записывают как украинское «бив», то есть русское «бил». Конечно, я привожу лишь те примеры, о которых знаю, с которыми сталкивалась. Наверное, есть и другие. Семантика алфавита — это, как я понимаю, смысл, вкладываемый в звук, отображенный буквой. В том, что звуки имеют смысловое наполнение, нисколько не сомневаюсь. Меньше об этом задумываются авторы, пишущие прозу, а вот поэты, талантливые поэты, всегда пытаются следовать некому звуковому ряду, который, как им кажется, придает стихам определенную тональность, точно так же, как это происходит в музыке. Для жизнеутверждающих стихотворений годится звонкий насыщенный звуковой фон, для камерных стихов более подходящим является приглушенный фонемный акомпанемент.

В русинском языке существует несколько дифтонгов. Например, ОЫ, ОУ, ЮИ (тЮИв дівці — той девушке). Очень часто встречается почти неразличимый, по звучанию, звук, который может быть обозначен в украинском языке как «е» или «и» (скорее «вирьх», нежели «верх» или «верьх»). Плохо сейчас помню нюансы кириллицы, не уверена, что в кириллическом алфавите имеются буквы, отображающие пере-

численные мною звуки. Хотя, наверное, могут ими быть старославянские литеры, обозначающие носовые заднего и переднего ряда, глухие редуцированные среднего и переднего ряда. Однако многочисленные энтузиасты, пытающиеся создать русинскую грамматику, чаще все же используют для обозначения таких звуков буквы с надстрочными знаками и буквы-пары, и буквы из латиницы. Хотя, по моему мнению, было бы проще ввести именно старославянские литеры и сообща решить, какие именно звуки каждая из них будет обозначать.

2

Действительно, современный писатель — гедонист во всех смыслах. Хотя бы и потому, что практически все пишущие люди сейчас используют многофункциональный компьютер, который сегодня уже не является усовершенствованной пишущей машинкой. Это в умелых руках — почти полный цикл издательского производства. От набора, корректирования и редактирования текста, до его верстки, художественного оформления и распечатывания на той же бумаге (можно — и на вечном пластике) с помощью приставки-принтера.

В компьютерных программах для набора проще цитировать, например, скопировав соответствующее предложение из первоисточника. Проще править написанное, воспользовавшись словарями, встроенными в компьютерные программы. Гораздо проще придать уже набранному произведению тот вид, который удовлетворяет эстетические потребности автора. Но именно поэтому большинство произведений приобретают скучное единообразие — унифицированные шрифты, которыми ты можешь пользоваться так же, как и твой коллега, унифицируют и мышление. Писать роман ручкой (пусть даже авторучкой) — это иметь возможность снова и снова возвращаться к уже зачеркнутому, отбракованному, то есть возвращаться к тому месту, от которого мысль потекла в новом русле. Не всегда зачеркнутое является ошибочным, зачастую слова, фраза могут быть использованы в другом контексте, где способны сыграть даже роль катализатора новой мысли. Впрочем, в компьютерном наборе также можно воспользоваться функцией зачеркивания, дабы не терять некоторых ориентиров на пути обдумывания сюжета, создания образов и т.п.

3

Интернет-писательство в самом деле заставляет писать быстрее, поскольку сетевой автор часто ориентируется на плодovitость коллег по литературному сайту, выдающих на-гора новые и новые тексты. Здесь роль играет что-то вроде состязательности. Но эти соревнования на скорость и объем очень утомляют, и приходит время, когда сетевой писатель просто не в состоянии родить что-то путевое. Творческие кризисы у интернет-литераторов случаются чаще, и они более продолжительные, нежели у авторов, пишущих традиционные книги традиционным способом, — сидя за письменным столом и выписывая каждое слово вручную на писчей бумаге. Не компьютер виноват в том, что многие авторы работают на вал, а именно возможность посредством Интернета наблюдать за скоростью творческого процесса коллег. Компьютер же позволяет точно так же, как и письмо вручную с обмакиванием пера в чернильницу, размышлять над каждым словом создаваемого текста, прочитывать фразы, дабы не впустить в их мелодику звуки, которых в них быть не должно, оттенки смыслов, которые допускать в них нельзя.

4

Дискретный характер мышления развивается в большей степени не от влияния на процесс думания такого действия, как стучание по клавишам механической пишущей машинки или компьютерной клавиатуры. Кратковременное изменение мышления

может наблюдаться у людей, еще не имеющих навыков набора текстов на этих устройствах, поскольку они отвлекаются на поиск нужной клавиши, функции и т.п., из-за чего мысль становится прерывистой, вплоть до исчезновения того, что мы привычно называем вдохновением. Впрочем, даже хорошо освоив набор на компьютере, имея приличную скорость печатания, предпочитают стихи писать авторучкой, точно так же и художественные рассказы. Так получается быстрее и качественнее. Создается впечатление, что мысль берет разбег и не останавливается до тех пор, пока не достигнет финиша. Но все же ручка — это, скорее, отработанный до мелочей ритуал, нежели необходимость. И если бы не было в доме авторучки, но появилась потребность изложить свои мысли, конечно, записала бы их с помощью компьютера. Отдаю предпочтение авторучке, видимо, потому что навыки письма у людей моего и более старших поколений все же превалируют над умением печатать. Кроме того, если рукопись объемна, то очень часто приходится возвращаться к уже написанному, дабы удержаться в русле логики повествования, сохранить его последовательность. Конечно же, в таком случае удобнее перелистать бумагу, нежели с помощью курсора и «мышки» «бегать» по массиву компьютерного текста. Именно поэтому «большую» прозу всегда пишу ручкой. Но этап письма вручную обязательно переходит в этап набора и редактирования на компьютере. И в процессе перечитывания и печатания текста происходит его огранка. Именно печатный текст позволяет увидеть многие стилевые погрешности. Происходит что-то вроде сравнения собственного текста с неким эталоном в виде воображаемой готовой книги.

Мнемоника, не как научная дисциплина, а как искусство запоминания или технология запоминания, наверное, у каждого человека формируются индивидуально. О себе я могу сообщить следующее: умышленно избегаю запоминания большого количества всевозможной информации, которую легко найти в справочниках, сборниках, записных книжках, в конце концов, задав поиск в Интернете. Мне кажется, форсированное запоминание чего-либо «на заданную тему» засоряет в наибольшей степени подсознание, ибо если в ближайшем будущем тебе не понадобится информация о «морфологии динозавров», но ты попытался ее запомнить, то она обязательно осядет в подкорке и может о себе напомнить самым неожиданным способом. Письмо вручную, осознанное чтение (но не механистическая «пробежка» по текстам или, что еще хуже, по ссылкам, всплывающим на мониторе компьютера и «вплывающим» в подсознание) — это действительно наиболее подходящая методика развития способности к запоминанию того, что способствует творчеству, мышлению как таковому.

Авторы сетературы зачастую напоминают мне одного знакомого, у которого от неумеренного потребления спиртных напитков, ускоренными темпами развивалась деградация личности. В «трезвое» время суток он был хмур, раздражен и очень плохо соображал. Но, когда выпивал очередную дозу «стимулятора», становился оживленным и блистал эрудицией. Все бы ничего, но на самом деле блистал он остатками эрудиции — читал своим слушателям стихи, которые заучил наизусть еще в школе. При этом с течением времени и усилением деграционных явлений в высшей нервной деятельности моего знакомого он все чаще сбивался, путался, в конце концов, его «эрудиция» дошла до декларирования единственной связной фразы, оставшейся в его сознании (а может быть, уже подсознании) подобием тлеющего уголька: «Плакала Саша, как лес вырубали». И сейчас, когда этого человека уже нет в живых, любой житель нашего небольшого городка помнит эту фразу как имя собственное.

Видя пьянчужку, алкоголика, мы частенько задумываемся: что же привело человека к такому состоянию? Что случилось в его жизни? Что оказалось тем переломным моментом, после которого человек уже не смог вернуться к нормальному образу жизни? Как правило, ответ на поверхности: привычка — вторая натура. Но всегда ли

этот ответ правильный? Некую грань многие ведь переходят, даже не осознавая, что переступили ее. Но всегда есть начало движения к грани. И выявить это начало можно, если это кажется важным. Думаю, той личности, которая чувствует в себе призвание к литературному труду, необходимо заблаговременно предвидеть появление этой грани и не стремиться преодолеть упоминаемый условный Рубикон. Особенно при том состоянии дел, которое имеется в современной издательской сфере, во взаимоотношениях пишущих и издателей.

Да, в нынешнее время трудно даже весьма талантливому автору попасть со своими произведениями в издательские планы. Поскольку большинство издателей, как это ни парадоксально, отдают предпочтение не собственно качественной художественной литературе (о научной и познавательно-просветительской у меня нет данных), а скорее — «выгодным» креативным именам в литературе. (Об идеологических предпочтениях издателей не говорим, поскольку это отдельная тема). И получается так, что сейчас весьма условным становится разделение на интернетных и традиционных писателей, на сетературу и собственно литературу. Ведь креатив «традиционных» писателей создается повсеместно с помощью тех же интернет-ресурсов. Стоит лишь задать поиск в сети имени автора — и сразу же по количеству и смыслу ссылок можно определить, какой вес имеет писатель имярек у книжных издателей. Писатель, которого популяризуют его же издатели, представлен в Интернете на порядок-два три чаще, нежели его собрат, обитающий исключительно в Интернете. На портале Проза.ру, к примеру, зарегистрированы авторы, имеющие в своем активе десятки изданных книг, но все же не вполне удовлетворенные читательским вниманием и поэтому ищущие, привлекающие новых читателей, жаждущие обратной связи с читающей публикой. Как правило, такие авторы публикуют в Интернете преимущественно небольшие эссе и статьи, отрывки из давно написанных произведений. Свежие тексты в Интернете они лишь анонсируют, делая ставку на подогревание интереса к своему творчеству. Очень часто используют такой прием, как многократную публикацию одного и того же произведения в рамках одного и того же ресурса. Не является секретом и то, что писатели «традиционные» черпают идеи и даже занимаются откровенным плагиатом, используя рядовое воровство и последующую компиляцию из опубликованных в сети текстов, авторами которых являются их менее удачливые коллеги, не прошедшие «конкурс красоты» у издателей бумажной литературы.

И вот тут-то, наблюдая подобное, не нашедший себя в «издательских планах» автор способен впасть в состояние отчаяния и безысходности от невостребованности, от кажущейся непробиваемости издательских стен и дверей. Многие перестают писать. Многие сбиваются на конъюнктурные темы. Многие ищут поддержку (и могут найти) в Интернете среди себе подобных. Но слишком это трудоемкое и времяпожирающее занятие — находить близких тебе по духу людей. Да и убедиться в том, что приобрел единомышленника, искренне желающего и способного помочь (пусть для начала морально), можно все равно лишь после личного знакомства с человеком, который положительно оценил твоё творчество. Впрочем, не всегда и личное знакомство оправдывает ожидания ищущего признания и интереса к собственному творчеству.

Времяпрепровождение в Интернете очень часто способно взрастить в сознании человека повальное недоверие к собеседникам, находящимся по ту сторону монитора. Блуждания в Интернете и склонность к заблуждениям становятся почти синонимами. Общение в сети, с одной стороны, способно оказать стимулирующее воздействие на творчество и мировоззрение автора, не имеющего возможности быть изданным (а причиной отсутствия издательских перспектив может оказаться возрастная немобильность пишущего, отсутствие средств на поездки к издателям, оплату издательских услуг). С другой стороны, внимание к твоему творчеству в сети требует

практически ежедневного, по несколько часов, просиживания у монитора, поскольку читатель интернета рассчитывает получить ответ на собственный положительный или иного рода отзыв. Таким образом, Интернет привязывает автора к дисплею и к эрзац-общению. Кто-то отвечает машинально, кто-то — выкладывается на пределе эмоциональных сил, видя в виртуальном собеседнике живую душу. В результате — эмоций не остается для творчества. О законе сохранения энергии и перераспределении ее необходимо всегда помнить, если в запасниках остаются нереализованные планы и замыслы.

Максимального общения с читателями требуют и современные издатели литературы на бумаге. Пробежаться хотя бы вскользь по интернет-ссылкам, указующим на передвижения интересующего тебя «традиционного» писателя,— и можно сделать вывод о том, что Сизифовым трудом оборачивается для него участие во всяческих пиар-акциях, марш-бросках по читающим городам и весям. И это, очевидно, та же необходимость поддерживать популярность, которая продиктована отсутствием максимально разветвленной и рационально организованной сферы книжной торговли и распространения книг по библиотечным коллекторам. А посему ждать от таких «вечно командированных» литераторов качественных текстов не приходится. Эта тенденция переросла уже в явление. «Звездочки» бумажной литературы после издания первой более-менее удачной книги все чаще и чаще разочаровывают читателей последующими наспех состряпанными текстами, сработанными без души и даже без видимых интеллектуальных усилий.

За почти три года, проведенные на портале Проза.ру и одновременно в более или менее активном общении с местными коллегами, у меня накопилось множество наблюдений и с той, и с обратной стороны «зеркала». Вряд ли можно говорить о том, что авторы интернета и авторы «традиционной» литературы слишком уж отличаются друг от друга. Но можно говорить о том, что именно в Интернете сейчас находится та грань, которая отделяет одних от других. И грань эта укладывается в формулировку следующего толка: «кто быстрее и надежнее закрепится в Интернет-пространстве». Очень многие пытаются в нем закрепиться собственным присутствием, забывая о том, что когда-то оно закончится так же, как заканчивается жизнь любого смертного. А вспомнят ли тебя по прошествии множества лет,— зависит вовсе не от того, сколь активно ты осваивал Интернет или издательства.

Ирина Мадрига, г. Свалява, Закарпатье, Украина

* * *

Вот мой ответ журналу «Российский писатель» № 8 — 2012 на вопрос: «Ваш прогноз относительно будущего печатной литературы. Не убьет ли электронная книга книгу бумажную?»

Ефим Гаммер: Когда я, будучи солдатом-резервистом, охранял от террористов в Шхеме-Наблусе священную гробницу Иосифа, великого пророка, предсказавшего Египту «семь тучных и семь тощих лет», каким-то чудесным образом он дал мне понять, что с похожим вопросом обращался к нему и фараон. Клиента строящейся на века пирамиды интересовало, сохранятся ли в будущем папирусы с его жизнеописанием, или появится какая-то новая печатная продукция, которая сметет все устаревшее. Иосиф сказал: и папирусы останутся в МУЗЕЕ, и несуществующие еще ныне книги на бумаге вместе с их собратьями — электронными. На смену всему этому придет телепатия. Не будет нужна типография, откажутся от компьютера, а вся информация будет вноситься

в голову благодаря какой-то мельчайшей мозговой клеточке, которая существует в человеке с момента Сотворения, но еще не задействована. Правда, произойдет это с теми людьми, у кого на плечах голова, а не кочан капусты.

Более деловой ответ выглядит несколько по-иному. И тут я могу сослаться на Елену Шмыгину, выпускницу математического факультета МГУ, писательницу и веб-мастера, главного редактора электронного журнала «Детки — 74» из Челябинска, сделавшую более десятка моих электронных книг: «Ефим,— пишет она,— насчет бумажной литературы вопрос уже давно перевалил за невозвратную метку. Будущего у бумаги нет. Останутся только презентационные тиражи для встреч с читателями и подарков. Остальное уйдет в электронный вид. И не только потому, что электронное интереснее и удобнее во многих планах. Перестают в принципе читать. Сегодня, 23 мая, объявили, что 15 крупных зарубежных библиотек объединились в сообщество для взаимопомощи в выживании. Вот такие дела. Не очень позитивные, но все вот так. Бумагу может спасти только тотальное отключение электричества. Тогда исчезнет интернет, и людям придется осваивать и возрождать кустарные производства, и книгоиздание в том числе».

P.S. К этому могу добавить, что в тех страницах, где любовь к чтению традиционна, останется еще на долгое время и любовь к книге. Мне трудно представить, что, например, в России, книгу повсеместно вытеснят диски и компьютер. То же самое в Израиле. Положим, здесь компьютеров на душу населения больше, чем в России, но все равно «народ книги» не распрощится с книгой. В частности, с религиозной. Тысячи лет здесь переписывают Тору, ее свиток за все эти годы не претерпел изменений. Кто-то может себе представить, что его при любом развитии техники и печатного дела дела сменит что-либо другое? Так что те ценности, которыми мы дорожим, останутся с нами и в будущем. Только не надо забывать, что тяга к чтению с неба не падает, ее воспитывают в человеке с детства. Это ведь не телевизор смотреть! Не забывайте об этом, пожалуйста, и все образуется.

Полностью интервью см. <http://www.yefim-gammer.com/showtopicpressa.php?line=152>).

Ефим Гаммер, г. Иерусалим, Израиль

* * *

Много лишнего, теряется смысл статьи... Люди в деревне за лето так уставали, приходилось спать не больше двух часов в сутки, что зимой отсыпались. Но если хорошо знать деревенский быт, то и зимой особенно спать было некогда, зимой мужики заготавливали дрова, женщины ткали, шили, вышивали, плели, пряли, вязали. Сейчас в наше время есть на Енисее поселение, недавно с мужем смотрели документальный фильм, у них до сих пор вся жизнь по дням расписана, опоздаешь, останешься голодным на весь год...

Лично я, когда пишу стихи, не люблю пользоваться ноутбуком, лучшее средство — это ручка и тетрадь, дело в том, что приходится отрабатывать написанное, иногда получается, что первый вариант самый удачный.

Простите, посещать заседания ЛиТО у меня нет возможности, на Стихи.ру я участвую в конкурсах, не везде берут мои творения. Но вот самый последний пример: стих «Дождик шлепает по лужам». Отправляю три стиха, ведущая отвечает: замысел хорош, но сам текст... Три дня отрабатываю, из этого стиха осталась лишь вторая строчка, результат — 3 место. Вы считаете, зря создали сайт? Я так не считаю.

В районную газету свои творения я отправляю сообщением, т.к. рукописные тексты кому-то нужно набирать и тратить время... То, что плагиатом пользуются многие

с приходом интернета, да, есть, обидно. О мобильном телефоне: мечтала в 90-е годы прошлого столетия, когда муж работал на лесовозе, приходил в 4 утра, а я мечтала о такой трубке-рации, чтобы он мог сказать, где находится. Сейчас он опять на лесовозе работает, выезжает на трассу (в лесу сеть не ловит...) и докладывает...

**Нина Гаврикова,
г. Сокол, Волгоградской обл.**

* * *

Здравствуйтесь, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Наконец-то прочел полностью Вашу редакторскую колонку — материал о противопоставлении традиционной, «бумажной» и «интернетовской» литературы. Сразу с благодарностью скажу, что почерпнул для себя достаточно много неизвестных ранее фактов, как, например, об особенностях начертания различных алфавитов, или о том, что кириллица наиболее проста по части изображения букв, в том числе и шипящих. Тут сразу вспомнился давний случай: когда-то мой отец, выпускник исторического факультета Воронежского пединститута, работая преподавателем сельхозтехникума, пытался сдать кандидатский минимум. В том числе и по инязу — немецкому языку. И, переводя какую-то передовицу в немецкой газете, наткнулся на фамилию, которую никак не мог прочесть. Начало-то ясно: Хру..., а вот что потом? А потом выяснилось, что там из пяти разных букв формируется буква «щ», а фамилия — Хрущев.

Ваши размышления о гедонизме и лени мне тоже близки. Вот мой сын, которому в июне исполнится 25, окончил колледж и в дальнейшем однопрофильный вуз: специалист по металлам и сплавам, из которых изготавливаются внутренности для телевизоров, музцентров, компьютеров и т.д., отслужил срочную и на данный момент зарабатывает на жизнь электромонтажником. Он в интернет лазает лишь, чтобы скачать новый фильм и узнать стоимость какого-то товара по городу Ростову. Книг не читает абсолютно никаких. Разве инструкции, как пользоваться тем или иным товаром. Сейчас. В студвремена, правда, порой интересовался то какими-то (закрытыми когда-то) лекциями для сотрудников ФСБ или — почему-то? — теорией личности Фрейда. А на домашнюю библиотеку в три тысячи томов даже не смотрит. Теперь — ближе к теме. Я на пенсии подрабатываю тем, что скупаю у населения художественную литературу, которая пользуется еще хотя бы каким-то спросом, а потом пытаюсь ее перепродать. Занимаюсь этим порядка десяти лет и уверенно утверждаю: за эти годы спрос на книги значительно упал, особенно на классику. Невозможно продать, например, произведения Горького, Маяковского, Симонова, а уж тем паче — третьеразрядных советских классиков: Островского, Фадеева, Федина, Гладкова, Шагинян, прославляющих советский строй. Из Льва Толстого берут лишь «Войну и мир» — раз в год, когда проходят в школе. Из Шолохова — аналогично, раз в год «Судьбу человека», но «Тихий Дон» до сей поры, независимо от времени, пользуется определенным спросом, а «Поднятая целина» — абсолютно нулевым. Ушли в прошлое времена приключенческой литературы: Купера, Майн Рида, Хаггарда, Буссенара, Эмара, Сальгари, Дюма — за которыми еще лет пятнадцать назад гонялись. Равно как и за эпопеей «Ангелики», которую нашлепали массовыми тиражами все, кому не лень, а нынче она не востребована. Мертво лежат произведения Золя, Гюго, Бальзака, Мопассана, Драйзера, Диккенса. Кое-как еще идет Джек Лондон. Из Гашека — «Швейк», из Достоевского — «Бесы», «Идиот» и «Игрок», а вот попробуйте-ка реализовать «Записки из мертвого дома», либо «Униженные и оскорбленные». Переста-

ли интересоваться Карнеги. Подолгу лежит «Декамерон», а вот на «Божественную комедию» клиенты есть. Что вообще пользуется повышенным спросом: из зарубежных авторов — Шекспир, Шелдон, экзистенциалисты Камю, Сартр и Кафка; из наших — романы Пикуля и братьев Стругацких, ряд исторических романов: трилогия Яна, «Каменный пояс» Федорова, «Иван Третий, государь всея Руси» Язвицкого, «Иван Четвертый, Грозный» Коростылева — и подобные по тематике вещи о старой, лучше — допетровской еще Руси. Уход в прошлое от проблем настоящего? Традиционно покупаема детская литература: приключения Чипполлино, Незнайки, Буратино, Петрушки; Карлсон, Вини-Пух, обе Алисы, цикл повестей-сказок Волкова, начиная с «Волшебника Изумрудного города». Сказки Афанасьева, Андерсена, братьев Grimm, Перро,— а вот того же Гауфа или «Мумми-тролли» Янсена — в гораздо меньшей степени. Разумеется, все это можно скачать из интернета, однако бабушки (не все, конечно) предпочитают учить внуков по детской классике и желательно изданной в подарочном исполнении. Подарочные «Сказки Пушкина», например, — на белой бумаге, с яркими иллюстрациями, большого формата — уходят в лет. А обычная книга, с картонным переплетом, из серии «Школьная библиотека», практически непродажна. Зато в большом ходу дамские детективы (Донцова, Шилова, Устинова, Маринина, Полякова) и дамские же любовные романы (Смол, Браун, Линдсей, Макнот, Карлтланд). И тут требования совсем другие. Дайте малого формата, в тонкой обложке — так называемую одноразовую. Ее удобно читать в автобусе и на работе, прятать в сумочку или в полуоткрытый ящик (от начальства). Детективы братьев Вайнеров, Леонова, Словина, Адамовых и прочих авторов, получивших известность еще до перестройки, сошли на нет. Но покупаем тот же наш ростовский Корецкий. В большом ходу всякие едовые книги — особенно «Книга о вкусной и здоровой пище». Причем с автографом Сталина (изданная до 1952 года включительно) ценится больше всего, хотя и вся разница-то именно в этом одном предложении. Это — «Сталинка». Потом пошла «Хрущевка» — в ней еще сохранена цветная вкладка с видами красной и черной икры. При Брежневэ эту вкладку убрали. И цена книги издания семидесятых, и далее — до 1989-го (позднейшие издания мне не попадались) еще меньше. Ну, это я уже увлекся деталями. Книги покупает в основном старшее поколение, и больше женщины. Среди молодежи клиенты на классику редки, как правило, это студенты филологического отделения. Но иные берут, как уже упоминал, дамские детективы, любовные романы (опять же преимущественно с разворотом действий в далеком прошлом; например, есть такая специализирующаяся на сюжетах из давних времен серия «Шарм»). Короче, люди хотят отдохнуть, читая, а не напрягать мозги и не переживать. Прочел — забыл — выбросил. Одноразовая, не жалко. В Москве зачастую на последних станциях линий метро по несколько таких книг в вагонах оставляют, даже домой не берут: чтобы место в квартире не занимать. С другой стороны, у меня сейчас несколько клиентов ждут «Капитал». Почему-то востребован и именно за последние годы, стал. И еще деталь: не все можно найти в интернете. Скажем, произведение Маркеса «Пир во время чумы» одна моя клиентка так и не разыскала вообще ни в каком виде — ни бумажном, ни электронном. И на закуску анекдотично-печальная ситуация из моей жизни. Летом подходит к моему книжному развалу мама с сыном лет 10—11. И говорит: мол, давай, я тебе какую-то книгу куплю. Сынуля в крик: «Не надо! Не хочу! Не нужна!» Мама: «Нет, купим!» Выбрала какие-то сказки. Протягивает сыну. Тот руки за спину спрятал: «Не хочу!» Мама разозлилась: «Держи, я тебе сказала!» Всунула силком ему, а сама за кошелем полезла. Сынуля же ее сбежал и мне книгу чуть не в нос тычет: «На! На! Возьми! Забери! Не нужна она мне!» Ну, я как-то автоматически взял, пацан поскорее в сторону отпрыгнул. «Почему, говорю, не нужна?» А он зверскую рожу скорчил и с рычаньем:

«А ее чита-ать на-адо!» Мама ахнула, охнула и кошелек спрятала. Такие-то они, литературно-продажные дела.

И по поводу мнемонической памяти... Я свой последний рассказ «Часовой с липовым стволом» почти весь написал вечерами и ночами, когда уходил сторожить виллу одного нового русского (четыре этажа с полуподвалом). Там ни компа, ни телевизора. Только и возможностей, что читать или писать. И знаете, полагаю, в итоге неплохая вещь получилась. Опять-таки на сменах я ее много раз редактировал. Напечатаю на компе очередной вариант — и с собой, на дежурство. А уж там вдоволь поисчеркаю. Ну, самые последние абзацы уже чисто на компе вводил-дополнял. И еще насчет того, что его пишущий только как машинку использует — отнюдь. Лично я еще и по части словарей всяких и справок тоже эксплуатирую. Особенно часто пользуюсь для подборки синонимов, — порой удачный сразу находится и становится как лыко в строку. Отчасти тоже гедонизм? Впрочем, мог бы, конечно, и в печатные словари глядеть, но в компьютере удобнее, и он сразу в нескольких значениях слов показывает. Вот, в общем, так. Хотя и мои рассуждения получились несколько не напрямую по вашей дискуссионной статье. Не взыщите строго.

С уважением и наилучшими пожеланиями.

Федор Ошевнев, г. Ростов-на-Дону

ЛИТЕРАТУРА — БУМАЖНАЯ ИЛИ ЭЛЕКТРОННАЯ?

В поставленной проблеме нам видится три вопроса.

1. Как создавать литературные произведения — с помощью ручки с чернилами или ручки шариковой. Либо печатать на машинке или на компьютере?

2. Как издавать книги — в бумажном виде или в электронном?

3. Как книги читать — традиционную книгу, с бумажными листами и переплетом, или книгу, помещенную в Интернете?

Приведем несколько примеров, сразу пришедших на ум.

Когда-то хозяин тщательно обрабатывал бревна, подгонял их по размеру, долго строил добротный дом. Сейчас дом можно поставить, при помощи современной техники, в два дня. Как будем дом возводить — как прежде или как сейчас? Вы скажете, тогда дома строились на века. Однако при сегодняшней быстротечности времени нужно ли, чтобы дом стоял века?

Можно выпить чай из тонкой фарфоровой чашки, наслаждаясь при этом изяществом линии ручки и уникальностью материала, из которого она изготовлена. Можно пить, удобно касаясь губами тонких стен чашки, а можно взять деревянную большую кружку, какие были в ходу давным-давно. Толстые стенки кружки, толстая ручка, громоздкий сосуд для питья. Из чего пить приятнее и удобнее? Вы скажете: зато дух чая в деревянной кружке будет особым, аромат другой — деревянный (вот и слово придумано). Ну что ж, почему бы иной раз не побаловать себя таким чаем?

В давние времена книга была рукописной — громоздкой, с деревянным переплетом, большими и ломкими листами, с трудночитаемым текстом. К тому же книг было мало, стоили они дорого, и не всякий мог купить и прочесть. Сейчас книги печатаются большими тиражами. Чтобы книга пришла к читателю, над ней работают специалисты — корректоры, редакторы, иллюстраторы, типографщики. Она легка на вес и удобно умещается в руках. Какую книгу мы будем читать? Конечно, с благоговением откроем рукописную книгу, погладим, может быть, листы, понюхаем воздух вокруг такой книги, рассмотрим иллюстрации, даже текст попытаемся осилить. Однако это

чтение интересно лишь профессионалам — историкам, книжных дел мастерам. А читать мы станем книги современного издания.

Не секрет: чтобы книга написалась, над ней надо много работать — думать, изучать, искать, планировать, отрабатывать текст, не забывая в то же время родной язык.

Пишешь ручкой (с чернилами или самопишущей) и при этом думаешь, тщательно подбираешь слова, проглядываешь смысл написанного. Идет медленный процесс создания текста. Однако нередко зачеркиваешь-перечеркиваешь, и наступает момент, когда трудно прочесть то, что создано на листе: одни каракули и штриховка.

На печатной машинке получается быстрее и чище. Кстати, в печатном варианте легче видится орфография. Вы скажете — глаз «замыливается». Верно, и все же он не менее замыливается в прочтении рукописи.

Компьютер — его полезность отмечают те, кому приходится много работать над созданием текста, например, научного. Кто работал над диссертацией и тысячу раз ее правил, подыскивая слово, менял фрагменты местами, тот, по большей части, скажет: как хорошо, что у меня есть или была, возможность работать на компьютере.

Вы скажете: это научный текст, а художественный — иное дело. Работа над художественным текстом требует еще большей тщательности. Есть возможность сохранить разные варианты текста, затем сравнить и выбрать тот, который точнее раскрывает идею произведения. Есть возможность поискать нужное слово, поработать, когда надо, над эмоциональным изложением или строго логическим, кратким или развернутым.

Есть возможность написать сначала ручкой на бумаге, а потом перенести в компьютер. Тоже нужный этап работы. Иной раз записал на листе и доволен: хорошо получилось. А придет время укладывать в компьютерный текст, видишь: здесь неточно, здесь расплывчато, здесь выбилась из основного содержания. И сам себя правишь.

Можно же, точнее — необходимо, править свой компьютерный текст, минуя рукописный этап.

Главное не в том, как создавать художественное произведение. У каждого свои приемы. Главное — что создавать. Художественность, т.е. образность и глубина содержания важны, а еще — знание того, о чем пишешь, а еще — интерес читателя и его готовность понять и принять то, что тобою создано.

Замечательно издавать художественное произведение в бумажном виде. Книга — одно из лучших творений человека. В ней все просматривается, т.е. не только содержание, которое вложил автор, но и писательское умение автора, его эрудиция, его отношение к жизни. Он весь — «на ладони» у внимательного читателя.

Возникает удивительное сообщество автора и читателя: я написал, в книгу собрал, тебе подарил; я книгу взял, открыл, прочел и обдумываю. Первый дал второму одно, а второй, взяв это, понял и увидел что-то свое. Получилось новое видение и, возможно, автор и читатель обменяются взглядами. Это бывает редко, но бывает.

Мы убеждены: книга, созданная одним, обогащается мыслями и чувствами другого, пусть только для него одного и, может быть, для его сотоварищей, с которыми он ту книгу обсуждал.

Однако книга сегодня — это 500 экземпляров (к сожалению, многие авторы выпускают произведения за свой счет и не имеют возможности выпустить, а затем и распространить, в большем количестве). Повезет — будет тираж в 3 тысячи или в 10 тысяч.

Пусти книгу в Интернет. Сколько возможных читателей у нее появится? Причем, будут сметены государственные границы, континентальные препятствия, и даже временные.

Не мешает электронная книга бумажной. Недаром сегодня издательства предла-

гают авторам, помимо бумажной версии, и электронную — на сайтах Интернета, на дисках. А современные литературные журналы предусмотрительно заводят свои сайты. Расширяется читательская аудитория до безграничных размеров.

Как читать? Что за вопрос? Конечно, есть особое состояние души, когда держишь в руках книгу, перелистываешь страницы, одну за другой, не спеша, наслаждаясь слогом, сюжетом, умением писателя выстроить ситуацию и красочно ее описать. Можно забежать вперед, можно вернуться к первым страницам. Сегодня прочесть главу, завтра другую, или прочесть все разом, забыв о делах, о пище, о сне.

Наверное, с давних времен, когда книга представлялась великой редкостью, сохранилось в нас уважение к ней, поклонение ей.

Однако бывают разные ситуации. Нет в поселке книжного магазина и библиотеки, а Интернет сейчас пробивает дорогу в самые укромные уголки. Вышла книга в другом городе, в другой стране, а у Интернета нет границ. Не смог купить дорогое издание, купи дешевле интернетовский вариант.

На дисках можно не только читать книгу, но и слушать. И если ее озвучивает мастер «чтецкого дела», то получишь удовольствие, слушая его, а также приобретешь еще один взгляд. Тогда восприятие книги станет богаче.

И ничто не мешает тебе, познакомившись с электронным вариантом, приобрести понравившуюся книгу в бумажном виде, в богатом переплете, с прекрасными иллюстрациями.

Есть, конечно, опасность публикации в электронной версии «чего ни попадя», однако такая опасность есть сегодня и в публикации традиционной. Плати издательству, и тебя напечатают, не обращая внимания ни на содержание, ни на форму подачи.

Словом, традиционная бумажная книга была, есть и будет достойным человечества. Однако прогресс на то и существует, чтобы отыскивать новые формы воздействия художественной литературы на сердца человеческие.

Ирина Кедрова, г. Москва

ПОЗНАЙ, ГДЕ СВЕТ, ПОЙМЕШЬ, ГДЕ ТЬМА.

Эти строчки Данте, которыми я озаглавила свои размышления о соотношении «бумажной» и интернетовской художественной литературы в современном творческом процессе весьма актуальны, так же как и высказывание писателя Евгения Замятина, что «у русской литературы осталось одно будущее — это ее прошлое».

«Человек узнается по делам его», — написано в Библии.

Хорошая литература, которую хотелось бы определить, как русская словесность, узнается по содержательности, по безупречной форме и стилю, по колоритному, живому, полному экспрессии великому русскому языку. Думаю, что говорить о конкуренции между теми авторами, кто серьезно, профессионально относится к литературному творчеству и пишет действительно хорошо и интересно, не приходится, независимо от того, издается ли книга обычным традиционным «бумажным» типографским способом или же она помещена в Интернет.

Но, к сожалению, сегодня многое из духовного опыта великой русской классической литературы утрачено, и интересных по содержанию, по форме, по богатству языка произведений не так уж и много, как среди художественной литературы, изданной в типографии, так и в электронном варианте. И те и другие авторы все реже радуют читателей, не успевших за период перехода к рыночным отношениям испортить свой художественный, эстетический вкус. Такое ощущение, что, как писал Давид Самойлов: *«Смежили очи гении. Нету их и все разрешено».*

Можно много говорить об Интернете, как о прогрессивном открытии, производшем своеобразную революцию и в книгоиздании, но, при всех плюсах, это привело к тому, что открылась свободная, широкая дорога в литературу дилетантам, графоманам, литературным поденщикам, просто безграмотным и даже невежественным людям.

Легкость публикации в Интернете (как и в бумажном варианте при наличии финансов), искушение стать известным, «оставить след» толкают в литературу не только людей способных к творчеству, но и далеких от него, не понимающих, что писательство — это титанический труд, требующий глубоких знаний и жизненного опыта. Сегодня в литературе немало тех, кто не знает элементарных правил и традиций литературного процесса, норм этики, не способных к самоцензуре, допускающих неряшливое отношение к языку, не соблюдающих элементарных правил орфографии и пунктуации. Один за другим открываются сотни сайтов и блогов, в которых новооявленные «литературные гении» размещают все, что придет в голову, не задумываясь, «как слово наше отзовется». Отсюда и угроза того, что словарь ненормативной лексики уже скоро достигнет размеров энциклопедии. Агрессивное невежество и интеллектуальное бессилие соседствуют в многочисленных худосочных произведениях поэзии и прозы, лишенных сложности и многоцветности жизни.

Для создания настоящего художественного произведения нужна длительная работа ума и сердца. А. С. Пушкин писал Евгения Онегина 7 лет 4 месяца 17 дней. Виртуальные писатели создают на своих сайтах в Интернете бессюжетные поэмы и вялые повести за несколько часов.

А сколько коммерческих предложений в Интернете, приглашающих участвовать в литературных проектах. Правда, не меньше их и среди тех, кто предлагает за определенную немалую мзду перевести на любой язык «бумажное» творение и распространить его за рубежом. Предлагают «устроить рецензию», «найти рынок сбыта», «организовать диплом, юбилейную медаль, престижную премию».

Когда-то Юрий Визбор пел: *«Все на продажу понеслось. И что продать, увя, нашлось»*. Те, для кого строки Пастернака *«Цель творчества самоотдача, а не шума, не успех»* только слова, а главное быть *«притчей на устах у всех»*, видно, не понимают, что доброе имя, талант и любовь не для продажи. Но эти люди, непохожие друг на друга и своей манерой письма, и своими идеями, самоорганизуются, создают свои сайтовые сообщества, вступают в переписку и организуют свои издания, причем уже бумажные, то есть издают традиционные книги и сборники, разрабатывают и предлагают свои проекты. Сегодня книжная культура осваивается в новом контексте. В формате Интернета проходят дискуссии, работают книжные Интернет-магазины, Ассоциация электронных издателей. В процессе участвуют литераторы из различных городов России и Зарубежья, так как это проще, доступнее, дешевле, чем издание за свой счет полноценной традиционной авторской книги. В Интернете читателем может стать каждый пользователь, то есть миллионы людей, в то время как издать собственную книгу при скудных средствах издающего и безмерных аппетитах издателей доступно небольшим тиражом, которого только и хватит для родных, близких, друзей, да, может, несколько экземпляров купят на творческом вечере.

Поэтому и пользуются спросом эти коммерческие проекты, хотя в них отсутствует главное — истинная Любовь к отечественной художественной Литературе, уважение к литературному Слову и к читателю.

Жизнь невозможна без духовной составляющей. У Андрея Вознесенского есть строчка: *«Ностальгия по-настоящему»*. Сегодня мы ностальгируем о настоящем искусстве, о настоящих талантливых литературных прозаических произведениях, о полнокровной поэзии, об авторах, достойных представлять современную великую русскую литературу на мировой арене, где по-прежнему зарубежные читатели с уважением произносят имена Льва Толстого, Антона Чехова, Федора Достоевского...

Лично мне ближе и дороже бумажные издания хорошей интересной литературы и даже собственные тоненькие книжечки милее «опубликованных» подборок в виртуальных интернетовских журналах.

Признаюсь, что не могу пройти мимо выброшенных книг, и среди «спасенных» немало по-настоящему ценных и редких изданий, уникальных художественных произведений. Начитавшись вдоволь на ночь, убираешь книгу под подушку и, засыпая, слышишь живые интонации персонажей.

И поэтому, хотя Интернет и стал неотъемлемой частью нашей жизни во всех ее проявлениях, в том числе и частью литературного процесса, теплое, живое слово на пожелтевшем от времени бумажном листке, он не победит. Недаром же растет число книжных ярмарок и фестивалей. Прошедший недавно 7-й Международный открытый книжный фестиваль, показал, что активные, думающие читатели не желают быть только потребителями виртуальной информации в Интернете, а хотят сами участвовать в литературных дискуссиях, круглых столах, встречах с авторами, хотят, чтобы услышали и их голос, их требования к современной литературе. На фестивале было организовано 150 мероприятий, посвященных литературному процессу в рамках книжного форума, где были представлены книги разных жанров, благодаря которым формируется собственный взгляд на современное культурное пространство, на отечественную литературу, которая учит сопереживать и сострадать, пробуждает добрые чувства.

Творчество — это процесс счастливый, но сложный и временами мучительный, о чем известно не только из собственного опыта, но и из признаний действительно гениальных писателей.

Публикации в Интернете сеют иллюзии, что творчество доступно всем. При таком подходе мы можем оказаться перед угрозой утраты подлинной культуры, прийти к интеллектуальной, духовной опустошенности.

В Интернете, да и в традиционной литературе, наблюдается пестрая мозаика литературных нравов и оптимистической риторикой не скрыть драматизма положения. За яркими обложками скрывается серость и убогость мысли, содержания, формы. Публикации зачастую зависят не от таланта, актуальности темы, интеллектуального культурного богатства, а от коммерческой составляющей. Ремесленничество, не оцененное талантом, всегда было врагом любого искусства.

Когда-то Владислав Ходасевич, ныне забытый поэт, считавший себя учеником А. С. Пушкина, написал: *«Всему живущему идти путем зерна»*.

Зерна от плевел отделить бывает трудно, но делать это необходимо, чтобы русская литература проросла злаками, а не сорняками, сохраняла свое прошлое величие и умножала новые заслуги, оставалась бы той литературой, к которой во всем мире продолжают относиться с любовью, интересом и уважением. И я позволю себе закончить свои размышления стихами, которые сложились в ходе этой дискуссии, тем более, что Валерий Брюсов называл «язык поэзии наиболее совершенной формой речи».

*В защиту языка родного,
Что был опорой нам века,
В защиту пламенного слова,
Что будоражило сердца,*

*В защиту ручки и бумаги,
И книжных трепетных страниц,
За книгу, что подобно браге,
Строкой восторженной пьянит,*

*В защиту пишущей машинки,
В защиту чистого листа,
Когда жемчужиной ложится
За строчкой новая строка,*

*Я голосую. С Интернетом
Пришел прогресс. Здесь спора нет.
Но в руки книгу взять поэта,
Когда в окне мелькнет рассвет,*

*Взять теплую, из-под подушки
И, ощутив ее тепло,
Понять, Шекспир, Мольер и Пушкин
Душе приносят торжество.*

*Подобно буйству океана,
Живою кажется строка,
Нам с книгой расставаться рано.
В ней мысли, чувства. В ней душа.*

*Спор ни к чему. Не надо крика.
Пусть процветает Интернет.
Стоять на полке будет Книга
И через много-много лет.*

*Зерно среди плевел отыщет
Читатель, чтоб суметь понять,
Что не бывает Книга лишней.
Как карандаш, перо, тетрадь.*

Людмила Авдеева, г. Москва

* * *

В отношении сетевой и печатной литературы скажу следующее. Как читатель, я «консерватор» — то есть предпочитаю книгу печатную. Как человек пишущий, могу лишь радоваться достижениям Интернета, дающего куда больший охват аудитории, чем ничтожные тиражи. Уровень сетевой словесности, по большей части, удручает. Но, объективно говоря, уровень печатной удручает несколько не меньше. А, пожалуй, и больше — потому как печать еще кто-то и финансирует. В море графомании тонут крупницы настоящих талантов. Можно ли винить в этом сеть? НЕ уверена. Потому что тем крупницам, большей частью, оказываются закрыты печатные издания, и без Интернета их участь была бы — писать в стол.

**Елена Семенова,
редактор журнала «Голос эпохи», г. Москва**

* * *

С огромным интересом прочла размышления неравнодушного к судьбе российской литературы (и литературы вообще!) автора Алексея Яшина. Для меня это чтение было не только увлекательным, но очень полезным и образовательным. С удовольствием освежила свои, увы, немногие знания в области образования древней письменности, с вниманием проследила тенденции ее развития вплоть до наших дней. Обогатилась — несомненно! Для меня, человека, не задумывающегося столь глубоко над влиянием компьютерных технологий и коммуникаций на нашу жизнь, быт, тонкости человеческого сообщения, литературного самовыражения, статья явилась открытием. Она заставила меня остановиться на многих любопытных моментах, соразмерить с авторскими свои собственные ощущения в процессе общения с компьютером. Прогресс неизбежно внедряет в работу литераторов современные инновации, и результат этого внедрения (согласна!) необходимо всесторонне изучать! Рада столкнуться со столь серьезными исследованиями языка, литературы и духовности человечества. Спасибо за затронутую здесь важнейшую тему!

P.S. Мне лестно участие в таком интересном проекте в Вашем Журнале. Жаль, что для серьезных дебатов я не имею столь широких познаний в нужной области, но все-таки хочу добавить, что давно замечаю разницу восприятия текста на бумаге и на экране... Например, с книгой могу «просидеть» до утра, но даже с самым любимым произведением в компе через час засыпаю.

А еще, лучшие стихи чаще записываются на карандаш, на клавишах же — стихосложение зачастую теряет свой вкус.

Тамара Соловьева, г. Псков

* * *

Прочитала, очень понравилось. Согласна с позицией автора. Умная вещь. После прочтения задумалась над реальностью. Но, как ни крути, колесо истории не остановить. Надо, конечно, стараться сохранить самое ценное — ОБЩЕНИЕ друг с другом ВЖИВУЮ, Доброту и Любовь. Тогда Мир обретет живые краски в мышлении и действиях.

Валентина Белевская, г. Тула

* * *

Тема, предложенная главным редактором «ПЗ» для дискуссии, интересна и своевременна: «бумажная» и «компьютерная» литература. Но сначала договоримся о терминах. Текст, набранный на компьютере, может быть представлен читателю на бумаге. «Бумажная» литература пишется гусиным или железным пером. Или на пишущей машинке. Но сразу на бумагу. Текст отсылается в издательство и там печатается в виде книги, брошюры — и там же осуществляется компьютерный набор и на компьютере — изготовление оригинал-макета. Грань в этом, технологическом плане между двумя литературами стирается.

Из контекста «Циркулярного письма», позвавшего к дискуссии, следует, что под «компьютерной» литературой разумеется та, которая создается на этом современном электронном «орудии» писательского труда и остается в электронном виде и посылается в мир в этом же самом виде.

Таким образом, если так понимать предложенный А. А. Яшиным термин «компьютерная» литература, тогда разница ощутима и заслуживает обсуждения.

Мне кажется, что дело не в способе написания текста: от руки или набор его на компьютере. Кому-то нравится водить скрипучим пером по бумаге. Несомненно, процесс медленный, мысль, наносимая на бумагу, созревает лучше. О вдумчивом, нередко трудном процессе создания текста свидетельствует изгрызенное перо и многочисленные правки на бумаге. Над черновиками склоняются исследователи и воссоздают, и анализируют творческий процесс. При компьютерном письме черновика нет, и не может быть. Еще одна ощутимая разница. Как теперь будут литературоведы и текстологи постигать и анализировать творческий процесс компьютерного автора, никому пока неизвестно. Но, уважаемые современные читатели, надобно знать, что рукопись от руки автор относит (относил) к издателю, там переписчики переписывали текст набело, а потом он шел в типографию, где наборщики набирали текст свинцовыми буквами, страдая через десятки лет тяжелого труда от отравления свинцом. При компьютерных технологиях этой беды не будет.

Может ли назваться гедонизмом труд современного автора, пользующегося компьютером при создании текста? Если да, тогда все, что происходило и происходит в сфере создания материальных и духовных продуктов — от способа добывания хлеба насущного, строительства удобного человеческого жилья, новых видов передвижения в пространстве, создания зрительных образов, передачи мысли на расстоянии и т.д. и т.п., надобно будет назвать неизбывным стремлением человечества к гедонизму. Можно по-разному к этому неудержимому стремлению человечества относиться, но оно никогда не откажется от удобств существования, повышения производительности труда, от облегчения и ускорения творческого процесса в любой сфере.

Согласится ли современный автор выбивать на камне свои письмена, брать в руки стило и водить им по непросохшей глиняной табличке, кисточкой писать по рисовой бумаге, изобретенной трудолюбом-китайцем? Вряд ли. Есть более удобные и скоростные способы это сделать.

Пользование автором авторучкой, пишущей машинкой, наконец, компьютером вряд ли можно отнести к порицаемому уважаемым Алексеем Афанасьевичем гедонизму. Создание текста труд, порой тяжелый и мучительный, и любые способы его написания не делают его легче. Речь, конечно, о подлинно творческих текстах. Правда, были и есть авторы, у которых этот процесс легок и стремителен. Но даже у гигантов литературы, у Л. Толстого, например, он был трудным и кропотливым.

Можно говорить о гедонизме самих авторов. Это было. И, кажется, есть сейчас. Например, А. Дюма-отец, Ги де Мопассан, Оскар Уайльд. У американцев — Скот Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй. У немцев — Э.-М. Ремарк. У нас — Н. Некрасов, может быть, И. Северянин. Русские авторы менее склонны быть гедонистами, ибо всегда полагали свое творчество и жизнь, как служение возвышенной идее, сопереживание униженным и оскорбленным. Гедонизм по жизни, да. Но о гедонизме за письменным столом вряд ли можно говорить.

Чем отличается процесс создания текста за компьютером от такого же процесса старыми, «дедовскими» способами? Не скоростью только. Это маловажное отличие. Отличается искушением собственного впечатления о тексте, высветившимся на экране, как уже готовом, завершенном. Выглядит красиво, как уже напечатанный в книге. Все исправления тут же можно сделать, все помарки и ошибки стереть, сидя за клавиатурой. Текст, как конфетка, залюбуешься. Потирая руки, так и хочет автор воскликнуть: «Ай, да Пушкин (в смысле имярек), ай, да сукин сын!» Против этого искушения устоять трудно. Не устоишь, текст получается легковесным, слабым, как недоношенный ребенок. Опытный текстолог без труда догадается, каким способом письма пользовался автор.

Мне трудно судить, рассылают ли «компьютерные» авторы свой текст «веером», сразу по нескольким адресам. Привержен «ПЗ». Строго соблюдаю требование редакции присылать CD и распечатанный бумажный вариант материала для публикации. Всегда хочется видеть свой текст напечатанным на бумаге. Пишу на компьютере, не вижу в этом греха. Но из-за слабости зрения распечатываю первоначальный вариант, правлю по бумаге, и снова возвращаюсь к компьютеру. Иногда не один раз. Что получается, судить не мне.

Самая большая и не в пользу компьютера разница между текстами — бумажным и компьютерным — это зрительное впечатление. Иногда в метро заглядываю через плечо пассажира, читающего электронную книгу. Не знаю, что читает, что написано. Речь о другом: никакого эстетического удовольствия — сероватый фон и черные мелкие, густо поставленные буквы — официальный документ, да и только. От него веет скукой и однообразием. Книга — это произведение искусства. Завлекает эстетика оформления, расположение текста на странице, разнообразие шрифта. Даже с научным текстом книгу приятно держать в руках.

Никогда не читал тексты с компьютера, с электронной книги. Судить трудно, сколько в них «дискретного (цифрового) мышления» и «гедонизма авторов», сколько в них фантазерства и отражения виртуальной, а не реальной, настоящей жизни. Каждый пишет, как дышит. Чем «дышат» компьютерные авторы, не знаю.

Упрек, брошенный современным авторам в «обесцвечивании образности» (понимай, описательности) и в «обилии диалогов» (голливудские сценарии) в их текстах заслуживает подробного рассмотрения, и может стать предметом следующего раунда дискуссии на страницах «ПЗ». Слишком сложная и неоднозначная тема, чтобы без глубокого продумывания присовокуплять ее к предмету обсуждаемого «Циркулярного письма».

Практику подбрасывания авторам и читателям тем для дискуссии, начатую по инициативе главного редактора журнала, считаю интересной и полезной, заслуживающей продолжения.

P.S. Интересно, уважаемый Алексей Афанасьевич текст «Циркулярного письма» набирал на компьютере или сначала писал пером на бумаге?

***Рудольф Артамонов,
лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, г. Москва***

От главного редактора: *Уважаемый Рудольф Георгиевич! Сразу отвечаю на Ваш постскриптум. Мы с Вами — научные коллеги в области биомедицины: встречались и беседовали в Туле. Я также под Вашим кураторством уже не один год публикую в «Медицинской газете» продолжающийся цикл очерков о воздействии слабых электромагнитных излучений на организм человека.*

Являясь руководителем Тульской научной школы «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», слишком много знаю о негативных последствиях «общения» человека с компьютером, сотовыми телефонами и прочими «гэджиками».

Все, что я пишу, — а это очень большой объем: от журнальных статей до художественных и научных книг, — только «от руки».

Что же касается компьютерного набора моих рукописей, то на своей кафедре в университете и в редакции «Приокских зорь» в штате имеются технические работники для этого дела, сами выбравшие эту профессию.

...Словом, обычное разделение труда: см. первый том «Капитала» Карла Маркса о разделении труда при переходе к мануфактурному производству.

ЧТО ЖЕ ВЫБРАТЬ: КНИГУ ИЛИ КОМПЬЮТЕР? ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЦЕЛИ, КОТОРУЮ СТАВИТ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД СОБОЙ.

Моя внучка любит слушать перед сном сказки. И устроивши голову на подушке, натянув теплое одеяло, с требовательной надеждой просит: «Дедушка, почитай». А если ребенок просит почитать, тут уж надо отложить все свои дела, таковы правила жизни в нашей семье. Слушает она внимательно, не перебивая. Лишь порой, если вдруг незнакомое слово, просит пояснить, что оно обозначает. Сейчас она уже достаточно взрослая, седьмой год, читает бойко сама, но слушать, когда я читаю, любит по-прежнему.

Читаем мы с ней толстую книгу — это сказки братьев Grimm. Но когда были поменьше и дети, и внуки — читали книги Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Сергея Михалкова, других детских поэтов и писателей. «Незнайку» Николая Носова читали «до дыр». Книги эти, как всегда, красочно оформлены, в основном, с иллюстрациями, и читали их не только на «сон грядущий».

А сейчас, когда приходят старшие внуки, а им уже 11 и 13 лет, то первое, что они говорят, еще от порога: «А можно нам компьютер включить?». И хотя компьютер я использую, в основном, для своих литературных упражнений, разрешаю им устанавливать на нем игры. Без компьютера нынешние детки не представляют для себя существования.

И как тут однозначно ответить — книга или компьютер?

К постели внучки я не принесу компьютер, хотя этого сейчас и не требуется, многие чудеса техники умещаются в ладони. А как же шуршащая страница или иллюстрации? На которых можно делать своей детской рукой поправки во внешности героев книги. Например, нарисовать очки Иванушке дурачку, или пририсовать рожки Мальчишу-плохишу? Это, конечно, шутка.

Но книга или компьютер? И не мыслю я себя, человек довольно взрослый, немного с отсталым мышлением, сформированным бытом и учителями прошлого века, без компьютера. Но читать предпочитаю книгу, держа ее в руках, когда через осязание чувствуется биение жизни в ней. А может, это только мое — устаревшее, основанное на классическом, ушедшем обучении — мнение?

Ведь в далеких 50-х и 60-х годах прошлого столетия и помыслить себе было невозможно — чтение книги на экране телевизора. Книги кочевали из рук в руки, были потрепаны, а это — основной признак их популярности и читаемости. Часами я мог ходить между стеллажей библиотеки, хотелось читать и эту книгу, и вот эту... Выбрать было трудно, а теперь совсем не надо никуда ходить... Все, как говорится, под боком.

Наступает эра разобщенности, равнодушия, неосознанного эгоизма. Жизнь в Интернете, где нет места грамотности, уважения (ведь можно говорить, что хочешь своему собеседнику, не глядя ему в глаза). А можно и вообще не обращать внимания на его слова, отмахнуться и нахамить.

Компьютер или книга? Не мудрствуя лукаво, набираю слова в поисковике, одним щелчком выхожу в какой-то сетевой журнал, где сейчас обсуждается этот вопрос. Читаю ответы респондентов за множеством псевдонимов. Так это принято в сети, люди стесняются, что ли высказывать открыто свои мнения? Из 76 ответов, 72 человека отдали свое предпочтение книге. Вот!

Для меня книга — живой организм. Я ощущаю в руках присутствие живого существа, которое доверяет мне свои тайны, и я порой прижимаю книгу к себе. Конечно, это чисто субъективное восприятие, воспитанное в годы советского реализма, когда книга была духовным наставником и другом, учителем и просветителем. Когда одиночество не могло быть одиночеством. Она научила нас не чувствовать одиночества, а главное, не бояться его; человек думающий никогда не может быть одинок.

Чтение — это важнейшее составляющее развития духовности, интеллекта, культуры отдельного человека, а значит и нации. Была наша страна когда-то самой читающей... Теперь плееры в транспорте заменили книгу, общение. Чтение — это не только интересно, а прежде всего, это труд: интересный, доставляющий удовольствие, радость, но труд! Труд, вложенный в самого себя.

Нет у меня однозначного ответа. Главное — читать! Нынешняя молодежь выбирает современную и гибкую информационную систему. Как выбирать? А это уже зависит от учителей, воспитателей, наставников в семье, в школе.

Ведь и книга, и компьютер — имеют свои преимущества и неповторимы по своему. Книгу читаешь и осмысливаешь наедине с собой, а используя компьютер, можешь тут же вступить в дискуссию о прочитанном.

Сам я столкнулся с огромным информационным потоком в сети, когда взялся за работу над повестью о своем отце. Разве мог я в библиотеке отыскать журнальные и газетные статьи довоенного и военного времени? Более пятисот различных документов прочитал и использовал для информирования себя.

Книга должна остаться другом, а компьютер — очень нужная современная техника.

Сергей Лебедев, г. Тольятти

В заключение от редакции. *Полагаем, что представленные материалы позволяют сказать, что дискуссия состоялась на достаточно широком представительском уровне. Материалов могло бы быть и больше, но «тик» дискуссии пришелся на жаркое лето со всеми его последствиями.*

Как всегда и уже традиционно промолчали — за единичным исключением — Тула (истинно: сапожник без сапог), где издается журнал, и Сибирь («Во глубине сибирских руд храните...» — например, молчание), имеющая в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику.

Обращаемся к главе тульских писателей, первому зам. главного редактора «ПЗ» Виктору Федоровичу Пахомову и к зам. главного редактора «ПЗ» по сибирским регионам Тамаре Анатольевне Булевич с настоятельной просьбой «расшевелить» своих подопечных литераторов к началу следующей дискуссии. А всем принявшим участие в настоящей дискуссии — большое спасибо!

ДУША, ЛЮБОВЬ И БОЛЬ

(О стихах Сергея Лебедева)

Недавно в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» вышел в свет сборник одного из постоянных авторов нашего журнала из города Тольятти Сергея Лебедева «Течет Ветлуга* в памяти». Читателям, знакомым с поэзией автора, хорошо известны истоки его творчества. Они в малой родине его родителей — лесной деревне Югары Варнавинского района Нижегородской области, в просторах СССР, по которым поколесила семья отца-офицера, в трудовых профессиях слесаря и аппаратчика, с которых началась трудовая деятельность автора, в его инженерном труде вплоть до главного специалиста крупного предприятия. И еще в истории России, в древних легендах своего края, во всем, чем жила, жива и будет жить наша страна.

Стихи Сергей Лебедев начал писать в юношеском возрасте. В настоящее время он является участником коллективных сборников, публикуется в литературно-художественных и публицистических журналах «Невский альманах», «Великороссь» и ордена Г. Р. Державина «Приокские зори», выпустил четыре авторских сборника стихотворений и две повести. Автор получил признание, он — лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова.

Сергей Лебедев говорит, что он не поэт, а лишь любитель поэзии. Скромности ему не занимать, но творчество его говорит об обратном.

Весь сборник «Течет Ветлуга в памяти», начиная от названия и кончая рассказом, завершающим книгу, пронизан любовью к малой родине.

*...Бродилось ли по свету мне,
Сиделось ли в тиши,
Но лишь места заветные
Мне трепетом души...*

(«Костры осин по рамени...», с. 9)

*От полей, от сохи, от невода
В горький воздух меня увели,
Но поверь, где бы не был я,
Не забуду ветлужской земли...*

(«От полей, от сохи, от невода...», с. 10)

Это не случайно, ибо чувство любви, верность и преданность переданы автору его родителями. И ответом живет в душе поэта неугасимая любовь не только к земле,

* Ветлуга — это река в центре Европейской части России, левый приток Волги.

но и к давшим ему жизнь на ней — к отцу и матери, к их делам и трудам. А через них и к стране, к ее истории, которая, как и страна, одна — та, что есть, и другой не дано.

*...Мне отец оставил в наследство
Сапоги, плащ-палатку, кинжал,
Горсть медалей простых, советских,
Чтоб я память о нем не предал.*
(Отцовские медали, с. 45)

Связь времен, дел и душ проявляется и в отношении к бездуховности и безответственности, царящим окрест. По-другому относиться к данным явлениям могут лишь воспитанные в соответствующем духе, либо добровольно эту связь разорвавшие.

*...Моя добрая, милая мама,
Твоих глаз до сих пор вижу грусть.
.....
С полок книжных и с телеэкрана
Безморалья, как прежде, стыжусь.*
(«Моя добрая, милая мама...», с. 54)

Как настоящий патриот Сергей Лебедев значительную часть своего творчества посвящает теме Великой Отечественной войны.

*...Как бы годы не жгли, над Землей не летели,
Нам судьба всех погибших набатом весной...*
(Неизвестный солдат, с. 117)

Очень хорошо эта тема раскрыта в поэме «Сны Анны». Стихотворные строки образно рисуют нам нелегкий женский труд на селе, в поле, без мужей и сыновей, ушедших на фронт, труд порой без техники и лошадей; и будни работы-войны, когда в ее первые годы с винтовками шли на пулеметы, «взяв помощником русский мат», когда о себе думалось в самую последнюю очередь; и страдающее от гибели однополчан и от грязи предательства сердце солдата; и разрывающиеся глубоко в тылу вражьи снаряды-похоронки...

Только прошедшие все тяготы войны и радость заслуженной Победы и их по духу наследники знают — Родину нужно защищать и на дальних подступах. Так понимаемый воинский долг может вызвать истинное сострадание и к судьбам воинов-афганцев:

*...Нас проводил вчера комбат,
Сейчас забыты мы страной...*
(Не вспомнят, с. 128)

Невозможно для любящего сердца равнодушие к судьбе многих современных деревень, тем более к родным, где неоднократно бывал и знал людей, чьи имена «как песню пою и как сказку читаю...»

*С глазницами пустыми вместо рамы,
Покинутые избы вдоль дорог.
Давно, как мертвые, не имут сраму,*

*И никого не ждут на свой порог...
...Покинутые избы у дороги,
И наклонило кладбище кресты.
А на иконах лики строги...
Прости нас, Родина, прости.
Уходит Русь в нескошенны травы,
И не прощает нам она,
Поклоны перед импортной травой,
Забывтые родные имена.*
(В родных местах, с. 14)

В том нет души, кто не жалеет об ушедшем: о великой стране, о ее социальных завоеваниях, о ее высокоподнятом знамени морали и нравственности. И в том нет разума, кто не понимает необходимости исторической преемственности, в том числе в преодолении смутных времен.

*...Даль горизонта блеснула огненно,
Словно россыпь зажженных углей.
Боже, неужто сгорела Родина,
Средь широких и снежных полей?*
(«Господи, мы и так напуганы...», с. 147)

*...Век двадцатый кончился бессильем,
Нет на карте древнего села.
Только бы история России
Мохом и травой не заросла.*
(Ченебечиха, с. 75)

Сергей Лебедев понимает, что древние легенды и предания — это те корни, из которых и растет древо народное, тот фундамент, на котором стоит состоящий из малых родин дом нашей большой Родины. Отсюда и любовь к легендам своего Ветлужского края, послужившим основой для венка поэм «Легенды Поветлужья». В написании их использованы работы ряда местных краеведов и историков, воспоминания жителей, рассказы и статьи, опубликованные в местной периодической печати, материалы из книг местных писателей. Вслушайтесь в названия этих легенд: «Ветлуга», «Мирошкина гора»^{*}, «Лялины горы»^{**}, «О Ляле-разбойнике, княгине, Бархотке и Шалухе», «Чертовка», «Ченебечиха»^{***}, «Песнь печали об Ирге», «Степанида ветлужская (Бабыя Гора)»^{****}.

*...Долго хранятся легенды о прошлом,
Их не засыплет забвенья песок...*
(Песнь печали об Ирге, с. 79)

Читающий строки этих поэм-легенд обретает уверенность в возрождении всего лучшего, что было, в развитии всего хорошего, что есть в наше время.

* Мирошкина гора — это самая высокая часть левого коренного берега Ветлуги под Варнавиным Нижегородской области, на местности, носящей название «Макарьевский бор».

** Лялины горы — возвышенный коренной берег Ветлуги на территории Варнаевского района.

*** Ченебечиху еще 25 лет тому назад покинул последний житель. Деревня опустела, дома начали разваливаться, зарастать травой и мхом.

**** Бабыя гора — название шихана (холма) с крутыми обрывами, который находится при впадении реки Усты в реку Ветлугу.

В замечательно описывающем сельский быт тридцатых годов рассказе «Рыбаки Ветлуги» автор пишет: «Сын всю жизнь восхищался отчаянным поступком отца, который, не раздумывая, бросился в ледяную воду реки ради общего дела». Вот наличие таких людей в нашем роду, в нашей истории и наша память о них тоже прибавляют нам веры в то, что:

*...Придет еще и на Ветлугу счастье,
Дорогу верную Россия обретет...*
(Письмо родителям, с. 25)

Сергей Лебедев — тонкий пейзажный лирик. Об этой грани его творчества можно много говорить, но лучше всего это видно из его поэтических строк:

*...Как люблю тебя я, русская гармошка,
Как люблю тебя я, русская земля!*
(На пристани, с. 19)

*...Сквозь туман седые ивы
Смотрят в зеркало воды,
Шепчут каплями игриво,
В зелень капают лады...*
(Утро на Оке, с. 15)

*Пожелтевшие смотрят березы
С удивленьем в озерную стынь.*
(«Пожелтевшие смотрят березы...», с. 35)

А стихотворения «Сырая капризная осень...» и «Осенний мотив» (сс. 114—115) и восьмистишья (сс. 107—110) можно назвать лучшими в лирике автора.

Безусловно, книга «Течет Ветлуга в памяти» понравится читателям и станет одной из лучших в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Как пишет в своем предисловии к книге главный редактор журнала А. А. Яшин: «...Его любовь, его душа, его боль буквально светятся сквозь каждую строку этой книжки».

Завершить же хочется словами самого поэта, автора книги:

*...Пусть же мой путь оборвется внезапно.
Что ж, синевы над собой не боюсь.
Даже, пускай не вернусь к вам обратно,
Хватит того, что увидел я Русь.*
(«Если мой путь оборвется внезапно...», с. 171)

Ярослав Брагин, г. Тула

КНИГА О ВЕЛИКОМ ИДЕАЛИСТЕ

(О книге Алексея Яшина «Катехизис идеалиста»)

Книга читается, что называется, на одном дыхании. Очень удачно, на мой взгляд, выбран жанр произведения — «роман-размышление». С первых страниц попадаешь в некий поток сознания «главного и единственного героя книги» — И. В. Сталина. Мое поколение воспитывалось в убеждении, что все достижения в период его правления — и коллективизация, и индустриализация, и победа в Великой Отечественной войне, и послевоенное восстановление,— связаны с героическими усилиями советского народа под руководством партии, а все отрицательное — раскулачивание, репрессии, просчеты и жертвы — с личностью тирана-вождя. В романе шаг за шагом развенчивается этот кому-то очень нужный идеологический миф. Перед нами предстает чрезвычайно мудрый, энциклопедически образованный руководитель государства, наделенный еще с юношеского увлечения стихосложением, чертами идеалиста-романтика. Образ совершенно непривычный для укоренившегося в обыденном сознании представления о большевиках как сугубых материалистах. Но, в то же время, показательно, что большевистские идеи революционного преобразования мира на основе отказа от биологического инстинкта накопительства, частной собственности привлекли на свою сторону многих известных поэтов Серебряного века.

Романтик Блок в поэме «Двенадцать», наверное, одним из первых подметил эту связь российской социалистической революции с воплощением идей Христа.

*...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес,
Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос.*

Романтический характер той эпохи отразился в произведениях Есенина, Маяковского, Горького, Платонова и многих менее известных мастеров слова. Вот как писал, к примеру, Павел Коган, погибший в 1943 году в бою под Новороссийском:

*Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода...*

Да что там поэты! В романе «Катехизис идеалиста» приводится факт, что «в Гражданскую войну в Красной Армии сражались до ста тысяч бывших царских офицеров, включая полковников и генералов, что было больше числа офицеров в армиях Деникина, Колчака, Врангеля и всех остальных белогвардейцев. Даже не простых, а с громким военным именем на слуху. Инспектором конницы Красной Армии почти до

самой Отечественной служил знаменитый Брусилов...» Такова притягательная сила идеи социальной справедливости — как равенства стартовых возможностей.

А вот сложнейшую работу по ее воплощению в масштабах огромной страны да еще во враждебном капиталистическом окружении пришлось выполнять И. В. Сталину. Только тайный идеалист и романтик мог справиться с такой задачей.

Роман «Катехизис идеалиста» воспринимается не только как художественное произведение, но, в какой-то мере, и как научный трактат и историческая энциклопедия. При этом даже там, где известные и малоизвестные факты из биографии или размышления вождя уступают место гипотезе, художественному вымыслу, не возникает сомнения, что так оно, скорее всего, и было. Роман буквально завораживает. Временами ловишь себя на мысли, что всецело находишься во власти ощущения, будто читаешь дневник Сталина, или вместе с ним вспоминаешь юность в родной Грузии, рассуждаешь о целях цивилизации, законах диалектики, национальном вопросе, русском народе, соратниках по партии, Великой войне и противостоянии с Западом. И на основе буквального погружения в воссозданный мастерским пером внутренний мир вождя начинаешь понимать, какое это непростое дело — управлять половиной мира.

Наверное, самое сложное было открыть современному читателю те идеи Сталина, которые тот не успел или не захотел опубликовать. В частности, тезис о том, что «настало время отлучить партию, во избежание греха, от администрирования, а всю полноту власти отдать Советам». Но эту идею, как показали дальнейшие события, осуществить так и не удалось, вернее — не дали. Хотя на одном из послесталинских съездов партии было заявлено, что победа социализма в СССР полная и окончательная (вопреки странному предупреждению патриарха об усилении классовой борьбы), спустя всего несколько десятилетий мы стали свидетелями и смены строя, и упразднения Советской власти.

У любого мыслящего человека (а именно на такого рассчитана книга) возникает вопрос: «Так что же, получается, что все героические усилия нескольких поколений и все жертвы были напрасны?»

«Без великих идеалистов даже сверхнаселенный людьми мир уподобится марсианской пустыне. Прежде всего — пустыне души». Таков оптимистический вывод романа.

Валерий Богушев, г. Воронеж

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ!

В редакцию поступают обращения с просьбой разъяснить сложившуюся практику распространения журнала «Приокские зори», где его можно приобрести, почитать и пр. Имеют свои вопросы и авторы публикаций в журнале. Несомненно, нас радует и ободряет все нарастающее внимание читающей публики. Постараемся ответить на основные вопросы.

Как значится на второй странице журнала, «Приокские зори» распространяются преимущественно в библиотечной сети. На сегодняшний день журнал регулярно поступает в Тульскую областную универсальную научную библиотеку (абонемент и читальный зал периодики), Детскую областную библиотеку, Тульскую областную библиотек работников образования, библиотеки Тульского госуниверситета (абонемент художественной литературы и читальный зал), Тульского госпедуниверситета им. Л. Н. Толстого, Культпросветучилища (ныне — колледж), Лицея на Пушкинской, Областного общества «Мемориал», музеев Тулы и Тульской области, в редакции общегородских газет, в ИПО «Лев Толстой» и в редакции альманахов «НЛО» (г. Новомосковск) и «Тула», в библиотеки тульских филиалов московских вузов.

По системе городского библиотечного коллектора журнал регулярно доставляется во все городские библиотеки:

- Центральная городская библиотека им. Л. Н. Толстого — абонемент и краеведческий отдел (ул. Болдина, 149/10);
- Библиотека № 1 (ул. Новомосковская, 9);
- Библиотека № 3 (ул. Октябрьская, 201);
- Библиотека № 4 (ул. Металлургов, 34);
- Библиотека № 5 (ул. Металлургов, 2«а»);
- Библиотека № 8 (Косая Гора, ул. Гагарина, 7);
- Библиотека № 18 (Скуратовский мкр-н, 1);
- Библиотека № 20 (ул. М. Горького, 20);
- Центральная городская детская библиотека (Красноармейский пр., 36);
- 14 филиалов названных выше библиотек.

По системе областного библиотечного коллектора ТОУНБ журнал регулярно поступает во все районные библиотеки Тульской области: Алексинскую, Арсеньевскую, Белевскую, Богородицкую, Веневскую, Воловскую, Дубенскую, Донскую, Ефремовскую, Заокскую, Каменскую, Кимовскую, Киреевскую, Куркинскую, Ленинскую, Новомосковскую, Одоевскую, Плавскую, Суворовскую, Тепло-Огаревскую, Узловскую, Чернскую, Щекинскую, Ясногорскую и в Новогуровскую поселковую библиотеку.

Как видно, любой житель города и области может знакомиться с содержанием выходящих и прошлых номеров журнала в наиболее удобном для него «территориальном» варианте.

С начала 2007 года аудитория читателей потенциально многократно возросла, поскольку «Приокские зори» в полном объеме публикуются в электронной форме на 270

сайте www.medsu.tula.ru (в pdf-формате) Интернета. То есть журнал стал доступен всем жителям России и знающим русский язык за рубежом.

Журнал имеет и приоритетную рассылку. Его получают лидеры ведущих фракций Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководители Тульской областной Думы и Администрации области, редакции ведущих литературно-публицистических газет России: «Литературной газеты», «Завтра», «Российский писатель». Доставляется журнал в Правление Союза писателей России. В рамках обмена содержимым «редакционных портфелей» «Приокские зори» получают Независимое литературное агентство «Московский Парнас», выпускающее одноименный альманах с ежемесячной периодичностью, и редакция старейшего литературно-художественного журнала «Подъем» (Воронеж), редакция журнала «Истоки» (Красноярск). Журнал получают центральные библиотеки Москвы, Рязани, Петрозаводска, Курска, Сургута, Фрязино, Новосибирска, Красноярска, СПб и ряда других городов. Журнал получают престижные библиотеки США: Библиотека Конгресса США и библиотека г. Сиэтла, а также Национальная библиотека Израиля в Иерусалиме.

Определенное число экземпляров (до пятидесяти) предназначается для организаций-издателей журнала: Тульской писательской организации Союза писателей России и Тульского госуниверситета. Не остаются без внимания и члены редколлегии.

Библиотечная, а теперь и по сети Интернет, форма распространения журнала полагается нами оптимальной для настоящего, начального, периода становления журнала, имея в виду относительно малый тираж его, хотя за прошедшее время он увеличился до 500 экз. Но это и немало, учитывая, что сейчас тиражи ведущих всероссийских «толстых» литературных журналов не намного больше.

В планах редколлегии на ближайшее время значится доведение тиража до 1000 экз., присвоение международного классификационного номера *ISSN* и включение в подписной каталог «Роспечати». С 2009 года журнал имеет госрегистрацию.

И еще одно обращение к руководителям библиотек школ и культпросветучреждений: если вы хотите регулярно получать (безвозмездно) наш журнал — сообщите об этом письменно главному редактору (адрес на второй странице журнала) с указанием своего телефона и/или *e-mail*. Начиная с предыдущих номеров журнал уже доставляется в ряд школ города Тулы. К сожалению, большинство школьных библиотек проявляет стойкую апатию...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России (см. информацию в начале рубрики «Хроника литературной жизни»). Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала, или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — представле-

нием этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» сам не имеет никакого государственного или частно-меценатского финансирования, поэтому не имеет возможности материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также выходят с указанием названия академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 10 экз., если хочет, чтобы книга рассылалась вместе с очередным номером журнала по адресам обязательной рассылки.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие книги:

1. *Московский Парнас*. Независимый альманах.— М.: Изд-во Независимого литературного агентства «Московский Парнас».— 2012, № 4.
2. *Александр Новгородский*. Зареве предзакатное: Стихи.— Махачкала: Изд-во «Тавраеъ», 2012.— 147 с.
3. *Сверья* быль и небыль: Антология современной прозы. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 240 с.
4. *Рука к перу*: Антология художественного перевода. Вып. 1.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 162 с.
5. *Смеяться, право, не грешно*: Антология современной сатиры и юмора. Вып. 1.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 184 с.
6. *Рождены для вдохновенья*: Антология современной поэзии. Институт кандидатов. Вып. 3.— М.: «Московский Парнас», 2011.— 176 с.

...Как заметил внимательный читатель, то есть знакомящийся с «ПЗ», что называется «от корки до корки», список книг в настоящем выпуске журнала достаточно скромный. Обычно мы помещаем библиографию полутора-двух десятков изданий. Впрочем, это объяснимо: завершается третий месяц ударно-жаркого лета: «Не до того, Федя, не до того...» — То есть не до издательских хлопот. На боевом посту только редакционные коллективы «Московского Парнаса» и «Приокских зорь».

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Алексей Яшин*. Видение на Патмосе: Роман-предвидение / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 407 с., илл. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *Алексей Яшин*. Квадратная пустота: Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 333 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алексей Яшин*. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 гг. / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: «Московский Парнас», 2012.— 480 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Ирина Пархоменко*. Маски: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 127 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Ирина Пархоменко*. Лепестки сакуры: Стихи.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2012.— 167 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» — приложение к журналу «Приокские зори» в I кв. 2012 года вышли следующие книги:

1. *Лебедев С. А.* Течет Ветлуга в памяти: Сборник стихотворений / Предисл. А. А. Яшина.— Тольятти: Типография ОАО «Куйбышев Азот», 2012.— 176 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова.

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звание лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть члены редколлегии, руководство организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений учредителей журнала. Читатели «Приокских зорь» также приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-ой стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания; например, имена лауреатов 2012-го года будут объявлены в № 1, 2013 «Приокских зорь». Также имена лауреатов объявляются в «Литературной газете». Лауреатам вручаются дипломы. С укреплением материальной базы журнала возможно расширение наградной символики. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс за 2013-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

О НАС ПИШУТ

В газете «Тульская правда» № 21 (708) от 27.06.2012 г. опубликованы материалы о творчестве члена редколлегии «Приокских зорь», известной русской писательницы

Наталии Диомидовны Парыгиной и о Первом Каверинском литературном конкурсе 2012-го года.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравляем нашего главного редактора, профессора Алексея Афанасьевича Яшина, ставшего лауреатом Каверинского литературного конкурса, проводившегося на Краснознаменном Северном флоте, в почетной номинации «За верность Северу и Флоту».

Поздравляем членов редколлегии «Приокских зорь» Леонида Васильевича Ханбекова (г. Москва) и Ефима Ароновича Гаммера (г. Иерусалим, Израиль), ставших лауреатами литературной премии им. Сергея Михалкова.

Публикуем ниже материал, полученный редакцией «ПЗ» из Иерусалима.

Член иерусалимского пресс-клуба, член редколлегии «Приокских зорь», писатель, журналист, художник Ефим Гаммер — лауреат международной премии по литературе им. Сергея Михалкова.

Одним из лауреатов 3-го Международного конкурса имени Сергея Михалкова, прошедшего в Москве, на лучшее художественное произведение для подростков стал иерусалимский писатель Ефим Гаммер, также широко известный в мире как журналист и художник. Его конкурсный роман «Приемные дети войны» был также отмечен Фондом «Русский мир». В оргкомитет конкурса имени Сергея Михалкова поступило более 600 рукописей от авторов из Аргентины, Беларуси, Израиля, Канады, Латвии, России, США, Украины, государств Средней Азии. 13 произведений, высоко оцененных членами компетентного жюри за глубину идеи, актуальность, владение художественными средствами и оригинальность авторской интонации, стали победителями этого международного соревнования русскоязычных писателей всего мира.

Герои романа Ефима Гаммера «Приемные дети войны» — это подростки 12—15 лет, они пришли на книжные страницы из реальной жизни. Владимир Гарновский, сын полка и кавалер ордена Славы, Николай Вербовский, партизанский разведчик, его двоюродная сестра Клава, Василий Гуржий, узник концлагеря, Григорий Кобрин, чемпион Белоруссии среди школьников по стрельбе из мелкокалиберной винтовки, задолго до появления на экранах фильма «Офицеры», усвоили, что есть такая профессия — Родину защищать. И они, наравне со взрослыми, заменив погибших родителей, отстаивают ее с оружием в руках.

По итогам Четвертого международного конкурса детской и юношеской литературы имени А. Н. Толстого (2011—12 гг.) Ефим Гаммер с этим же романом «Приемные дети войны» стал Дипломантом в номинации «Художественная проза для подростков». Отдельной книгой этот роман еще не издан. Автор открыт для предложений. Ефим Гаммер выпустил в свет 15 книг в Иерусалиме, Москве, Риге, он лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Среди них — Бунинская, серебряная медаль, Москва, 2008, «Добрая лира», Санкт-Петербург, 2007, «Золотое перо Руси», Москва, 2005, 2010, «Петербург. Возрождение мечты, 2003». В 2010 году Оргкомитет Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» наградила его именной медалью на постаменте с надписью, что Ефим Гаммер является одним из 50-ти «Лучших авторов нового тысячелетия». Награда вручена за создание нового жанра — повести и романа ассоциаций.

В 2009 Ефим Гаммер стал лауреатом международного конкурса военных писателей имени героя Советского Союза В. В. Карпова. И удостоен специального диплома за документально-художественную повесть «Феномен образца 1941 года» о единственном в мире во время Второй мировой войны глухонемом от рождения солдате,

защитнике Ленинграда, воевавшем в спецподразделении Никодиме Корзенникове. В 2011 году Ефим Гаммер удостоен в Москве за очерки «Юный кавалер ордена Славы» Диплома Первой степени на Втором международном творческом конкурсе «Вечная память», посвященном 65-й годовщине Победы во Второй мировой войне. Ефим Гаммер закончил отделение журналистики ЛГУ им. П. Стучки в Риге. Редактор и ведущий радио «Голос Израиля» — «РЭКА», автор радиожурнала «Вечерний калейдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов, художников, широко печатается в журналах России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводится на иностранные языки, его персональные выставки проходили в Доме художников Иерусалима, галерее «Нора», в Латвийском обществе еврейской культуры — Рига, он участник и лауреат многих международных выставок профессиональных художников во Франции, США, России, Израиле, Канаде, Австралии.

Авторский альманах «МагРем» и персональный сайт Ефима Гаммера, ссылка:

<http://www.yefim-gammer>.

Интервью с Ефимом Гаммером

<http://www.stihi.ru/2012/05/24/425>

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

300025, Тула, а/я 920, Яшину А.А.

Примите нашу искреннюю признательность за Ваше внимание к музею Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», за очередной номер журнала «Приокские зори» (№ 2, 2012), который Вы любезно передали в дар музею.

Особенно дороги для нас, сотрудников музея, материалы о Л. Н. Толстом: статья М. Г. Баланюк «Заветы Толстого — заветы Христа» о книге С. Норильского «При свете Христа и Толстого. Размышления о прошлом, нынешнем и будущем человеке» (Тула, 2010).

Заинтересовала нас также рецензия «О книге рассказов Геннадия Маркина», включая рассказы о Л. Н. Толстом.

Как и всегда, на страницах журнала представлен широкий спектр литераторов Тулы и области, литераторов России.

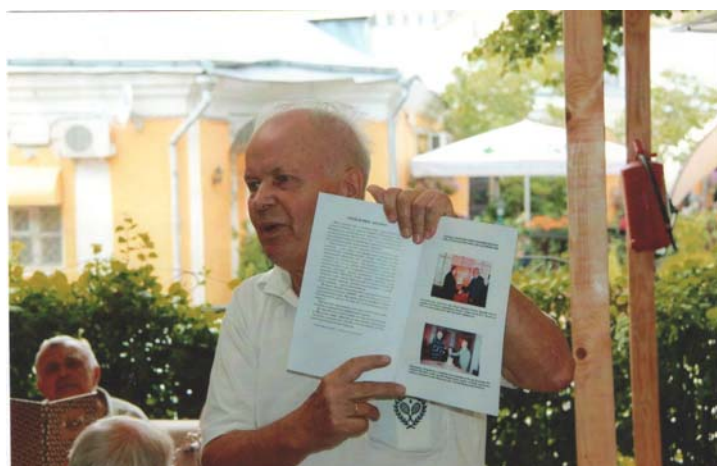
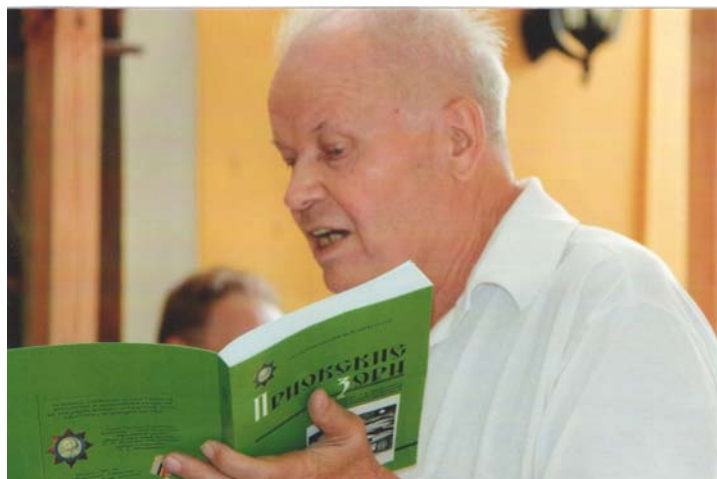
Все переданные Вами выпуски журнала «Приокские зори» хранятся в фондах нашей научной библиотеки: №№ 2, 3, 4, 2010 г.; №№ 1, 2, 3, 2011 г.; № 3, 2012 г.

Желаем Вам, уважаемые сотрудники редколлегии, здоровья и благополучия, творческих успехов и всего самого доброго!

С благодарностью:

Научный сотрудник отдела книжных фондов И. А. Бочарова

Леонид Васильевич Ханбеков знакомит членов Творческого клуба «Московский Парнас» с очередным номером «Приокских зорь» на очередном заседании клуба. Место заседания — Международное сообщество писательских союзов. Июль 2012 г. Фото А. Д. Остапова

В ИЗРАИЛЕ ЧТУТ ПАМЯТЬ О КРАСНОЙ АРМИИ

Уважаемый Алексей Афанасьевич! О памятнике Сталину в кибуце у меня нет сведений, и в Интернете я не нашел фотографии.

А вот гипсовый бюст Сталина, скинув гитлеровский в пропасть, устанавливал в ходе боевой десантной операции мой двоюродный брат Моисей Герцензон, впоследствии подполковник Советской Армии, а тогда выпускник военного училища.

Ниже мой рассказ на тему того, как это происходило, из повести в рассказах, написанной по семейным преданиям. И фото гипсового бюста на Эльбрусе, взятое из Интернета.

С уважением, Ефим Гаммер

СТАЛИН — ГИТЛЕР = ДЕСАНТ НА ЭЛЬБРУС

«Озлюсь на девушку-красу, и завалю лису в лесу», — сочинил, не думая, Костик Сирый, когда перед отбоем зашел в душевую, чтобы в здоровом теле иметь тщательно вымытый дух. На фанерном шкафчике была прикреплена бумаженция с надписью, старательно выведенной чернильным карандашом башковитым башкирцем из Уфы Алдаром Таштимеровым: «ЧИСТОЕБАННОЕ ПОЛОТЕНИЦЕ ДЛЯ МОЙКИ. Кол. 10 штук на момент закладки. Количество штук меняется в порядке употребления».

Расстегнув гимнастерку, Костик готов был уже стянуть ее через голову, как прозвучала сирена.

— Ро-о-та, тревога! — крикнул дневальный.

Личный состав военного училища выставили шеренгой в коридоре, между плакатов с призывами отдать жизнь за Родину и генералом из Генштаба, могучим, откормленным, в орденах и медалях, которого сопровождал знакомый уже Костику капитан Задолбов.

Он и выступил перед солдатами, во множестве своем не обстрелянными и оттого от ужаса храбрыми.

— На вашу долю выпало ответственное и исключительно почетное задание. Это я вам говорю, капитан Задолбов. Вызываются добровольцы.

Замполит начальника училища тут же поспешил с наводящим вопросом:

— Есть добровольцы?

Добровольцы? Строй курсантов молча шагнул вперед.

Приезжий генерал недовольно покосился на замполита, и тот проглотил, не разжевывая, следующий вопрос. А он, если отбросить секретность, гласил: «Кто из вас прыгал с парашютом?» И задать его, естественно, полагалось приезжему генералу.

Замполит отлично понимал: ни одни из его воспитанников к парашюту и не прикасался. А уж прыгать... Прыгали только через спину друг друга, когда ради «физиухи» играли в «Чехарду».

— Кто из вас прыгал с парашютом? — приезжий генерал задал главный вопрос сегодняшнего дня. — Шаг вперед — за предел шеренги! И в строй к капитану Задолбову!

Первым шагнул за предел, хоть никогда и не прыгал с парашютом, Моисей Герцензон, сын одесского ювелира Давида и его жены Мани, урожденной Гаммер. Только что он получил известие о том, что погиб его старший брат Леонид — краснофлотец-подводник, и теперь рвался в бой — поквитаться с врагом. Вторым шагнул за предел башковитый башкирец из Уфы Алдар Таштимеров. Он тоже не прыгал с па-

рашютом. Но имя требовало: Алдар — славный. Но фамилия велела: Таштимеров — это «таш» — «камень», а «тимер» — «железо».

И Костик Сирый, понятно, не прыгал с парашютом. Но разве мог он припоздниться. Если братаны по оружию произвели с двух боков от него волновое движение воздуха, и куда? Навстречу смерти! Нет, туда их одних он не пустит! И Костик, не медля, вышел из строя: погибать, так за компанию. Эта мысль, по невидимой инерции, передалась и остальным курсантам. Весь строй сделал шаг вперед, по определению, на тот счет и к бессмертию.

И тогда приезжий генерал раскрыл смысл задания Генерального штаба: от них, не имеющих представления, что такое стропы, купол, вытяжное кольцо, требовалось высадиться на Эльбрусе, согнать егерей отборной немецкой дивизии «Эдельвейс», установивших там мраморную фигуру Гитлера, и на смену каменному болвану впечатать на вершине гипсовый бюст Сталина.

Каждый из курсантов получил по одному Сталину, засунул его в вещмешок и, вооружившись винтовкой Мосина, рванул на аэродромное поле.

— От винта!

— Есть от винта!

...Одни погибли сразу же из-за неумения раскрыть парашют. Другие разбились об острые уступы каменных склонов. Третьи истекали кровью от ранений при штурме огневых точек и горных гнезд противника.

Костик Сирый летел сверху вниз, не думая о последствиях. Его мотало, как черт знает что в проруби. Наконец он приземлился, уцепившись за скалистый выступ. «Жив? — подумал о себе.— Жив! Жив!»

Когда человек остается в живых, он ищет себе подобных — живых. Костик так и поступил. Поискал и нашел.

Сначала он нашел башковитого башкирца из Уфы Алдара Таштимерова.

— А где Сталин? — спросил, видя, что тот без вещмешка.

— Оторвался от спины.

— Как?

— Дернул я за кольцо, меня самого дернуло, парашют раскрылся, Сталин оторвался. И в тьму-таракань — бац!

— Скажем по начальству, что прямо на врагов, как бомба, чтобы их разорвало.

— Скажем... А твоего Сталина поставим на место Гитлера.

Вытащили из рюкзака гипсовый бюст: глядь, а у него голова отдельно, торс отдельно.

— Что такое? Почему секир-башка?

Костик догадался о причине отсечения верхней конечности.

— Приземляясь, я на бок завалился. Вот... баюшки баю...

— Делают вождей из всякой дряни, — вздохнул башковитый башкирей.

— Не говори вслух, враг может услышать.

— А что говорить, если враг слышит?

— Будет праздник и на нашей улице! — Костик выдал подсказку напарнику по неприятностям, и будто передал пароль.

Услышал его Моисей Герцензон, и вышел на звук родной речи.

— Будем жить, ребята!

— А Сталин?

— Что Сталин?

— Цел-невредим?

— Что с ним случится? Цел!

— Тогда с Богом,— сказал башковитый башкирец, чтобы реабилитировать себя за потерю государственного имущества.

— Пойдем,— согласно кивнул Костик Сирый. И вопросительно взглянул на Моисея: как пойдем? Кругом шпреханье, неподалеку надрывается немецкий ручник МГ.

— Пойдем своим ходом,— ответил Моисей.

И они пошли своим ходом: пулей, штыком, гранатой. И с Богом. И со Сталиным. И не ведая, на кого уповать больше, добрались вплотную до геноссе Гитлера и сбросили его в пропасть. А на освободившийся бугор, как на пьедестал, поставили своего назначенца.

— Кто жив, к нам! — кликнули выживших.

Малая горсточка бойцов собралась вокруг Моисея Герцензона, Костика Сирого и Алдара Таштимерова и громыхнула салютом — в честь живых и мертвых. А на утро они сдавали под расписку о неразглашении лишних Сталиных завхозу военного училища. Взамен получали кубари в петлицы, по штуке, по две на брата, из рук приезжего генерала и предписание для отбытия на фронт, в действующую армию.

«МОНУМЕНТ ПОБЕДЫ» В НЕТАНИИ В ПАМЯТЬ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

25 июня 2012 года в израильском городе Нетания, на берегу Средиземного моря, торжественно открыт Мемориал Победы Красной армии над нацистской Германией. На церемонии его открытия присутствовали президент России Владимир Путин, президент Израиля Шимон Перес, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров и его израильский коллега Авигдор Либерман.

Фото Пресс-центра муниципалитета Нетании

Фото: Александр Астафьев

Внешний вид памятника

Мемориал состоит из двух частей: галереи-лабиринта из темного камня с барельефами, посвященными наиболее важным и наиболее трагическим страницам истории Великой Отечественной войны, и доминанты — символических крыльев Ники — богини победы. Величественные 15-метровые крылья Победы, созданные из белоснежного иерусалимского камня, сразу производят сильное впечатление (которое невозмож-

но передать на фотографиях). По общему признанию, памятник получился очень красивым. Но мемориал станет не только украшением средиземноморского побережья Израиля, но еще и весомым аргументом в борьбе с искажением истории войны и настоящим залогом развития российско-израильских отношений.

Фото: Е. Штерн

Фото: Шимон Бриман

По словам Б. Нетаньягу, Мемориал Победы выражает «огромное чувство благодарности русскому народу, который самоотверженно воевал с фашистами и сыграл ведущую роль в победе союзников во Второй мировой войне и в освобождении евреев из концентрационных лагерей».

Как создавался памятник

Хотя идея этого проекта принадлежала В. Путину и Б. Нетаньягу, изначально было решено возводить Мемориал Победы не за государственные средства, а за счет частных пожертвований. На самом раннем этапе этого проекта его генеральным спонсором стал Российский еврейский конгресс. Вместе с фондом «Керен ха-Йесод», которому Б. Нетаньягу поручил реализацию с израильской стороны, РЕК принял на себя обязательства сделать все, чтобы строительство памятника было закончено в кратчайшие сроки. Среди тех, кто внес через РЕК свое пожертвование на памятник, десятки людей. Это и крупные бизнесмены из списка Forbes, и известные общественные деятели, российские корпорации и просто неравнодушные люди, которым не безразлична память о Великой Отечественной войне.

Российский еврейский конгресс выпустил специальную памятную медаль с изображением мемориала, которая будет вручена тем, кто внес через РЕК пожертвование на создание памятника.

Авторы

Авторский коллектив проекта — из России: архитектор, народный художник РФ Салават Щербаков, скульпторы Василий Перфильев, Михаил Народицкий и Василий Данилов. Их проект победил на международном конкурсе, где участвовало более чем 70 работ. В состав конкурсной комиссии входили по два представителя от прави-

тельств России и Израиля, назначенные премьер-министрами двух стран, а также представители академических кругов и мэр Нетании.

Местоположение

Город Нетания был признан наиболее подходящим местом для сооружения такого мемориала. Это один из крупнейших городов Израиля, центр туризма и отдыха на берегу Средиземного моря: благодаря уникальным пляжам и многочисленным природным заповедникам Нетанию ежегодно посещают десятки туристов. В Нетании проживает 207 тыс. жителей, 60 тыс. из них прибыли за последние 20 лет из стран бывшего СССР.

Дальнейшее развитие мемориала

Российский еврейский конгресс будет способствовать развитию инфраструктуры Мемориала Победы, чтобы превратить его в место паломничества туристов, как из России, так и из других стран. Взаимодействуя с Центральным музеем Великой Отечественной войны на Поклонной горе, Российский еврейский конгресс планирует открыть рядом с памятником музей воинской славы. Кроме того, РЕК разрабатывает проект виртуальной аллеи памяти героев (имена ветеранов можно будет внести через информационные экраны на территории мемориала, а также через специальный сайт). Эти шаги позволят привлечь за рубежом дополнительное внимание к увековечению жертв и героев Великой Отечественной войны. Это особенно важно сегодня, когда в разных странах пытаются пересмотреть взгляд на историю Второй мировой войны.

Использованы материалы сайтов:

<http://www.rjc.ru/rus/site.aspx?SECTIONID=85646&IID=2130311>

<http://www.facebook.com/IsraelMay9>

<http://netania.israelinfo.ru/news/2124>

ПАМЯТНИКИ СТАЛИНУ

В США установлен первый памятник Сталину

В мемориальном парке американского города Бедфорд (штат Вирджиния), накануне 66-й годовщины высадки союзнических войск в Нормандии (6 июня 1944 года), был установлен бюст Иосифу Виссарионовичу Сталину. Он занял место рядом со скульптурами Рузвельта, Черчилля и Трумэна. Бюст является напоминанием о значительной роли И. В. Сталина во Второй мировой войне и, в частности, о том, что советские войска перетянули на себя все внимание гитлеровских армий, дав возможность союзникам беспрепятственно высадиться во Франции и открыть Второй фронт. Американцы, включая авторов монумента, считают, что без участия Сталина операция в Нормандии просто бы не состоялась.

<http://forum-msk.org/material/news/3309496.html>

В Израиле, в Мааган-Михаэль (кибуц на берегу Средиземного моря) установлен единственный в Израиле памятник Иосифу Сталину. К сожалению в Интернете фотографий не найдено.

В Скуратово Тульской области в музее на территории железнодорожного вокзала восстановлен в первоначальном виде памятник В. И. Ленину и И. В. Сталину. В Интернете фотографий не найдено.

Существующие памятники Сталину:

<http://forum.stalinanavas.net/viewtopic.php?f=6&t=185>

Россия, Москва, в Некрополе у Кремлевской стены.

Россия, Владимир.

Россия, Челябинск, в гимназии № 2.

Россия, Калининград, на Советском проспекте.

Россия, Ростовская область, Новочеркасск, в районе Красной роши.

Россия, Саратовская область, Аткарск, в парке-музее города.

Россия, Тульская область, Скуратово, на территории железнодорожного вокзала.

Россия, Сочи, памятник Сталину, Рузвельту и Черчиллю.

Россия, Мирный.

Россия, Тюменская область, Ишим, на площади возле райвоенкомата.

Россия, Северная Осетия, Ардон, во дворе школы № 2.

Россия, Северная Осетия, Комгарон, у здания администрации.

Россия, Северная Осетия, Алагирский район, Верхний Фиагдон, в Куртатинском ущелье.

Россия, Северная Осетия, Фиагдон, у въезда в поселок.

Россия, Северная Осетия, Бекан, база отдыха заповедника «Бекан».

Россия, Северная Осетия, Дигора.

Россия, Северная Осетия, Чикола.

Россия, Северная Осетия, Моздок, парк Победы.

Россия, Северная Осетия, Алагир, парк культуры и отдыха.

Россия, Северная Осетия, Эльхотово, у здания районной администрации.

Россия, Северная Осетия, Беслан.

Россия, Северная Осетия, Куртат.

Беларусь, Свислочь.

Беларусь, Минская область, Минский район, Лошаны, на территории Историко-культурного комплекса «Линия Сталина».

Беларусь, Слуцк, на территории городского предприятия — «СПМК-97».

Южная Осетия, Дзау.

Казахстан, Чимкентская область, Старый Икан.

Украина, Запорожская область, Михайловский район, Плодородное, на главной улице села на территории импровизированного музея по инициативе предпринимателя Леонида Верещаги.

Грузия, Гори.

Грузия, Хашури.

Грузия, Кутаиси.

Китай, Чанчунь.

Китай, Харбин.

Китай, Шэньян.

Израиль, Мааган-Михаэль, кибуц на берегу Средиземного моря.

Нидерланды, Гаага.

Нидерланды, Амстердам.

Литва, Алитусский уезд, Друскининкай, перевезен из Вильнюса в городской Парк Грутас (музей советского наследия).

Материал подготовлен Ярославом Брагиным, г. Тула

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Корректоры: В. В. Резцов, А. А. Яшин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы, Л. П. Хохлова
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

12+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для детей старше 12 лет.

ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Подписано в печать 01.12.2012
Формат 70×108/16. Печ. л. 17,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в издательстве Тульского государственного университета,
300012, г. Тула, проспект Ленина, 92

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал, как и большинство современных российских изданий, не имеет твердой финансовой базы. Издается он исключительно заботой и энергией редакционной коллегии. Кроме того, мы с самого начала издания журнала отвергли практику (порочную в своей основе) взимания оплаты публикаций с авторов.

Единственно, чем вы можете посылить помочь редколлегии — это снять с нее финансовую заботу по первоначальному компьютерному набору текстов ваших произведений. Понятно, что литератор любит писать «от руки», в лучшем случае — на пишущей машинке. Но, полагаем мы, все же задача компьютерного набора решается каждым из вас: наверняка у каждого есть родственники, знакомые, друзья, владеющие компьютерной грамотностью. Наконец, сейчас широко развита сеть наборных услуг, вполне приемлемых по цене оплаты. В конце концов, каждый может позаботиться о судьбе своего детища — своего произведения.

Поэтому просьба предоставлять свои произведения в компьютерном наборе: CD-RW с файлом текста и 2 экземпляра распечатки. Набирать текст шрифтом Times New Roman Ctr, размер 14 через 1,5 (компьютерных) интервала.

Обязательно приложите свое черно-белое или цветное фото и краткую биографическую справку.

Желательно все скомпоновать по образцу публикаций в «Приокских зорях». Просьба не присылать материалы «на выбор», а только то, что Вы хотите видеть опубликованным в одном номере журнала.

С признательностью — редколлегия журнала

ВИДЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
(Фото Геннадия Маркина)

Река Воронка, из которой Лев Толстой спасал тонущего итальянского философа Чезаре Ломброзо...

Окрестности деревни Грумант

ВИДЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ
(Фото Геннадия Маркина)

*Железнодорожная станция Козлова Засека;
отсюда начался путь Льва Толстого в бессмертие*

Кочаковский Свято-Никольский храм и семейная усыпальница Толстых